

С. Н. КОВАЛЕВ

ЭЛИНИЗМ Р И М

*Государственное социально-экономическое
издательство
Ленинградское отделение
1956*

История эллинизма и Рима проф. С. И. Ковалева является второй частью его курса истории античного общества, прочитанного в 1934/35 учебном году. Первая часть этого курса издана Соцэкгизом под названием „История античного общества. Греция“. Настоящая книга — первая попытка систематического изложения этой области истории с учетом всех достижений нашей советской историографии. Впервые указано место рабским восстаниям, той „революции рабов“, о которой тов. Сталин говорил на I Всесоюзном съезде ударников-колхозников. Обилие фактического материала делает книгу как необходимым учебным пособием для студенчества, так и справочником для преподавателей, и наконец руководством для самообразования.

Э Л Л И Н И З М

—

1. РАСПАДЕНИЕ МОНАРХИИ АЛЕКСАНДРА

Термины «эллинистическая эпоха», «эллинизм» впервые ввел в употребление немецкий историк Дройзен в 30-х гг. XIX в. (см. «История античного общества. Греция», стр. 45). Этими терминами он хотел обозначить период в истории восточного Средиземноморья, начиная с похода Александра Македонского и до завоевания Востока римлянами. Что же касается внутреннего содержания эллинистической эпохи, то Дройзен определял ее как период господства греков и греческой образованности среди «отживших культурных народов Востока».

Термины оказались очень удачными и прочно привились в науке. Но определение их, данное Дройзеном и в основном сохраняющееся до сих пор в буржуазной науке, для нас совершенно недостаточно. Прежде всего потому, что для Дройзена акцент в определении понятия «эллинизм» лежит на моменте культурном, на моменте распространения греческой образованности среди восточных народов. Этот последний факт должен был оказать известное влияние и на характер самой греческой культуры. В отличие от классической «эллинской», «национально»-греческой культуры, появляется «эллинистическая» культура, обнаруживающая черты «искажения», синкретизма, смешения элементов чисто-греческих с восточными.

Не отрицая большой роли, которую действительно играл в эту эпоху культурный синкретизм, мы, конечно, не можем положить «культурный» момент в основу определения целого исторического периода и должны искать более существенных признаков.

Прежде всего — территориально-хронологическое определение эллинизма. Здесь Дройзен в основном был прав, называя эллинистической эпохой период в истории восточного Средиземноморья от Александра Македонского до римского завоевания. Проникновение на Восток македонян и греков в 334—324 гг. образует действительно некоторую историческую грань. Правда, и эта грань, как и многие другие исторические даты и вехи, в известном смысле условна. Проникновение греков на Восток началось задолго до Александра. Еще с конца V в. они начинают наводнять персидскую монархию в виде наемников, купцов

•

п тому подобных элементов. В IV в. мы видим в Малой Азии государственные образования, напоминающие позднейшие территориальные эллинистические монархии. Таково, например, государство Мавзола с центром в Галикарнасе (первая половина IV в.), находившееся в номинальной зависимости от персов. Да и культурный синкретизм появился гораздо раньше собственно-эллинистической эпохи. Достаточно указать на образ египетского Аммона и его оракул, на поклонение которому ходил Александр. Уже в эту эпоху греки приписывали Аммону много черт своего Зевса.

Тем не менее только завоевание Александра пробило ту огромную брешь, через которую греческие элементы массой хлынули на Восток, и только оно создало все необходимые предпосылки для формирования эллинизма, как широкого исторического явления.

То же самое нужно сказать и относительно конца эллинистической эпохи. Таким концом является завоевание Востока римлянами. Но это завоевание растянулось почти на 200 лет (с 200 по 30 г. до н. э.). Различные области восточной половины Средиземноморья в разное время подпадали под римское влияние и включались в состав римской державы. Следовательно и здесь грань, отделяющая эллинистическую эпоху от римской, достаточно неопределенна. Условно можно остановиться на 30 г. до н. э., когда Октавианом был захвачен Египет — последнее из эллинистических государств, номинально сохранявшее независимость.

Что касается территориального распространения эллинизма, то его областью является восточная половина Средиземноморья. Но как хронологические рамки, так и территориальные границы эллинизма не всегда могут быть установлены с полной точностью. У некоторых ученых есть тенденция говорить об эллинистической эпохе в Сицилии, в южной Италии и даже в Риме. Применительно к Сицилии и «Великой Греции» (южной Италии) такая тенденция имеет некоторые основания. Поскольку это были области старой греческой культуры, старых греческих полисов, процесс разложения этих полисов, типичный для эллинизма, имел место и там. Имели место и другие явления эллинистической эпохи, например, в области идеологии. Достаточно указать на деятельность великого математика, физика и механика Архимеда, жившего в Сиракузах во второй половине III в.: Архимед — типичный ученый эллинистической эпохи. Но все-таки в наиболее чистой форме явления эллинизма выступают только в восточной половине Средиземноморья: в Греции, Македонии, Малой Азии, Передней Азии и Египте. Как далеко на Восток простиралась территория эллинизма — вопрос спорный. В какой мере можно, например, Парфию, Бактрию или западную Индию назвать эллинистическими странами? Мы еще очень плохо знаем историю этих стран

в эллинистическую эпоху и далеко не всегда можем сказать, в какой мере там были выражены греческие элементы.

К тому же нужно помнить, что эпоха эллинизма на Востоке может быть разделена на два периода с точки зрения той роли, которую играли там греки. До половины III в. эта роль была преобладающей: греки занимали командные посты в восточных государствах, руководили их экономической жизнью и т. д. Но затем начинается так называемая «туземная реакция»: местные элементы проникают в правящую верхушку, в армию, мало-по-малу захватывают в свои руки руководящую роль в экономике, усиливается значение восточных моментов в идеологии и т. д. Это обстоятельство еще более затрудняет точное проведение восточной границы эллинизма.

Но определение территориально-хронологических рамок эллинистической эпохи еще далеко недостаточно. Гораздо важнее определить самое существо эллинизма, т. е. характер его экономики и социальных отношений, форму государства и пр. Нужно начать с того, что хотя на всем протяжении восточного Средиземноморья в данную эпоху выступает ряд общих моментов, тем не менее территория эллинизма может быть разделена, с точки зрения внутренних процессов, на две области: Греция, с одной стороны, и Восток — с другой. Наиболее типично и полно специфические черты эллинизма выступают именно на Востоке — в Малой Азии, Египте и Передней Азии. С них мы и начнем характеристику внутренней природы эллинизма.

Эллинизм на Востоке, прежде всего, был продуктом греческой колонизации, особенно интенсивно протекавшей, начиная с эпохи Александра. Эта поздняя колонизация имела своеобразный характер, несколько отличающий ее от колонизации ранней поры греческой истории — VII и VI вв. Проникновение греков на Восток в IV и III вв. было результатом кризиса греческого общества, кризиса рабовладельческой экономики, кризиса полиса. Если в предыдущую эпоху греческая экспансия была продуктом полнокровия, то теперь, наоборот, она скорее результат анемии рабовладельческого полиса. Она в значительной степени была произведена «лишними» элементами греческого общества, продуктами его гниения — наемниками, люмпен-пролетариями и т. п. Большую роль в завоевании Востока, особенно в первый момент, играли и македоняне с их примитивной хищнической экспансией молодого рабовладельческого общества.

Правда, этот момент не следует переоценивать и отрицать всякое значение греческого торгового капитала в колонизации Востока. Несмотря на кризис, торговый капитал Греции был еще жив. Не будучи в силах пробиться в западную половину Средиземноморья, почти не находя себе применения в обстановке кризиса Эгейского района, торговый капитал имел перед собой один только выход — колонизацию Востока. Но это были уже остатки торгового

капитала. Завоевал и колонизовал персидскую державу не столько «действующий» торговый капитал, сколько «безработный». Деловые элементы греческого общества, не находя применения своим навыкам в обстановке все растущего кризиса, массами хлынули на Восток, где для них открывались гораздо более широкие возможности. Но там они выступали не столько в качестве самостоятельной силы, сколько в виде агентов и слуг новой греко-македонской земельной знати, захватившей политическую власть в централизованных эллинистических монархиях Востока.

Выше (см. «История античного общества. Греция», стр. 333—334) уже указывалось, что завоевание Александром персидской монархии было явлением прогрессивным. Оно уничтожило сгнившую паразитическую верхушку персидской деспотии и на некоторое время открыло дорогу развитию производительных сил. Такую же роль играла и греко-македонская колонизация. Деловые, предприимчивые греки, появившиеся на Востоке в виде купцов, предпринимателей, чиновников, управляющих и т. п., значительно оживили хозяйственную жизнь новых эллинистических монархий. Конечно, никакого принципиального изменения восточной экономики в эпоху эллинизма не произошло и не могло произойти. Социально-экономический строй в основном остался прежним. Как до завоевания, так и после него на Востоке существовала своеобразная разновидность рабства, более примитивная по сравнению с античным рабством. Греческий торговый капитал, колонизовавший Восток в период своего упадка, был не в силах поднять восточную экономику на более высокую ступень.

Но было бы ошибкой утверждать, что в эпоху эллинизма на Востоке не произошло никаких экономических сдвигов. Несомненно, усиливается рабство, — в особенности в многочисленных вновь основанных городах. Но оно не ограничивается только городами, а проникает и в деревню. Анализ папирологического материала показывает, что, например, в Египте III в. сельских рабов было значительно больше, чем прежде. Широкий размах приобретает эллинистическая торговля. В ее оборот вовлекается и периферия эллинистического мира: Аравия, Индия, Средняя Азия. При этом резко выступает государственно-монополистический характер торговли, особенно внешней; частный торговый капитал почти отсутствует. Напряженной экономической и культурной жизнью живут новые и старые эллинистические города: Александрия, Антиохия, Селевкия, Пергам, Эфес, Милет и множество других, более мелких.

Правда, в своем большинстве это уже не прежние греческие полисы, города-государства. Они входят в состав эллинистических монархий, и хотя многие из них пользуются некоторой автономией, но все-таки являются только составной частью территориальных монархий — основной формы восточного эллинисти-

ческого государства. Эта форма определялась характером восточной экономики, базой которой являлось как прежде, так в еще большей степени в эллинистическую эпоху, латифундиальное сельское хозяйство, связанное с ирригацией и сильно проникнутое государственно-монополистическими тенденциями (земля — собственность царя). Усиление этих последних вызывалось колониальным характером эллинизма, особенно в первое время его истории. Правящая греко-македонская верхушка, захватившая власть в бывших персидских сатрапиях, пытается создать себе прочную экономическую и социальную базу. Одним из средств укрепить эту экономическую базу является усиление государственной собственности и, в частности, государственной собственности на землю. Что же касается социальной базы, то она расширяется путем поощрения греческой колонизации, основанием новых городов, созданием института военных поселенцев — клерухов — из греков и македонян, развитием сложной бюрократической системы, в которой руководящую роль играют греки, и тому подобными мероприятиями.

Греко-македонская колонизация послужила предпосылкой для той «туземной реакции», которая началась, главным образом, с половины III в. (а в средней Азии и в Индии еще раньше), и о которой мы говорили выше. Она выражалась как в образовании «национальных» восточных государств в Индии, Бактрии, Парфии, так и в усилении роли туземных элементов в экономике и государственном аппарате Египта и Передней Азии. Это явление было вызвано в значительной степени толчком, данным греко-македонским завоеванием и порожденным им оживлением экономической и культурной жизни. Происходит ускоренная консолидация туземных элементов, и на этой базе вырастают сильные государственные образования поздней античности — Парфянское царство и др.

Таким образом, на Востоке эллинистическая эпоха знаменует собой подъем производительных сил, оживление хозяйства, рост политической и культурной жизни. Иную картину мы видим в Греции. Надежды Исократ на то, что македонское завоевание и колонизация Востока выведут Грецию из кризиса, не оправдались и не могли оправдаться. В IV в. греческие рабовладельческие полисы переживали не случайный кризис. Это было началом общего крушения рабовладельческого общества Эгейского района в результате развития внутренних противоречий рабства. Такое явление не могло быть остановлено ни завоеванием Греции отсталой Македонией, ни завоеванием Грецией восточных рынков.

Наоборот, колонизация Востока и расцвет эллинистических монархий только усилили общий кризис греческого общества. Решающую роль здесь играло перемещение торговых путей к юго-востоку. Возвышение Александрии, крупнейшего торгового центра, игравшего роль посредника между Востоком и Западом,

расцвет Родоса, купеческой республики, забравшей в свои руки почти всю торговлю в восточной части Средиземного моря, огромное расширение караванной торговли в Передней Азии, с выходом к морю в Сирии — все это окончательно убило старые греческие рынки. Основная торговая магистраль «классической» Греции — Понт — Эгейское море — теряет теперь всякое значение. Немалую роль здесь играли и передвижения туземных племен в районе Понта, нанесшие сильный удар греческим колониям. Роковое влияние на жизнь Греции оказала также борьба за гегемонию между мощными эллинистическими монархиями Востока. Стремясь к «мировому» господству, каждая из них старалась захватить в свои руки Грецию и Македонию, обладание которыми как бы давало санкцию этому господству. Балканский полуостров стал ареной бесчисленных войн, губительно отражавшихся на его экономике: торговля замирает, сельское хозяйство падает, большие пространства плодородной земли лежат необработанными (и это в Греции, где и без того было мало удобной земли!), крупные города хиреют.

Обстановка хронического и глубокого экономического кризиса естественно обостряла классовую борьбу в тех ее формах борьбы между имущими верхами и пролетаризирующейся массой, которые наметились уже в IV в. Все большее значение начинают приобретать выступления рабов.

Однако, картину этого кризиса Греции, как она ни верна в общих чертах, не следует схематизировать. Во-первых, кризис наступил не сразу. В первые десятилетия после завоевания Персии мы видим в некоторых греческих полисах (особенно в Афинах и в Коринфе) значительный подъем хозяйственной жизни. Главную роль в этом оживлении сыграли деньги, принесенные вернувшимися домой греческими наемниками. Известное значение имело также поступление дешевого хлеба из Египта и Сирии и большого количества рабов, выброшенных на греческие рынки. Но этот подъем был в значительной степени искусственным и временным. С III в. наступает новый упадок, из которого старые греческие полисы, в сущности, уже никогда больше не выходят.

Во-вторых, кризис захватил Балканский полуостров далеко не равномерно. Больно ударил он по старым торгово-промышленным городам-государствам восточного побережья, игравшим в «классический» период ведущую роль. Гораздо меньше коснулся он отсталых районов Греции: северной части Пелопоннеса, западных областей средней Греции, севера Балканского полуострова. Эти области в III в. переживают даже некоторый подъем. До IV в. там господствовали натурально-замкнутое хозяйство и примитивные общинно-родовые отношения. Но с IV в. начинает развиваться денежное хозяйство и усиливается социальная дифференциация, значительно увеличивается количество рабов, возникают городские центры.

Однако, общая обстановка не позволяла этим процессам достигнуть полного развития и сделать из отсталой части Греции наследника былого могущества Афин, Коринфа и Спарты. Конкуренция восточной торговли, подъем новых рабовладельческих центров в Италии, острая классовая борьба, кипевшая в Греции, неблагоприятные географические условия запада и севера Балканского полуострова — все это мешало расцвету рабовладельческого общества в отсталых районах Греции. Пора греческого полиса миновала. Вместо сильных городов-государств и союзов старого типа с полисом-гегемоном во главе, в III в. появляются государственные образования нового характера: «демократические» федерации мелких городов без сколько-нибудь резко выраженного господства одного центра.

Из таких союзов наиболее крупную роль играли два: Ахейский и Этолийский. Их образование было ускорено двумя моментами: необходимостью борьбы с растущим революционным движением бедноты и рабов и потребностью дать отпор Македонии и другим эллинистическим монархиям, сделавшим Грецию объектом самого бесцеремонного хозяйничанья. Обе эти задачи были, конечно, не по силам отдельным мелким полисам северного Пелопоннеса и средней Греции. Отсюда и явилась потребность в консолидации сил, приведшая к образованию союзов нового типа.

Такова самая общая предварительная характеристика эллинистической эпохи. В дальнейшем мы будем уточнять и развивать ее при описании отдельных эллинистических стран.

Теперь несколько слов об историческом значении эллинизма. В эту эпоху происходит до известной степени объединение двух исторических процессов, развивавшихся до сих пор более или менее изолированно: истории «классического» Востока и истории Эгейского бассейна. В эллинистический период было достигнуто довольно значительное экономическое, политическое и культурное объединение переднеазиатского, североафриканского и эгейского миров, объединение, подготовленное всем предыдущим развитием их. Это, в свою очередь, послужило базой для римского объединения Средиземноморья — последнего в истории древнего мира. Без эллинистических монархий, без их широких торговых связей и культурного синкретизма, без их тесных политических связей было бы невозможно образование мировой римской державы, последней стадии в развитии рабовладельческого общества Средиземноморья. Типичный для позднеримской эпохи культурный синкретизм, в форме которого новая Европа получила богатое античное наследство, являлся в своей основе синкретизмом эллинистическим.

Источники по истории эллинизма дошли до нас далеко не полно и неравномерно. Поэтому некоторые отделы эллинистической истории мы знаем неплохо, зато другие тонут в полном мраке. К сожа-

лению, до нас не сохранилась богатая современная той эпохе историография эллинизма. Погибли произведения Иеронима из Кардии (IV—III вв.), Дуриса Самосского (IV—III вв.), Тимея (IV—III вв.), Филарха (III в.) и других. Погибли ценнейшие мемуары крупных политических деятелей эллинистической эпохи: Димитрия Фалерского, Пирра Эпирского, Арата Сикионского и ряда других. Богатейший исторический материал, содержащийся в этой литературе, частично сохранился у более поздних историков: Полибия, Диодора, Ливия, Плутарха, Аппиана и Юстина (Помпея Трога), являющихся нашими основными литературными источниками по истории эллинизма.

К счастью, для некоторых частей эллинистического мира мы обладаем богатейшим материалом первоисточников. Таковы многочисленные папирусы, главным образом для Египта (а также «острака», т. е. обломки глиняной посуды, на которых писались мелкие деловые тексты), пергаменты и клинописные таблички для Передней Азии и, наконец, надписи для всего эллинистического мира.

Большое значение при изучении истории эллинизма имеют монеты. Для некоторых эллинистических стран, например, для Парфии и Бактрии, это почти единственный наш источник.

Значительный материал дают вещественные памятники эллинизма, ставшие известными благодаря крупным раскопкам преимущественно XX в. Многочисленные археологические работы велись и ведутся до сих пор на местах главнейших эллинистических центров Передней Азии, Египта, Малой Азии.

* * *

Тов. Сталин в статье «Марксизм и национальный вопрос» пишет: «... Несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» (И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1935, стр. 4). Действительно, «мировая» монархия Александра, простиравшаяся от Дуная до Инда, включавшая в себя самые пестрые в экономическом и культурном отношениях области, почти не связанные сколько-нибудь прочными формами обмена, была неизбежно обречена на распад. Она держалась, пока происходило завоевание, будучи не чем иным, как формой завоевания; она держалась личностью и авторитетом Александра, сумевшего временно подавить все центробежные стремления. Его смерть должна была развязать эти стремления.

Положение осложнялось тем, что Александр не оставил «законных» наследников. В момент его смерти его первая жена,

бактрийская принцесса Роксана, была беременна. Кроме этого в Пергаме у него был «незаконный» девятилетний сын Геракл, родившийся от Барсины, дочери персидского сатрапа Артабаза и жены Мемнона, попавшей после смерти мужа в плен к Александру. Но существовало еще одно лицо, которое могло стать претендентом на власть. Это — сын Филиппа от фессалийской танцовщицы Филины, по имени Арридей. Правда, он тоже был «незаконным» и к тому же слабоумным. Поэтому Александр в свое время пощадил его. Но теперь обстоятельства складывались так, что и эта ничтожная фигура могла сыграть некоторую роль.

Сейчас же после смерти Александра среди его генералов начались споры о том, как организовать власть в государстве. Хотя наши источники значительно расходятся в описании дальнейших событий, но в общих чертах картина рисуется следующим образом. Одни из приближенных Александра полагали, что нужно подождать родов Роксаны, и, если родится мальчик, то провозгласить царем его, а пока всю власть передать государственному совету во главе с Пердиккой, старым и авторитетным полководцем. Ему, по одной версии нашего предания, Александр в момент смерти передал свой перстень с печатью. Другие, в частности Птолемей, настаивали, что царя избирать вообще не нужно, а во главе государства поставить совет из правителей областей. Наконец, существовала третья точка зрения. В совете этеров ее представлял стратег Мелеагр. Она сводилась к тому, чтобы провозгласить царем Арридея.

Эту точку зрения можно назвать «национально»-македонской или, вернее, греко-македонской. Кандидатуру Арридея Мелеагр поддерживал следующими соображениями. Во-первых, он был сыном Филиппа; во-вторых, его матерью являлась гречанка, следовательно, в его жилах не было ни капли восточной крови; «расовая» чистота Арридея, следовательно, не подлежала ни малейшему сомнению.

Однако, точка зрения Мелеагра не встретила сочувствия среди этеров. Одержала верх группа сторонников Пердикки. Тогда в дело вмешалась македонская пехота. Мы уже видели (см. «История античного общества. Греция», стр. 334), что после разгрома греко-македонской оппозиции знати именно пехота стала носительницей «национальной» реакции против восточных тенденций Александра. Правда, в Описе царь пошел на значительные уступки, но противоречия не были целиком изжиты. Поэтому Мелеагру, потерпевшему поражение в совете этеров, ничего не стоило поднять в защиту своей точки зрения рядовых воинов. В еще большей степени здесь действовал антагонизм между крестьянской массой, организованной в пехоту, и знатью. Пехота провозгласила царем Арридея под именем Филиппа.

Македоняне стояли накануне гражданской войны. Во дворце, у тела Александра, произошли кровавые стычки, а затем кон-

ница вышла из Вавилона, в узких улицах которого ей трудно было бы сражаться, заняла окружающую равнину и отрезала подвоз продовольствия в город. Все понимали опасность междоусобной войны в данную минуту. Поэтому начались переговоры. В конце концов сошлись на компромиссе: царем будет Филипп Арридей; если Роксана родит мальчика, то ему надлежит быть вторым царем; регентство должно принадлежать Пердикке.

Успокоив таким путем пехоту, Пердикка расправился с Мелеагром: он и около трехсот его сторонников были казнены. Затем приступили к фактическому делению монархии под флагом распределения сатрапий. Греция и Македония остались под управлением Антипатра; Фракию получил Лизимах, Египет — Птолемеи; Каппадокию и Пафлагонию — Эвмен, начальник канцелярии Александра; геллеспонтская Фригия досталась Леоннату; так называемая «Великая Фригия» — Антигону; Сирия — Лаомедонту; Мидия — Пифону. Восточные сатрапии по большей части остались в руках старых правителей, назначенных еще Александром; в их числе было много персов.

Через несколько месяцев Роксана родила мальчика, названного Александром. По македонскому счету престолонаследия это был Александр IV. Таким образом, во главе колоссального государства стояли грудной младенец и полудиот. Всеми делами управлял регент Пердикка. Такое положение вещей не могло, конечно, содействовать сохранению единства монархии. Немедленно же началась бесконечно долгая и кровавая борьба между правителями сатрапий. Первые десятилетия, пока было живо старое поколение соратников Александра и еще жила идея «мировой» монархии, борьба велась, главным образом, за восстановление единства этой монархии, причем стремления «централистов» встречали энергичное сопротивление других сатрапов (впоследствии провозгласивших себя царями), прочно засевших в своих областях и не желавших никакой мировой монархии. При этом, как указывалось выше, одним из яблок раздора была Греция. Но и тогда уже борьба за переднеазиатский и средиземноморский рынки, в частности за египетский и сирийский хлеб, являлась одним из важнейших моментов.

К началу III в., когда сходит со сцены старое поколение, оформляются новые территориальные монархии, и все попытки восстановить бывшее единство государства явно терпят крушение, — идея мировой монархии умирает, и борьба превращается в обычные для рабовладельческих государств войны за территорию, рынок, торговые пути, за господство в восточной половине Средиземноморья. В античной традиции эти два периода борьбы обозначаются как войны диадохов («преемников») и эпигонов («потомков» преемников). Датой, разделяющей оба периода, являются 80-ые годы III в.

Борьба диадохов и эпигонов, как и политическая история эллинистических монархий вообще, чрезвычайно сложна, насыщена фактами и изобилует драматическими эпизодами. К сожалению, благодаря плохому состоянию источников, мы ее знаем очень плохо. Не входя в рассмотрение всех проблем и трудностей, связанных с внешней историей распада монархии Александра, остановимся только на важнейших моментах.

Когда известие о смерти Александра дошло до Греции, антимакедонская партия немедленно же подняла восстание, во главе которого встали Афины. Антипатр двинул в Грецию войска, и началась так называемая «Ламийская война» (323—322 гг.). Первое время она шла очень неудачно для македонян. Антипатр был осажден в Ламии (в Фессалии), и только после того, как он получил подкрепления из Азии, ему удалось подавить восстание. Греция должна была снова признать македонскую гегемонию. В Афинах уничтожили демократию и ввели имущественный ценз в 2000 драхм для права пользования политическими правами. То же самое Антипатр проделал в городах Пелопоннеса, примкнувших к восстанию. Коринфский союз был распущен. Македонские гарнизоны должны были следить за «порядком».

Окончательный разгром демократии заставил Демосфена бежать из Афин. В 322 г. он кончил жизнь самоубийством, приняв яд.

В следующем 321 г. погиб Пердикка. Он предпринял поход против Птолемея и во время его пал жертвой заговора среди македонского офицерства, во главе которого стояли Селевк и Пифон.

Регентом государства был избран Антипатр. Он перевез в Македонию царскую семью и произвел частичное перераспределение сатрапий. Именно тогда Селевк, будущий основатель великой переднеазиатской монархии, в первый раз получил Вавилон (321 г.).

Антипатр, глубокий старик, умер в 319 г. Перед смертью он назначил своим преемником по регентству старого и опытного полководца Полиперхона, обойдя таким образом своего сына Кассандра.

Этот последний решил силой добыть себе власть и вступил в союз с Лизимахом, Антигоном и Птолемеем. Так образовалась коалиция восточных сатрапов с целью захвата Македонии и Греции.

Греция становится ареной ожесточенной гражданской войны, так как воюющие пытаются привлечь на свою сторону: одни — олигархическую партию, другие — демократическую. Так, в 319 г. Полиперхон, желая найти себе опору в борьбе против Кассандра, провозглашает для Афин «свободу» и восстанавливает демократию. Результатом явились массовые казни олигархов и конфискация их имуществ. Жертвой демократического террора пал, между прочим, и Фокион. Но Полиперхон потерпел пораже-

ние от союзного флота. Это сейчас же отразилось на перегруппировке сил в Греции. Афинские олигархи, поддерживавшие Кассандра, произвели антидемократический переворот. Снова был установлен имущественный ценз. Кассандр назначил правителем Афин Димитрия Фалерского (он происходил из дема Фалер), который стоял во главе их в течение десяти лет (с 317 по 307 г.). Это был короткий период последнего подъема материального благосостояния Афин. Отчасти он был вызван теми общими причинами, о которых было сказано выше (приток азиатского золота и пр.), отчасти явился результатом осторожной и умелой политики Димитрия.

При нем, между прочим, была произведена перепись населения Аттики, давшая следующие цифры: 21 000 граждан, 10 000 метек и 400 000 рабов. Последняя цифра большинством исследователей признается значительно преувеличенной. Все, что мы знаем о Греции этой эпохи, противоречит такому необычайно высокому количеству рабов. Повидимому, соответствующая цифра была искажена при переписке.

К 316 г. власть Кассандра распространяется почти на всю Грецию. Но в это время коалиция восточных сатрапов начинает трещать по всем швам и затем распадается. Главной причиной этого было явное стремление Антигона к тому, чтобы восстановить «мировую» монархию. Он изгоняет Селевка из Вавилона, и последний бежит к Птолемею. Против Антигона образуется новая коалиция из Кассандра, Лизимаха, Птолемея и Селевка (315 г.).

Начинается новая борьба, длившаяся с небольшим перерывом 14 лет. Греция еще раз становится театром военных действий. Антигон посылает туда экспедиции и провозглашает «свободу», что ведет к новому взрыву гражданской войны и усилению демократии. Владения Кассандра в Греции сильно сужаются.

Селевк, пользуясь отвлечением внимания Антигона в Европу, в 312 г. прочно захватывает Вавилон.

В конце концов утомленные войной диадохи в 311 г. заключают мир. Греция была признана автономной — доказательство того, что ни один из них не имел там решительного перевеса над другим.

На эту же эпоху падает гибель всего дома Филиппа. В 317 г. Олимпиада, желая обеспечить монархию за своим внуком, приказала убить Филиппа Арридея и его жену Эвридику. Но сама она была умерщвлена Кассандром, вторгшимся в 317 г. в Македонию. Он захватил малолетнего Александра IV и его мать Роксану, некоторое время держал их в плену и затем приказал убить (311 или 310 г.).

Таким образом даже то призрачное единство великой монархии, которое олицетворялось в фиктивных царях, Александре IV и Филиппе Арридее, исчезло, и для стремления диадохов к «миро-

вому» господству не оставалось больше никаких формальных препятствий.

Однако, мир 311 г. приостановил борьбу между диадохами только на два года. В 309 г. она возобновилась вновь. В этот период выдвигается сын Антигона, блестящий Димитрий, прозванный Полиоркетом, т. е. «Осаждателем городов». Ему удалось очистить от македонских гарнизонов ряд греческих городов. В Афинах и Мегарах им была провозглашена «свобода». По этому случаю афиняне проявили чрезвычайное низкопоклонство, декретировав Димитрию и Антигону необычайные для греческой демократии почести. Плутарх в биографии Димитрия пишет: «Они (т. е. афиняне) первые из всех людей дали Димитрию и Антигону титул царей... Затем они единственные назвали их «богами спасителями»... Место, куда Димитрий вступил впервые, сойдя с колесницы, они признали священным и, поставив на нем алтарь, посвятили его Димитрию Нисходящему (эпитет Зевса. — *С. К.*), прибили также две новые филы — Димитриаду и Антигониду».

Но успехи Димитрия в Европе были прерваны тем, что отец вызвал его на Восток. Антигон продолжал там свою политику, направленную к захвату единой державной власти. В 306 г. он принял титул «царя». Остальные диадохи — Птолемей, Лизимах, Селевк и Кассандр — сделали то же самое.

Чтобы нанести удар Птолемею, Антигон предпринял неудачный поход в Египет. В это же самое время Димитрий начал войну против Родоса, сильной купеческой республики, поддерживавшей оживленные торговые сношения с Египтом. Но осада Родоса также не удалась, несмотря на то, что Димитрий мобилизовал для нее большие силы и вел ее с большим искусством (304 г.). Тем временем Кассандр, пользуясь отсутствием Димитрия в Греции, добился там больших успехов. Но осенью 304 г. Димитрий вернулся в Грецию и возобновил «освобождение эллинов» от «македонской тирании». Ставка на демократию доставила ему ряд блестящих успехов. Вся Греция к югу от Фермопил была объявлена «свободной». Димитрий, идя по стопам Филиппа и Александра, созвал панэллинский конгресс в Коринфе, на котором была снова образована федерация «свободных» греческих государств, а Димитрий провозглашен ее гегемоном.

В этот момент своего высшего торжества Димитрий снова был принужден отправиться на Восток, где образовалась новая грозная коалиция против Антигона из Птолемея, Селевка, Лизимаха и Кассандра. В 301 г. при Иссе в Великой Фригии произошла решительная битва диадохов. В ней Антигон был убит. Победители произвели новый раздел восточного Средиземноморья. Димитрию удалось сохранить некоторые пункты в Греции (Коринф, Мегары). Кассандр получил Македонию; Лизимах — Фракию и западную часть Малой Азии до Тавра. Больше всего выиграл Селевк. В его руках оказалась огромная монархия,

состоявшая из Сирии, Месопотамии, Ирана до границ Индии, Каппадокии, Киликии, Армении и восточной части Фригии (впрочем, некоторые из этих последних областей фактически сохраняли самостоятельность). Птолемей удержал за собой Египет с присоединением южной Сирии, Палестины и Киренаики.

Таким образом, первый этап борьбы за наследство Александра, длившийся около 20 лет, кончился образованием четырех крупных эллинистических монархий: Македонской — Кассандра, Геллеспонтской — Лизимаха, Переднеазиатской — Селевка и Египетской — Птолемея.

Борьба на этом не прекратилась. Антигон погиб, но еще не погибла идея реставрации единой монархии. Сначала ее носителем выступил Селевк. Его захваты в Малой Азии вызвали образование против него союза из Лизимаха и Птолемея. Зато Селевк вступил в союз с Димитрием (300 г.). Через три года умер Кассандр (297 г.). Димитрий предпринял поход на север и в 294 г. был провозглашен царем Македонии. Это обстоятельство заставило его резко изменить политику по отношению к Греции: вместо прежней поддержки демократии и провозглашения «свобод», он стал на сторону олигархии.

Это вызвало брожение в Греции.росло недовольство и в Македонии, население которой подвергалось страшным поборам со стороны Димитрия, подготовлявшегося к походу на Восток. Там против него образовалась коалиция из Селевка, Лизимаха и Птолемея, временно прекративших свои раздоры перед лицом македонской опасности.

К этой коалиции присоединился и эпирский царь Пирр, один из наиболее ярких и талантливых представителей эллинистических авантюристов большого масштаба. Он вторгся в Македонию, где произошло восстание против Димитрия, и был провозглашен ее царем. Восточную часть страны захватил Лизимах (287 г.). Тем не менее Димитрий предпринял свой поход на Восток, но попался в руки Селевка и умер в плену (около 283 г.).

Однако, в Греции удержался сын Димитрия — Антигон Гоната (прозванный так потому, что он родился в фессалийском городе Гонне). Лизимах, расширяя свое господство на севере Балканского полуострова, захватил западную Македонию и Фессалию, принудив Пирра снова удалиться в Эпир.

Усиление Лизимаха вызвало его войну с Селевком. В 281 г. Лизимах погиб в битве при Курупедии в Лидии, а его малоазиатские владения были захвачены Селевком. Этот последний, провозглашенный своим войском македонским царем, двинулся во Фракию, но в 280 г. был изменнически убит сыном Птолемея, Птолемеем Керавном («Громоном»). Керавн был обойден отцом, сделавшим наследником Египта Птолемея Филадельфа, сына от своей четвертой жены Береники. Поэтому Керавн, не надеясь чего-

нибудь добиться в Египте, решил заняться северными делами и начал с убийства Селевка. На некоторое время ему действительно удалось завладеть Фракией и Македонией.

Незадолго до этого, в 283 г., глубоким стариком умер Птолемей I египетский, получивший прозвище Сотера («Спасителя»). Таким образом, старое поколение к 80-м годам III в. сошло со сцены. Эпоха «диadoхов» окончилась, наступило время «эпигонов». Конечно, это деление, как указывалось выше, чисто условное и искусственное. Но начало III в. образует действительно некоторую грань в процессе распада монархии Александра. Эта грань выражается, как сказано выше, в том, что к этому времени окончательно умерла идея реставрации «мировой» монархии. И умерла она не только потому, что все попытки, длившиеся в течение 40 лет, восстановить государство Александра оказались неудачными, но, главным образом, потому, что к этому моменту сказался процесс консолидации «национальных» (это понятие употребляется здесь в очень условном и ограниченном смысле) эллинистических государств. Такие пестрые, многоэтнические, разнородные образования, как, например, геллеспонтское государство Лизимаха или колоссальная монархия Селевка, перешедшая к его сыну Антиоху I, неизбежно должны были распасться, частично или целиком, чтобы дать место более узким, но зато более прочно спаянным экономически и более однородным этнически государствам. Этот процесс особенно интенсивно протекает и завершается в III в., в период диadoхов.

Распадение на мелкие государства геллеспонтской монархии было ускорено нашествием галатов (или галлов), происшедшим в 279 г. Галлы до этого времени сидели на Нижнем Дунае. Гибель Лизимаха, сдерживавшего их напор, открыла им дорогу на юг. Они разбили македонскую армию, причем погиб Птолемей Керавн, а затем опустошили среднюю Грецию. Но при Дельфах галлы были разбиты объединившимися греками и снова вернулись на север. При городе Лизимахии (около Геллеспонта) в 277 г. Антигону удалось нанести им новое поражение. После этого часть галлов осела по обе стороны Балкан, а часть проникла в Малую Азию. Там, после победы над ними Антиоха I (после которой он принял титул Сотер), они обосновались в центральной части Малой Азии, получившей название Галатии.

Галльское нашествие и образование в Малой Азии галльского племенного «государства» ускорило децентрализацию Малой Азии и консолидацию там мелких территориальных монархий и городов-государств. Но это же галльское нашествие укрепило власть Антигона Гонаты в Македонии и Греции. Он удачно боролся с Пирром, который и погиб в этой борьбе (272 г.). В Греции Антигон правил посредством остроумного сочетания «автономии», которую он давал греческим государствам, и поддержкой «тирании», т. е. правления преданных ему лиц из числа граждан.

Около 266 г. Афины в союзе со Спартой начали войну против Македонии при поддержке Птолемея II Филадельфа. Она называется «Хремонидовой войной», по имени Хремониды, руководителя афинской политики, по предложению которого был заключен союз между Афинами и Спартой. Война длилась около 5 лет и была неудачна для этих последних. Афины должны были принять македонский гарнизон и македонского наместника.

Таким образом, старые полисы были явно неспособны дать отпор окрепшей Македонии. Но в Греции в это время появилась новая сила, которая в течение некоторого времени сумела повести победоносную борьбу за независимость Греции. Этой силой были Ахейский и Этолийский союзы. Но о них речь будет идти ниже.

Одновременно с децентрализацией Малой Азии и даже несколько раньше начинается распадение колоссальной монархии Селевкидов. Оно началось с ее восточных областей. Поход Александра и греческая колонизация вызвали там консолидацию «национальных» элементов. Еще в конце IV в. в Индии началось движение под руководством Чандрагупты (греки его называли Сандракоттом), выходца из низов индийского общества, основателя династии Маурья. В 316 г. Чандрагупта захватил власть над Пенджабом, а затем и над долиной Ганга. Селевк в 303 г. вынужден был отказаться в пользу могущественного индийского властителя от долины Инда, восточной части Гедросии, от Арахозии и Гиндукуша.

Около 250 г. из монархии Селевкидов выделяется самостоятельной Бактрийское царство с греческой династией во главе.

В это же время (около 256 г.) возникает Парфянское царство с туземной династией Арсакидов.

Малая Азия в III в. состоит из множества мелких государств территориального типа и полунезависимых городов-государств. Из первых нужно упомянуть Понтийское царство на южном побережье Понта, к югу от него Каппадокию, ставшую самостоятельной с 301 г., к западу от Понтийского царства Вифинию, которая, в сущности, всегда была независимой. В центральной части Малой Азии лежала вышеупомянутая Галатия, а на северо-западе — Пергамское царство. Из городов-государств наиболее крупными были: Синопа, Гераклея Понтийская, Византий, Кизик и другие. Особенно большую роль в эллинистической торговле играл Родос.

Так в половине III в. завершился долгий процесс распада монархии Александра, а вместе с тем и процесс формирования местных, более или менее однородных государственных образований. Наступает относительная «стабилизация».

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных областей эллинистического мира. Начнем с птолемеевского Египта, наиболее типичного из эллинистических государств.

II. ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ЕГИПЕТ

Основателем династии Птолемеев был Птолемей I, сын Лага, впоследствии принявший гордое прозвище Сотер. (Все эллинистические монархи очень любили принимать различные пышные титулы!). Сейчас же после смерти Александра он под шумок забрал себе Египет и так крепко в него вцепился, что никакими силами нельзя было его вырвать ни у него, ни у его преемников.

Птолемей I царствовал с 322 по 283 г. Он заложил основы внутреннего управления Египта, а его международная политика сделала из нового государства один из важнейших факторов внешней истории Средиземноморья.

Преемником его был Птолемей II, прозванный Филадельфом, т. е. «Любящим сестру» (283—246 гг.). Это прозвище он получил потому, что был женат на своей родной сестре Арсиное, вдове Лизимаха и Птолемея Керавна. При втором Птолемее египетское государство приобретает резко выраженные черты диктатуры греко-македонской верхушки над туземным населением. Птолемей I в известной мере еще продолжал политику Александра, направленную на сближение колонизаторов с туземной знатью. Так, при нем египетская знать и храмы сохранили значительную часть своих владений, знать продолжала играть довольно значительную роль в государственном аппарате.

С этим либерализмом было покончено при Птолемее II. Греки и македоняне пустили корни в стране, почувствовали себя увереннее и перешли в открытое наступление против египтян: земельные владения египетской знати конфискуются, она изгоняется из государственного аппарата, растут налоговый гнет и нищета крестьянства.

Конфискованные земли частью отбираются в пользу царя, частью раздаются им в виде «дарственных земель» крупным чиновникам из числа греков и македонян. Диойкет («министр финансов» и вместе с тем «премьер-министр») Птолемея II, Аполлоний, владел поместьями в общей сложности не меньше 10 000 га.

Птолемей II завершает организацию системы государственных, т. е. царских монополий во всех главных отраслях хозяйственной жизни. Так, ему принадлежит знаменитый указ 259/8 г., кото-

рым были введены монополии на производство растительного масла, текстильное производство и другие.

Птолемей разыгрывал из себя роль «просвещенного» монарха. Получивший чисто греческое образование, он окружил себя представителями греческой науки, литературы и искусства. Александрия становится при нем крупнейшим культурным центром эллинизма. Время Филадельфа является и эпохой расцвета внешнего могущества Египта. Огромные средства, выкачиваемые из Египта, давали Птолемею возможность вести шумную международную политику, направленную на захват гегемонии в восточной половине Средиземного моря. Ему удалось добиться здесь значительных успехов. В лучшие годы его правления Египет, кроме долины Нила, владел южной Сирией и Палестиной, значительной частью малоазиатского побережья, Кипром, многими островами Эгейского моря, Киренайкой и Эфиопией. Правда, Малая Азия частично была впоследствии потеряна, так же как и Киренайка, но все же Птолемей II передал своему преемнику мощную державу.

Птолемей III Эвергет («Благодетель»), царствовавший с 246 по 221 г., в основном продолжал политику своего отца. Монополистические тенденции при нем даже усиливаются. Так, повидимому, были конфискованы в пользу царя крупные «дарственные земли». Есть основание думать, что Аполлоний был казнен. Очевидно, крупное частное землевладение стало слишком опасной силой, и Эвергет постарался его ликвидировать. Частично потерянные Птолемеем II внешние владения Египта были снова восстановлены и даже расширены. Власть Эвергета простиралась вплоть до Фракийского побережья и Пропонтиды. Это была высшая точка внешнего могущества Птолемеев.

Однако, уже при Птолемее III выступают первые признаки «национальной» оппозиции. Туземная знать и жречество были задавлены, но не уничтожены. Беспощадное выжимание прибавочного продукта из непосредственных производителей ослабляло ту экономическую базу, на которой строилась греко-македонская диктатура. Приток колонистов из Греции и Македонии сократился. Все это волей-неволей заставляло Эвергета несколько ослаблять греко-македонские тенденции во внутренней политике.

Но особенно резко выступает «туземная реакция» при Птолеме IV Филопаторе («Любящем отца») — 221—204 г. Поводом для нее послужила война с Антиохом III «Великим», сирийским царем. Армия Антиоха дошла почти до границ Нильской долины. В Египте не хватало греко-македонских сил, и пришлось включить в состав войска 20 000 египтян. В битве при Рафии (около города Газы, в южной части Палестины) Антиох был разбит (217 г.) и должен был отказаться от плана завоевания Египта. Включение туземных элементов в египетскую армию означало решительный поворот во внутренней политике Птолемеев. Военных пришлось наделить землей. Мало-по-малу увеличивается удельный

вес туземных элементов и в бюрократическом аппарате. Сам Птолемей IV начинает выступать в титулатуре и декретах скорее как фараон, чем греко-македонский монарх.

Ослабление греко-македонской диктатуры еще более развязало национальное движение. Начинается ряд восстаний, руководимых египетской знатью, которые охватили всю страну и продолжались до конца царствования Филадельфа.

При Птолемеях V Эпифане («Славном») — 204—181 гг. — начинается катастрофический упадок Египта, подготовивший его завоевание римлянами. Этот упадок был вполне закономерным явлением, обусловленным всем характером эллинистического Египта. Это была все та же восточная деспотия, правда, несколько более культурная, чем персидская. Она опиралась на систему хозяйства, принципиально не отличавшуюся от прежней (мы указывали выше, что отличия были скорее количественные). Поэтому и законы ее развития в основном остались те же. Рост военно-бюрократической верхушки, непомерный гнет налогов, обнищание и закабаление крестьянства привели во II в. к сужению социальной базы государства, к ослаблению его военной мощи и огромному обострению классовой борьбы, главным образом выступающей в форме «национального движения».

Птолемей V вступил на престол еще ребенком, что облегчило борьбу за власть среди правящей верхушки между сторонниками греко-македонской и египетской ориентаций. В южном Египте продолжались восстания. В самой Александрии вспыхнула кровопролитная борьба. Все это ослабляло внешние позиции Египта. В 200 г. Филипп V Македонский отнимает египетские владения во Фракии и Геллеспонте, а Антиох III — южную Сирию и Палестину. К началу II в. в руках Птолемея из внешних владений остались только Киренаика и Кипр.

С этого времени начинается вмешательство в египетские дела римлян (см. ниже отдел истории Рима).

При следующих Птолемеях — Птолемеях VI Филометоре («Любящем мать»), Птолемеях VII Фисконе («Толстобрюхом») и других в царском доме продолжается династическая борьба, представляющая кровавую цепь преступлений и развращающаяся на фоне страшного обнищания масс, непрерывных восстаний и упадка хозяйственной жизни.

В I в. римский ростовщический капитал становится настоящим хозяином в Египте, а страна — яблоком раздора между римскими полководцами, борющимися за власть. Дело кончилось тем, что в 30 г. до н. э. последняя представительница династии Птолемея, знаменитая Клеопатра VI, потеряла в этой борьбе и власть и жизнь. Египет сделался римской провинцией.

* * *

Перейдем теперь к краткому обзору экономики эллинистического Египта, — главным образом, периода его расцвета при

Птолемах II и III. Здесь особенно ярко (ярче, чем во всех других эллинистических странах) выступает тенденция монополизировать все основные отрасли хозяйства в руках государства. Эта тенденция не была чем-то новым для древнего мира вообще и для Востока в частности. Она являлась выражением характерной для рабовладельческого общества общинно-государственной собственности. Но, как указывалось выше, в обстановке завоевания и колонизации Востока македонянами и греками монополистические тенденции неизбежно должны были усилиться. При этом государственная собственность, так сказать, персонифицируется, выступая в виде личной собственности царя: царская собственность почти не отделяется от государственной.

Что касается Египта, то здесь государственно-монополистические тенденции и раньше проявлялись более резко, чем в других государствах Востока. Аграрный характер страны, ее однородность, неразвитость денежного хозяйства, сильные пережитки общинных отношений, централизованная ирригационная система и концентрация больших масс несвободного и полусвободного населения на небольшой территории — все это являлось причиной того, что Египет почти на всем протяжении догреческого периода его истории являлся классическим примером примитивно-рабовладельческого общества и государства. Греко-македонское завоевание не изменило и не могло изменить характер страны и ее экономику настолько, чтобы произошли какие-нибудь принципиальные изменения в социально-политической системе. Правда, денежное хозяйство при Птолемах усиливается, но аграрный и натурально-замкнутый характер страны остался в основном непоколебленным, так же как и все остальные особенности ее общественного строя.

Собственником всей земли был царь. Но с точки зрения непосредственной эксплуатации она делилась на три разряда: 1) «царская земля», 2) «уступленная земля» и 3) земля клеруков (военных колонистов).

Царская земля обрабатывалась особой группой непосредственных производителей, которая называлась «царскими крестьянами». Формально они снимали участки царской земли на правах «аренды», в форме бессрочного договора и при солидарной ответственности всей деревни (общины) перед царем. Но эта «аренда» — нечто совершенно своеобразное, абсолютно не подходящее под понятие капиталистической аренды. Прежде всего, «арендаторы» не были свободны в своей хозяйственной деятельности. Так, например, царское правительство устанавливало, на каких полях и какого сорта растения нужно было сеять, указывая также количество потребных для этого семян. Далее, «царские крестьяне» обычно не имели своих средств производства, получая скот, сельскохозяйственный инвентарь и семена от государства. Семена они должны были возвращать натурой после окончания,

уборки хлеба. Кроме этого, крестьяне обязаны были платить налог в виде известной части урожая. Крестьянин мог свезти к себе только то, что оставалось у него за вычетом всех платежей в казну.

Первоначально «царские крестьяне» были, повидимому, лично свободны, по крайней мере, в области «аренды» (что не мешало сгонять их на всякого рода принудительные повинности по постройкам, ирригации и т. п.). Но со II в. положение меняется. Страшный налоговый гнет и все растущие требования казны сделали положение «царского крестьянина» совершенно невыносимым. Желавших «добровольно» арендовать царскую землю становится все меньше и меньше, и тогда правительство Птолемеев начинает прибегать к принудительной аренде, откуда был только один шаг к прикреплению крестьян к земле, что и произошло в I в.

Вторая категория земель называлась «уступленной землей». Она, в свою очередь, распадалась на две группы: а) храмовая («священная») земля и б) дарственная земля. Первой владельцы храмы, вторая принадлежала крупным чиновникам Птолемеев. Эта вторая группа, как указывалось выше, повидимому, исчезает или значительно сокращается к половине III в. Ни «священная», ни «дарственная» земля не являлась собственностью их владельцев и в любой момент могла быть отобрана в казну. Она была именно «уступленной» землей. Правительство Птолемеев осуществляло над ней реальный контроль (по крайней мере, в период расцвета диктатуры Птолемеев) в форме разного рода обложений, «планирования» посева и контроля над ним и т. п.

«Уступленная» земля либо сдавалась в «аренду», либо обрабатывалась владельцами непосредственно. Аренда была или мелкой, или крупной. В первом случае она почти не отличалась от аренды «царской земли», т. е. «арендаторы» были такими же лишенными средств производства съемщиками, получавшими от владельцев земли семена, скот и инвентарь. В случае крупной аренды, арендатор обрабатывал землю трудом лишенных средств производства «рабочих», получающих свой паек частью натурой, частью деньгами. Необходимо отметить, что среди этих «рабочих» было, повидимому, много рабов. Так же происходила обработка крупных участков «уступленных» земель, не сдававшихся в аренду.

Третья категория — земля клеруков. Ее, впрочем, формально можно отнести также к категории «уступленных» земель. О значении военных поселенцев для Птолемеев говорилось выше. Вполне понятно, что египетское правительство обращало на эту группу земель особое внимание. Клеры были неотчуждаемы и легко отбирались государством. Клерухи обычно не вели сами хозяйства, а сдавали свои участки в «аренду» местному населению. Во II в., в связи с общим кризисом птолемеевского Египта, изменяется и характер этой категории землевладения. Помимо того, что

в число клерухов попадает туземное население, меняется и юридическое положение клеров: они становятся наследственными, а в I в. здесь появляется свобода завещания.

Мелкая индивидуальная собственность на землю никогда не исчезала в Египте. И при Птолемах мы видим греческих колонистов и мелких туземных собственников (преимущественно на неудобных землях), которые владеют своими карликовыми участками на правах частной собственности. Но эта категория земель была немногочисленна и никакой роли в экономике Египта не играла.

Принципу государственной (царской) собственности на землю соответствовала система государственных (царских) монополий в области добывающей и обрабатывающей промышленности. Из таких монополий нам лучше всего известна организация производства растительного масла, игравшая в экономической жизни птолемеевского Египта весьма большую роль. Выделка масла сдавалась на откуп. Ежегодно центральное правительство составляло план посева масляничных растений (сезама, кротона, льна, горькой тыквы и других) по всему Египту. Каждой области предписывалось засеять определенное количество земли определенными сортами растений. Откупщики имели право контролировать посевы. Когда наступало время сбора урожая, земледельцы должны были заявить об этом местным властям, а те — пригласить откупщика. Этот последний, явившись вместе с ними на засеянные поля, производил оценку. Собранные семена земледельцы должны были продавать откупщикам по определенной, установленной правительством цене. Ни оставлять у себя, ни продавать кому-нибудь другому семена земледельцы не могли. Те лица, которые пользовались податными привилегиями или владели «дарственными землями», также должны были сдавать урожай, но они имели право оставить достаточное количество для обсеменения.

Выделка масла производилась в царских маслодельнях. Частные лица не имели права держать у себя приспособления для выжимки масла. Указ Птолемея II, которым вводилась масляная монополия, предписывал, чтобы все лица, у которых имелись чаны и прессы, представили списки их, а также показали их в натуре откупщикам, местным властям и контролерам, а те должны были переправить их в царские маслодельни. Только храмы могли в течение двух месяцев вырабатывать сезамовое масло для собственного потребления и то в присутствии откупщика, представителя местных властей и контролера. Продажа масла на сторону каралась конфискацией его и высоким штрафом, налагаемым на руководителей храмов.

Откупщики должны были доставлять семена на царские маслодельни, совместно с контролерами, организовать все производство, лично присутствуя при работе. В периоды, когда маслодельни без-

действовали, орудия производства должны были быть запечатаны. «Рабочие»-маслоделы были закреплены за каждым номом (административным округом). Им запрещалось, под страхом принудительного возвращения, переходить в другой ном. Лица, укравшие таких беглецов, карались большим штрафом. Каждый рабочий, работавший в маслодельне, должен был вырабатывать ежедневно определенное количество масла, получая за это плату частью натурой, частью деньгами.

Всякая выделка масла частными лицами и покупка его у кого-нибудь, помимо откупщика, каралась огромным штрафом в три таланта в пользу откупщика и преданием виновного царскому суду.

Оптовая продажа масла производилась также откупщиками по определенной цене, установленной царским указом. «Откупщики, — гласил указ, — должны доставить масло в количестве, соответствующем спросу, продавая его по всей стране во всех городах и селениях и пользуясь мерами, проверенными экономом (финансовым агентом нома) и контролером». Что же касается розничной продажи, то она производилась городскими и сельскими лавочниками. Для этого местные власти должны были предварительно зарегистрировать их имена. За 10 дней до начала каждого месяца объявлялись торги на право розничной продажи масла, исходя из предварительно намеченных условий. «В течение 10 дней, — говорил далее указ, — и в главном городе нома, и в селениях должно публиковать надбавки и наконец заключить договор с тем, кто предложит наибольшую цену».

Розничные торговцы, получая масло от откупщика через посредство эконома и контролера, должны были продавать его по твердо установленной цене.

Ввозить в Египет иностранное масло для продажи безусловно воспрещалось. Ввоз для личного потребления разрешался при уплате соответствующей пошлины.

Аналогичным образом была организована текстильная монополия, хотя она отличалась от масляной некоторой свободой, предоставленной частному производителю. Впрочем, посев волокнистых растений и вообще добыча текстильного сырья (шерсть и пр.), повидимому, происходили так же, как и в маслоделии. Что касается обработки, то она могла производиться в царских, храмовых и частных мастерских. В царских текстильных мастерских работали прикрепленные к ним ткачи, положение которых было аналогично положению маслоделов. Храмы имели право выделять ткань для личных потребностей персонала и для нужд культа, но все излишки они должны были продавать царскому правительству. Частные лица также могли заниматься тканьем, но только на зарегистрированных правительством станках и под контролем царских чиновников. Сырье они получали от государства и должны были вырабатывать определенное количество тка-

ней установленного образца. Ткачи были прикреплены к месту своей приписки и не могли его покидать. «Заработной платы», в отличие от маслоделов, они не получали, но должны были сдавать свою продукцию государству по установленной цене.

Система монополий не ограничивалась двумя вышеописанными, но, повидимому, охватывала все важнейшие отрасли производства птолемеевского Египта: горное дело, пивоварение, солеварение, парфюмерное дело и т. д.

Остановимся теперь на сложной и трудной проблеме непосредственного производителя в эллинистическом Египте. Впрочем, буржуазная наука решает эту проблему довольно просто: для нее в Египте существовал либо «капитализм», либо «феодализм». Но нас такое решение удовлетворить, конечно, не может. Что касается городов, например, Александрии, то не может быть никаких сомнений, что там преобладающей формой эксплуатации было рабство в его античной форме. Сложнее обстоит дело в деревне. И там, как указывалось выше, количество рабов в птолемеевскую эпоху значительно возросло. Об этом свидетельствует ряд документов (на некоторые из них, в частности, впервые обратил внимание О. О. Крюгер). Тем не менее бесспорно, что в деревне, как в земледелии, так и в ремесле, основная масса производителей не являлась рабами в точном понимании этого слова. Кем же она была?

Из того, что мы видели выше, следует, что говорить о «свободе» непосредственного производителя здесь не приходится. Основным принципом было прикрепление производителя к месту его работы — к земле, к мастерской. И хотя он получал плату, но она отнюдь не являлась заработной платой, т. е. вознаграждением за труд, но была модифицированной формой пайка, т. е. натурального снабжения, хотя частично и выраженного в денежной форме. Против «свободы» говорит также система суровых наказаний, надзора, принудительные работы общественного и частного характера и т. д.

Но в такой же степени нельзя думать и о «крепостничестве», понимая его в смысле феодального крепостничества. Не говоря уже о соображениях обще-методологического порядка, против такого понимания выступает вся система социально-политических отношений Египта, где мы не видим ни малейшего элемента феодализма. Кроме этого, необходимо указать, что основная масса непосредственных производителей была лишена средств производства, т. е. и с этой стороны не подходит под категорию феодальных крепостных.

Остается, следовательно, одно: признать здесь своеобразную, разнородность рабства, — именно восточного рабства, модифицированного ростом денежного хозяйства и усилением государственно-монополистических тенденций в обстановке завоевания и колонизации. «Свободный» непосредственный производитель

птолемеевского Египта был не чем иным, как государственным рабом, — крестьянином, потерявшим землю и орудия производства, закабаленным, задавленным непомерным гнетом эксплуатации правящей греко-македонской верхушки и всего военно-бюрократического государственного аппарата.

Выше было указано на причины, вызвавшие значительное оживление торговли в эллинистических странах Востока. И Египет, несмотря на то, что и в птолемеевскую эпоху его хозяйство, в основном, оставалось натурально-замкнутым, переживает большой подъем торговли, — в частности, внешней. На первом месте здесь нужно поставить средиземноморскую торговлю Птолемеев. Основным предметом египетского экспорта в области Средиземного моря был хлеб (главным образом пшеница). Греция, например, в значительной степени снабжалась египетским хлебом, а впоследствии также и Италия. Высокие качества, дешевизна, монополистическая система торговли — все это делало египетский хлеб чрезвычайно опасным конкурентом на средиземноморском рынке. Важными предметами вывоза в Средиземноморье служили также тонкие ткани, папирус и стеклянные изделия. Импортировались в Египет медь (с Кипра), шерсть (из Малой Азии), строевой лес (из Малой Азии и Финикии) и др.

Немаловажное значение имела также торговля Египта с Югом и Юго-востоком: Суданом, Эфиопией и Аравией. Она шла через Красное море, на берегах которого возник ряд торговых стоянок: Береника, Левкос Лимен, Миос Гормос. Отсюда товары доставлялись на Нил либо караванным путем, либо через канал, соединявший восточный рукав Нила с Красным морем. С юга Египет получал слоновую кость, золото, ароматические вещества (ладан, мирру) и рабов. Вывозились туда, преимущественно, «одежды для варваров», т. е. грубые сорта тканей, и разные безделушки.

Однако, проникновение египетской торговли на юго-восток и восток не ограничивалось только аравийским побережьем, а шло гораздо дальше, — до Индии и Китая. Открытый Александром морской путь вдоль побережья Индийского океана был освоен Птолемеями, и по нему производилась довольно оживленная торговля с Дальним Востоком. Из Индии шли пряности, редкие ткани и драгоценные камни, из Китая — шелк. Едва ли с Китаем существовали непосредственные сношения. Вероятнее, что посредником служила здесь Индия.

Вся внешняя торговля в птолемеевском Египте была, повидимому, царской монополией. На почве египетской торговли вырос такой огромный город, как Александрия, крупнейший мировой центр эпохи. Город имел около 500 000 человек самого разнообразного населения. Он отличался своим благоустройством — прямыми, широкими улицами, прекрасным водоснабжением, множеством великолепных зданий. В Александрии были две больших, чрезвычайно удобных гавани, с знаменитым Фаросским маяком.

III. МОНАРХИЯ СЕЛЕВКИДОВ. ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО. РОДОС

Сильно отличалась от птолемеевского Египта вторая крупная монархия эллинизма — царство Селевкидов. Мы видели, что создателем ее был Селевк I Никатор («Победитель»), царствовавший с 312 по 281 г. При нем монархия достигала максимума своего территориального расширения, но при нем же началось и ее распадение (отделение Индии).

При преемнике Селевка I, Антиохе I Сотере (назван так за победу над галлами, царствовал с 281 по 261 г.) процессы дифференциации усиливаются: он теряет ряд восточных сатрапий: Парапанис (Гиндукуш), Арахозию, Гедрозию. В борьбе с Птолемеем II Антиох терпит поражение (так называемая Первая сирийская война).

Преемник Антиоха I, Антиох II «Бог» (261—246 гг.) теряет Бактрию и Парфию. Войны с Египтом идут крайне неудачно.

Некоторый кратковременный подъем монархии Селевкидов испытала при Антиохе III «Великом» (223—187 гг.). Хотя его поход в Египет оказался неудачным (поражение при Рафии в 217 г.), но ему удалось нанести серьезный удар Птолемаем в Малой Азии, а во время индийского похода снова подчинить несколько восточных областей: Арахозию, Дрангиану и Карманию. Союз с Филиппом V Македонским в 205 г. дал Антиоху возможность развить энергичные наступательные действия против Египта и захватить Финикию и Палестину.

Однако, усиление сирийской монархии испугало Рим, и он энергично вмешался в восточные дела. Антиох потерпел поражение от римлян в битве при Магнезии (190 г.) и вскоре после этого погиб в борьбе с мятежными сатрапами.

При следующих Антиохах сирийское царство быстро катится по наклонной плоскости: восстания в отдельных областях монархии (из них нужно особенно отметить восстание иудеев в шестидесятых годах II в. под руководством Маккавеев) и их отпадения, кровавая династическая борьба, неудачные войны с соседями — все это служило весьма благоприятной обстановкой для усиливаю-

щегося вмешательства римлян. Наконец, в шестидесятых годах I в. до н. э. последние остатки некогда великой монархии были присоединены к Риму.

Главное отличие переднеазиатской монархии от египетской состояло в ее чрезвычайной пестроте, дававшей себя знать даже после отпадения восточных сатрапий: бесплодные пустыни чередовались в ней с плодородными речными долинами и горными хребтами, старые культурные области — с полудикими территориями, центры развитой торговли — с пространствами, живущими исключительно натурально-замкнутой жизнью. В своей основе государство Селевкидов, как и птолемеевский Египет, являлось территориальной монархией с весьма развитым военно-бюрократическим аппаратом, с системой царских монополий и т. д. Но в эту монархию вклинивались многочисленные греческие полисы, далеко не всегда составлявшие с ней органическое единство. Характерно, что в то время, как в Египте было только два крупных греческих города, основанных в эллинистическое время, в сирийской монархии их насчитывались сотни. Среди них было и много старых городов; Сирия, Финикия и Месопотамия, как известно, издавна являлись торговыми областями с довольно развитой городской жизнью. Но еще больше городов было создано вновь Селевкидами. Достаточно указать, что один только Селевк I основал 9 Селевкий, 16 Антиохий, 5 Лаодикий, 3 Апамен и 1 Стратонику!

Такая политика Селевкидов обуславливалась характером страны, где правившая греко-македонская верхушка не имела такой прочной и монолитной базы, которой обладали Птолемеи в египетской хозяйственной системе. Пестрота сирийской монархии требовала от Селевкидов создания новой социальной базы. Этой базой и должны были служить вновь основанные города, куда энергично привлекалось, путем дарования различных льгот, греческое население. Эти города обладали обширными, приписанными к ним территориями и получали автономию с греческой полисной организацией — советом и т. п. Крупнейшим городом Селевкидов, столицей монархии, была Селевкия на Тигре, основанная около 311 г. К ней в значительной мере перешла былая роль Вавилона, который теперь утрачивает свое старое значение. Селевкия по своим размерам и количеству населения не уступала египетской Александрии, а быть может, и превосходила ее. Другим крупным городом была Антиохия на реке Оронте в северной Сирии, основанная в 300 г.

Интенсивная «урбанизация» монархии Селевкидов экономически опиралась на довольно развитую систему торговых путей, прорезывавших ее по всем направлениям. Селевкиды получили ее в наследство от своих предшественников — вавилонских, ассирийских и персидских царей — и значительно развили. Обладание Месопотамией и северной Сирией делало Селевкидов

хозяевами важнейшего узла караванных путей, выходивших к Средиземному морю. Оживление экономической жизни средней Азии, установление сношений с Индией и Китаем интенсифицировали и переднеазиатскую торговлю. Пути, ведущие с Дальнего Востока (в том числе и знаменитый «шелковый путь», посредством которого производилась торговля шелком с Китаем) и пересекающие Иран, сходились в Селевкии. Отсюда одни из них шли на Антиохию, другие — на Дамаск. Из Антиохии вела дорога в Пергам и Эфес, из Дамаска — в Александрию египетскую.

Эти пути, которыми пользовались не только для торговых, но, в первую голову, для военно-административных целей, поддерживались правительством Селевкидов в относительном порядке: на них существовали мосты, станции и т. п. От Инда до Тигра можно было доехать в 40 дней, от Тигра до Средиземного моря — в 15.

Хозяйственная система сирийской монархии, как сказано, в принципе была системой монополистической. Но экономическая дифференцированность государства и развитие городской жизни заставляли допускать от этой системы большие отклонения. В монархии Селевкидов значительно сильнее, чем в Египте, была развита индивидуальная собственность на землю, и частный оборот получил более широкое распространение. В принципе, во всяком случае, земля считалась царской собственностью, но мы знаем факты, когда большие участки ее дарились и продавались крупным чиновникам, а также частным лицам, повидимому, в полную собственность. Точно также из царской земли выделялись обширные территории, которые передавались городам путем дарения или продажи. Горожане, повидимому, пользовались участками городской земли на правах индивидуальной собственности.

Но основной земельный массив и в монархии Селевкидов принадлежал непосредственно царю. На этой царской земле сидели «царские люди». Об их положении мы знаем очень мало. Повидимому, значительная часть их была прикреплена к земле. В некоторых случаях можно предполагать, что «царские люди» были лишены средств производства, являясь чем-то вроде государственных рабов.

Что касается положения непосредственных производителей в городах и на территориях, приписанных к этим последним, то там весьма широко был развит рабский труд в его античной форме.

Внешняя торговля частью была монополизирована Селевкидами, частью, повидимому, находилась в руках самостоятельных торговцев. И здесь, во всяком случае, частный оборот был развит сильнее, чем в Египте. Торговля в монархии Селевкидов в значительной мере имела транзитный характер.

Большой экономический и культурный подъем переживала в эпоху эллинизма Малая Азия. Решающую роль в этом отношении сыграли упадок материковой Греции и непосредственная связь

Малой Азии с восточными монархиями. Археологический материал, обнаруженный раскопками конца XIX и XX вв., дает картину процветания малоазиатских городов. Милет, Эфес, Смирна, Родос, Пергам, Приена и др. поражают своим благоустройством. Прекрасные рынки, великолепные правительственные здания, театры, канализация — все это является необходимым атрибутом даже таких маленьких городов, как Приена, не говоря уже о крупных центрах. Милет, например, насчитывавший около 100 000 жителей, имел три огромных рынка.

Рабство играет доминирующую роль в хозяйственной системе Малой Азии и, повидимому, усиливается по сравнению с классической эпохой. Характерно, что еще в 324 г. родосец Антимен изобрел систему страхования владельцев от побегов рабов. Эта система, повидимому, была организована таким образом, что рабовладелец, желавший застраховать своих рабов, ежегодно уплачивал властям некоторый процент со страховой суммы, которая ему выдавалась в случае побега раба.

Ряд городов Малой Азии сохранял старую полисную систему с городским самоуправлением и с элементами общинно-государственной собственности (милетские государственные овчарни и ткацкие мастерские). Некоторые из них временами были самостоятельны, временами входили в ту или другую из борющихся за Малую Азию восточных монархий.

Во второй половине III и в начале II вв. большую роль в Малой Азии играло Пергамское царство, владевшее северо-западной частью полуострова, с центром в городе Пергаме. Основателем его был некто Филетэр, комендант города Пергама, входившего тогда в состав монархии Лизимаха. В 284 г. он захватил город и впоследствии основал здесь самостоятельное государство, сумевшее искусно лавировать в борьбе диадохов. При следующих правителях (впоследствии царях) — Эвмене I (263—241 гг.) и особенно Аттале I (241—197 гг.) — Пергамское царство крепнет. Высшего расцвета оно достигло при Эвмене II (197—159 гг.), который сумел использовать римлян для расширения своего государства. Рим опирался на Эвмена II в своей борьбе с Антиохом III и в награду за это передал ему значительную часть Малой Азии. При Аттале и Эвмене Пергам стал одним из самых крупных и культурных центров эллинизма. Там были построены прекрасные здания, основана знаменитая библиотека и процветало искусство.

Но этот расцвет Пергамского царства был кратковременным. Уже при Аттале II (159—138 гг.) начинается упадок. Римляне, став твердой ногой на Востоке, перестали считаться со своим старым союзником. Внешние владения Пергама уменьшаются, а римский ростовщический капитал цепко опутывает его своей паутиной. На почве беспощадной эксплуатации рабов и разорения мелких производителей в Пергамском царстве начинаются

волнения. Это облегчило Риму его задачу. Последний пергамский царь Аттал III, маниак и деспот, умирая в 133 г., завещал свое царство римлянам. Но прежде чем Рим сумел фактически принять «наследство», ему пришлось подавить огромное восстание рабов и свободной бедноты, во главе которого встал Аристоник, побочный брат Атталла III. Но об этих событиях речь пойдет ниже, в истории Рима.

Внутренняя организация Пергамского царства периода его расцвета нам мало известна. Но и здесь, как и в монархии Селевкидов, мы видим территориальную эллинистическую монархию, «разбавленную» полисной системой. В Пергамском царстве этот полисный момент имел, быть может, еще большее значение, благодаря городскому характеру западной части Малой Азии. Бесспорна, во всяком случае, большая роль царских монополий в хозяйстве Пергама. Государственной монополией являлось, например, производство особого рода бумаги из телячьей кожи. Эта бумага впоследствии была названа «пергаментом» по имени того центра, где она впервые стала изготавливаться. Пергамент Атталидов (так обычно называется династия, правившая в Пергаме) был весьма опасным конкурентом папирусу Птолемеев на средиземноморском рынке. Было также, повидимому, частично монополизировано керамическое производство (государственные черепичные мастерские) и изготовление кирпича. Атталидам принадлежали и золототкацкие мастерские, изготавлившие парчевые ткани, — производство, в котором, повидимому, Пергам не имел конкурентов.

Необходимо еще остановиться на Родосе, который играл в средиземноморской торговле III—II вв. огромную роль. Город Родос был основан в 408 г. на одноименном острове, где до него существовало три старых городских центра — Линд, Камир и Ялис. Выгоды географического положения острова еще в классический период дали ему возможность играть довольно заметную роль в истории Греции. Но только эпоха эллинизма открыла перед ним широкие возможности. Разрушение Тира и основание Александрии имело здесь решающее значение. В руки Родоса переходит значительная часть старой финикийской торговли, и он становится почти единственным посредником в оживленных торговых сношениях, которыми было охвачено в период эллинизма восточное Средиземноморье. При движении судов с юга на север и с востока на запад было почти невозможно миновать Родос. Он сделался поэтому важнейшим транзитным центром, наживаясь на посреднической торговле между Египтом, Сирией, Малой Азией, материковой Грецией и Италией.

Родос в III в. превратился в мощную купеческую республику, «царицу морей» древнего мира. Это был олигархический полис, где власть находилась в руках маленькой группы оптовиков, а демократия никакого реального значения в управлении госу-

дарством не имела. Искусная родосская дипломатия рядом договоров с эллинистическими государствами сумела обеспечить своему городу чрезвычайно выгодное положение. Все нуждались в услугах ловких посредников, которые срывали барыши отовсюду и старались жить в мире со всеми. Когда около 225 г. страшное землетрясение разрушило Родос, эллинистические монархи оказали городу быструю и щедрую помощь деньгами, строительными материалами, хлебом и даже рабочей силой.

Родосская монетная система успешно конкурировала с афинской и почти совершенно вытеснила ее из восточного Средиземноморья. В Родосе был разработан кодекс морского права, целиком применявшийся еще в римской империи. О размере посреднических операций Родоса могут дать представление следующие цифры. Нам известно, что общая годовая сумма таможенных сборов родосской гавани в 170 г. равнялась 1 миллиону драхм. Если принять обычную для античного мира величину таможенного сбора в 2% со стоимости груза, то окажется, что годовой оборот Родоса в 170 г. равнялся 50 миллионам драхм, что составляет около 8300 талантов, т. е. около 20 миллионов золотых рублей. Полагают, что эта сумма в 3—4 раза превосходила годовой оборот Пирея в начале IV в. и была вдвое выше, чем годовой оборот Венеции в XV в.

По сравнению с транзитными операциями, собственный экспорт Родоса был невелик. Однако, нужно указать, что обломки амфор с клеймами родосских мастерских в большом количестве находят в самых отдаленных частях древнего мира. Отсюда можно заключить, что керамическое производство на Родосе стояло весьма высоко. Сосуды использовались, главным образом, в качестве тары. Точно также нужно указать на блестящее развитие родосского судостроения.

Но 70-е годы II в. были последним десятилетием процветания купеческой республики. Римляне терпели Родос и даже покровительствовали ему, пока не почувствовали себя более или менее твердо на Востоке. Тогда они выдвинули в противовес Родосу его старого соперника — остров Делос, который и раньше был довольно крупным торговым центром. В 166 г. римляне объявили Делос свободным портом (порто-франко). В результате этого в течение трех лет доход родосской таможни упал с 1 миллиона до 150 тысяч драхм, т. е. более чем в 6 раз. От этого удара Родос уже никогда более не оправился, хотя еще до времен империи сохранял призрак политической самостоятельности. Его место в известной степени занял Делос, который в римскую эпоху стал самым крупным рынком на Востоке, — в частности, самым крупным невольничьим рынком.

IV. ГРЕЦИЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Выше мы уже касались причин того, почему материковая Греция не только не вышла из кризиса, наметившегося еще в IV в., но почему этот кризис все более и более углублялся. Дальнейшее развитие экономических и социальных противоречий рабовладельческой системы, передвижка торговых путей и торговых центров на восток и юго-восток, отлив туда же населения, изнурительные и бесконечные войны, терзавшие Грецию в IV и III вв. — все это довершило деградацию старых греческих полисов. Только Коринф, благодаря своему необычайно выгодному географическому положению, сохранял некоторое значение в качестве транзитного центра в торговле между Востоком и Западом. Но, например, Афины утратили всякое экономическое и политическое значение. Они сохраняли только былую славу культурного центра, привлекавшая туристов своими модными философами и памятниками своего искусства. Точно также в сильнейшей степени деградировали Беотия, Эвбея, Спарта и другие области, когда-то игравшие большую историческую роль.

Кризис Греции в III—II вв. выражался в разнообразных явлениях. Сильно упало сельское хозяйство в аграрных районах. Происходит огромная концентрация земли в руках немногих собственников, в связи с чем уцелевшие от прежних времен мелкие землевладельцы окончательно пролетаризируются. Но эта концентрация земли не приводит к подъему сельского хозяйства. Мы видим, что во II в. обширные территории земли лежат нераспаханными. Характерным показателем аграрного кризиса является падение арендной платы. Даже на Делосе арендная плата в течение ста лет, от начала III до начала II в., упала приблизительно в 4 раза.

Не лучше обстояло дело в области ремесла и торговли. Сокращение денежного хозяйства ярче всего отразилось в падении ссудного процента: ко II в. он упал до 7%, вместо прежних 12. Деньги не находят спроса благодаря свертыванию деловой жизни. Это же явление депрессии сказывается в огромном росте рабских отпусков. Судя по надписям, количество отпусков рабов на волю,

начиная с III в. растет в огромной прогрессии. Конечно, это обстоятельство еще не доказывает уменьшения общего количества рабов в Греции. Дальше мы будем говорить о развитии рабства как раз в эту эпоху в отсталых районах Греции. Кроме этого, уменьшение количества рабов у средних и мелких собственников, вызванное их прогрессирующим обеднением, еще не свидетельствует об аналогичных процессах, происходивших в крупных хозяйствах. Но, во всяком случае, рост отпускных говорит о глубоком кризисе рабовладельческой системы в целом.

Перейдем теперь к тем частям Греции, преимущественно западным, которые в классический период не играли почти никакой роли в исторической жизни. Выше указывалось, что, начиная с IV в., они переживают некоторый подъем, вызванный постепенным, хотя и медленным проникновением туда рабства и денежного хозяйства. Поздний греческий писатель Афиней, ссылаясь на сицилийского историка Тимея, говорит: «У локров, так же как и у фокейцев, до самого последнего времени не было принято иметь рабынь и домашних рабов. Впервые за женою Филомела, захватившего Дельфы (IV в. — С. К.), следовали две рабыни. Равным образом и приятеля Аристотеля, Мнасона, имевшего 1000 рабов, фокейцы обвиняли как человека, лишившего столько граждан необходимого пропитания. Ибо в домашнем обиходе молодые фокейцы имели обыкновение прислуживать старшим».

Это свидетельство совпадает со всем тем, что нам известно из других источников о примитивном строе таких греческих областей, как Эпир, Аккарнания, Этолия, Локрида, Фокида, Ахайя, Аркадия и другие вплоть до IV—III вв. Только к эллинистической эпохе там начинает складываться рабовладельческая система, развивается торговля, и возникают мелкие полугородские, полудеревенские центры. Эти процессы, как указывалось выше, с неизбежностью должны были привести к консолидации там и государственной жизни. Но возникновение новых государств в обстановке общего кризиса Греции было возможно не в форме старых сильных полисов типа Афин, Спарты, Коринфа, а в виде союзов деревенских и мелких городских общин. Так в III в. сложились в Средней Греции и на Пелопоннесе два сильных союза: Ахейский и Этолийский.

Общей чертой обоих этих союзов было то, что там отсутствовала гегемония какого-нибудь одного полиса, как это было в союзах старого типа — Пелопоннесском и Афинском. Все члены союза — сельские и городские общины — были одинаково автономны во внутренних делах и равноправны по отношению к союзу в целом. Существовало общесоюзное гражданство, т. е. гражданин каждой отдельной общины считался и гражданином союза в целом (чего не было в старых союзах). В обоих союзах существовали общесоюзные органы власти, решавшие общие вопросы,

касавшиеся всех членов. Такое последовательное проведение принципа федеративности обеспечило обоим союзам довольно большую внутреннюю прочность и внешнее могущество. В течение III в. оба союза были единственной реальной политической силой в Греции.

Однако, между Ахейским и Этолийским союзами была и некоторая разница, обусловленная, главным образом, характером входивших в них общин. Этолийский союз возник еще в конце IV в. Центром его была Этолия, деревенская область западной части средней Греции. Своего расцвета союз достиг во второй половине III в., когда вокруг первоначального ядра образовалась федерация, включавшая в себя значительную часть средней Греции и некоторые области Пелопоннеса (Элиду, Аркадию). Этолийский союз носил демократический характер, что вызывалось примитивным характером общин, входивших в его состав. Высшим органом власти являлось ежегодное общесоюзное собрание, собиравшееся в городе Терме (в Этолии), в котором могли принимать участие граждане всех общин, входивших в союз. Союзное собрание утверждало законы, выбирало должностных лиц, решало вопросы о войне и мире и т. п. Постоянно действующим органом союза был совет, состоявший из представителей отдельных общин пропорционально количеству их населения. Общесоюзными должностными лицами были стратег, секретарь, казначей и, на время войны, гиппарх. Средства союза слагались из взносов, вносимых в общесоюзную казну отдельными общинами пропорционально числу их представителей в совете.

Несколько иного характера был Ахейский союз. Начало его образования падает также на IV в. Высшей точки могущества союз достиг к половине III в. К первоначальному ядру, состоявшему из нескольких городков Ахайи (область в северном Пелопоннесе), примкнул ряд городов Пелопоннеса: Сикион, Коринф, Мегары и др. В конце концов союз охватил значительную часть Пелопоннеса и сделался самой крупной силой в Греции. Организация Ахейского союза носила менее демократический характер. Правда, и здесь существовало общесоюзное собрание, в котором участвовали все граждане союза, достигшие 30 лет. Но кроме него, было еще другое собрание, нечто вроде «верхней палаты», для участия в котором требовался имущественный ценз. Должностными лицами союза являлись стратег (председатель), гиппарх, наварх (командующий морскими силами) и государственный секретарь. Отдельные полисы, входившие в состав союза, пользовались очень большой автономией.

Расцвет Ахейского союза связан с деятельностью его стратега Арата из Сикиона (271—213 гг.). Начиная с 245 г., он семнадцать раз избирался на должность стратега и благодаря своим организаторским способностям сумел добиться для союза огромных успехов. Опираясь на помощь Египта и на военные силы союза,

Арат свел на-нет влияние Македонии и добился того, что почти вся Греция оказалась для нее потерянной. Но здесь в историю Греции вступила новая сила, значительно изменившая внутреннюю и внешнюю ситуации. Мы имеем в виду Спарту и ту революцию, которая вспыхнула там во второй половине III в.

К этому моменту старый строй Спарты находился в состоянии полного разложения. Прогрессирующее развитие денежного хозяйства и концентрация земли окончательно подрывали общинно-государственную собственность, на которой строились былое могущество и процветание Спарты. Закон эфора Эпитадея еще около 400 г. установил свободу завещаний, что открыло широкие возможности для накопления. Концентрация огромных богатств в немногих руках, пролетаризация мелких собственников, задолженность — все эти противоречия, от которых страдала вся Греция, были налицо и в Спарте. Плутарх в биографии Агиса говорит, что в это время спартанцев оставалось не более 700 человек, из которых, быть может, только сотня имела земельные наделы. «Все же остальные граждане были нищими, бесправной чернью, проживавшей в городе».

Естественно, что такое положение вещей привело к катастрофическому падению военной силы Спарты. В первой половине III в. она испытала ряд неудач в борьбе с Македонией, а Арат добился того, что Коринф разорвал союз со Спартой и вступил в Ахейский союз. Все это не могло не тревожить некоторых представителей правящих спартанских кругов. У тех из них, которые еще не потеряли окончательно чувства исторической перспективы и понимали, что дальнейшее развитие Спарты в этом направлении приведет к ее неминуемой гибели, — появились планы реформ. Необходимость реформ становилась тем более настоятельной, что беднота волновалась и старалась «не пропустить удобного случая произвести государственный переворот, ниспровергнуть существующий порядок» (Плутарх). Наиболее радикальным способом излечить Спарту казались уничтожение долгов, восстановление мелкой собственности путем передела земли и расширение гражданства посредством включения в него части перизков.

Рупором таких реформаторских течений стал молодой спартанский царь Агис IV (245—241 гг.). Часть спартанской знати поддерживала его, в том числе: дядя царя Агесилай, мечтавший посредством реформы освободиться от своих долгов, мать Агиса Агесистрата, Лисандр и др. Но большинство крупных собственников было настроено враждебно к реформе. Эта оппозиция группировалась вокруг второго царя Леонида. В 243 г. Агису удалось провести Лисандра в коллегию эфоров и через него внести ретру, основные статьи которой гласили об уничтожении долгов и разделе земель. Территория Спарты должна быть разделена на 4500 участков, передаваемых спартанцам, и 15 000, кото-

рыми наделялись перизки. Число граждан пополнялось перизками и иностранцами. Кроме этого, ретра предусматривала восстановление исконных спартанских обычаев: сисситий, старой системы воспитания и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что ретра ни словом не касалась илотов. Таким образом, реформа, несмотря на ее радикальный характер, отнюдь не собиралась уничтожить рабовладельческую систему. Наоборот, она хотела ее укрепить путем восстановления общинно-государственной собственности.

Вокруг ретры завязалась ожесточенная борьба. Спарта разделилась на два лагеря: большинство крупных собственников, во главе которых стоял Леонид, и масса бедноты, группировавшейся вокруг Агиса и его немногочисленных друзей и сторонников. Оппозиции удалось добиться того, что ретра прошла в герусии большинством только одного голоса. Тогда партия реформ решила прибегнуть к более крутым мерам. Чтобы разбить оппозицию, Лисандр привлек Леонида к суду. Боясь обвинения, тот бежал в храм Афины и не явился на суд. Тогда его объявили лишенным престола, который передали его зятю Клеомброту.

В 242 г. окончился срок должности Лисандра, а новые эфоры принадлежали к оппозиции и возбудили обвинение против эфоров 243 г. в том, что они противозаконно внесли предложение об уничтожении долгов и разделе земель. Обвиняемым не оставалось ничего другого, как прибегнуть к насильственным действиям. Агис и Клеомброт, вместе со своими сторонниками, явились в народное собрание, прогнали эфоров и выбрали вместо них новых, в том числе и Агесилая. Вооруженная толпа разбила тюрьмы и освободила заключенных. Долговые обязательства были снесены на площадь и сожжены. Противники реформы трепетали, ожидая смерти. Но Агис был против кровопролития. Он даже помог бежать из Спарты своему смертельному врагу Леониду!

Мягкотелость и прекраснодушие вождя погубили все дело. Агесилай занял двусмысленную позицию. Уничтожение долгов было ему выгодно, но, являясь крупным земельным собственником, он вовсе не желал передела земель. Поэтому, хотя народ настойчиво требовал ведения реформы до конца, он всячески ее затягивал. Агиса решили на время удалить из Спарты. Для этого воспользовались просьбой о помощи со стороны Ахейского союза, который готовился к войне с этолийцами. Агис, преисполненный самыми благими намерениями и надеждами, во главе преданной ему и революционно-настроенной армии в 241 г. отбыл из Спарты.

Реакция этого только и добивалась. Отсутствие Агиса развязало ей руки. Агесилай стал вести себя как диктатор. Через некоторое время царь вернулся из похода без всяких результатов: Арат, боясь революционного настроения спартанской армии, постарался поскорее отправить ее обратно. За время отсутствия Агиса

противники реформы настолько окрепли, что нерешительный царь не смог уже поправить положения. Леонида вернули из изгнания и возвратили ему трон. «Народ смотрел на это с удовольствием, — замечает Плутарх, — он негодовал, что его обманули относительно раздела земли».

Дело реформы было погублено. Положение Агиса и Клеомброта стало настолько опасным, что они вынуждены были бежать под защиту храмов. Клеомброт в конце концов был изгнан, а Агис продолжал сидеть в храме. Наконец, обманом его удалось арестовать. В тюрьме над ним устроили инсценировку суда и задушили. Вместе с ним погибли его мать и бабушка. Только молодую жену Агиса, Агиатиду, пощадили, заставив ее выйти замуж за сына Леонида Клеомена (Агиатида была очень богата).

Так, вследствие нерешительности и предательства вождей, а также вследствие неорганизованности масс была раздавлена аграрная революция в Спарте. Но она не погибла окончательно. Вызавшие ее причины не только не исчезли, но, наоборот, еще усилились. Продолжателем идей Агиса стал сын Леонида Клеомен, вступивший на престол в 235 г. под именем Клеомена III. На формирование взглядов молодого царя оказала огромное влияние Агиатида, рассказывавшая ему о планах своего покойного мужа.

Клеомен был сделан из другого теста, чем Агис. Он был гораздо решительнее и умел идти к своей цели, не боясь насильственных мер. Его глубоко возмущало то положение, в котором находилась царская власть в Спарте: «За царем оставался один только титул, — говорит Плутарх, — вся же власть была в руках эфоров». Для Клеомена аграрная реформа была одним из средств укрепить свою собственную власть и обеспечить спартанскую гегемонию над Элладой.

Клеомен понимал, что деморализованная и неорганизованная масса спартанского гражданства не может служить ему надежной опорой, и поэтому решил пойти путем военного переворота. Для этого ему необходимо было создать сильное и преданное наемное войско. С этой целью он разорвал союз с ахейцами и начал с ними войну. В битве при Мегалополе в Аркадии войска Ахейского союза были разбиты (227 г.). Победоносный полководец двинулся на Спарту и произвел там переворот: эфоры были перебиты, 80 их сторонников отправлены в изгнание, герусия уничтожена. Огромные земельные владения изгнанников были конфискованы в пользу государства. К ним присоединились и те земли, которые добровольно отдали Клеомен и его друзья. Так образовался большой земельный фонд, послуживший базой для реформы. Число граждан, посредством пополнения их перизками, было доведено до 4000 человек. Из них была создана пехота тяжеловооруженных по староспартанскому образцу. Точно так же были восстановлены

общественные обеды и система воспитания «по Ликургу». Казалось, Спарта возродилась к новой жизни!

Но спартанские события нашли живейший отклик среди бедноты всей Греции и, в первую голову, среди Ахейского союза, ближайшего соседа Спарты. В городах Пелопоннеса начались волнения. Это не могло не встревожить руководителей Ахейского союза. К тому же Спарта явно стремилась к гегемонии над всей Грецией. Поэтому Арат резко изменил свою прежнюю политику по отношению к Македонии. Не надеясь справиться собственными силами со спартанским «очагом заразы», он обратился за помощью к Македонии. Там в это время правил Антигон Досон, опекун малолетнего царя Филиппа. Антигон с восторгом встретил предложение Арата, так как оно давало Македонии возможность снова вмешаться в дела Греции и, быть может, снова подчинить ее.

Македонские войска вступили в Пелопоннес и в 221 г. в битве при Селласии (к северу от Спарты) нанесли Клеомену решительное поражение. Этот последний бежал в Египет, где вскоре погиб, попытавшись с маленькой группой своих сторонников поднять восстание в Александрии. Спарта была занята Антигоном, который отменил все реформы Клеомена и полностью восстановил олигархический строй. Изгнанники были возвращены. Территория спартанского государства была ограничена одной только Лаконикой.

Однако, внутренние волнения в Спарте не прекращались. Обострение социальных противоречий придавало аграрному движению все более ожесточенный характер и расширяло его классовую базу. Аграрная реформа превращалась в революцию, причем в ней все большую роль начинали играть рабы. Высшей точки своего развития движение достигло в так называемой тираннии Набиса (207—192 гг.).

К сожалению, мы очень мало знаем об этом движении. Да и те отрывочные сведения, которые дошли до нас, крайне искажены субъективно-классовой точкой зрения рабовладельческой историографии. Так, Полибий рассказывает: «Набис, тиран македонян, изгонял граждан, освобождал рабов и женил их на женах и дочерях их господ, открыл в своих владениях как бы священное убежище всякому, кто был изгнан из родной земли за нечестие или подлость, и тем собрал в Спарте множество преступного народа».

Повидимому, характерной чертой революции Набиса являлось то, что ее движущей силой были не только свободная беднота, но и илоты, т. е. спартанские рабы. Большую роль играли также наемные войска. Целью движения были уничтожение долгов, раздел земли и имущества. Революция не ограничилась только Лаконикой, но охватила и другие области Пелопоннеса, в частности Аргос. Ливий пишет: «Созвав собрание (в Аргосе), Набис обнародовал два предложения: одно о новых долговых книгах,

другое о разделе полей поголовно. В руках людей, стремящихся к перевороту, это были два средства разжечь чернь против знати».

Но и движение Набиса было подавлено Ахейским союзом с помощью римлян. В 192 г. Набис был убит в сражении, в Спарте произошла реставрация и она вступила в Ахейский союз. Но в это время на внешнюю и внутреннюю политику Греции уже оказывал сильнейшее влияние Рим. Его вмешательство в греческие дела закончилось в 146 г. полным подчинением Греции (Македония была окончательно покорена еще за два года до этого).

V. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Культура эллинизма имеет ряд специфических черт, сильно отличающих ее от культуры «классической» Греции. Эта специфичность порождена тем, что эллинистическая культура была продуктом весьма сложных общественных явлений: с одной стороны, процессов распада рабовладельческой системы в областях старой Греции, а, с другой, — развития колониальной системы восточного эллинизма.

Чтобы понять все своеобразие эллинистической идеологии необходимо предварительно остановиться на вопросе об эллинистической технике. Выше указывалось, что рабовладельческая техника в Греции, начиная с V в., более или менее стабилизируется и не обнаруживает, в сущности, заметного движения вперед. Причиной этого являлось развитие рабства, почти исключавшего возможность технического прогресса. Иное положение сложилось в странах восточного эллинизма, где в III—II вв. мы можем констатировать значительный подъем техники.

Это явление объясняется рядом причин. Прежде всего, на Востоке преобладала более примитивная, а следовательно, и более мягкая форма рабства. Те разнообразные модификации его, которые мы встречаем на эллинистическом Востоке — рабство-должничество, государственное рабство, крепостнические отношения и т. д. — были сходны в том отношении, что они оставляли непосредственному производителю некоторую (правда, весьма относительную) самостоятельность. Часто крестьянин сидел на земле, ремесленник получал вознаграждение за свой труд. И несмотря на колоссальный гнет внеэкономического принуждения, лежавший на непосредственном производителе, несмотря на его прогрессирующее обнищание и закабаление, он все-таки был несколько свободнее античного раба, а следовательно, и его труд был несколько интенсивнее.

Далее, на Востоке греки и македоняне встали перед лицом огромных практических задач, требовавших такого развития производства, которого никогда не знала классическая Греция. Строительство новых городов, расширение ирригационной системы, рост торгового мореплавания и, следовательно, строи-

тельства судов, колоссальный размах военного дела — все это предъявляло огромный спрос на технику. Наконец, успехи денежного хозяйства, означавшие, в первую голову, рост торговли, заставляли стимулировать ремесленное производство не только в сторону его количественного расширения, но и в сторону поднятия технических приемов, улучшения орудий производства и т. п.

Все эти причины объясняют нам почему, например, эллинистический ткацкий станок (египетский и пергамский) технически был выше греческого. Греки на Востоке, повидимому, использовали туземный ткацкий станок, который уже сам по себе превосходил греческий, и еще более его усовершенствовали. В результате получился сложный станок с несколькими ремизами, дающими возможность производить тонкие и узорчатые ткани. В эллинистическую эпоху славились александрийская и пергамская парчи, косский муслин (тонкая хлопчатобумажная ткань) и египетский виссон (тончайшая ткань, повидимому, полотняная). Большие успехи делает также литейное дело.

Но нигде не выступает так прогресс эллинистической техники, как в ирригации и в военно-морском деле. Великий сиракузский ученый и инженер III в. Архимед изобрел знаменитый винтовой насос («улитку»), посредством которого можно было поднимать воду на большую высоту. Диодор говорит, что Архимед изобрел его, «когда прибыл в Египет». Вероятнее всего, здесь дело идет об усовершенствовании прибора, уже до Архимеда употреблявшегося в египетской ирригации. В этой же связи стоит появление других гидравлических и измерительных приборов, например, насоса Ктезибия (жил в Александрии во второй половине III в.), диоптра, т. е. подвижного водяного уровня, и др.

Военная техника, стимулируемая непрерывными войнами эллинистических государств, делает огромный шаг вперед. Уже при Александре инженер Диад, руководивший осадой Тира и других городов, широко применял изобретенные или усовершенствованные им военные механизмы. Античные писатели (Витрувий, Афиней) сообщают, что он придумал осадные башни, которые можно было переносить в разобранном виде, бурав для сверления крепостных стен, лестницу для подъема на стены, таран на колесах и т. п. При осаде Родоса Дмитрием Полиоркетом в 304 г. была построена грандиозная осадная башня, так называемая «гелепола», т. е. «берущая города». Ее описание мы находим у Диодора: «Основание гелеполы было четырехугольное. Каждую сторону ее, сложенную из скрепленных железом четырехгранных брусьев, Дмитрий сделал длиной около 50 локтей, а внутренность перебрал балками на расстоянии друг от друга приблизительно в локоть, чтобы было где стоять людям, которые должны будут двигать машину. Эту громаду можно было перекатывать всю целиком; она была на восьми прочных больших колесах. Ободы, толщиной в два локтя, были окованы прочными железными шинами. Для

бокового передвижения устроены были ворота, при помощи которых все сооружение легко принимало какое угодно направление. По углам были столбы разной высоты, немного не достигавшие ста локтей, настолько наклоненные друг к другу, что при девяти этажах всего сооружения первый этаж был в 43 акены (акена около 3 м), а верхний — в 9. Три обращенных к неприятелю бока сооружения Димитрий закрыл снаружи железной обивкой, укрепленной на гвоздях, чтобы вполне обезопасить его от зажигательных снарядов. С передней стороны каждый этаж имел амбразуры, размером и формой приспособленные к особенностям предназначенных к метанию чрез них снарядов. Амбразуры были снабжены прикрытиями, поднимавшимися посредством механизма, вследствие чего прислуга, приставленная в каждом из этажей для метания снарядов, находилась в безопасности. Эти заслоны были сшиты из кож и набиты шерстью, чтобы выдерживать удары камнеметов... Соорудил Димитрий и черепахи,¹ одни для земляных работ, другие с таранами, а также галереи, чтобы идущие на работы могли по ним безопасно подходить и возвращаться назад».

Во время осады Сиракуз римлянами в 213—212 гг. Архимед соорудил оборонительные механизмы весьма большой силы. По единодушному свидетельству древних, он построил метательные орудия, посредством которых можно было бросать на большое расстояние огромные камни и целые бревна, топившие римские суда. При помощи огромных кранов сиракузяне зацепляли неприятельские корабли, поднимали их на воздух, топили или разбивали о прибрежные скалы. Обескураженные римляне должны были отказаться от попытки взять город штурмом и перешли к длительной блокаде. Только воспользовавшись борьбой между римской и карфагенской партиями в Сиракузах, римское командование добилось сдачи. Во время разграбления города погиб и Архимед (осень 212 г.).

В связи с ростом эллинистической военной техники стояло и развитие морского дела. Но в еще большей степени оно стимулировалось расширением торговли. В эпоху эллинизма греческое мореплавание вышло далеко за рамки Средиземноморья. Птолемей наладил сообщение по Красному морю, вдоль южного побережья Аравии и дальше, вплоть до Индии. Не отставали от них и греки Запада. На 325—320 гг. падает знаменитое путешествие Питей из Массилии. Купец, ученый и авантюрист в одно и то же время, он решил проникнуть на Север. Торговой целью экспедиции были свинец и янтарь. Питей прошел за Геркулесовы столбы (Гибралтар) и из Гадеса, плывя вдоль атлантического побережья Пиренейского полуострова, достиг острова Уэссана (близ Бреста).

¹ Закрытые передвижные навесы для стенобитных приспособлений и вообще осадных работ.

Затем он объехал Бретань, проник в устье Эльбы и исследовал берега Норвегии вплоть до полярного круга. Льды и туманы помешали ему плыть дальше.

Расширение мореплавания было тесно связано с ростом техники морского дела. В классическую эпоху мореплавание было почти исключительно каботажным: плыли вдоль берегов или от острова к острову и притом только днем. Теперь крупные эллинистические суда отваживаются пускаться в открытое море и плывут круглые сутки. Поэтому средняя (так называемая коммерческая) скорость их увеличивается приблизительно вдвое. Соответствующим образом улучшается оборудование гаваней: появляются маяки (в Александрии, Родосе), волнорезы и т. п. Значительно увеличиваются размеры судов. Наряду со старой классической триерой (судно с тремя «этажами» гребцов), широким распространением пользуются тетеры и пентеры (четырёхэтажные и пятиэтажные суда), появляются октеры (восьмиэтажные) и даже более крупные. Чтобы парализовать неудобство, получавшееся вследствие слишком большой длины весел, в рукоятки их наливали свинец и таким путем уравнивали их на уключинах.

До нас дошло описание знаменитого корабля, построенного по заказу сиракузского царя Гиерона (вторая половина III в.). На него можно было погрузить 60 000 медимнов хлеба, 10 000 бочек сицилийских консервов, 20 000 талантов шерсти и еще сверх того 20 000 талантов другого груза. Если все эти цифры верны, то водоизмещение корабля Гиерона было не меньше 4000 тонн. Внутренность судна была отделана с необычайной роскошью и удобством. Там были искусственные сады, гимнастическая площадка, столовая, читальня, ванная комната и т. п. Судно было прекрасно приспособлено и для военных целей. Оно несло восемь боевых башен: две на корме, две на носу, остальные в середине судна. На каждой башне находилось по четыре вооруженных воина и по два стрелка. Внутренность башен была наполнена камнями и стрелами. На судне стояла камнеметная машина, устроенная Архимедом и выбрасывавшая камни весом в 3 таланта (около 80 кг) и копьа в 12 локтей на расстоянии стадия (около 157 м). Борта судна защищались сетками из толстых канатов, висевшими на медных цепях. На корабле находились три мачты с подъемными машинами для камней.

Судно Гиерона являлось, конечно, исключением: обычные эллинистические суда были значительно меньше. Но самый факт его появления свидетельствует о больших технических возможностях эллинистической эпохи.

Развитие техники, порождаемое широкими практическими задачами, предъявляло соответствующий спрос к теоретической науке. Характерный для классической эпохи разрыв между теорией и практикой, наукой и техникой в значительной мере исче-

зает в эпоху эллинизма. Теперь ученые строят корабли, изобретают насосы, измеряют длину земного меридиана, составляют грамматики и рассекают трупы в целях анатомических исследований. В этом смысле Архимед чрезвычайно типичен для эллинистической эпохи. Он был одним из величайших математиков и физиков всех времен и народов. Он создал понятие бесконечно большого числа, дал теорию рычага, спирали, конуса, цилиндра, открыл гидравлический закон, названный его именем, и т. д. И вместе с тем он был, как мы видели, величайшим практиком, величайшим инженером своей эпохи.

Совершенно естественно, что в эллинистическую эпоху еще более увеличивается то отделение науки от философии, которое намечилось еще в IV в. Рост и дифференциация научных знаний делают почти невозможным старый универсальный тип ученого-философа, характерный для классического времени. Демокрит и Аристотель не могли бы существовать в эпоху развитого эллинизма, так как наука слишком для этого разрослась. Эта дифференциация науки и философии идет тем интенсивнее, что, как увидим ниже, философия все более и более приобретает морализирующие тенденции, становится этической философией.

В эпоху эллинизма особенного развития достигают точные науки: математика, механика, астрономия, математическая география. Это вполне понятно, если мы вспомним размах эллинистического строительства, рост военной техники, развитие мореплавания и т. п. Об Архимеде мы уже говорили. Следует упомянуть еще несколько славных имен. Во-первых, александрийца Эвклида, жившего в первой половине III в. В своем произведении «Элементы» (в 13 книгах) он дал систему элементарной геометрии, настолько совершенную, что она и до сих пор лежит в основе науки. В Александрии же жил великий Эратосфен (около 275—194 гг.). Он занимался математической географией, астрономией и вопросами исторической хронологии. Эратосфен первый определил довольно точно длину земного меридиана и таким образом установил истинные размеры земли. Старший современник Эратосфена Аристарх Самосский, доказал вращение земли вокруг оси и ее движение вокруг солнца. Ко II в. астрономия достигла такой степени точности, что Гиппарх Александрийский (около 190—120 гг.) смог установить точную длину солнечного года и вычислить расстояние от земли до луны и солнца.

Физико-механические знания эллинистических ученых нашли отражение в произведениях Герона Александрийского. Время жизни его не может быть точно установлено. Одни полагают, что он жил во второй половине II в. до н. э., другие относят время его деятельности к более поздней эпохе — к I и даже II вв. н. э. Среди дошедших до нас произведений Герона особенно известен его «Театр автоматов» (точное название «Об искусстве изготовления автоматов»). В нем содержится описание того, как простей-

шими механическими средствами, с помощью груза и системы блоков, зубчатых колес и рычагов, устроить автоматически движущиеся фигуры, которые будут разыгрывать перед зрителем целые пьесы. Герон сделал также ряд открытий в области физики (или, быть может, только описал открытия, сделанные другими). Среди них нужно упомянуть так называемый «геронов шар», в котором водяная струя выбрасывается посредством сжатого воздуха, сифон и пульверизатор. Но особенно интересен паровой шар или «эолипил», являющийся не чем иным, как прототипом современной паровой турбины реактивного действия.

Эолипил Герона представляет полый шар, укрепленный на оси. В него впускается пар из особого резервуара, в котором вода подогревается до точки кипения. В шар вставлены две трубки, концы которых загнуты в противоположные стороны. Пар, вырываясь из трубок, приводит шар в быстрое движение. В этом приборе теоретическая мысль античности сделала великое открытие. Но практически оно могло быть использовано лишь много столетий спустя, когда для этого созрели общественные условия. В античную эпоху паровая машина не могла найти себе никакого применения. Этому мешали и общий низкий уровень техники, и характер эксплуатации, и большое количество дешевой рабочей силы, и недостаточный рыночный спрос на товары. Поэтому эолипил Герона долго оставался только игрушкой, пока капитализм не превратил его в паровую турбину.

Не отставало от точных наук и естествознание. Здесь нужно особенно подчеркнуть развитие физиологии и анатомии, тесно связанное с успехами медицины. В этой области огромные заслуги принадлежали Герофилу, жившему в Александрии в конце IV и начале III вв., и Эрасистрату, придворному врачу Селевка I. Они занимались вскрытием трупов и висцерацией, открыли нервы, выяснили значение пульса и много сделали для анатомии мозга и сердца. В области ботаники необходимо отметить труды Теофраста (372—287 гг.), ученика Аристотеля.

Эллинистическая эпоха выдвинула новую область знания, которая в классический период почти отсутствовала. Это — филология в широком смысле слова: грамматика, критика текста, литературная критика и т. п. Развитие языкознания было совершенно естественным в новой многоплеменной и многоязычной среде Востока, а огромные литературные сокровища, переданные эллинизму классической эпохой, требовали соответствующей обработки и теоретического осмысления. Главное значение здесь имела деятельность александрийской школы филологов, особенно в лице Зенодота (конец IV в. и первая половина III), его ученика Аристофана Византийского (вторая половина III в.) и ученика этого последнего, Аристарха Самофракийского (первая половина II в.). Главной заслугой александрийской школы является критическая обработка текста и комментирование классических произве-

дений греческой литературы: Гомера, Аристофана, трагинов и др.

В предыдущем изложении мы неоднократно встречались с ведущей ролью Александрии в культурной жизни эллинизма. Эта роль объясняется, прежде всего, экономическим и политическим значением города в эллинистической системе. Но немаловажную долю здесь необходимо отнести на счет сознательной политики первых Птолемеев. Желая укрепить свои позиции в Египте, завоевать как можно больше авторитета в Греции и окружить свое царствование ореолом просвещения и культурности, Птолемеи широко привлекали в Александрию выдающихся ученых и писателей и ставили их в чрезвычайно благоприятные условия. Научным центром Александрии служил основанный первыми Птолемеями «Музей», нечто вроде академии наук. Здесь находились разного рода кабинеты, коллекции, аудитории, а также бесплатные квартиры для ученых. В тесной связи с Музеем была знаменитая александрийская библиотека. Согласно некоторым известиям, в ней находилось около 700 000 «томов» (свитков).

Философия в эллинистическую эпоху переживает глубокий упадок. Территорией ее остается попрежнему Греция, в особенности Афины. Обстановка восточных эллинистических монархий отнюдь не благоприятствовала философскому процветанию. Но и условия материковой Греции были не таковы, чтобы поддерживать на прежнем уровне философские исследования. Великая греческая философия классического периода была исключительно продуктом полиса. Поэтому упадок полиса являлся и упадком философии.

Впрочем, старые философские школы — академическая и перипатетическая — еще долго продолжают существовать, но представляют только жалкие тени былого величия. К тому же их представители все больше и больше отходят от чисто философских исследований в сторону конкретной науки. Наиболее типичными для эллинистической эпохи являлись две новые философские системы — эпикурейство и стоицизм. Обе они в своих истоках восходят к софистам и Сократу. Ученик софистов, а впоследствии Сократа, Аристипп, богатый гражданин города Кирены (в северной Африке), основал школу, получившую название киренской. Аристипп исходил из основного тезиса своего учителя о том, что существует объективная добродетель. Этой добродетелью он считал наслаждение, чувственное или духовное — безразлично. Все, что причиняет наслаждение, — добро, все, что причиняет страдание, — зло. Другой ученик Сократа, афинянин Антисфен (раньше он был учеником Горгия), основал школу, названную кинической (или цинической). Антисфен, так же как и Аристипп, учил, что объективной нормой поведения является стремление к наслаждению. Но в то время как Аристипп центр тяжести переносил на активную эмоцию удовольствия, которую человек

получает, благодаря разнообразию своих потребностей, Антисфен считал, что высшее блаженство состоит в полном отсутствии потребностей. Поэтому киники проповедывали презрение к роскоши, богатству, к наслаждениям и к культуре вообще. Они призывали к полному опрощению, к сведению всех потребностей до минимума. Они отрицали семью, государство, религию и рабство.

В этих школах IV в. отразилось мировоззрение двух противоположных полюсов разлагающегося рабовладельческого общества: в киренской — мировоззрение богатой паразитической верхушки, в кинической — паразитических люмпен-пролетарских низов. Из них-то и вышли в III в. эпикурейская и стоическая школы.

Основателем первой был афинянин Эпикур (341—270 гг.). Его учение носило резко выраженный этический характер. Как и Аристипп, он утверждал, что целью человека должно быть достижение личного блаженства. Это блаженство может быть достигнуто как в процессе удовлетворения потребностей (и тогда оно носит активный характер), так и после удовлетворения. В последнем случае блаженство состоит в отсутствии страданий. Эту пассивную форму блаженства Эпикур считал наивысшей, называя ее атараксией, т. е. невозмутимостью, душевным покоем. Но душевный покой, по мнению Эпикура, требует освобождения человека от всех ложных представлений о природе вещей, от всего мифического и религиозного. Поэтому Эпикур в основу своей этической философии кладет физическое мировоззрение Демокрита, т. е. атомизм. Однако, падение философской мысли выразилось в том, что Эпикур отступает от демокритовского тезиса о чисто механической необходимости всякого движения. По Эпикуру, атомы первоначально падают сверху вниз, совершенно параллельно. Но так как при этом невозможно объяснить столкновения атомов, то Эпикур допускает, что некоторые из них произвольно отклоняются от отвесной линии падения и таким образом сталкиваются с другими.

Вторая система — стоицизм — была создана Зеноном из Кития на Кипре (около 336—264 гг.). Он основал школу в Афинах, а так называемой «стоа пойкиле», «узорном портике», откуда она и получила название «стоической», или «стои». Систематизатором стоической философии был Хризипп (280—206 гг.). Как философия Эпикура вышла из киренской школы, так стоицизм преемственно связан с киниками. Стоики ищут идеал добродетели в полной независимости желаний и поступков от аффектов. Высшей нормой поведения является «апатия», бесстрашие. Мудрец повинуеться только разуму, не давая ни малейшей воли чувствам. Поступать так — значит следовать «природе», которая, по мнению стоиков, тождественна с мировым разумом. Таким образом, этическое учение стоиков покоится на идеалистическом принципе.

В полном противоречии с этим находится метафизика стоицизма, носящая примитивно-материалистический характер. Стоики утверждали, что нет ничего, кроме тел. Даже мировой разум они понимали материалистически, отождествляя его с огнем. Здесь ярко выступает эклектизм стоицизма, противоречивое соединение в одно целое различных философских принципов.

Учение стоиков о «природе» предполагает единство этой природы для всех существ. Отсюда они выводили необходимость разумного общения людей, стоящего выше всех условных разграничений. Поэтому они отрицали национальные перегородки, а также конкретные исторические формы государства и права. Развивая учение об естественном праве, общем для всех людей, стоики приходили и к отрицанию рабства.

Обе системы — эпикурейская и стоическая — имеют ряд общих моментов, типичных для всей вообще послеклассической греческой философии. Важнейшим из них является синкретизм (эклектизм), неспособность создать единую и последовательную систему взглядов, свободную от внутренних противоречий. Затем необходимо отметить этический характер обеих систем. Их меньше интересуют натурфилософские или гносеологические проблемы, чем вопросы морали. При этом они решаются в духе крайнего индивидуализма и гедонизма.¹ И стоиков и, особенно, эпикурейцев занимают только вопросы личного усовершенствования. Они замыкаются в узкую скорлупу своего «я», отгораживаются от внешнего мира. Политика не интересует эпикурейцев. Их нравственные идеалы носят пассивный характер: не борьба со злом, а отход от зла — вот конечная цель эпикурейца. Стоики признают по крайней мере, что дельный человек не будет жить в одиночестве, потому что он общественен по природе и практически деятелен. Все эти черты ясно отражают падение старой коллективной морали полиса, развитие индивидуализма, рост аполитичности — грозные симптомы распада старой рабовладельческой системы Греции.

Для позднеэллинистической философии характерна еще одна черта: религиозный уклон. Уже «мировой разум» стоиков явно выдает свою теологическую природу. В дальнейшем религиозные тенденции в философии выступают все яснее и яснее. Это сказывается особенно сильно на Востоке, в частности в Александрии. Здесь на основе платонизма в I в. до н. э. сложились две мистико-религиозных школы: так называемый новопифагореизм и иудейско-александрийская школа. Наиболее крупным представителем второго течения был Филон александрийский (I в. до н. э. — I в. н. э.). Обе школы представляют эклектическую смесь платоновского идеализма, пифа-

¹ Гедонизм — этическое учение, считающее высшей целью человеческой деятельности стремление к наслаждению.

горейской числовой мистики и иудейского монотеизма. Провести в них грань между философией и религией совершенно невозможно.

И эта черта эллинистической философии весьма показательна как симптом ее глубокого упадка. Что же касается религии в узком смысле этого слова, то эпоха эллинизма принесла здесь ряд новых явлений. Прежде всего — культ монархов. Правда, он вырос на почве обожествления личности царя, характерного для некоторых древневосточных обществ. Но греко-македонские монархии сделали этот культ общим и довели его до логического конца. Не только царствующие монархи, но их жены и иногда любовницы признаются богами, им оказываются божеские почести, воздвигаются храмы, алтари и т. п. Даже Греция не избежала этого явления (почести, оказанные в Афинах Антигону и Димитрию Полиоркету).

Другой характерной чертой является культ судьбы (богиня «Тюхе», олицетворение счастья, случая). И в нем мы видим старое греческое представление о слепых силах общества и природы, стоящих над человеком. Но это представление значительно модифицировано в новых условиях. Формирования огромных монархий и их быстрые распады, головокружительные карьеры эллинистических деятелей и их столь же головокружительные падения, рост удельного веса личности в общественных отношениях — все это не могло не отразиться на старой концепции. «Судьба» теряет свои грозные черты стихийной силы и скорее приобретает вид капризного случая, удачи, счастья.

Но самым типичным для эллинистической религии является ее синкретизм. Ни в одной области идеологии смешение (иногда механическое) различных элементов не выступает так отчетливо, как здесь. Синкретизм шел по линии объединения греческих и восточных религиозных представлений. Образы богов и их культы принимают смешанный греко-восточный характер, где иногда почти невозможно различить составные части, а иногда они выступают совершенно ясно. Примером такого религиозного синкретизма является египетский культ бога Сараписа, введенный Птолемеем I. В образе Сараписа слиты Озирис, Дионис и Аид (Плутон). Религиозный синкретизм эллинистической эпохи послужил той базой, на которой впоследствии сложилось христианство.

Несколько слов об эллинистическом искусстве. Старые классические формы его или исчезают или наполняются новым содержанием. Существеннейшими факторами здесь являлись падение демократии полиса, развитие индивидуализма и рост практических задач, связанных со строительством новых форм государственной и общественной жизни. Уравновешенное, гармонически-спокойное идеализирующее искусство Фидия и Праксителя сменяется динамичностью, эмоциональной выразительностью, реализмом. Знаменитые рельефы пергамского алтаря Зевса, изобра-

жающие борьбу богов и гигантов («гигантомахию»), поражают необычайным мастерством, с которым передано страстное напряжение и динамика битвы. Истоки этого мастерства восходят еще к Скопасу, но только теперь оно получает полное развитие. Такого же характера ряд эллинистических скульптур, отражающих галльское нашествие: раненый галл, умирающий галл, галл и его жена и др. В них реалистическая трактовка человеческого тела соединена с крайней эмоциональной выразительностью. Прославленные позднеэллинистические группы — «Фарнезский бык» и «Лаокоон» — являются образцами монументального искусства, переносящими трагические сюжеты в область статуарной пластики.

Реализм нашел также яркое выражение в эллинистическом портрете и в жанре — роде искусства, только теперь завоевавшем себе прочное место. Такие произведения, как, например, известный александрийский рельеф «Крестьянин с коровой», были бы немислимы в V в.

Глубокие сдвиги общественного сознания отражает и литература. Старая политическая комедия бесследно исчезает вместе с крушением полиса и сменяется реалистической бытовой комедией. Афинянин Менандр (343—291 гг.) в своих многочисленных комедиях дал реалистическое описание современных ему жизни, быта и характеров, полное наблюдательности и тонкого юмора. Римские писатели Плавт и Теренций широко подражали Менандру, а иногда просто переводили его комедии. Геронд (родился, повидимому, в Сиракузах) в половине III в. писал так называемые «мимиямбы» — коротенькие драматические сценки, в которых выведены самые обыкновенные люди: сапожник, школьный учитель, продавец рабов, сплетничающие мещанки и т. п.

Придворный быт эллинистических монархий и жизнь больших городов породили особый вид поэзии — идиллию (от греческого слова эйдиллион, «маленькая пьеса»). Величайшим представителем этого жанра был Феокрит (родился в Сиракузах в конце IV в.). В его стихотворениях даны мастерские картинки природы, на фоне которой разворачивается простая жизнь деревенских людей, главным образом пастухов. Здесь ярко выступает тяга горожанина к природе, к бесхитростным нравам деревни. Если у Феокрита во всем этом еще не чувствуется сентиментальности, то в дальнейшем идиллия вырождается в слащавую идеализацию пастушеского быта (так называемая «буколическая поэзия»).

Монументальные жанры классической литературы — эпос, трагедия — хотя и существуют в эллинистическую эпоху, но теряют всю свою былую свежесть и непосредственность. Такой писатель, как Каллимах (первая половина III в.), был скорее ученым филологом, чем поэтом. Он сочинял трагедии, эпические поэмы, гимны, лирические стихотворения, эпиграммы и т. п. Каллимах большой мастер стиха, но в нем совершенно нет поэтиче-

ской искренности. Это — ученый придворный поэт, холодный, остроумный и льстивый.

Другой крупный писатель этой «академической школы» Аполлоний Родосский, противник Каллимаха, попытался воскресить эпос. В своем большом произведении «Аргонавтика» («Поход аргонавтов») он подражает Гомеру. И у него огромная эрудиция, изысканность и виртуозность стоят на первом плане. Только в образе Медеи дана мастерская психологическая характеристика.

І. СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ ИТАЛИИ

В то самое время, когда на Востоке складывались и распадалась огромные эллинистические монархии, на Западе росла новая сила, которая в дальнейшем подчинила себе весь средиземноморский мир. Этой силой был Рим. Откуда выросло римское объединение Средиземноморья? Этим занимался еще Полибий, когда пытался ответить на свой знаменитый вопрос: «Каким образом, когда и почему все известные части земли подпали под власть римлян?» Римское объединение шло в форме завоевания, и Рим вышел победителем потому, что рабовладельческое общество Италии было более молодым и, следовательно, более сильным. Социальные противоречия в решающий момент борьбы за мировое господство выступали в нем менее резко, чем у его противников.

Но римское объединение имело в своей основе нечто более глубокое, чем только завоевание. Это последнее скорее было формой, чем содержанием. Вся предыдущая история Средиземноморья подготовила римское объединение. Еще до выступления Рима на мировую сцену в разных частях средиземноморского района возникали и разрушались отдельные рабовладельческие центры, являвшиеся фокусами экономических, политических и культурных связей. Несмотря на натурально-замкнутый характер рабовладельческого хозяйства в целом, несмотря, следовательно, на внешний и поверхностный характер этих связей, они существовали и в течение тысячелетий понемногу расширялись и углублялись. Вавилония, Египет, Ассирия, Персия, Эгейский район, монархия Александра, эллинистические государства, на Западе Карфаген — таковы были эти очаги и, вместе с тем, этапы средиземноморского объединения. Рим завершил этот процесс. В форме завоевания, методами грубого внеэкономического принуждения, он включил весь «круг земель» в единую политическую систему. Но в основе здесь лежали уже проторенные пути и протянутые раньше нити многообразных связей. Без этих старых связей не могла бы образоваться и римская держава.

Однако, Рим является не только самой последней и поэтому самой широкой и прочной стадией объединения Средиземно-

морья. Римское объединение было выражением и более высокой стадии развития рабовладельческого общества. Рабовладельческая система Рима выросла не на «пустом месте», но на почве, взрыхленной тысячелетиями исторического развития. Рим использовал богатый опыт предшествующих поколений в области техники и экономики. Рим включил в свой состав старые рынки и расширил старые торговые связи. Рим, наконец, методами своего объединения и управления колоссально раздвинул рамки рабовладельческой системы, во много раз увеличив количество рабов и сделав возможным проникновение рабства в самые отдаленные уголки Средиземноморья и во все области хозяйства.

Поэтому Рим довел античную форму рабства до ее исторического конца. Только на римской почве все противоречия рабовладельческой системы получили максимальное развитие, — в том числе и социально-классовые противоречия. Только в римскую эпоху антагонизм между рабовладельцами и рабами достиг степени остроты, необходимой для того, чтобы породить революцию рабов, которая «... ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 527). Поэтому-то античное рабство в его римской форме было непосредственной предпосылкой европейского феодализма и всего дальнейшего исторического развития.

* * *

История Рима — сначала история маленького города на Тибре, затем история Италии и, наконец, история Средиземноморья. Во всяком случае, центральным фокусом и базой римского развития была Италия. Апеннинский полуостров узкой и длинной полосой вдается в море. Вместе с Сицилией, составляющей его непосредственное продолжение, он образует мост, соединяющий северное побережье Средиземного моря с южным, и вместе с тем является границей, которая отделяет восточную часть Средиземноморья от западной. Таким образом, Италия, как и Греция, окружена со всех сторон морем. Но, пожалуй, только этим и ограничивается сходство между ними. В то время как в Греции море глубоко проникает внутрь страны, Италия в гораздо большей степени является континентальной страной. Ее береговая линия гораздо менее извилиста. Особенно однообразно адриатическое побережье: оно тянется длинной и ровной линией, почти не образуя выступов (за исключением Гарганского мыса) и заливов. Только в южной части полуострова лежит обширный Тарентский залив. Итальянское побережье Адриатики не имеет удобных гаваней, за исключением Брундизиума. Берега либо обрывисты, либо вдоль них тянутся песчаные отмели, делающие невозможным судоходство. Островов почти нет.

В лучшем положении находится западное побережье. Здесь береговая линия более извилиста, образует ряд удобных за-

ливов, а вдоль побережья разбросано несколько мелких островков: Капрей, Илья и др. Но и западный берег Италии в смысле дифференцированности значительно уступает Греции. К тому же Тирренское море по сравнению с Эгейским кажется совершенно пустым. Крупные острова — Сардиния и Корсика, находящиеся на большом расстоянии от Италии — и те несколько островков, о которых только что упоминалось, ни в коем случае не могут идти в сравнение с островным миром Эгейского бассейна, образующим мост между греческим материком и Малой Азией.

Таким образом, внешние условия для развития мореплавания в Италии были гораздо менее благоприятны, чем в Греции. Но то же самое нужно сказать и о внутренних условиях. Апеннинский полуостров был богаче Балканского своими сырьевыми ресурсами: металлом, лесом. Кроме этого, Италия в древности была страной по преимуществу земледельческой. Условия итальянской почвы давали возможность не только разводить оливки и виноград, как в Греции, но и зерновые культуры: просо, ячмень, полбу, пшеницу. Поэтому древняя Италия не была в такой степени, как Греция, связана с внешним миром необходимостью ввозить хлеб, строевой лес и другие виды сырья. Хозяйство Италии в гораздо большей степени, чем хозяйство Греции, было хозяйством натурально-замкнутым и в силу этого — отсталым.

Этой отсталости содействовали и условия социальной среды, окружавшей Италию. Тех оживленных сношений с Востоком, которые являлись одной из предпосылок раннего и высокого развития Греции, Италия не знала. Самыми культурными соседями итальянских племен были греческие колонии юга Италии и Сицилии. Непосредственные сношения с материковой Грецией были затруднены дальностью расстояния, отсутствием островов, а также тем обстоятельством, что обращенная к Италии западная часть Балканского полуострова была в экономическом и культурном отношении самой отсталой.

Строение поверхности Италии также значительно отличало ее от южной части Балканского полуострова. В то время как Греция бесчисленными и труднопроходимыми горными цепями была разделена на множество изолированных областей, Италия была менее изрезана. Правда, горный хребет Апеннин, проходя с севера на юг полуострова и разбегаясь во все стороны многочисленными отрогами, создает во многих местах Италии чисто горные ландшафты. Но, наряду с этим, горы часто отступают далеко от моря, открывая обширные плодородные равнины (Лациум, Кампания и др.). Горы Италии ниже, более пологи и доступнее для сообщений. Поэтому природа Италии не ставила тех трудноодолимых для тогдашнего уровня техники препятствий для экономического и политического объединения, как природа Греции. К этому надо добавить, что в Италии было несколько

довольно больших рек — Пад (По), Арно, Тибр и другие, — некоторые из которых являлись судоходными.

Климат Италии в древности сильно отличался от современного. Он был более влажным и прохладным, что зависело, главным образом, от большого количества лесов, когда-то покрывавших Апеннинский полуостров и ныне вырубленных. Леса задерживали таяние снегов, благодаря им в почве дольше держалась влага, что приближало климат Италии к средневропейскому, тогда как в наше время в нем сильнее выступают субтропические моменты. Это отражалось и на флоре. Древняя Италия не знала лимонов, апельсинов, кактусов, риса и др. Все эти растения появились там позднее, — некоторые только в самое последнее время.

Таким образом, условия географической и социальной среды Италии в целом были менее благоприятны для исторического развития, чем аналогичные условия Греции. Отсутствие непосредственных связей с Востоком, характер побережья и прилегающих морей, характер почвы, недостаточные стимулы для развития внешней торговли — все это долго задерживало древнюю Италию на уровне натурально-замкнутого хозяйства и примитивной культуры. Да и позднее, уже в эпоху расцвета италийского рабовладельческого общества, оно оставалось по преимуществу аграрным, со всеми свойственными этому последнему специфическими особенностями.

Перейдем теперь к вопросу о населении Италии. В древности оно было чрезвычайно пестрым. На севере Апеннинского полуострова, в долине По (теперешняя Ломбардия), жили многочисленные племена кельтов (галлов): инсубры, ценоманы, бойи и др. Эта часть полуострова в древности не входила в состав Италии, называясь Цизальпинской Галлией, т. е. Галлией по сю сторону Альп. Она делилась на Галлию Транспаданскую (Галлию по ту сторону По) и Галлию Циспаданскую (Галлию по сю сторону По).

К югу от верхнего По, в Приморских Альпах и на генуэзском (лигурийском) побережье, жили племена лигуров, повидимому, родственные соседним галлам.

Южнее Циспаданской Галлии, к западу и северу от Тибра, обитали этруски или туски, по имени которых и вся область называлась Этрурией (теперешняя Тоскана).

К востоку и югу от этрусков, занимая часть северной, всю среднюю и часть южной Италии, жили многочисленные племена италиков. На севере в гористой Умбрии — умбры. Восточнее их, до самого моря, — пицены. К югу от нижнего Тибра, занимая северную часть Лацциума, жило маленькое племя латинян. Их непосредственными соседями с востока и юга являлись племена эквов, герников и вольсков.

К югу от умбров и пиценов, в восточной части средней Италии, обитала большая группа италиков, обычно называемая сабелло-

самнитской группой. К ней принадлежали мелкие племена сабинян, пелигнов, марсов, френтанов и большое племя самнитов. Южная ветвь самнитов — луканы и бруттийцы — занимала западную часть южной Италии — Луканию и Бруцциум. В восточной половине южной Италии, в областях Апулии и Калабрии, кроме самнитов, жили мелкие племена давнов, япигов (или мессапов) и др., повидимому, не принадлежавшие к италикам.

Побережье южной Италии, вплоть до Кампании, было занято греческими колониями. Здесь находились города Тарент, Сибарис (Фурии), Кротон, Региум, Элея, Посидония, Неаполь, Кумы и др.

Сицилия служила ареной борьбы между греками, колонизовавшими восточную половину острова (города Сиракузы, Леонтины, Катана, Тавромений и др.), и карфагенянами, занявшими западную половину (Дрепанум, Лилибей, Акрагант и др.). Внутри острова жили туземные племена сикулов и сиканов. Сардиния и Корсика с их туземным населением сардов также были объектами карфагенской и греческой колонизации.

Как объяснить эту огромную этническую пестроту Италии? Буржуазные ученые в подавляющем большинстве стоят в этом вопросе на миграционной точке зрения. По их мнению, основная часть населения Италии — галлы, этруски и италики — пришли на полуостров извне. Они истребили или оттеснили в горные части страны коренное («доисторическое») население Италии, к остаткам которого относят лигуров, а также сикулов и сиканов Сицилии. По вопросу о том, откуда и когда мигрировали в Италию все эти племена, в буржуазной науке существует величайшая разногласия. Меньше всего споров о галлах. Большинство считает, что они появились в долине По из-за Альп уже в очень поздние времена (VI—V вв.). Сравнительно немного споров и об италиках. Полагают, что они мигрировали на полуостров с северо-востока, из общей индоевропейской «прародины» на Дунае. Время этого события определяют различно, но, во всяком случае, в рамках первой половины II тысячелетия. Италики, будто бы, принесли с собой бронзовую технику.

Зато бесконечно дискутируется вопрос об этрусках. Мало найдется проблем, которые были бы столь запутаны, как этрусская проблема. Начнем с того, что мы знаем об этрусках. Античная традиция оставила три версии предания об их происхождении. Одна принадлежит Гелланику Лесбосскому и сводится к тому, что предками этрусков были пелазги (древнейшее население Греции), изгнанные эллинами и поселившиеся в северной Италии. Вторая версия — Геродота. Она считает предками этрусков лидян, переселившихся в Италию из Малой Азии. Наконец, третья версия была выдвинута Дионисием Галикарнасским. Этот последний утверждает, что этруски — туземный и очень древний народ Италии, не похожий ни на какой другой народ.

Археология дает большой материал для суждения о культуре этрусков. От них сохранились многочисленные погребения с богатым инвентарем, развалины поселений, большое количество художественных изделий, остатки стеной росписи, керамика и т. п. Некоторые предметы носят явно импортный, греческий и финикийский, характер; другие — безусловно туземного происхождения. Но и стиль этих последних часто имеет что-то общее со стилем микенских и раннегреческих изделий. Кроме этого, имеется около 10 000 этруских надписей. Они написаны на греческом алфавите, но на непонятном нам языке. Все усилия прочесть эти надписи до сих пор оказываются безуспешными: удалось расшифровать только отдельные слова. Но общий строй языка — не индоевропейский. Этрусский язык, повидимому, принадлежит к яфетической языковой системе и, в частности, близок многим кавказским языкам.

В латинском языке и в римском быту можно констатировать массу этрускизмов. К ним относятся многие римские имена людей и богов: Марк, Помпей, Гней, Минерва, Юнона и другие. Самое слово «Рим», повидимому, этрусского происхождения. Римляне считали, что они заимствовали от этрусков знаки верховной власти: 12 ликторов (слуг) с топорами и пучками розог, трон (так называемый *sella curulis*), тогу претексту (плащ, окаймленный пурпуровой полосой). Этрусского происхождения были, повидимому, римские гадания, гладиаторские бои и некоторые другие институты.

Археологические памятники и литературные источники говорят нам, что некогда область распространения этрусков по Италии была гораздо шире позднейшей Этрурии. Следы их есть в северной Италии, в Лациуме, в Кампании. Известна долгая борьба этрусков с Кумами в конце VI и начале V вв., закончившаяся победой кампанских греков в союзе с сиракузским тираном Гиероном (474 г.). До 424 г. этрусская знать господствовала в Капуе, после чего она была истреблена самнитами.

Все эти данные заставляют буржуазную науку строить гипотезу о чисто миграционном пути происхождения этрусков. Их считают племенем, чуждым остальному итальяскому населению. Одни ученые (меньшинство) полагают, что этруски, как и италики, пришли на Апеннинский полуостров с севера или северо-востока; другие (большинство), следуя Гелланику и Геродоту, выводят этрусков из Эгейского района, сближая их культуру с крито-микенской. Эта господствующая теория датирует появление этрусков в Италии концом II тысячелетия и связывает это событие с «гибелью» крито-микенской культуры, «дорийским завоеванием», нападением «морских народов» на Египет и т. п.

В какой степени приемлемо это объяснение для нас? Внушает сомнение, прежде всего, огульно-миграционное толкование происхождения основного ядра итальянского населения. Мы не отвер-

гаем миграций, но возражаем против миграционной теории как общего метода объяснения всяких новых явлений. Если говорить об этрусках, то весьма подозрителен путь их проникновения в Италию. Целый народ или значительная часть его села на суда и отправилась за море искать новой родины. По дороге этруски почему-то не оставили никаких следов своей культуры, а прямым рейсом прибыли в теперешнюю Тоскану (по другой гипотезе — на северо-западное побережье Адриатического моря), откуда широко распространились на север, вплоть до Альп, и на юг, в Лациум и Кампанию. Такая форма миграции совершенно невероятна. Ей противоречит и тот факт, что огромное большинство позднейших этруских городов было расположено вдали от побережья. Для народа, прибывшего с моря, это обстоятельство совершенно необъяснимо. Одним из решающих аргументов против миграционного происхождения этрусков (а также и италиков) служат упоминавшиеся выше этрускизмы в римской жизни и латинском языке. Их так много, что объяснить это простым внешним заимствованием крайне трудно. Мало этого: как увидим ниже, в ранней истории Рима этруские и италийские элементы переплетаются столь тесно, что мы должны допустить какой-то общий корень, какое-то общее происхождение обеих этнических групп.

Все эти соображения заставили Н. Я. Марра отбросить миграционную теорию для объяснения появления в Италии трех основных элементов ее населения: италиков, этрусков и кельтов. (Что касается греков и карфагенян, то они, бесспорно, — элемент пришлый, появившийся в Италии и Сицилии довольно поздно.) Опираясь на работы Н. Я. Марра, можно высказать следующую рабочую гипотезу о происхождении основного этнического ядра Италии (эта гипотеза в общих чертах недавно развита Н. Н. Залесским). Древнейшим, насколько можно установить, этническим слоем Италии является тот слой, остатки которого уцелели в позднейших племенах лигуров и сикулов. Поэтому его можно условно назвать лигуро-сикульским. Он соответствует эпохе неолита и энеолита (приблизительно III тысячелетие). Социальные отношения этой эпохи — материнский род. Во II тысячелетии совершается переход к бронзе. Материнский род начинает разлагаться, уступая место отцовскому роду (патриархат). Мелкие этнические образования лигуро-сикульской стадии сливаются в более крупные племенные группы. Они принадлежат к новой этнической стадии развития, которую также условно можно назвать этрусской (точнее, этрускоидной). Как и предыдущая, эта стадия была широко распространена на Апеннинском полуострове и на островах. Поэтому можно сказать, что в эту эпоху вся Италия была этрусской (этрuscoидной). Однако, ведущей областью являлась северная Италия, в частности, позднейшая Этрурия. Этрuscoй стадии развития приблизительно соответ-

ствует в Эгейском районе так называемая пелазгическая (крито-микенская) стадия.

В начале I тысячелетия, вместе с переходом к железу, в Италии выступают более резко процессы социальной дифференциации. Окончательно складывается патриархальная система с выделением отцовской семьи. Начинает выделяться богатая аристократическая верхушка. Племенные группы объединяются в союзы племен. Возникают укрепленные поселения. В некоторых районах, преимущественно в западной части средней Италии, этрускоидное состояние этнической среды стабилизируется. Появляются собственно-этрусские племенные образования с рядом типических особенностей их материальной и духовной культур. Но в то же самое время, отчасти в этих же районах, отчасти в соседних, идет параллельный процесс. Из «этрускоидной» этнической среды начинают выделяться новые элементы: это — италики в средней Италии и кельты (галлы) на севере. Они принадлежат уже к индоевропейской племенной и языковой стадии. Между всеми этими племенными образованиями идет процесс теснейшего взаимодействия: борьба, слияние одних групп с другими, поглощение слабых групп сильными. Разложение родового строя и выделение имущей верхушки вызывает интенсивные передвижения отдельных племенных элементов, дружин и т. п. Происходят вооруженные столкновения, завоевания, пиратские набеги. К этому присоединяется все усиливающееся влияние греков и карфагенян.

В этой обстановке процесс индоевропеизации Италии расширяется. Италики и кельты становятся ведущими этническими силами. «Этрускоидные» и этрусские элементы поглощаются новой средой и в конце концов оказываются ограниченными областью собственно-Этрурии, где они и держатся еще в течение нескольких столетий. В более отсталых районах уцелели также остатки лигуро-сикульской этнической среды.

Все вышеизложенное — только рабочая гипотеза. Она оставляет еще много вопросов неясными. Но, во всяком случае, она более удовлетворительно объясняет факты, чем господствующая в буржуазной науке индоевропейская теория с ее механистическим принципом миграций.

II. РАННИЙ ПЕРИОД РИМСКОЙ ИСТОРИИ

Каков был общественный строй италиков в VII—VI вв. до н. э.? С точки зрения экономического и социального развития их можно разделить на две группы: восточных и западных. К восточным италикам принадлежали умбры, пицены, восточные самниты и др. Уже самым характером занятой ими местности они обрекались на известную отсталость. У восточных италиков до поздней поры сохранялись довольно примитивные отношения родоплеменного характера, и, во всяком случае, не они являлись ведущей частью населения Италии.

Гораздо большую роль играли западные италики. Из них в первую голову надо назвать латинян, населявших Лациум.

Западные италики в целом, а латиняне, в частности, жили в местности, гораздо более благоприятной для исторического развития: Лациум выходил на Тирренское море, которое издавна было районом довольно интенсивной торговли между карфагенянами, греками и этрусками. Поэтому быт латинян дает картину более развитых отношений, чем быт восточных италиков. У латинян довольно рано мы находим полисный строй. Правда, полисы эти были довольно примитивны. Первоначально это были скорее городища, укрепленные центры, куда сходилось население в случае опасности. Близость Тирренского моря с его пиратством способствовали развитию таких укрепленных центров. По мере дальнейшего развития производительных сил, разложения родовых отношений, отделения ремесла от сельского хозяйства, развития рабства, эти городища превращаются в полисы, в центры местных общин.

В ранний период в Лациуме насчитывалось несколько десятков таких городков. Быть может, уже в ранний период они образовали союз во главе с Альбалонгой.

Рим в этот период был одним из рядовых членов латинской федерации, если он вообще в нее входил. Вопрос о происхождении Рима — один из самых трудных в исторической науке.

Возникновение Рима окутано мраком легендарной традиции. Точных, проверенных исторических данных о возникновении Рима мы не имеем.

Городская римская летопись, как было указано выше (см. «История античного общества. Греция», стр. 30), возникла не раньше половины V в., да и то она была очень краткой.

Историческая традиция, сохранившаяся у римских и греческих историков, у Ливия, Дионисия Галикарнасского и др., и нашедшая свое отражение в поэзии, излагает легенду о возникновении Рима приблизительно так. Троянец (точнее, дарданец) Эней (о нем есть упоминание в «Илиаде»), сын Анхиза и богини Афродиты, уцелел при разрушении Трои. Вместе с сыном своим Асканием (или Юлом) Эней бежал и после долгого странствования прибыл к берегам Лациума.

В Лациуме царствовал тогда Латин, царь местного населения «аборигенов». Он дружески принял Энея и выдал за него замуж свою дочь, Лавинию. После смерти Энея Асканий основал новый город Альбалонгу и стал там царствовать. По другому варианту легенды Асканий (Юл) был сыном Энея от Лавинии. Важно то, что по обоим вариантам Юл был основателем Альбалонги и родоначальником тамошнего царского рода. Через несколько поколений после Юла в Альбалонге царствовал Нумитор. Но его сверг с трона его младший брат Амулий и воцарился в Альбалонге сам, а дочь Нумитора, Рея-Сильвию, отдал в весталки. Весталки, т. е. жрицы богини Весты, должны были давать обет безбрачия. Рея-Сильвия от бога Марса родила двух близнецов, за что и была осуждена Амулием на смерть, как нарушившая свой обет. Близнецов, родившихся у Реи-Сильвии, Амулий приказал бросить в Тибр. Но раб, которому это было поручено, оставил корзину с близнецами на мелком месте, так как из-за разлива реки ему трудно было дойти до глубокого места. Когда вода спала, близнецы вывалились из корзины и стали плакать. На крик прибежала волчица, которая их накормила своим молоком, и таким образом близнецы спаслись. Затем они были найдены царским пастухом, жена которого и воспитала близнецов, получивших имена Ромула и Рема. Выросши, они выбрали себе компанию сверстников и стали заниматься разбоями. В конце концов тайна их происхождения раскрылась, они убили Амулия и восстановили на троне своего деда Нумитора. Сами же не желали остаться в Альбалонге, а решили основать новый город. При основании его братья поссорились, и Ромул убил Рема, а город назвал своим именем. (Римляне название «Рим» — Roma — производили от имени «Ромул» — Romulus.) Это событие, как «установили» потом римские ученые, произошло в 753 г. до н. э. (так называемая «Варронова эра»).

Эта легенда довольно позднего происхождения и была вызвана стремлением римлян вывести себя от греков. Она появилась в тот период, когда на Рим усилилось влияние греческой культуры (IV—III в.).

В дальнейшем легенда получила официальное признание в связи с желанием доказать божественное происхождение рода Юлиев. (К нему принадлежали первые римские императоры.) Этим и объясняется роль, которую играет в легенде Юл — Асканий.

В самой легенде ничего достоверного нет. Единственной крупицей исторической истины является, быть может, своеобразный характер раннего Рима, основанного по легенде разбойниками (ибо Ромул и Рем со своими приятелями и были не чем иным, как разбойниками). Несомненно, что всякого рода беспокойные бродячие элементы играли большую роль, если не в создании Рима, то, во всяком случае, в первый период его истории. Вообще говоря, установить год основания Рима невозможно не только из-за отсутствия точных данных, но и потому, что такие города, как Рим, никогда и не «основывались». Они развились из древних поселений, и несомненно, что поселение на месте Рима возникло чрезвычайно рано, повидимому, еще в конце II тысячелетия. Местоположение Рима было чрезвычайно удобно. Он лежал, приблизительно, в двадцати километрах от моря, на судоходной реке, впадающей в Тирренское море, в старом районе торговли и пиратства. Рим расположен на левом берегу Тибра, на холмах, возвышавшихся над болотистой тогда местностью. Некоторые из этих холмов — как, например, Капитолийский — были трудно доступны для нападающих. Поэтому совершенно естественно, что на этом месте еще в глубокой древности возникло поселение, может быть, поселение пиратов, потому что близость моря давала возможность легко выходить из реки в море и легко прятаться в устье от нападений.

В устье Тибра издавна были расположены соляные варницы; соль, как известно, является одним из важнейших объектов ранней торговли. Таким образом, и торговля солью играла немалую роль в создании на месте будущего Рима укрепленной стоянки полукупцов, полупиратов; обе эти профессии, как известно, тесно сливались в ранний период истории. Но с самого же начала в Риме должны были иметь немалое значение и земледельческие элементы, так как окружавшая Рим территория Лациума была плодородной равниной. Рим в первые века своей истории являлся обычным античным полисом раннего типа, ничем не выдававшимся из ряда других полисов Лациума. Но в дальнейшем выгода географического положения обеспечила ему возможность выделиться из среды остальных городов Лациума.

Многочисленные данные заставляют думать, что Рим как полис образовался из слияния (синойкизма) трех общин. Древнейшей из них, повидимому, являлась община на Палатинском холме. На Палатине были найдены погребения этрусского характера VIII—VII вв. Согласно легенде об основании Рима, Ромул основал город именно на Палатине. Самое название «Рим»,

имя «Ромул» — этрусского происхождения (этрусское родовое имя «Ruma»). Поэтому весьма вероятно, что на Палатинском холме было расположено древнейшее поселение и его нужно считать этрусским. Две других общины лежали на Капитолии и прилегавшем к нему Квиринале. Одна из них, повидимому, была латинской, другая — сабинской. Тесные взаимоотношения между латинской и сабинской общинами и их дальнейшее слияние засвидетельствовано традицией. Наличие на территории будущего Рима трех общин отразилось в одном из вариантов предания о трех трибах (племенах), на которые первоначально делился «римский народ» (*populus Romanus*): Рамны, Тиции и Люцеры. В них, повидимому, нужно видеть отражение трех этнических элементов — этрусского, сабинского и латинского — и трех общин, из которых впоследствии составил единый полис.

Три римские общины первоначально вели друг с другом длительную борьбу, которая закончилась их слиянием. Но и после синойкисма, повидимому, долго не прекращалась борьба внутри формировавшегося римского полиса, борьба, отразившаяся в легендах о так называемых «царях».

Древнейший период римской истории обычно называется царским периодом. Но слово «царь» (латинское «rex») здесь надо понимать так же, как мы понимаем раннегреческий термин «басилей». Царский период истории Рима Энгельс называет эпохой военной демократии, т. е. эпохой позднеродового строя, со всеми элементами родовой демократии: народным собранием, советом старейшин и племенным вождем с его функциями судьи, жреца и военачальника.

Весь «римский народ», образовавший единую общину, делился, согласно традиции, на 300 родов. Каждый род состоял из семей патриархального типа с резко выраженной властью отца. Роды носили общие имена (Фабии, Корнелии, Клавдии и т. д.), имели общие родовые культы и были связаны обычаем кровной мести. Роды уже не вели общего хозяйства, но остатком бывлой хозяйственной общности было правило, что имущество не может выйти из рода. Когда-то римские роды занимали, повидимому, отдельные территории.

10 родов составляли курию, 10 курий — трибу. Триб первоначально было 3. Функции римских курий и триб были, приблизительно, теми же самыми, что и греческих фратрий и фил.

Главным органом племенной демократии являлось народное собрание, состоявшее из всех взрослых свободных мужчин и собиравшееся по куриям (куриатные комиции). Рядом с ним существовал совет старейшин (сенат), куда входили главы наиболее богатых и знатных родов. Первоначально сенаторов было 100. Во главе «римского народа» стоял рекс (царь). Он избирался народным собранием и утверждался сенатом. Должность царя была пожизненной. Он являлся предводителем римского ополчения

на войне, был верховным судьей и представителем общины перед богами. Историческая традиция наделяет римских царей большой властью.

Так как «римский народ» жил на основе отцовского права, то он назывался также «патрициями» (от слова *pater* — отец). Первоначально слово «патриции» приблизительно значило «отцовские» и не имело того оттенка, которое оно получило впоследствии, когда патрициями стали называть аристократию. Первоначально понятия «римский народ» и «патриции» совпадали.

Характерным для патрициев являлось общинное землевладение. Каждая патрицианская семья имела в частной собственности только маленький усадебный надел (согласно традиции, в 2 югера, т. е. $\frac{1}{2}$ га). Что же касается пахотной земли, лугов, пастбищ, лесов и т. п., то все это являлось общинной собственностью (*ager publicus*). Патриции могли занимать («оккупировать») известное количество общинной земли, но лишь на правах владения, а не частной собственности.

Своеобразной системой отношений, существовавшей внутри «римского народа», была система клиентелы (патроната). Некоторые семьи, повидимому, более слабые экономически, находились в личной зависимости от других. Первые назывались «клиентами», вторые «патронами». Клиенты допускались к владению общественной землей только через своих патронов, они должны были помогать патронам денежными сборами, из клиентов составлялись дружины патронов и т. д. Зато патроны были обязаны защищать своих клиентов на суде и вообще оказывать им помощь в нужных случаях. Клиенты также участвовали в родовом культе своих патронов.

Но кроме «римского народа» или патрициев, составлявших родовую общину, в Риме было еще другое население. Оно называлось плебеями. Плебеи не входили в состав римской общины и, повидимому, жили первоначально за городской чертой, на Авентине. Они не имели родовой организации и не пользовались политическими и гражданскими правами патрициев. Даже браки между патрициями и плебеями были запрещены. У плебеев был собственный культ, отличный от родового культа патрициев. Они не имели доступа к общинной земле и владели своими участками (в том числе и пахотной землей) на правах частной собственности. Необходимо еще подчеркнуть, что у плебеев древнейшего периода были довольно сильно выражены матриархальные отношения. Плебеи были лично свободны и не стояли к патрициям ни в каких отношениях клиентелы.

Кто такие были плебеи? Это вопрос очень сложный и спорный. Наиболее вероятной является следующая гипотеза о происхождении плебеев. Первоначально это было окрестное земледельческое население, не вошедшее в состав образовавшейся римской общины. Привлекаемое растущим центром это население переселялось

в город, получало от общины земельные наделы, но не допускалось к правам и привилегиям коренного городского населения. Подчиняя ближайшие латинские городки, Рим мог принудительно переселять к себе часть их населения, не давая им политических прав. Ливий (I, 33) рассказывает, что царь Анк Марций (четвертый по счету римский царь) «набрал свежее войско, выступил с ним, взял город латинян Политорий и, по примеру прежних царей, усиливших римское государство принятием в граждане неприятелей, перевел все население в Рим. И так как вокруг Палатина, первоначального места поселения римлян, сабиняне занимали Капитолий и Кремль, альбанцы Целийский холм, то новым поселенцам дан был Авентинский холм». Эпоха VIII—VI вв. была временем разложения родовых отношений в западной Италии. В связи с этим увеличивается количество всякого бродячего, беспокойного люда, выбитого из привычных условий жизни. Римская историческая традиция сохранила нам многочисленные известия о появлении в Риме различных пришлых элементов, в том числе особенно этрусских, так как у этрусков процесс разложения родовых отношений шел в этот период особенно интенсивно. Большинство этих элементов, переселяясь в Рим, оказывалось вне рамок общины, становясь таким образом «плебеями».

Самый термин «плебей», как показал Н. Я. Марр, весьма близок племенным названиям «пелазг» и «этруск». Эта близость может быть объяснена именно тем, что среди древнейших плебеев был весьма силен «этрускоидный» и этрусский элементы. Тогда будут понятны и пережитки матриархата, сохранявшиеся у плебеев как остаток более ранней стадии общественного развития.

Что же касается отсутствия у плебеев родовой организации и общинного землевладения, то это обстоятельство нужно поставить в связь с процессом образования плебеев. Это было население главным образом пришлое, и естественно, что среди него не могли уцелеть общинно-родовые отношения.

Римская историческая традиция говорит о семи римских царях. Их имена следующие: Ромул, Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Приск (Древний), Сервий Туллий и Тарквиний Гордый.

Ромулу историческая традиция приписывала основание Рима и организацию патрицианской общины. Он создал сенат из «отцов», установил знаки отличия верховной власти (12 ликторов) и наделил патрициев двумя югерами усадебной земли. При нем произошло слияние с сабинской общиной. Традиция рассказывает об этом следующим образом. Римлянам были нужны жены, и так как ни одна посторонняя девушка из соседних общин не хотела идти в их разбойничье гнездо, то Ромул пустился на хитрость. В Риме был устроен праздник, на который пригласили соседних сабинян. В разгар праздника римляне бросились на сабинских

девушек и похитили их, а их отцов и братьев прогнали. Оскорбленные сабиняне во главе с царем Титом Тацием объявили римлянам войну. Но в разгар боя сабинские женщины, успевшие привыкнуть к своим мужьям, бросились между сражавшимися и помирили их. После этого сабиняне и римляне образовали одну общину, а Тит Таций стал соправителем Ромула.

О конце Ромула в предании существовали две версии: согласно одной, он был живым взят на небо, согласно другой — убит патрициями.

Второй царь, Нума Помпилий, был сабинянином. Ему традиция приписывает установление основ римской религии, создание жреческих коллегий, календаря и т. п.

Два следующих царя, повидимому, дублируют Ромула и Нуму. Тулл Гостилий был римлянином и отличался своим воинственным нравом. При нем была разрушена Альбалонга. В лице Анка Марция Рим снова получил сабинского царя. Анк Марций был внуком Нумы Помпилия и во всем старался подражать деду, особенно в области богопочитания.

Начиная с Тарквиния Приска, Рим получает царей этрусского происхождения. В царствование Анка в Рим из города Тарквиний переселился богатый и знатный этруск по имени Лукумон (нарицательное имя, которым в Этрурии называли внасть; римская историческая традиция по ошибке принимает его за имя собственное). В Риме он обосновался и стал называться Тарквинием Древним. Его богатство и обходительный нрав скоро сделали его настолько заметным среди римского общества, что после смерти Анка Марция его избрали царем.

Тарквиний вел удачные войны с соседями и приступил к осуществлению посредством каналов болотистых частей города. Он усыновил мальчика неизвестного происхождения по имени Сервий Туллий и обручил с ним свою дочь. Этот мальчик и стал впоследствии шестым римским царем.

Сервию Туллию традиция приписывает знаменитую реформу, состоявшую в учреждении имущественного ценза и в распределении в соответствии с ним политических прав и военных обязанностей независимо от сословной принадлежности (о реформе подробнее см. ниже). Патриции, недовольные тем, что плебеи получили права, восстали против Сервия во главе с его зятем, сыном Тарквиния, — тоже Тарквинием. Сервий был убит, а младший Тарквиний стал царем.

Достигнув власти посредством насилия, Тарквиний и правил с помощью насилия, за что получил прозвище Гордого. Характер его правления и злодеяния его сына Секста вызвали восстание патрициев, в результате которого Тарквиний вместе со своей семьей был изгнан. После этого в Риме патриции провозгласили республику (510 г. до н. э.).

Такова римская историческая традиция о «царском перепode».

Несмотря на то, что она насыщена легендарными мотивами, в ней несомненно отразились кое-какие достоверные факты. Прежде всего, в предании о царях отражены взаимоотношения трех этнических групп, вошедших в состав объединенной римской общины: этрусской, сабинской и латинской. Ромул, согласно традиции — латинянин, но, как мы указывали выше, в нем, повидимому, отразилось первичное этруское ядро Рима. Переселение сабинян выражает исторический факт синойкисма. Убийство Ромула «отцами», быть может, намекает на борьбу этрусской и итальянской частей «римского народа». В смене следующих за Ромулом царей (считаясь даже с фактом возможного дублирования одних другими) нужно видеть сложные этнические взаимоотношения, далеко не изжитые после синойкисма.

Появление этрусской «династии» Тарквиниев свидетельствует о каком-то усилении удельного веса этрусской знати в римской общине. Буржуазная наука факт появления этруских царей обычно толкует как завоевание Рима затибрскими этрусками. Но при нашем толковании традиции в таком объяснении нет надобности. Характер взаимоотношения трех племенных элементов внутри римской общины вовсе не требует внешнего завоевания.

Усиление этрусской знати при Тарквиниях было временным. Восстание против последнего рекса и его изгнание свидетельствует о том, что итальянские элементы в Лациуме окончательно взяли верх над этрускими.

Но в предании о царях отражено и другое. Традиционное изображение реформы Сервия, несмотря на то, что, как увидим ниже, оно недостоверно в ряде существенных деталей, говорит о начавшейся уже в рамках «царской» эпохи борьбе плебеев и патрициев. За что шла борьба? Необходимо прежде всего отметить, что среди плебеев процесс экономической и социальной дифференциации шел быстрее, чем среди патрициев. Среди этих последних дифференциация задерживалась общинно-родовыми отношениями: общинным владением земель, отсутствием свободы завещаний и т. п. Что же касается плебеев, то у них этого тормоза не было, и поэтому весьма рано должна была образоваться плебейская богатая верхушка, сконцентрировавшая в своих руках значительное недвижимое и движимое имущество. Энгельс по этому поводу говорит: «... Земля была, повидимому, почти равномерно распределена между *populus* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, принадлежало преимущественно плебсу» (Происхождение семьи, 1934, стр. 114). Остальная часть плебса экономически деградировала, и наряду с плебейской зажиточной верхушкой образовалась плебейская беднота.

Для богатых плебеев особенно остро стоял вопрос о политическом и гражданском уравнении с патрициями и о доступе к общин-

ной земле, что было возможно только при условии включения их в состав правящей общины. Плебейская беднота не столько была заинтересована в правах, сколько в земле. К тому же бедняки из плебеев сильно страдали от долгов. Долговое право в Риме было чрезвычайно суровым. Неоплатного должника можно было продать в рабство, и так как писаного права тогда еще не было, а суд находился в руках патрициев, то на этой почве создавалась масса злоупотреблений, главной жертвой которых являлась плебейская беднота.

Таковы причины, которые должны были, еще в рамках военной демократии, вызвать обострение противоречий между родовой общиной патрициев и вне общины стоявшими, бесправными элементами, возглавляемыми богатыми плебеями. Это обострение противоречий и вызванная им борьба и нашли отражение в реформе Сервия Туллия.

Традиция говорит нам о том, что Сервий Туллий даровал плебеям некоторые политические права. Тот факт, что плебеи жили вне общины, означал, что они не имели политических прав, хотя и отбывали военную службу и платили налоги. И Сервий Туллий, исходя из необходимости усилить в военном отношении общину, решил узаконить включение плебеев в армию. Для этого он провел реформу, аналогичную реформе Солона и Клисфена в Греции. Он разделил все население Рима — плебеев и патрициев, без различия сословной принадлежности, — на 5 имущественных разрядов, причем традиция определяет ценз следующим образом: в I разряд (или «класс») были включены лица, имеющие состояние не менее 100 000 ассов (асс — медная монета; в конце IV в. она равнялась приблизительно 20 коп.); во II класс — лица, имеющие состояние не менее 75 000, в III — 50 000, IV — 25 000 и V — 12 500 тыс. (или, по другому варианту предания, 14 000) ассов.

Принадлежность к тому или другому «классу» определяла характер вооружения и место в строю. Так, граждане I разряда должны были иметь шлем, круглый щит, поножи, панцырь (все из бронзы), копье и меч. II разряд имел щит продолговатый, а остальное вооружение — то же самое, только без панцыря, и т. д. Граждане V разряда служили легковооруженными: они являлись на войну только с пращами и пращными камнями. В соответствии с этим граждане I разряда стояли в первой шеренге легиона (так называлось городское ополчение Рима), остальные — в задних шеренгах. Наиболее богатые лица I разряда должны были служить в коннице и назывались поэтому «всадниками».

Принадлежность к тому или другому имущественному разряду давала и соответствующие политические права. С этой точки зрения каждый разряд получил определенное число центурий (сотен). Центурией называлась группа, голосующая в народном собрании. Каждая центурия имела один голос, но число граждан

в центуриях каждого разряда было различным. Меньше всего лиц входило в центурию I класса, больше всего — в центурию V класса.

Первому классу было дано 80 центурий. К ним было прибавлено 18 центурий всадников. Таким образом, I имущественный разряд имел всего 98 центурий, II, III и IV разряды получили по 20 центурий, V — 30. Кроме этого, Сервий Туллий создал еще 5 центурий, стоявших вне имущественных разрядов: четыре центурии ремесленников и музыкантов и одну центурию пролетариев,¹ имевших ценз ниже $12\frac{1}{2}$ (или 14 000) ассов. Всего получилось 193 центурии. Из них 98, т. е. больше половины, — центурий первого разряда.

Голосование по центуриям происходило в новых центуриатных собраниях (комициях), созданных Сервием Туллеем наряду со старыми патрицианскими собраниями по куриям (куриатными комициями). В центуриатных комициях принимали участие и патриции и плебеи. Каждая центурия сначала решала вопрос отдельно, а затем все центурии голосовали поочередно, причем, как указывалось выше, каждая центурия имела один голос. Подача голосов по центуриям происходила таким образом, что сначала голосовали 18 центурий всадников и 80 центурий I класса. Если они были единодушны, то дальнейшего голосования не производилось, так как 98 центурий составляли больше половины общего числа центурий (193). Таким образом, в народном собрании по центуриям перевес всегда принадлежал богатой патрицианско-плебейской верхушке.

Кроме установления ценза, традиция приписывает Сервию новое деление гражданства на 4 городских трибы, которые, в отличие от 3 старых родовых триб, имели чисто территориальный характер, подобно 10 клисфеновским филам.

Что достоверно в реформе Сервия Туллия? Начнем с того, что в ней явно недостоверно. Таковым является расчет ценза на ассы. Этот последний, насколько мы знаем, был установлен не раньше половины IV в., когда в Риме впервые появилась монета.

Уж если Солон в условиях более развитых Афин установил земельный, а не денежный ценз, то тем более оснований предполагать, что в Риме VI в. также в основу ценза была положена земля. В науке был сделан ряд попыток установить, сколько югеров должен был иметь каждый класс при первоначальном проведении реформы. Но все эти попытки не дали надежных результатов.

Бесспорно, во всяком случае, что основой ценза в Риме первоначально было земельное имущество.

Подозрительно также в традиционном изображении реформы Сервия число имущественных разрядов. Есть основания думать,

¹ Латинское слово «пролетарий» происходит от слова *proles*, что значит «потомство». Пролетариями называли в Риме тех, кто ничего не имел, кроме потомства.

что первоначально их было только четыре, а пятый был установлен значительно позднее (около 400 г.). Совершенно неясен смысл сервианского деления на трибы, число триб и их первоначальное назначение.

Таким образом, бесспорно одно. В VI в. в Риме была проведена важная реформа, имеющая в первую голову военный характер. Она стремилась привлечь к участию в городском ополчении все имущие элементы. Но эта задача с необходимостью требовала некоторого расширения политических прав и плебеев. Такое расширение было достигнуто путем установления центуриатной системы голосования в народном собрании, дававшей перевес зажиточным элементам. Реформа была вызвана как военными соображениями, так, в еще большей степени, соображениями политическими. Она была проведена под давлением плебейской верхушки и являлась первым шагом к уравниванию патрициев и плебеев.

Характерно, что в легенде о Сервии ясно выступает социальная борьба, кипевшая вокруг его реформы. Весьма возможно, что рексы этрусской «династии» в своей борьбе с усиливающейся итальянской знатью пытались опереться на плебеев. За это реформатор был убит. Впоследствии плебеи чествовали Сервию Туллия как своего покровителя и благодетеля, ежемесячно принося ему жертвоприношения.

Свержение Сервия не приостановило борьбы, — по крайней мере, борьбы между этрусской и итальянской знатью.

Несмотря на то, что Тарквиний Гордый возглавил движение патрициев против плебеев, он тоже был свергнут аристократией. Историческая традиция приурочивает падение «царской» власти в Риме к 510 г. (подозрительное совпадение с датой изгнания Гиппия из Афин!). Произшло это следующим образом.

Тарквиний Гордый, захватив власть, оказался тираном и деспотом. Ливий (I, 49) говорит, что он «окружил себя телохранителями... Так как он не мог полагаться на расположение граждан, то ему приходилось ограждать свою власть страхом; чтобы внушить его большому числу людей, он производил сам без советников расследование уголовных дел и таким образом получал возможность казнить, отправлять в изгнание и лишать имущества не только людей подозрительных или ненавистных, но и таких, от которых мог ждать только добычи. Уменьшив таким образом преимущественно число отцов, он решил никого не выбирать на их место..., ибо он первый из царей уничтожил существовавший прежде обычай обо всем совещаться с сенатом и управлял государством, привлекая на советы лишь домашних».

Поводом к открытому движению против Тарквиния послужило тяжкое оскорбление, нанесенное царским сыном Секстом знатной и добродетельной Лукреции, жене Коллатина. Лукреция покончила самоубийством, а Коллатин и Юний Брут призвали

народ к восстанию. Тарквиний был изгнан в Этрурию. Его попытки вернуть себе престол, поддерживаемые частью римской знати и этрусками, кончились неудачей. В Риме удержалась республика, и первыми консулами были избраны Брут и Коллатин.

Этот традиционный рассказ о падении царской власти недоволен, так как он явно сконструирован по типу падения афинской тирании и содержит в себе много так называемых «бродячих сюжетов» (оскорбление, нанесенное добродетельной женщине, ее самоубийство и пр.). Однако, в нем есть историческое зерно. Легенда о Тарквинии отражает, повидимому, борьбу усиливающейся италийской знати против знати этрусской; изгнание последнего царя означало, что италийские элементы в среде патрициев окончательно взяли верх.

Но изгнание Тарквиния означало и другое: падение военной демократии. К концу VI в. и среди патрициев резко сказалась экономическая и социальная дифференциация. «... Первоначальная первобытная демократия, — говорит Энгельс, — превратилась в отвратительную аристократию» (Происхождение семьи, 1934, стр. 146). Усилившаяся патрицианская верхушка стремилась захватить в свои руки господство в римской общине, а с этим господством были несовместимы органы старой родовой демократии, — в первую голову рекс как племенной вождь. В Риме процесс осложнился борьбой двух этнических элементов, и поэтому падение царской власти произошло насильственным путем в отличие от Афин, где власть басилеев была ограничена постепенно.

Таким образом, в конце VI или в начале V в. патриархальная монархия (военная демократия) в Риме была заменена аристократической республикой. Вместо одного царя патрициями были выбраны два консула (первоначально они, повидимому, назывались преторами, т. е. вождями, предводителями, и только позднее получили название консулов, в котором был подчеркнут коллегиальный характер их власти, — от глагола *consulo*, — совещаться).

Переход власти к двум консулам (преторам) означал ослабление исполнительной власти. Консулы выбирались на год и их было двое. Двойственность власти вела к некоторому ослаблению ее, хотя первоначально консулы, повидимому, не были равноправны, как позднее, когда каждый консул по отношению к другому получил право интерцессии, т. е. протеста. Первоначально, повидимому, один из преторов был старшим, а другой младшим.

Консулы были ограничены и в судебной власти. Рекс, согласно традиции, имел право приговаривать граждан к смертной казни и телесным наказаниям, а консулы могли приговаривать к смерти только за чертой города, т. е. во время войны.

Согласно преданию, в самом начале установления республики был проведен так называемый закон Валерия, который давал

право апелляции (так называемой «провокации») к народному собранию. Гражданин, приговоренный консулом к смертной казни в черте города, мог апеллировать к народному собранию. Таким образом, в черте города право консулов было ограничено волей народа, и только за пределами города военная власть консула становилась неограниченной.

Внешним выражением этого служило то, что в пучки розог (фасции), которые несли 12 ликторов, сопровождавших консула, за чертой города втыкались топоры.

Не все функции рекса перешли к преторам. Как в Афинах, где один из архонтов, исполнявший жреческие обязанности, сохранил имя басилея (архонт басилей), так и в Риме выбравшийся пожизненно старший жрец назывался «царем священных дел» (rex sacrorum). Чтобы не оскорблять богов, за ним было оставлено старое имя царя, и таким образом в области религии формально никаких нарушений сделано не было.

Традиция говорит еще о том, что наряду с двумя консулами, в качестве их помощников, назначались два квестора. Впоследствии квесторы несли обязанности казначеев. Но возможно, что первоначально они являлись чем-то вроде судебных следователей.

Консулы выбирались исключительно из патрициев, но в центуриатных комициях (на собрании всего народа по центуриям). Таким образом, выборы их были как будто демократическими, но, если припомнить, что центуриатная система давала перевес первому имущественному разряду и плебеи в эту эпоху в центуриатных комициях значили очень мало, то патриции имели полную возможность держать народное собрание в своих руках. Выборы консулов утверждались куриатными собраниями патрициев, оставшимися наряду с центуриатными собраниями.

Сейчас же после падения царской власти борьба патрициев и плебеев обостряется. Такое явление было совершенно естественным: военная демократия была уничтожена, и власть аристократии выступила гораздо более резко и открыто; с другой стороны, процесс экономического развития с каждым десятилетием все более стимулировал борьбу плебеев и вместе с тем заставлял аристократию усиливать эксплуатацию беднейшей части плебеев.

Вскоре после изгнания царей произошло удаление (сецессия) плебеев на Священную гору. Священная гора — это был холм в нескольких километрах от Рима. Традиция рассказывает, что в 495/94 гг. плебеи, положение которых стало особенно тяжелым, благодаря долговой кабале, ушли из Рима и хотели создать новую общину на Священной горе. Патриции испугались выселения плебеев и согласились на создание должности народных трибунов.

По всей вероятности, сецессия 495/94 гг. легендарна и, поскольку она вызывает сомнение, ставится под вопрос и появление трибуната в связи с ней. Но во всяком случае несомненно, что

в начале V в. в Риме появляются трибуны, особые должностные лица плебейского происхождения, выбираемые собраниями плебеев по территориальным трибам. Впоследствии народные трибуны стали защитниками плебеев, получившими право приостанавливать решения патрицианских должностных лиц. Но кем первоначально были трибуны — этого мы не знаем. Сначала трибунов избиралось 2, затем число их довели до 5 и, наконец, — до 10.

Предание добавляет, что в помощь трибунам была установлена должность двух эдилов, помощников трибунов. Но появление эдилов в эту эпоху вызывает большие сомнения. В данном случае очень подозрительно дублирование консульских квесторов и трибунских эдилов. Нам известно, что в более позднюю эпоху эдилы заведывали казенными зданиями, следили за общественной безопасностью в городе, за рынками, им принадлежало устройство игр и пр. Но первоначальные функции эдилов совершенно неясны.

Согласно традиции, консул 486 года Спурий Кассий сделал попытку провести аграрную реформу. Он предложил разделить часть общинных земель между плебеями и за это был казнен патрициями как изменник своему сословию. И дата, и факт легендарны, но сама легенда показывает, что уже в ранний период республики вопрос об общественной земле был одним из наиболее важных в борьбе патрициев и плебеев.

По мере приближения к половине V в. римская историческая традиция становится более достоверной, так как с этого времени начали вести летопись понтификов. Первым более или менее достоверным событием этой эпохи является запись действующего права (законы XII таблиц).

Проблема права и в греческой революции VII—VI вв. занимала большое место. Такое же место, даже может быть большее, занимала она в Риме, так как долговое право там, как мы видели выше, было очень суровым. Вот почему и в Риме одним из первых лозунгов демократии было требование записи действующего права.

В 451 г. в результате упорной борьбы плебеев была избрана комиссия десяти (децемвиры), состоящая только из патрициев. Децемвирам была предоставлена полнота власти. Их действия не подлежали апелляции, и на 451-й год других должностных лиц было решено не избирать. Децемвирам поручили составить новые законы. Согласно традиции, в первый год комиссия успела составить только 10 таблиц, и поэтому на 450 г. избрали новых децемвилов, на этот раз наполовину из плебеев. Новая комиссия прибавила еще 2 таблицы. Так составились знаменитые законы XII таблиц, отрывки которых до нас дошли.

Для этого раннего законодательства характерно смешение старого и нового. С одной стороны, в законах XII таблиц отрази-

лись, повидимому, некоторые общественные сдвиги. Так, они предполагают свободу завещания; процент по займам фиксирован в $8\frac{1}{3}$. Но, с другой стороны, долговое право оставалось попрежнему суровым (продажа должника в рабство); отцовская власть сохраняла прежнее значение (право отца продавать сына в рабство); браки между плебеями и патрициями попрежнему были запрещены; преступления против собственности карались чрезвычайно сурово. Таким образом, в основном законы XII таблиц, как и афинские законы Дракона, представляли, повидимому, только запись действовавшего обычного права и не внесли в него существенных изменений.

Традиция передает, что децемвиры 450 года решили захватить тиранию и не желали сложить власть после выполнения своих обязанностей. Во главе их стоял Аппий Клавдий, патриций, славившийся своей гордостью. Легенда говорит, что Аппий Клавдий решил завладеть одной плебейской девушкой, Вергинией. Отец Вергинии, не желая, чтобы она попала в руки Аппия Клавдия, убил свою дочь. Тогда произошло второе выселение плебеев на Священную гору, под влиянием чего децемвиры вынуждены были сложить свои полномочия, а Аппий Клавдий в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

За легендарными деталями предания (инцидент с девушкой — такой же «бродячий сюжет», как и гибель Лукреции) можно легко прощупать историческое зерно. Оно состоит в том, что вокруг вопроса о кодификации загорелась ожесточенная борьба. Вряд ли достоверно организованное удаление плебеев из Рима. Вероятнее всего, что произошло восстание сельского плебса, поддержанное городскими плебеями, восстание, имевшее свой штаб на Священной горе.

Это восстание и заставило патрициев пойти на уступки. В 449 г. были избраны консулами Валерий и Гораций. Через центуриатные комиции они провели закон, согласно которому постановления плебеев на их собраниях по трибам (плебисциты) стали обязательными и для патрициев. Теперь эти последние вынуждены были также принимать участие в трибутных собраниях. Таким образом, наряду с двумя старыми видами народных собраний по куриям и центуриям, появляется новый вид их — общенародные собрания по трибам (трибутные комиции), которые носили более демократический характер, так как участие в них не было связано ни с цензом, ни с сословной принадлежностью.

Вероятно, в этот же период народные трибуны добились значительного расширения своих полномочий. Их личность была объявлена «неприкосновенной», и они получили право налагать veto («запрещаю») на постановления патрицианских магистратов (впоследствии право veto было еще более расширено). Тогда же, быть может, число народных трибунов было доведено до 10.

Варыв гражданской войны 451—449 гг. укрепил позиции плебеев. Опираясь на достигнутые завоевания, они усиливают натиск на патрициев. В 445 г. народный трибун Канулей провел закон, разрешавший браки между патрициями и плебеями. Одновременно с этим был поставлен вопрос и о допуске плебеев к консулату. Патриции долго сопротивлялись, и в конце концов борющиеся партии сошлись на компромиссе. Сенату было предоставлено право решать, когда выбирать консулов, а когда военных трибунов с консульской властью (444 г.).

Военными трибунами назывался высший командный состав легиона. Их полагалось шесть человек на легион, и избирались они безразлично из патрициев и плебеев. Компромисс 444 г. и состоял в том, что взамен консулов можно было избирать в комициях не меньше трех военных трибунов из патрициев и плебеев (их могло быть и больше — до шести и даже до восьми), облакая их консульскими полномочиями. Таким путем плебеи частично получили доступ к консулату, хотя этот доступ и был ограничен сенатом и центуриатными комициями.

Уступив плебеям в этом вопросе, патриции сейчас же постарались компенсировать себя другим. В 443 г. из полномочий консулов были изъяты функции производства ценза и переданы специально созданной патрицианской должности двух цензоров. Первоначальный объем их прав нам неизвестен, но впоследствии цензура превратилась в весьма важный орган республики. Цензоры устанавливали имущественные списки, ведали откупам, пополняли сенат и исключали из него, наблюдали за нравами и т. д. Цензоры первоначально избирались на 5 лет (каждые 5 лет происходил пересмотр списков), а потом стали избираться на $1\frac{1}{2}$ года (но каждые 5 лет).

В эту же эпоху (повидимому, в 438 г. в связи с войной с городом Вейи) была учреждена еще одна важная магистратура: должность диктатора. Правда, эта должность была экстраординарная. В случае крайней опасности для государства сенат особым постановлением мог поручить одному из консулов назначить диктатора. В принципе им мог быть любой из граждан. Диктатор сам назначал себе помощника, начальника конницы. Полномочия диктатора сохраняли силу не дольше 6 месяцев, после чего он должен был их сложить. Диктатор соединял в своем лице высшую военную и гражданскую власть, но только в рамках определенной, поставленной ему задачи. Поэтому все магистраты оставались и при диктатуре, ведя текущую работу.

В конце V и в начале IV вв. борьба между плебеями и патрициями на время затихает. Это было вызвано чрезвычайным обострением внешнего положения Рима. На этот период падают две упорные войны с этрусским городом Вейи и нашествие на Рим галлов. Непрерывное военное положение, на котором находилось государство, не давало возможности плебеям развернуть

борьбу. Но зато тем интенсивнее она вспыхивает в 70-х годах IV в. Разрушение Рима галлами в 387 г. вызвало острый экономический кризис и рост задолженности.

Ливий пишет (VI, 35) что в 376 г. народные трибуны Лициний и Секстий внесли в комиции три законопроекта (рогаций).

1. Уплаченные по долгам проценты засчитываются в погашение основного долга; остаток вносится в течение трех лет равными частями.

2. Никто не имеет права занимать более 500 югеров (около 125 га) общинной земли.

3. Должность военных трибунов с консульской властью упраздняется. Впредь должны избираться попрежнему консулы и один из них должен быть плебей.

В течение 10 лет боролись патриции против законопроектов Лициния и Секстия, но в конце концов вынуждены были уступить. В 366 г. законопроекты были приняты, и первым плебейским консулом стал П. Секстий.

Однако, сделав эту огромную уступку плебейам, патриции, как и раньше, компенсировали себя в другом отношении. Из сферы компетенции консулов были изъяты судебные функции и переданы претору (сначала одному, потом двум), избиравшемуся только из патрициев. Кроме этого, наряду с двумя старыми плебейскими эдилами, была создана должность двух патрицианских (или курульных¹) эдилов.

В том виде, как здесь изложены события 376—366 гг., они встречаются только у Ливия. Поэтому в научной литературе достоверность этих реформ поставлена под сомнение. Особенно подозрительным кажется установление нормы в 500 югеров для общинной земли. Утверждают, что в начале IV в. размеры римской территории были еще настолько малы, что высокая норма в 500 югеров кажется невероятной. Однако, не нужно забывать, как справедливо указывает американский историк Тенней Франк, что незадолго до реформ Лициния и Секстия к Риму была присоединена территория этрусского города Вейи площадью около 300 000 югеров. При этих условиях установление предельной нормы в 500 югеров весьма возможно. К тому же римская историческая традиция чрезвычайно упорно держится за нормы Лициния и Секстия, которые воскресают впоследствии в законодательстве Гракхов.

Что касается первой и третьей рогаций 376 г., то относительно них больших сомнений не возникает. Спорным представляется вопрос о создании претуры и курульного эдильства. Здесь много неясного, и надо думать, что изложение Ливия в этой части не вполне соответствует действительности.

¹ Слово «курульный» происходит от термина sella curulis — особый стул, на котором имели право сидеть только высшие магистраты.

Но как бы ни были спорны детали событий 376—366 гг., несомненно, что в этот период плебеи достигли больших успехов. Эти последние выразились в значительном смягчении задолженности, в ограничении прав патрициев на общинную землю и в завоевании высшей магистратуры — консульства. Эти успехи должны были значительно усилить позиции плебеев — в особенности их зажиточной верхушки — и послужили опорой для развертывания дальнейшей борьбы. В половине IV в. плебеям становятся доступными одна за другой и остальные высшие магистратуры: диктатура — в 356 г., цензура — в 351 г. и претора — в 337 г. Около 300 г. они завоевали и высшую жреческую должность — должность верховного понтифика (*pontifex maximus*). Плебеи особенно добились понтификата, потому что эта жреческая коллегия имела огромное политическое значение. Понтифики были не только хранителями «божественных установлений», но к ним также обращались за разъяснением спорных юридических вопросов; они определяли, какие дни являются присутственными и какие не-присутственными, в их руках находилось исправление календаря. Римский календарь был вообще очень запутанным. Год состоял из 12 лунных месяцев, и благодаря этому постоянно получались расхождения между гражданским и астрономическим годом. Поэтому календарь приходилось часто исправлять, что являлось привилегией понтификов. Легко себе представить, какие злоупотребления разыгрывались на этой почве. Исправляя календарь, можно было, передвигая сроки, сокращать или увеличивать год. С точки зрения долгового права, с точки зрения деловых отношений вообще, понтифики, конечно, могли делать все, что они хотели, потому что никто, кроме них, в календаре ничего не понимал. Поэтому патриции широко использовали понтификов в своих узкосословных интересах.

На другие жреческие должности плебеи не претендовали в такой степени, как на понтификат, и многие из этих должностей и после окончания сословной борьбы остались в руках патрициев.

Во второй половине IV в. крупную победу одержала плебейская беднота. Около 326 г. был проведен закон Петелия, который позволял должнику сохранить личную свободу посредством уступки кредиторам своего имущества. При этом должник обязан был под клятвой заявить о своей несостоятельности. С другой стороны, закон Петелия постановлял, что ни один римский гражданин не может быть обращен в рабство иначе, как по приговору присяжных судей. Это означало фактическое уничтожение долгового рабства для римских граждан.

Таким образом, к началу III в. плебеи добились политического и гражданского уравнивания с патрициями. Плебейская верхушка получила доступ к высшим магистратурам. Плебейская беднота освободилась от долгового рабства. Что же касается аграрного вопроса, то он в ходе сословной борьбы, строго говоря, не был

решен. Хотя с половины IV в. плебеи и были, повидимому, допущены к пользованию *ager publicus*, но это имело значение лишь для богатых плебеев. Плебейская беднота, не имевшая средств, фактически не могла использовать своего права оккупации общинных земель. Однако, острота аграрного вопроса к началу III в. была все-таки смягчена. Параллельно с борьбой патрициев и плебеев в V и IV вв. шло завоевание Римом Италии. Из захваченных земель бедноте обычно раздавались мелкие участки в полную собственность, что на некоторое время должно было утолить земельный голод в Риме и притупить одно из наиболее острых противоречий римского общества этой эпохи.

Все эти причины привели к прекращению или, во всяком случае, к значительному ослаблению сословной борьбы к началу III в.

После того, как мы подробно останавливались на вопросе о социальной природе революционного движения в Греции VII—VI вв. (см. «История античного общества. Греция», стр. 144—149), для нас уже не представит больших трудностей ответить на вопрос о том, чем исторически являлась борьба патрициев и плебеев. Действительно, между борьбой эвпатридов и демоса, с одной стороны, патрициев и плебеев — с другой, существует большое сходство. И тут и там основным движущим противоречием являлось противоречие между родовой формой общества и его классовым содержанием; и тут и там борьба шла за политическое и гражданское равенство, за землю и против долговой кабалы; и тут и там борьба кончилась в основном победой демократии и созданием государства в форме античного полиса, в котором основные противоречия впредь должны были развертываться не внутри коллектива свободных, а между этим коллективом и рабами. Разница между Римом и Афинами состояла, главным образом, в том, что в Риме в родовую организацию входила только часть общества — патриции, а в Афинах — значительное большинство общества. Эту разницу отметил Энгельс: «(В Афинах. — *С. К.*)... государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, но несущего обязанности плебса; победа плебса разрушает старый родовой строй и на его развалинах учреждает государство, в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс» (Происхождение семьи, 1934, стр. 147). Но эта разница не меняет существа дела, так как она не меняет характера основного противоречия, которое было движущей силой социальной революции, положившей конец родовому строю и в Афинах и в Риме.

Однако, хотя результатом революции V—IV вв. в Риме было создание государства в форме полиса, но степень демократизации Рима значительно уступала демократизации Афин. Начать с того,

что высшие государственные должности в Риме никогда не были оплачиваемыми. А так как, кроме этого, они требовали от занимавших их лиц больших трат на «представительство» (эдилы, например, должны были на свои средства устраивать празднества для народа), то естественно, что не только бедняки, но и люди с средним достатком не могли занимать высших магистратур.

Кроме этого, выборы высших магистратов происходили по центуриям. До реформы центуриатных собраний в половине III в. (см. ниже) всадники и первый имущественный класс имели, как мы знаем, абсолютное большинство голосов. Поэтому на должности городских магистратов избирались только люди из высших имущественных разрядов, т. е. богатые патриции и плебеи. Вот почему в IV, а особенно в III вв. происходит процесс постепенного слияния патрицианской и плебейской верхушек в одну группу, которая стала называться нобилиями, т. е. знатыми, или нобилитетом. Эта узкая группа новой служилой знати держала в своих руках высшие магистратуры, а через них и сенат, не пуская в свою среду никого из «чужих». Экономически она опиралась, главным образом, на землевладение. Таким образом, вместо старой родовой знати, патрициев, в Риме образовалась новая земельно-служилая знать, которая монопольно захватила аппарат государственного управления и долго держала его в своих руках.

Главным оплотом нобилитета стал сенат. Во времена республики, вплоть до I в., сенаторов было 300 человек. С момента установления цензуры они назначались цензорами (до этого — консулами, а еще раньше — царями). Цензоры имели право и исключать сенаторов из списков за «недостойное поведение». Обычно сенаторы назначались из числа бывших высших магистратов, хотя это правило формально и не было обязательным. Сенаторы оставались в своей должности пожизненно.

Первоначально в сенат могли входить только главы патрицианских семей (*patres conscripti*, т. е. «отцы, внесенные в список»). Но уже очень рано, повидимому, с самого начала республики, в составе сенаторов стали появляться и плебеи. По мере завоевания этими последними высших магистратур число их в сенате стало быстро увеличиваться. Но так как попадали в него только богатые плебеи, то олигархический характер сената от этого не изменился.

До второй половины II в. до н. э. сенат пользовался огромным авторитетом. Будучи оплотом правящей группы — нобилитета, он вместе с тем являлся непрерывно действующим органом. В основном сенат состоял из одних и тех же лиц, бывших магистратов, следовательно, людей, обладавших большой опытностью. Магистраты чувствовали свою зависимость от сената и редко пытались выступить против него.

До 339 г. сенату принадлежало право утверждать решения народного собрания. После 339 г. это было у него отнято, но зато остался право утверждать выборы магистратов. Кроме этого, магистраты должны были согласовывать с сенатом все законопроекты, до внесения их в комиции.

Сенату принадлежало право объявлять осадное положение в Риме. Это делалось либо путем поручения одному из консулов назначить диктатора, либо особой формулой (*caveant consules ne quid respublica detrimenti capiat*, т. е. «пусть смотрят консулы, чтобы государство не потерпело какого-нибудь ущерба»), которой консулам давались фактически диктаторские права.

Сенату принадлежало верховное заведывание государственными финансами и государственными имуществами, он руководил всей внешней политикой, устанавливал культы и праздники, назначал триумф (торжественный въезд в город) победоносному полководцу и т. д.

Рядом с сенатом, народное собрание до второй половины II в. играло сравнительно незначительную роль, хотя формально оно имело большие права. В Риме существовало 3 вида народных собраний: комиции центуриатные, трибутные и куриатные. Самыми старыми из них, как мы видели выше, были куриатные комиции. Это первоначальные собрания патрициев по их родовым организациям (куриям). В конце царской эпохи появляются центуриатные собрания, в которых участвовали и патриции и плебеи. Затем, во время борьбы патрициев и плебеев, создаются собрания по трибам (по округам). Первоначально было 4 городских и 17 сельских триб; позднее общее число их дошло до 35. Трибутные собрания сначала были чисто плебейскими, но позднее плебеям удалось добиться того, что постановления трибутных собраний стали обязательными для всей общины (упомянутый выше закон Валерия и Горация 449 г., а также особенно закон Гортензия 287 г.). После этого трибутные собрания становятся наиболее важным видом народных собраний.

Куриатные комиции никакого реального значения не имели и после окончания сословной борьбы являлись пережитком старины. На них происходила чисто формальная процедура вручения *imperium* (власти) избранным магистратам.

В собраниях по центуриям производились выборы консулов, преторов и цензоров; там происходил суд по важнейшим преступлениям; они же выносили решение об объявлении войны.

Наиболее крупную роль играли собрания по трибам, которые с течением времени присвоили себе важнейшие законодательные функции. Кроме этого, на них производились выборы всех магистратов, за исключением консулов, преторов и цензоров, а также разбирались судебные дела, связанные с уплатой штрафа.

Народное собрание в Риме, подобно спартанской апелле, не имело права законодательной инициативы. Предложения в на-

родное собрание могли вноситься только высшими магистратами и трибунами, а народное собрание могло лишь, как в Спарте, отвечать «да» или «нет», но не имело права изменять внесенный законопроект. К тому же и свободного обсуждения на комициях не полагалось. Такое обсуждение обыкновенно производилось на полуофициальных сходках, созываемых до комиций. Это обстоятельство также указывает на то, что римская республика была менее демократична, чем Афины, что в ней были сильны пережитки старого и что власть земельной аристократии здесь была весьма значительна.

Это объясняется тем, что аграрный характер Рима создавал преобладание сельских элементов населения, менее организованных и сплоченных, чем городские. Поэтому в Риме революционное движение V—IV вв. не достигло таких размеров, как в Греции, и демократизация римской республики не была, как в Афинах, доведена до конца.

Для характеристики народного собрания надо еще указать на следующее.

Голосование по центуриям, как указывалось выше, всегда давало перевес всадникам и I классу, имевшим 98 центурий из 193. В том случае, если первые 98 центурий высказывались за одно и то же решение, голосование прекращалось.

Только около 241 г. была произведена реформа центуриатных собраний, в результате которой каждый имущественный разряд получил одинаковое число голосов (повидимому, по 70 центурий, так что общее число центурий было доведено до 350). Только с этого момента исчезло преобладание в центуриатных комициях крупных собственников.

Трибунные собрания были более демократическими, так как в них принадлежность к тому или другому имущественному разряду с самого начала не имела значения. Но здесь зато было другое: значительное преобладание сельских триб над городскими, т. е. неорганизованного и отсталого населения над организованным и более передовым. Крестьяне далеко не регулярно являлись на собрания в города, а поэтому состав сельских триб был случайный, и крупные земельные собственники могли проводить в них нужные им решения.

Учитывая это, в 312 г. цензор Аппий Клавдий (который известен еще тем, что он провел дорогу Via Appia — из Рима в Капую), как представитель торгово-промышленного городского населения, задумал провести новое важное мероприятие: по его проекту горожане могли записываться в любую трибу; он предложил также исчислять имущественный ценз не только на основании земельной собственности, но и на основании движимого имущества, что, конечно, должно было усилить торгово-промышленные круги. Реформа, которую он попытался ввести, частично удержалась, а частично была отменена. Удержалось обыкновение

производить ценз на основе как земельной собственности, так и движимого имущества; не удалось добиться разрешения каждому гражданину записываться в трибу по своему желанию. Таким образом, из попытки Аппия Клавдия уничтожить преобладание аграрных групп в трибутных собраниях ничего не вышло.

В силу всех этих причин конституция Рима, как она сложилась к началу III в., была весьма далека от идеала античной демократии: руководящая роль нобилитета, огромное значение сената, неорганизованность народного собрания — все это делало из Рима скорее олигархический, чем демократический полис. Однако, революция V — IV вв. все-таки сделала свое дело, уничтожив родовой строй и открыв возможности дальнейшего развития римской общины как общины рабовладельческой.

III. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ

В то время, когда происходила революция, шла упорная борьба римлян за окружающую территорию, происходило завоевание Римом Италии, и ко времени окончания борьбы патрициев и плебеев основная часть Италии была завоевана.

Главной причиной этого завоевания было стремление римлян к земле.

Лациум являлся небольшой, густо населенной областью. Аграрный вопрос был вопросом жизни и смерти для плебейской бедноты. Но он имел огромное значение и для патрициев и для богатых плебеев. Стремление к захвату новых территорий диктовалось также политическими соображениями, так как наделение землей было важнейшим средством смягчения социальных противоречий.

Вот почему захват земель сельскохозяйственной территории являлся главной целью римских завоеваний V и IV вв., когда и плебеи и патриции часто выступали единым фронтом и перед лицом врага забывали свои внутренние разногласия. Только в конце этого периода начинает играть некоторую роль торговая экспансия молодого римского рабовладения.

Но далеко не всегда в борьбе за Италию Рим выступал в роли «агрессора»: ему часто приходилось и обороняться. Его соседи в своем большинстве были такими же сельскохозяйственными общинами, как и он сам, так же страдавшими от земельного голода. Вот почему борьба была столь упорной и долгой: это была борьба однородных политических организмов, с одинаковыми целями и одинаковыми методами. И если Рим вышел из нее победителем, то лишь потому, что на его стороне была общая расстановка сил в Италии, общая комбинация исторических факторов и условий.

В истории завоевания Италии Римом можно установить три основных этапа: V век, когда Рим ведет борьбу за непосредственно соприкасающуюся с ним территорию; IV век, когда Рим завоевывает среднюю Италию, и начало III века, когда он завладевает южной Италией.

В течение всего V в. идет упорная борьба Рима с крупнейшим этруским городом Вейи, расположенным на правом берегу

Тибра, недалеко от Рима. Борьба шла за правый берег Тибра и затянулась почти на столетие.

Было три Вейентинских войны. Первая велась за правый берег устья Тибра, где лежали соляные варницы. Эта война происходила в начале V в., в самом начале существования республики, и о ней сохранились только легенды. Война эта для Рима была неудачной. Вейям удалось захватить соляные варницы на правом берегу Тибра, и римляне должны были себе устроить новые соляные варницы на левом берегу, где и была основана гавань Рима Остия.

Вторая вейентинская война известна нам лучше. Она продолжалась 12 лет (с 438 по 426 гг.). Объектом борьбы был город Фидены, спорный пограничный пункт между Римом и Вейями. Война была безрезультатной.

Решающей явилась Третья вейентинская война. Она продолжалась 10 лет — с 406 по 396 г. С историей и этой войны связано много легендарных сказаний. В традиции она изображается как десятилетняя осада Вей Марком Фурием Камиллом, которого римская традиция называет диктатором. Но едва ли можно допустить существование диктатуры в Риме в этот ранний период, и Камилла правильнее называть просто командующим (консулом). По всей вероятности, десятилетняя осада Вей сконструирована по типу десятилетней осады Трои. В тогдашних условиях десятилетняя осада города едва ли была возможна. Война кончилась взятием и разгромом Вей. Город был разрушен, жители проданы в рабство, а территория на правом берегу Тибра (около 300 000 югеров) была присоединена к Риму. Это было первое крупное завоевание Рима вне Лациума.

Параллельно с Вейентинскими войнами шли войны с целым рядом мелких народов, окружавших Лациум. В первой половине V в. римляне вели борьбу с вольсками (на юге Лациума). Война с вольсками связана с легендой о Кориолане. Кориолан, патриций по происхождению, упорный противник плебеев, убедил патрициев, воспользовавшись голодом, попытаться уничтожить трибунат. За это он был привлечен к суду народных трибунов и, спасаясь от наказания, убежал к вольскам. Вернулся он во главе армии вольсков и начал осаду Рима. В лагерь вольсков было отправлено из Рима посольство. Посольству, в состав которого входили мать, жена и дети Кориолана, удалось, якобы, убедить Кориолана снять осаду родного города. Он отвел свою армию, но скоро был убит вольсками за измену. В этой легенде есть любопытные указания на серьезные внутренние осложнения в период войны с вольсками. Но что здесь достоверного, сказать очень трудно. Во всяком случае, повидимому, в войне с вольсками римлянами были достигнуты частичные успехи.

В половине V в. велась война с эквами, сабинянами и другими народами, жившими к северу от Лациума. От войны с сабинянами

и эквами сохранилось предание о диктаторе Цинциннате, типичном образце старинной римской доблести. Послы сената, явившиеся к нему с извещением о назначении диктатором, застали его на участке земли в 4 югера, который он собственно-ручно пахал. Тотчас же Цинциннат отправился в Рим, встал во главе римской армии, разбил в течение 16 дней врага и сейчас же вернулся снова на свое поле.

Повидимому, эта легенда сконструирована много позднее. Она имеет целью противопоставить старую римскую простоту нравов упадку их во времена поздней республики.

Для борьбы с эквами, вольсками и др. Рим еще около 490 г. заключил союз с латинскими городами. Но, повидимому, этот союз был заключен не со всеми латинскими городами, а только с шестью главными латинскими общинами, с так называемой арицийской федерацией, по имени города Ариции.

Заключение союза дало Риму возможность успешно бороться с эквами и вольсками, а несколько позднее (около 486 г.) им был заключен договор и с другим мелким италийским народом — герниками, жившими в северо-восточной части Лациума.

Итогами войн V в. можно считать следующее: Рим завладел правым берегом нижнего течения Тибра, вступил в союзные отношения с латинянами и достиг частичных успехов в борьбе с вольсками, эквами и сабинянами. Результаты не особенно крупные для борьбы, тянувшейся столетие. Но в ту эпоху иначе и быть не могло, потому что Рим был небольшим городом, и сами войны являлись столкновениями мелкого масштаба. Нельзя забывать, что это были только первые шаги Рима.

В IV в. картина меняется. Это столетие начинается для римлян крупным несчастьем — галльским нашествием.

В начале IV в., около 390 г., огромные полчища галлов вторглись с севера в Этрурию и разгромили римские войска в битве при реке Аллии (левый приток Тибра недалеко от Рима). Вторжение галлов в исторической традиции разукрашено рядом легенд, явно недостоверных, но факт поражения римлян около 390 г. несомненен. Вторжение галлов не было вызвано экспансией Рима на север, — так далеко Рим еще не проникал: это был крупный набег, вызванный племенными перегруппировками в связи с разложением у галлов родового строя.

Поражение при Аллии было настолько крупным, что день битвы был объявлен траурным днем, и ежегодно 18 июля Рим облакался в траур, почему мы и знаем так хорошо календарную дату поражения римлян. Разгромленная римская армия бежала на территорию Вей, частью укрылась в дружественном этруском городе Цере. Рим опустел, большинство жителей бежало, рассеявшись по окружающим городам. Тогда галлы вступили в Рим.

Легенда о взятии Рима изобилует драматическими подробностями. Старика сенаторы не хотели оставлять Рим.

Одетые в торжественные одежды, они сидели в креслах у порогов своих домов. Вошедшие в город галлы были изумлены при виде этих стариков, сидящих в неподвижных позах. Они боялись к ним подойти. Наконец, какой-то галл тронул одного сенатора за бороду, тот в ответ ударил его палкой. Галл убил сенатора, и это послужило поводом к избиению всех стариков.

Рим был сожжен, и только небольшой отряд спасся на трудно доступном Капитолийском холме. Случайно галлы открыли тайную тропинку, ведущую на вершину холма, и однажды ночью поднялись на Капитолий. Римская стража спала. Но гуси, посвященные богине Юноне, услышав шорох, подняли страшное гоготанье. Разбуженный им Марк Манлий, прозванный впоследствии за эти подвиги Капитолийским, поднял стражу и отбил нападение галлов.

Галлы долго осаждали Капитолий, но взять его не могли, а за это время римлянам удалось собрать остатки рассеянных войск; во главе собранной армии был поставлен герой Вейентинской войны Марк Фурий Камилл, находившийся в это время в изгнании (он поссорился с плебеями); ему были предоставлены диктаторские полномочия. Собрав и реорганизовав армию, он напал на галлов.

В это время римляне, осажденные на Капитолии, вошли в переговоры с галльским вождем Бренном и обещали уплатить галлам 1000 фунтов золота за отступление от Рима; в тот момент, когда римляне отвешивали золото, явился Камилл, напал на галлов, разбил их и отобрал золото.

В этом рассказе много неправдоподобного. Особенно вызывает сомнение факт отобрания золота. По всей вероятности, дело кончилось не так благополучно для римлян, и галлы ушли, получив большой выкуп. Рассказ об отобрании золота был введен позднее, чтобы несколько удовлетворить римскую гордость. Но, во всяком случае, Рим избавился от галлов, хотя еще долго после этого продолжались их набеги на римскую территорию. Только в 334 г. римляне заключили с галлами мир.

В первой половине IV в. союз Рима с арицийской федерацией фактически распался вследствие заключения сепаратных договоров с несколькими отдельными латинскими общинами. Риму было выгодно заключать договоры не с латинскими общинами в целом, а с каждой в отдельности. С этого времени наступает решительный перелом в завоевании Италии.

Около половины IV в. (в 358 г.) Рим заключает союз с рядом городов южного Лациума и с племенем аврунков. Благодаря союзу с северными и южными общинами Лациума, к половине IV в. руководящая роль там переходит к Риму. Союз с Лациумом, особенно с южным, был важен для Рима, потому что представляла борьба со средней Италией.

Положение в средней Италии в это время было довольно сложным. Между племенами Самниума и Кампаний начинается борьба из-за плодородного Кампанского побережья. Эта борьба и дала возможность Риму вмешаться в дела средней Италии. Рим близко подошел к границам Кампаний, так как его союзниками были теперь латинские общины юга, а часть территории вольсков уже принадлежала римской общине. Самниты и капуанцы (Капуя — главный город Кампаний) в своей борьбе решили использовать силы Рима.

В 354 г. в Рим является посольство от самнитов с предложением союза. Сенат, учитывая возможности использовать это обстоятельство, заключает союз с самнитами. А 11 лет спустя, в 343 г., является в сенат посольство из Капуи, тоже с предложением союза. Положение Рима было щекотливое. Уже был заключен союз с самнитами против кампанцев, а теперь кампанцы предлагают союз против самнитов. Но в Риме не упустили и этой возможности, и союз с кампанцами был заключен. Чтобы не попасть в неудобное положение, римляне не заключили формального договора, а предоставили кампанцам условно права римского гражданства. Против этого формально не могли протестовать самниты, но они прекрасно поняли уловку и напали на Кампанию. При таких обстоятельствах, в 343 г. началась Первая самнитская война.

Так как самниты напали на Кампанию, римская армия во главе с двумя консулами двинулась на помощь кампанцам. Но до войны дело не дошло. Когда римляне подошли к Кампанию, то оказалось, что ссориться с самнитами не из-за чего. В Капуе за это время произошел переворот, и пришедшая к власти демократия разорвала союз с Римом.

Вообще, нужно заметить, что Рим в период завоевания Италии широко использовал партийную борьбу в итальянских городах, причем неизменно стоял на стороне аристократии. Поэтому и союз, заключенный Римом в 343 г. с Капуей, был союзом с капуанской аристократией, стоявшей тогда у власти. Но пока Рим шел на помощь своим союзникам, в Капуе к власти пришла демократия, и у Рима не было никаких оснований продолжать войну, тем более, что и поход этот был очень трудным. Консулы вернулись обратно, и в течение первого самнитского похода (343—341 гг.) ни одного сражения с самнитами, повидимому, не произошло.

К 340 г. положение изменилось, главным образом, потому, что демократический переворот в Капуе сблизил капуанцев с латинянами. Латинские города, заключившие союз с Римом, тяготились зависимостью от Рима и начали требовать участия в римском правительстве. Историческая традиция рассказывает, что латинские союзники Рима выдвинули требование об избрании из числа населения латинских городов одного из двух консулов и половины сенаторов. Усиление оппозиции латинских городов несомненно было связано с демократическим переворотом в Капуе, — кам-

панцы стали подстрекать латинские города выступить против Рима. Рим на уступки не пошел, и в 340 г. вспыхнуло восстание латинских союзников (так называемая Латинская война). Латиняне дрались в союзе с кампанцами, а Рим возобновил старый союз с самнитами. Восстание длилось с 340 по 338 г.

О Латинской войне сохранилось много легенд, из которых наиболее известна легенда о двух консулах 340 г., — Тите Манлии Торквате и Публии Деции Мусе.

Легенда рассказывает о Манлии Торквате следующее. Когда Манлий явился в качестве консула в армию, он нашел там упадок дисциплины, доходивший до братания между римскими и латинскими войсками. Это было совершенно естественно, потому что латиняне и римляне были народом одной культуры и одного языка, они много раз сражались вместе, и когда началась война, рядовая масса римских солдат не могла привыкнуть к мысли, что латиняне их враги. Тогда Торкват, чтобы восстановить дисциплину, строжайшим образом запретил не только всякое братание, но даже всякие сепаратные стычки с врагом. Сын Манлия, храбрый и всеми любимый юноша, во время рекогносцировки, забыв о запрещении отца, вступил в единоборство с командиром латинского отряда и убил его. С торжеством вернулся он к отцу, рассказывая о своей победе, но Манлий присудил его к смерти как лицо, нарушившее приказ консула, и, несмотря на ужас и мольбу всей армии, приказал казнить сына, показывая пример жестокой, но необходимой дисциплины.

Другая легенда о консуле Деции Мусе рассказывает, как он накануне сражения с кампанцами и латинянами увидел сон о том, что победит та армия, вождь которой погибнет; поэтому в момент решительного столкновения, когда ряды римлян дрогнули, консул бросился в гущу неприятелей и погиб. Гибель его вызвала такой подъем у римлян, что они с усиленной энергией бросились на латинян и кампанцев, и враг был разбит.

Это, конечно, легенды, но в них отражены интересные бытовые моменты, в частности, имевшее место в первое время войны братание между воюющими армиями.

В конце концов латиняне и их союзники были разбиты, латинская федерация распущена, а Рим вступил с отдельными латинскими городами в сепаратные договоры.

В результате установилось господство Рима почти над всем Лациумом.

В Капуе, после неудачной войны с Римом, произошел новый переворот: демократия пала, к власти снова пришла аристократия, и с ней Рим заключил тесный союз; по условиям договора капуанцы обязались поставлять Риму свои войска. Союз с Капуей был особенно ценен для Рима потому, что к этому моменту обостряются его отношения с союзниками — самнитами.

Вторая и Третья самнитские войны являются решающими для истории завоевания средней Италии. Если восточно-самнитские племена были довольно отсталыми и ни на какую руководящую роль в жизни Италии не претендовали, то западные самниты стояли уже на довольно высоком уровне развития и стремились объединить вокруг себя среднюю Италию. Борьба между Римом и самнитами началась из-за Кампании, этой наиболее плодородной и богатой части Италии.

Вторая самнитская война (328—304 гг.) непосредственно вспыхнула из-за Неаполя, причем поводом к вмешательству Рима в дела Неаполя послужила, как в Капуе, борьба между неаполитанской аристократией и демократами. Рим стоял на стороне аристократии, самниты поддерживали демократическую партию. Война была долгой и упорной, и в начале шла неудачно для римлян. В 321 г. произошла капитуляция римской армии в Кавдинском ущелье. Римская армия была окружена превосходными силами самнитов и должна была сдаться; победители потребовали выполнения позорного обряда прохождения «под ярмом». В землю втыкались два колья, покрывались третьим, и сдававшаяся армия без оружия, под градом насмешек стоявших вокруг врагов, должна была пройти по одному человеку через это сооружение, названное «ярмом» по сходству с воловьей запряжкой. Римская история отмечает этот факт как одно из величайших унижений, которые когда-либо испытала римская армия.

Но не таковы были римляне, чтобы сдаваться после неудачи. Война продолжалась. Положение Рима было очень трудным, так как после кавдинского поражения Кампания отпала от Рима, и в войну вмешались этруски.

Но Рим, используя свое положение в центре врагов, имел возможность действовать по внутренним операционным путям. Это был его стратегический плюс, который и в дальнейшем играл положительную роль при борьбе с окружающими его со всех сторон врагами. Рим был расположен в центре: с севера находились этруски, с юга — самниты. Римляне имели возможность быстро перебрасывать армию и наносить удары в различных пунктах фронта.

В 304 г. был заключен мир, но особых выгод от него Рим не получил. В основном он сохранил свои старые владения. Однако, во время этой войны римлянам удалось подчинить остатки вольсков, герников и эквов.

В то же время Рим вступил в союзнические отношения с рядом мелких племен средней Италии — марсами, пелигнами, френтами и др.

Но поскольку вопрос о Самниуме и Кампании не был решен, борьба не прекратилась. В 298 г. вспыхнула Третья самнитская война, продолжавшаяся восемь лет (до 290 г.). В ней большую роль играла северная Этрурия.

Еще в 353 г. Рим подчинил себе крупный этрусский город Цере, так что к этому моменту южная Этрурия уже принадлежала римлянам. Теперь речь шла о северной Этрурии. Галлы произвели туда новое вторжение и вместе с этрусками стали помогать самнитам. Таким образом, Риму пришлось вести войну одновременно на два фронта — против самнитов и против северных этрусков вместе с галлами.

К этому времени в Риме была проведена военная реформа, благодаря которой римские легионы получили возможность более гибкого маневрирования (об этой реформе см. ниже). Рим, используя свое выгодное стратегическое положение, свою сильную армию и ее техническое превосходство, имея в качестве плацдарма Лациум и окружающую территорию, без особого труда разгромил и этрусков и самнитов. Результатом трех Самнитских войн было подчинение почти всего Самниума, кроме нескольких мелких горных племен, оставшихся независимыми.

Вместе с этим были подчинены северная Этрурия, Умбрия, остатки сабинян и часть пиценов. Таким образом, к 284 г. вся средняя Италия находилась во власти Рима.

Теперь настала очередь южной Италии. Начинается третий и последний этап борьбы за Италию.

Южная Италия называлась Великой Грецией, благодаря большому количеству находившихся там греческих колоний. Но для III в. это название уже стало до известной степени анахронизмом: греческие колонии потеряли свое прежнее значение, главным образом, потому, что развитие итальянских племен, в частности, южных самнитов, привело к усилению их давления на греков. Ряд греческих колоний попал в руки южных самнитов, а другие владели жалкое существование. Особенно теснены были Бруттийские колонии, потому что луканцы и бруттийцы развили особенно сильное движение на юг. В более благоприятном положении находился еще Тарент, самый крупный из городов Великой Греции. С Тарентом и завязалась у Рима борьба.

Когда после завоевания средней Италии стало ясно, что Рим стремится на юг, и римское правительство начало вмешиваться в дела греческих городов, Тарент заключил против Рима союз с южными самнитами (луканцами и бруттийцами). Но в 281 г. союзники Тарента были разбиты Римом, и Тарент, не надеясь собственными силами справиться с Римом, обратился за помощью к царю Эпира — Пирру. Эпир в классическую эпоху был одной из отсталых греческих провинций. В эпоху эллинизма, в III в., эта область сделала значительный шаг вперед, и в ней создалась эллинистическая монархия, во главе которой стоял Пирр (с 300 г.). Пирр принадлежал к довольно распространенному типу эллинистических монархов. Это был честолюбивый, блестящий полководец, хороший организатор, но крайне неустойчивый человек,

тип авантюриста высокого полета эпохи эпигонов, вроде Димитрия Полиоркета.

Пирр до этого времени принимал горячее участие в борьбе на востоке. Как мы видели выше, он захватил даже на некоторое время Македонию, но был вытеснен оттуда Лизимахом. Увидев, что со своим маленьким Эпиром он не может претендовать на ведущую роль на Востоке, Пирр решил бросить свои силы на запад и попытаться создать из Эпира, Италии и Сицилии единое государство тине восточных монархий.

Поэтому, когда тарентинцы обратились к Пирру с приглашением помочь им в борьбе с Римом, он охотно принял это приглашение, и ранней весной 280 г. отправился в Италию с сравнительно небольшим, но великолепным наемным войском, вооруженным по последнему слову тогдашней техники. У Пирра было 20 000 пехоты, 3000 фессалийской конницы и боевые слоны.

В первой же битве при Гераклее (около Тарентского залива) римляне были разбиты наголову (280 г.). Хорошо дисциплинированная, стойкая и достаточно подвижная крестьянская римская армия все-таки не могла выдержать первой встречи с эллинистическими наемными войсками. Особенно роковую роль здесь сыграла фессалийская конница и слоны, с которыми римская армия встретилась впервые.

Пирр двинулся со своим войском в Лациум. Но так как римлянам удалось собрать довольно большие силы, а в тылу у Пирра не все было благополучно, потому что с некоторыми греческими городами на юге Италии Рим поддерживал сношения, то Пирр не рискнул на осаду Рима и вернулся в Тарент, где провел зиму 280/279 г.

В 279 г. произошла вторая битва при Аускуле в северной Апулии. Бой был очень упорным. Первый день не дал никаких результатов, и только к концу второго Пирру удалось сломить римлян, но потери его были так велики, что он будто бы сказал: «Еще одна такая победа, и у меня не останется больше воинов». После этого «пирровой победой» стали называть такую победу, которая слишком дорога стоит победителю.

Тогда Пирр отправил в Рим посольство, во главе которого стоял грек Кинеас, его правая рука и дипломатический советник, обладавший замечательным красноречием. Про него Пирр говорил, что Кинеас ему завоевал языком больше городов, чем он сам — мечом.

Римская традиция рассказывает, что Кинеас явился в Рим, в заседание сената и предложил Риму мир, и якобы престарелый, тогда уже слепой Аппий Клавдий выступил с горячей речью, в которой требовал от сената категорически отвергнуть предложение мирного договора. Сенат, под влиянием речи Аппия Клавдия, будто бы отказался от мира.

В действительности дело обстояло несколько иначе. После битвы при Аускуле в Рим явилось посольство из Карфагена и предложило союз. Такое поведение Карфагена объясняется тем, что ему были хорошо известны планы Пирра. Карфагенское правительство понимало, что в случае разгрома Рима Пирр создаст себе державу из южной Италии и Сицилии, что грозило непосредственной опасностью Карфагену, так как западная Сицилия принадлежала ему.

Рим принял предложение Карфагена. Вот почему римский сенат отверг мир с Пирром, а вовсе не под влиянием речи Аппия Клавдия.

Предстояла упорная борьба, а силы Пирра уменьшались. Поэтому он решил временно прекратить войну в Италии и создать себе опорную базу в Сицилии. Когда Сиракузы обратились к нему с предложением явиться в Сицилию и помочь им против Карфагена, Пирр принял это выгодное для него предложение. Он перебросил свои войска в Сицилию и целых три года воевал там с карфагенянами, причем воевал чрезвычайно удачно: вся Сицилия была очищена от карфагенских войск. Но так как Пирр ставил своей целью полное подчинение Сицилии, а Сиракузы смотрели на него только как на наемника, то у царя начались нелады с Сиракузами. В конце концов он поссорился с ними и ушел из Сицилии снова в Италию.

За годы отсутствия Пирра римляне сильно укрепились в южной Италии. Они подчинили небольшие греческие города, подчинили южных самнитов и встретили Пирра во всеоружии. Когда в 275 г. произошла третья и последняя битва Рима с Пирром при Беневенте (в северо-западном Самнитуме), то Пирр на этот раз был разбит. Он удалился к себе в Эпир и скоро погиб, снова вмешавшись в борьбу из-за Македонии.

После этого Риму уже не представляло большого труда захватить всю южную Италию. Повидимому, в 273 г. Рим завладел Тарентом, а между 270 и 266 гг. — Бруцциумом, т. е. южной оконечностью Италии. Таким образом, весь полуостров, начиная от Мессинского пролива до Цизальпинской Галлии, принадлежал Риму.

* *

Почему же Рим вышел победителем в двухсотлетней упорной борьбе с многочисленными врагами? Основной причиной этого было то, что общая комбинация внутренних и внешних условий для северного Лациума оказалась благоприятнее, чем для его противников. Прежде всего в Лациуме было налицо чрезвычайно удачное сочетание судоходной реки и плодородной густо населенной земледельческой равнины.

С другой стороны, как указывалось выше, центральное положение Рима давало ему огромное стратегическое преимущество в смысле возможности действия по внутренним операционным путям

К этому присоединялось и то, что у противников Рима не было полного согласия и единого плана действий. Трудно было объединить такие разнородные образования как, например, этрусские полисы и племена горного Самниума. Поэтому Риму не составляло большого труда разьединять своих противников и разбивать их поодиночке.

Немаловажной причиной побед Рима в борьбе за Италию являлось также превосходство его военной организации. Римская армия комплектовалась путем всеобщего набора граждан от 17 до 45 лет (для полевой службы) и от 45 до 60 (для резервной службы). В случае войны объявлялось, какое количество людей должно быть выставлено, и это количество разверстывалось поровну между трибами.

Уже с половины III в. Рим мог выставить около 300 000 воинов. Военный характер римской истории, начиная с первых шагов истории республики, заставил придавать военной службе огромное значение. Не только все мужчины должны были служить, но вообще военный стаж был необходимым условием всякого другого стажа, т. е. пока гражданин не проделывал определенного числа походов, он вообще не мог быть допущен к государственным должностям. Уклонение от призыва каралось чрезвычайно тяжело, вплоть до продажи в рабство.

В ранний период республики армия была временной, потому что она не держалась постоянно под оружием, а набиралась по распоряжению сената и консулов, т. е. для определенного случая. Но уже в IV—III вв., благодаря непрерывному военному положению в Италии, армия фактически превратилась в постоянную.

До IV в. служба в армии была бесплатной, каждый воин обязан был на собственные средства приобрести себе вооружение и сам себя содержать во время похода. Деление на имущественные разряды по реформе Сервия Туллия в первую очередь преследовало военные цели. В связи с имущественным положением, гражданин нес службу либо в коннице, либо тяжеловооруженным, либо легковооруженным и занимал место в строю в зависимости от того, как он был вооружен: лучше вооруженные, т. е. более богатые, занимали первые ряды.

Но в IV или в самом конце V в. была проведена важная реформа (традиция ее приписывает Камиллу), установившая жалование воинам и выдачу им казенного обмундирования, вооружения и продовольствия, стоимость которых вычиталась из жалования. Принципиальная важность этого мероприятия, связанного с постепенной демократизацией римского общества, бесспорна, потому что оно уравнивало положение солдат. С другой стороны, реформа сейчас же оказала влияние на реорганизацию легиона, основной единицы римской армии.

До реформы легион представлял собой фалангу, т. е. сплошную массу тяжеловооруженных пехотинцев, плотно стоящих рядом

друг с другом и построенных в несколько шеренг вглубину. Место в той или другой шеренге определялось, как сказано выше, принадлежностью к тому или иному имущественному разряду.

Но в связи с введением жалования было введено и однообразное вооружение тяжелой пехоты. При этих условиях старый принцип размещения в строю по имущественному признаку терял всякий смысл. К тому же неподвижная, не имевшая подразделений и поэтому тяжело маневрировавшая фаланга явно не подходила к обстановке войн IV в., которые приходилось вести в гористой средней Италии. Отсюда и выросла реорганизация легиона, состоявшая в введении так называемого манипулярного строя.

Каждый легион был разделен на 30 тактических единиц («манипулов»). Манипул (буквально «горсть» соломы, сена и пр.) состоял либо из 120, либо из 60 тяжеловооруженных воинов и в свою очередь делился на две центурии — по 60 или по 30 человек в каждой.

Развитие военного дела, продолжительные походы, непрерывное военное напряжение в IV и III вв. привели к тому, что в Риме создались опытные военные кадры, образовались контингенты старых солдат (ветеранов). Поэтому легионы начинают строиться теперь по принципу опытности воинов. Каждый легион делится на 3 линии: в первой стояли молодые воины, во второй — более опытные, и в третьей — ветераны. Воины первой линии назывались гастаты (от *hasta* — копье), второй линии — принципы («первые»), третьей линии — триарии. Каждая линия состояла из 10 манипулов. Манипулы отделялись друг от друга интервалами, приблизительно равными фронту манипула.

Манипулы каждой задней линии стояли против интервалов передней, на некотором расстоянии от нее. Первые две линии являлись боевыми, третья — резервной. Манипулы гастатов и принципов были по 120 человек, триариев — по 60.

На каждую центурию полагалось по 20 человек легковооруженных. Таким образом, если мы возьмем общее число бойцов в легионе, то получим в первой линии 1200 тяжеловооруженных, во второй — также 1200 и в третьей — 600. К ним нужно прибавить 1200 легковооруженных (по 20 человек на каждую из 60 центурий) и 300 всадников. Всего 4200 человек пехоты и 300 конницы.

Преимущества манипулярного строя состояли в том, что благодаря интервалам между манипулами и их тактической самостоятельности ими можно было маневрировать, «манипулировать». Обычно бой начинали легковооруженные, которые строились перед фронтом легиона. Затем, после вступления в бой основных сил, легковооруженные отступали в интервалы между манипулами, и вступала в бой первая линия (гастаты). Если противник ее начинал теснить, то в интервалы первой линии вступали манипулы принципов и таким образом получался сплошной фронт.

Если нужен был резерв, то вступала главная и решающая сила — третья линия триариев. Отсюда возникла римская поговорка: «*ges ad triarios rediit*» — «дело дошло до триариев» (т. е. до крайности).

Вооружение легионеров было теперь одинаковое. Оно состояло, во-первых, из главного оружия — меча. В эпоху манипулярного строя меч был короткий, обоюдоострый, им можно было колоть и рубить. Раньше римский меч был длинный и тяжелый, с одним лезвием. В связи с увеличением общей маневренности перешли и к другому типу меча.

Другим важным оружием легионера был *pilum* (метательное копьё), длиной в два метра с очень длинным металлическим наконечником, насаженным на древко. Обычно, прежде чем вступать в рукопашный бой, легионеры бросали свои копья во врага; копья были тяжелые и, брошенные на расстоянии 20 метров, могли пробить щит или броню противника; пробивая щит, они застревали в нем и если даже не наносили непосредственного вреда противнику, то лишали его возможности маневрировать щитом. Таким образом, «залп» дротиков парализовал возможности обороны противника, и после этого начинался рукопашный бой.

Голову воина защищал металлический шлем, грудь — панцырь из кожи в несколько слоев, обшитый металлическими пластинками, ноги — поножи; в руке у него был щит. Первоначально щит был небольших размеров, круглый, а после введения манипулярного строя воинам выдавался большой щит, полуцилиндрической формы, размером больше половины человеческого корпуса. Для легкости щит делался из дерева, обшивался кожей и покрывался металлическими пластинками.

Легковооруженные не имели панцыря, а только шлем и легкий щит; их главным оружием было несколько штук дротиков.

Кроме основного ядра армии — легионов, набравшихся исключительно из граждан, в составе римской армии были еще вспомогательные войска, которые пополнялись так называемыми «союзниками».

Союзники — это были покоренные племена и общины Италии, не получившие прав римского гражданства, но имевшие полную автономию в своих внутренних делах; они обязаны были поставлять вспомогательную военную силу. Обычно на один легион полагалось 5000 союзнической пехоты и 900 всадников; союзнические контингенты содержались на собственный счет. В бою вспомогательные войска располагались на флангах легионов. Они строились не манипулами, а когортами, по 500 человек в каждой. Высшее командование над ними принадлежало римским военачальникам, которые назначались консулами, а низший командный состав комплектовался из самих же союзников.

Командный состав римских легионов разделялся на высший и низший; в низшем командном составе основным чином был чин центуриона, командовавшего центурией и вместе с тем манипулом; командир первой центурии был вместе с тем командиром всего манипула, а командир второй центурии — его помощником. Центурион обычно назначался из простых воинов за боевые заслуги.

Высшим командным составом в легионе было 6 военных трибунов, которые обычно командовали по очереди. Сначала они выбирались народным собранием из молодых нобилей, а впоследствии выборы были заменены назначением. Главнокомандующими армии были консулы.

В ранний период республики армия обычно состояла из 4 легионов и образовывала 2 консульских армии; каждый консул командовал двумя легионами. Впоследствии число легионов в армии было гораздо больше. Когда обе консульских армии объединялись, консулы командовали по очереди.

Несколько слов нужно сказать о римском военном лагере.

Римляне имели обыкновение всякий раз, когда армия останавливалась, хотя бы только на сутки, строить лагерь. Лагерь мог быть временным или постоянным, если он делался центром длительной операции в данной местности.

Постройка лагеря была точно предусмотрена правилами лагерной и саперной службы, и каждый лагерь представлял весьма солидное сооружение. Это был вытянутый прямоугольник, обнесенный рвом и валом, иногда палисадом; он имел четыре выхода с каждой стороны, закрытых воротами, несколько «улиц», перекрещивающихся под прямым углом, и по которым разбивались палатки легионеров в раз навсегда установленном, абсолютно точном порядке. В центральной части лагеря, где стояла палатка полководца, находилось место для собраний.

Такая организация лагеря имела очень большое значение для военных успехов римлян. Лагерь делал невозможным нападение врага врасплох и служил опорной базой, откуда римляне наносили удары и куда они укрывались в случае неудачи.

Военная техника римлян была довольно высока. Уже в этот период в римской армии применяются всякого рода осадные и метательные механические приспособления, заимствованные из эллинистической техники.

Таким образом, мы выяснили те основные факторы, которые лежали в основе римского завоевания Италии.

Перейдем теперь к вопросу о том, как управлялась побежденная Италия. Завоевание Италии имело для ее населения огромное историческое значение. Римские завоевания разрушали те элементы общинно-родовых отношений, которые существовали у ряда народов средней и особенно восточной Италии. Римляне захватывали часть земли, выводили туда колонии и тем самым ускоряли переход от родового строя к рабовладельческому.

С другой стороны, римские завоевания подрывали мелкую собственность, собственность мелких производителей — итальянских крестьян.

Это разрушение итальянской мелкой собственности происходило как потому, что римляне отнимали часть земель, так и потому, что в своей политике они систематически поддерживали крупно-собственнические элементы, аристократию завоеванного народа. Это ускоряло концентрацию земли и, следовательно, пролетаризацию мелкого производителя. Правда, этот процесс в широких размерах начался только в III в., но его возникновение можно отнести еще к IV в.

В управлении завоеванными частями Италии Рим придерживался сравнительно мягкой тактики. Политика Рима по отношению к Италии была несколько иной, чем позднее по отношению к провинциям, т. е. завоеванным территориям, лежавшим вне Италии. Население провинций облагалось высокими налогами, оно рассматривалось как абсолютно бесправная масса подданных.

По отношению к Италии политика была иной: завоеванным общинам предоставлялись известная самостоятельность, а иногда даже политические права; как правило, они не облагались налогами, если не считать «налога кровью», т. е. обязанности выставлять вспомогательные войска.

Чем объяснялась эта более мягкая политика Рима по отношению к Италии? Завоевание провинций произошло в ту эпоху, когда для римского рабовладельческого хозяйства было необходимо их полное подчинение. Присоединение Африки, Македонии, Греции, Малой Азии и других провинций падает на II—I вв., т. е. на период высшего расцвета римского рабовладельческого хозяйства. Для этого хозяйства нужно было выкачивать из завоеванных стран огромное количество рабов, денег, хлеба и т. п. Этим и объясняется крайняя суровость римской провинциальной политики.

Что же касается Италии, то в период ее завоевания римское хозяйство было еще довольно примитивным, а поэтому у римлян отсутствовали стимулы для интенсивной эксплуатации италичков. К этому присоединились и соображения политического характера: восстания далеких провинций не были для Рима так опасны, как восстания в Италии. Вот почему римское рабовладельческое государство считало более целесообразным не раздражать чрезмерно италичков. Во время войны с Ганнибалом эта разумная политика блестяще оправдала себя, так как средняя Италия осталась верна Риму, и это обстоятельство было одной из главных причин поражения карфагян.

По отношению к завоеванной Италии Рим придерживался правила «divide et impera» (разделяй и властвуй). Римское правительство одним общинам давало больше прав, другим меньше,

чем затруднялась возможность образования единого антиримского фронта.

К тому же римское правительство всегда и неуклонно поддерживало в завоеванных общинах аристократию, что давало возможность опираться на нее в нужных случаях.

Как же Рим поступал с завоеванными областями? Обычно $\frac{1}{3}$ (иногда $\frac{1}{2}$) земли у покоренных общин отбиралась. Эта земля частью превращалась в *ager publicus* — государственную землю, частью продавалась желающим, частью из нее нарезались мелкие участки для римских граждан (колонистов).

Все общины Италии с точки зрения их правового положения делились на следующие категории.

1. Колонии римских граждан (*coloniae civium Romanorum*). Первоначально они имели военный характер, позднее (со II в.) в них стали поселять неимущих граждан, а с I в. туда направлялись ветераны, получавшие свои наделы в виде награды за службу. Во всяком случае колонии служили опорными пунктами римского господства в Италии, так как они устраивались в разных частях полуострова. С половины I в. колонии стали организовываться и в провинциях. Колонисты оставались полноправными римскими гражданами, были приписаны к определенным трибам и, явившись в Рим, могли осуществлять все политические права римских граждан: участвовать в комициях, быть избранными на государственные должности и т. д. Колонии как части римской территории и колонисты как полноправные римские граждане не пользовались автономией во внутренних делах и управлялись римскими городскими властями. Но в некоторых колониях, особенно в тех, которые были расположены далеко от Рима, сенат разрешал местное самоуправление.

2. Муниципии. Первоначально это были самостоятельные италийские общины, имевшие свое государственное управление. Когда они были подчинены Римом, то их жители получили права римского гражданства, причем им было оставлено самоуправление. Таким образом, муниципии пользовались полными правами римских граждан и большой автономией во внутренних делах. Они имели собственных магистратов, городской совет («сенат»), свое самостоятельное судопроизводство и в некоторых случаях даже известную правовую автономию.

3. Общины без права голосования (*civitates sine suffragio*). Их жители обладали всеми правами римских граждан (правом заключения торговых сделок, вступления в законный брак с гражданами и т. д.), кроме одного: права принимать участие в народных собраниях и, следовательно, избирать и быть избранными в римские магистраты. Некоторые из таких общин имели самоуправление, другие — нет.

4. Латинские союзники (*socii nominis latini* или просто *nomen latinum*). Первоначально правом латинских союзников пользо-

вались жители Лациума. Впоследствии оно было дано и некоторым другим общинам. Своеобразие этой категории состояло в том, что «латинское право» давало возможность переселиться в Рим и тем самым приобрести себе все права римского гражданства. Сначала возможность переселения была ничем не ограниченной, и лишь позднее для латинян были установлены различные ограничения, стеснявшие свободу переселения в Рим.

Особой разновидностью *nomen latinum* были так называемые «латинские колонии» (*coloniae latinae*). Они имели латинское право, но с той особенностью, что жители их могли получить полное право римского гражданства, занимая какую-нибудь местную магистратуру.

5. Союзники (*socii*). К этой категории относились те общины, главным образом, южной Италии, которым Рим оставлял полную свободу внутреннего устройства и управления. Это были как бы иностранные государства, вступившие в союз с Римом; однако они не имели права вести внешние сношения, которые оставались всецело в руках Рима. Податей союзники не платили, а только должны были поставлять вспомогательные войска.

Так была организована Италия после завоевания. Это было не столько территориальное государство, сколько федерация полисов под гегемонией Рима.

Выше мы указывали на те причины, которые заставляли и Рим придерживаться этой системы, впрочем уже лежавшей в природе рабовладельческих полисов (см. «История античного общества, Греция», стр. 113—114, 195, 214).

IV. РАННЯЯ РИМСКАЯ КУЛЬТУРА

В этой главе придется говорить, главным образом, о религии как наиболее типичной форме ранней римской идеологии.

Для римской религии раннего периода, как и вообще для религии италиков, характерен примитивный политеизм, очень недалеко ушедший от самых грубых форм анимизма. В представлении римлянина каждый предмет и каждое явление имели своего духа, свое «божество». Каждый ручей, лес, дорога, перекресток, дверь, петля, порог каждого дома имели своего «бога». У каждого человека был его гений, дух-покровитель, каждый дом имел свою Весту, богиню домашнего очага. Каждый момент какого-нибудь процесса имел свое божество. Например, зерно, брошенное в землю, находилось в ведении «бога» Сатурна; растущим хлебом ведала «богиня» Церера, цветущим — Флора, созревшим — Конс.

Было 43 бога детства: бог первого крика ребенка, бог восприятия новорожденного, бог девятого дня, бог первого шага, бог колыбели и т. д. Эта дробность отражала не что иное, как примитивную конкретность мышления, не умевшего абстрагировать, не умевшего подняться над единичным и дойти до понимания общего.

Правда, в дальнейшем начался обобщающий процесс. Так, например, наряду с богами каждого отдельного леса появился общий бог лесов Сильван. Наряду с бесчисленным количеством богов дверей и ворот появился бог Янус, ставший покровителем всякого начала. Наряду с местными Вестами, богинями очага каждого дома, появилась общегосударственная Веста, богиня государственного очага. Однако, появление этих общих божеств несколько не мешало существованию старых, узко-локальных.

В связи с этой примитивной конкретностью стоит другая любопытная черта ранней римской религии: отсутствие определенных образов богов. Римские божества не отделяются от тех явлений и процессов, которыми они ведают. Например, богиня растущего хлеба Церера не существовала вне растущего хлеба, она с ним сливалась.

Первые изображения богов появляются в Риме сравнительно поздно, а раньше существовали только их символы. Марс изображался в виде копыя, Юпитер в виде каменной стрелы и т. д.

Только около VI в., под этрусско-греческим влиянием, начинается антропоморфизация римских божеств.

Родовой и семейный культ играл большую роль при крепком укладе римской патриархальной семьи, при наличии сильных элементов родового строя. Души предков почитались под именами пенатов, ларов и манов, между которыми сами римляне не всегда могли провести резкую разницу.

В связи с конкретностью ранней римской религии и дробностью божеств находился узко утилитарный, узко практический характер этой религии. Конечно, всякая религия в известной степени утилитарна, всякая религия строится по принципу «do, ut des» — я даю, чтобы ты мне дал. Но нигде этот практицизм не достигал такой степени, как в римской религии. Боги не были отделены от человека. Они окружали его со всех сторон, обитали в каждом предмете, руководили каждым явлением, каждым моментом социальной жизни. Естественно, поэтому, что человек чувствовал себя под непрерывным воздействием божественных сил, которое носило непосредственный, чисто практический, мелочно-прозаический характер.

Отчасти поэтому ни в одной религии, может быть, в такой степени не выступал ее формально-договорный характер, как в римской. Все основывалось на договоре между божеством и человеком, все сводилось к формальному выполнению обрядов, и если обряд был выполнен, то молящийся был твердо убежден в том, что божество обязано со своей стороны сделать все то, что человек у него просит. Нужно было точно знать, к какому богу обратиться в определенном случае, какие слова, какие формулы произнести, потому что малейшая ошибка нарушала действенность самой молитвы. Все было раз навсегда точно установлено, и незначительная ошибка могла испортить все дело.

Но формально-договорный характер религии допускал возможность обмана божества, лишь бы форма была соблюдена. Если давали обет принести в жертву такое-то количество голов, то можно было заменить головы людей маковыми головками, потому что в молитве не указывалось, какая голова должна быть принесена в жертву — человеческая или маковая. Для римской религии такие факты очень типичны.

Формально-договорный характер отношения к божеству связан в известной степени с магией. В магии все основано на формальном сочетании слов и действий. Малейшая ошибка разрушает весь эффект.

Магизм римской религии также доказывает ее крайнюю примитивность. Магизм, формально-договорный характер религии были тесно связаны с широким развитием ее обрядовой стороны.

А это требовало многочисленных специалистов, которые бы в совершенстве знали все тонкости религиозно-магических формул.

Отсюда широкое развитие жречества. Римское жречество было гораздо более развито, дифференцировано и авторитетно, чем греческое.

Жреческие коллегии в Риме были весьма многочисленны. Из них главную роль играла коллегия понтификов. Происхождение этого слова очень спорно. Его обычно производят от *pons* — мост и *fasces* — делать (понтифики — строители мостов). Это название, повидимому, когда-то имело смысл, который впоследствии был утерян, и нам теперь совершенно неясен.

Коллегия понтификов была самой влиятельной, и председатель этой коллегии — *pontifex maximus* — являлся верховным жрецом Рима.

Выше мы указывали, как долго пришлось бороться плебейм за доступ к должности понтифика и какими причинами объяснялось в данном случае нежелание патрициев пойти на уступки. К коллегии понтификов принадлежал и *rex sacrorum* (царь священных дел), к которому перешли религиозные функции бывших царей.

Наряду с понтификами большое значение имели коллегии жрецов-гадателей. Гадания занимали большое место в обрядовой стороне римской религии, что тесно связано с ее примитивно-магическим характером.

Наиболее известными из коллегий жрецов-гадателей были авгуры и гаруспики. Авгуры занимались гаданиями по полету птиц. Они выходили на открытое место, мысленно делили небесный свод на четыре сектора и в зависимости от того, в каком секторе пролетали птицы и происходили другие небесные явления, определяли, было ли это знамение («ауспиции») благоприятным или нет. Гаруспики занимались гаданием по внутренностям жертвенных животных, в частности, по форме печени. Нечего и говорить о том, какую роль ауспиции могли играть в политической жизни страны, когда всякое важное мероприятие ставилось в зависимость от воли богов, угадываемой жрецами.

Большим авторитетом пользовалась и коллегия весталок, жриц богини Весты. Они — хранительницы государственного очага; на их обязанности лежало поддержание неугасимого огня на алтаре богини. Весталки давали обет девства в течение 30 лет. Они пользовались большим уважением в общественной жизни; например, консул только весталкам уступал дорогу. Весталки, единственные из римских женщин, пользовались правом самостоятельного распоряжения имуществом.

Наряду с этими жреческими корпорациями нужно отметить коллегию «салиев» (т. е. прыгунов). Салии были жрецами бога Марса. Их название произошло от обычной устраивать священные пляски в день, посвященный Марсу.

Были и другие жреческие коллегии, например, фламины — жрецы-возжигатели, фециалы, на обязанности которых лежала обрядовая сторона объявления войны и заключения мира, и др.

Несмотря на примитивно-политеистический, дробный характер римской религии, в ней довольно рано выделились верховные божества. Среди них надо отметить так называемую латинскую, или римскую мужскую троицу: Юпитер — Марс — Кви́рин (Юпитер — бог неба, позднее сопоставленный с Зевсом, а Марс и Кви́рин — это ипостаси одного и того же бога войны).

Рядом с ней была другая троица, в которой ясно выступают этрусские корни: Юпитер — Юнона — Минерва (этрусские Tin, Uni и Menrva). Юнона превратилась в супругу Юпитера, а Минерва впоследствии была сближена с греческой Афиной и стала покровительницей ремесла. Из других божеств надо отметить латинскую Диану, покровительницу женщин, богиню рощ и охоты.

С V в. и особенно с IV начинается влияние греческой религии, идущее через кампанские колонии греков. Богатая мифология, весь поэтический, красочный мир греческих сказаний о богах, попав на сухую и прозаическую почву итало-римской религии, очень многим ее обогатил. Появляется миф об Энее, устанавливающий родство римлян с греками, миф о Геракле-Геркулесе и др.

В V же веке через Кумы был заимствован культ Аполлона и его оракул, связанный с именем пророчицы Сивиллы. Предание говорит, что сборник предсказаний Сивиллы (так называемые «Сивиллины книги») был перевезен в Рим, где им пользовались для гаданий. Проследить историю сивиллиных книг совершенно невозможно. Но представление о них держалось очень долго. Характерно, что при возникновении христианства сивиллины книги были использованы демократическим течением в христианстве в качестве обоснования радикальных уравнилельных лозунгов; так велика была стойкость традиции сивиллиных книг в римской истории.

Под влиянием греческой религии происходит отождествление богов римского и греческого пантеонов. Под этим же влиянием римские божества постепенно теряют свой первоначальный характер. Они приобретают антропоморфный вид, наделяются определенными чертами и получают мифологическое оформление. Юпитер отождествляется с Зевсом, Юнона — с Герой, Минерва — с Афиной, Диана — с Артемидой, Венера — с Афродитой и т. д.

Влияние греческой культуры не ограничивалось только областью религии, но распространялось и на другие стороны римской жизни. К концу IV в. римский полис настолько вырос, что достижения греческих общин, благодаря приблизительному сходству их развития, сравнительно легко воспринимались в Риме. В IV столетии начинает распространяться греческий язык, главным образом среди верхних слоев римского общества. Получают рас-

пространение некоторые греческие обычаи — возлежать за столом во время еды, брить бороды и коротко стричь волосы.

В это же время, повидимому, происходит замена старого этрусского алфавита — греческим, заимствованным из Кампании. Этот последний более подходил к звукам латинского языка.

В половине IV в. в Риме вводится медная монета (асс) по греческому образцу. До этого времени деньгами служили просто куски меди, которые при расплате каждый раз приходилось взвешивать.

V. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Эпоха Карфагенских, или Пунических войн ¹ охватывает около 120 лет (от 264 до 146 г.) и является важнейшим, переломным периодом в истории Рима, так как за эти 120 лет римляне стали хозяевами Средиземного моря. К 146 г., уничтожив Карфаген, они получили все его владения, покорили Македонию и фактически завладели Грецией. Таким образом, наиболее крупные противники Рима были сломлены, и дальнейшее завоевание Средиземноморья не представляло для римлян особенно большого труда. Вместе с тем, эпоха Пунических войн была эпохой крутого перелома в жизни Италии, потому что в результате завоеваний рабовладельческий способ производства достигает максимального расцвета, и в римской экономике происходят существенные изменения: идет концентрация земли, пролетаризация крестьянства, быстрый рост денежно-ростовщического капитала. Все эти явления послужили в свою очередь предпосылкой для Гражданских войн II—I вв.

Важнейшим источником для этой эпохи является Полибий. Правда, Первая пуническая война им изложена довольно кратко, но вторая война — борьба с Ганнибалом — освещена у Полибия прекрасно (особенно до 216 г.).

Большой и хороший материал дает Полибий и по истории восточного Средиземноморья в эту эпоху.

Более обширный материал находится у Ливия, но его качества как историка в значительной степени этот материал обесценивают. Ряд сведений по истории этой эпохи есть у Диодора, Аппиана и в Плутарховых биографиях Фабия Максима (римского диктатора во время Второй пунической войны), Клавдия Марцелла (разрушителя Сиракуз) и Эмилия Павла (победителя Македонии при Пидне).

Прежде чем перейти к истории Первой пунической войны (264—241 гг.), необходимо дать некоторые сведения о Карфагене.

¹ Пуническими они называются потому, что карфагенян римляне называли «пунами», т. е. финикийцами.

Карфаген был колонией финикийского города Тира. Греческий историк Тимей считает годом основания Карфагена 814 г., но эта дата, повидимому, легендарна. Можно сказать только, что Карфаген возник в IX в. или в начале VIII, когда особенно интенсивно развивалась финикийская колонизация Запада.

Географическое положение Карфагена было очень удобно. Он лежал в северной части теперешнего Туниса, на берегу залива. Здесь была гавань, защищенная от бурь, и к ней примыкала плодородная равнина, орошаемая рекой Баград; недалеко от устья реки стоял Карфаген.

Положением Карфагена в значительной степени определялся и характер его экономики. ~~Торговля Карфагена была чрезвычайно обширна.~~ Она захватывала всю западную часть Средиземного моря. Правда, эта торговля не проникала далеко вглубь страны и была по преимуществу транзитной. Карфаген мало производил сам и ограничивался, главным образом, посредническими операциями, вывозя сырье из варварских областей Запада (металл, слоновую кость и т. д.). Тем не менее все побережье Средиземного моря, острова Сицилия, Сардиния, Корсика, Балеарские были покрыты факториями карфагенских купцов. Насколько велик был размах карфагенской торговли и колонизации — показывает исторически достоверный рассказ о путешествии около 480 г. карфагенского адмирала Ганнона, который с большим флотом совершал путешествие вдоль западного берега Африки до Гвинейского залива. Правда, особенно серьезных результатов в смысле проникновения в экваториальную Африку это путешествие не имело, но самый факт характерен для размаха карфагенской торговли.

Карфагенская колониальная держава шла узкой полосой по африканскому и испанскому побережьям и по островам Средиземного моря.

Другой стороной хозяйственной жизни Карфагена являлось земледелие. Вся плодородная равнина северного Туниса была покрыта плантациями карфагенских богачей. Карфагенское земледелие по преимуществу было крупным; мелкое землевладение, свободное крестьянство отсутствовали. Местное ливийское население частью было обращено в рабов, которые работали на плантациях, частью в «крепостных», т. е. фактически в таких же рабов, которые сидели на мелких участках земли и наподобие спартанских илотов должны были доставлять Карфагену определенное количество продуктов.

Характер карфагенского хозяйства привел к тому, что господствующей социальной силой в Карфагене были две группы: с одной стороны, аграрно-олигархическая группа крупных земельных собственников, с другой стороны, — торговно-олигархическая группа крупных торговцев-оптовиков. Союзом и борьбой двух олигархий — аграрной и торговой — определялись весь социально-

политический строй Карфагена и в значительной мере его история.

Демократия в Карфагене была очень слаба. Хотя по своему типу это был рабовладельческий полис, но он сильно отличался как от греческой, так и от римской демократии. Благодаря отсутствию свободного крестьянства и сравнительной малочисленности ремесленников, демократические слои населения были немногочисленны и неорганизованны. Поэтому политическая власть находилась в руках олигархии.

Правда, торговая группа была несколько прогрессивнее аграрной, но эта прогрессивность была очень условной. Торговая олигархия являлась сторонницей колониальных предприятий, стояла за развитие торговли несколько больше, чем аграрии, прислушивалась к голосу низовой демократии и даже иногда делала попытки кое-каких демократических реформ. Но, в сущности, никогда на всем протяжении истории Карфагена демократия в античном смысле слова не держала власти в своих руках. Карфаген был типичной рабовладельческой олигархической республикой.

Во главе исполнительной власти стояли два ежегодно сменяемых суффета, напоминающие римских консулов. Они входили в совет старейшин, состоявший из 30 человек. Совет старейшин тоже избирался ежегодно. Высшая власть в Карфагене принадлежала коллегии 104-х — главному оплоту карфагенской олигархии. Члены этой коллегии фактически были пожизненны и несменяемы.

Хотя народное собрание существовало и выбирало должностных лиц, но оно не пользовалось никаким влиянием и находилось в руках правящей олигархии. Благодаря слабости мелких свободных производителей, основную массу народного собрания составляли либо деклассированные элементы, либо элементы, зависимые от крупных торговцев и землевладельцев. Они, как правило, послушно голосовали за то, что им предписывали, и только в некоторых исключительных случаях народное собрание пыталось брать инициативу в свои руки.

Точным отражением социальной структуры Карфагена являлась его армия. Городское ополчение было немногочисленно. Основная масса армии состояла из наемников и отрядов, выставляемых зависимыми от Карфагена ливийскими и испанскими племенами. Такая армия в руках хорошего полководца могла в отдельных случаях превратиться в грозную для противника силу, что и показала Вторая пуническая война. Но для продолжительной и упорной борьбы с крестьянской армией типа римской такие войска не годились, и главная причина успеха Рима в войнах с Карфагеном кроется именно в социальной структуре карфагенских войск.

У Карфагена был сильный флот, и в этом отношении он неизмеримо превосходил Рим. В то время как у Рима в начале войны почти не было морских судов, Карфаген обладал большим

флотом, который насчитывал не меньше 350 крупных единиц, состоявших из трех- и пятипалубных кораблей.

Когда Рим к 60-м годам III в. вплотную подошел к Мессинскому проливу, то совершенно естественным развитием всей его политики должен был явиться захват Сицилии. К III в. в Риме уже начало складываться крупное рабовладение, стал формироваться крупный торговый и денежно-ростовщический капитал, для которого было важно завладеть богатой и плодородной Сицилией.

На острове в это время положение было таково. В результате длительной борьбы в V и IV вв. между Сиракузами и Карфагеном значительная часть Сицилии (запад) перешла к Карфагену, а в руках Сиракуз осталась только небольшая полоса восточного побережья. Еще в конце V в. в Сиракузах установилась демократическая тирания Дионисия, который, используя борьбу с Карфагеном, захватил власть и при помощи наемников, рабов и люмпен-пролетариев произвел раздел имущества богачей. Когда власть Дионисия окрепла, «демократическая тирания» превратилась фактически в монархию, защищавшую интересы имущих. Монархия держалась в Сиракузах почти на всем протяжении IV и в начале III вв., потому что упорная борьба с Карфагеном требовала максимальной концентрации власти.

Из более поздних сиракузских «тиранов» надо отметить крупную и яркую фигуру авантюриста Агафокла, который правил в конце IV и в начале III вв. (умер в 289 г.). В тот момент, когда произошло столкновение с Карфагеном, в Сиракузах царствовал Гиерон II.

На самом берегу Мессинского пролива в Сицилии находился город Мессана (теперь Мессина). В 60-х годах III в. он был в руках так называемых мамертинцев («люди Марса»), бывших кампанских наемников тирана Агафокла. После того, как их отряды были распущены, они около 284 г. захватили Мессану, перебили граждан, разграбили их имущество и устроили в городе разбойничью республику. Мамертинцы были весьма беспокойным элементом, и Гиерон начал с ними войну. Когда перевес оказался на стороне Сиракуз, и мамертинцы убедились, что собственными силами им не справиться, они сначала решили сдать город римлянам. Но затем среди них взяла верх карфагенская партия, и в Мессану был впущен карфагенский гарнизон. Но так как римляне уже получили приглашение занять город, то они ухватились за это, как за повод вмешаться в сицилийские дела. Римский отряд явился под стены Мессаны и, пользуясь трусостью начальника карфагенского гарнизона, занял город. Тогда карфагенское правительство объявило Риму войну (264 г.). Гиерон, опасаясь проникновения римлян в Сицилию, заключил союз с Карфагеном, и соединенные силы карфагенян и сиракузян напали на Мессану.

Положение римского гарнизона стало тяжелым. Но консул Аппий Клавдий собрал большие силы в Региуме на противополож-

ном берегу пролива и ночью, на мелких транспортных судах, переправил армию в Сицилию, несмотря на присутствие в Мессинском проливе карфагенского флота.

Воспользовавшись растерянностью союзников, римляне разбили поодиночке сиракузян и карфагенян и, развивая свой успех, дошли почти до Сиракуз. Тогда Гиерон, который был очень реальным политиком, понял, что Рим ваялся за Сицилию всерьез и что ему выгоднее дружить с ним. Поэтому в 263 г. он заключил с римлянами союз и остался ему верен вплоть до самой своей смерти в 215 г.

Союз с Сиракузами еще более укрепил римлян. Союзники захватили крупный центр на юго-западном берегу Сицилии — город Агригент (Акрагант), служивший складочным местом для военных припасов карфагенян. После этого почти вся Сицилия, за исключением приморских крепостей, перешла в руки Рима. Но римляне прекрасно понимали, что без флота Сицилию прочно завоевать невозможно. Для этого требовался постоянный подвоз из Италии и людей, и припасов, а при господстве карфагенского флота осуществить это было невозможно. Тогда римский сенат быстро принялся за постройку флота, и в течение года было выстроено 120 крупных военных судов. Полибий рассказывает, что параллельно с постройкой кораблей велось обучение гребцов. На берегу были поставлены скамьи, на которых сидели гребцы. Под команду их приучали поднимать и опускать весла, так что, когда флот был готов, гребцов прямо посадили на суда — они были более или менее обучены.

Но 120 кораблей было далеко не достаточно, да и римский командный состав в отношении опытности далеко уступал капитанам карфагенских кораблей. Поэтому римляне придумали одно остроумное техническое приспособление, которое обеспечило перевес даже небольшому и неопытному флоту. На римских судах были устроены так называемые «вороны», которые представляли собой не что иное, как перекидные мостики. Эти мостики устанавливались на носу корабля и в вертикальном положении привязывались к передней мачте. На конце их находился острый крюк, а также на мостике были сделаны перила. Когда римский корабль подходил к неприятельскому на близкое расстояние, мостик перебрасывался на его палубу, и по нему быстро перебегала римская пехота. На палубе начинался бой, как на суше, и испытанные боевые качества римской пехоты должны были сказаться здесь в полной мере.

При таких условиях в 260 г. римский молодой флот одержал блестящую победу под командой консула Дулия при Липарских островах (между Мильским мысом в Сицилии и Липарскими островами). У Полибия есть интересное описание этого сражения. Карфагенский флот, уверенный в своей силе, шел на римлян, даже не соблюдая боевого порядка. И вдруг произошло что-то странное:

с задних карфагенских кораблей видят, как передние один за другим сцепляются с римскими и начинают тонуть. Поднялось замешательство, паника. Когда карфагенское командование поняло, что дело неладно, флот повернул обратно, но 50 кораблей частью были потоплены, частью захвачены римлянами.

Непосредственным результатом победы 260 г. явилось нападение римлян на Корсику и Сардинию (259 и 258 гг.). Корсика была завоевана, а Сардинию захватить пока не удалось.

В Сицилии война затягивалась. Тогда римский сенат задумал высадить десант в Африке. Весной 256 г. сорокатысячная римская армия была посажена на суда. Флот состоял из 330 судов и обслуживался 100 000 гребцов.

Карфагенский флот встретил римский около мыса Эконом, на южном побережье Сицилии. Произошел крупный морской бой, из которого римский флот вышел победителем. Карфагеняне потеряли около 100 кораблей и должны были отступить.

Римляне беспрепятственно высадились в Африке, около города Клупей, устроили там укрепленный лагерь и сейчас же принялись за опустошение карфагенской территории. В первые же месяцы было отправлено в Италию 20 000 рабов — военнопленных.

Но скоро начались затруднения. Девять десятых римской армии состояло из крестьян. Это был первый большой заморский поход римлян. Крестьяне вбунтовались и потребовали отправки домой, утверждая, что их поля не могут быть обработаны.

Пришлось уступить, и так как первые успехи на карфагенской территории окрылили командование, то решено было значительную часть армии отпустить по домам. В Африке оставили 15 000 пехоты, 500 всадников и 40 кораблей: остальной флот ушел, увозя более половины людей. Командующим в Африке был оставлен один из консулов Марк Атилий Регул.

Первое время ослабление римской армии не оказало большого влияния на ведение операций. Карфаген был абсолютно неподготовлен к высадке римлян: у него не было готовой сухопутной армии и достаточно хорошего военного аппарата, который мог бы быстро мобилизовать армию. Пока набирали наемников и собирали ополчение, время шло, и страна, вплоть до самых стен Карфагена, систематически опустошалась римлянами. Положение дошло до того, что карфагенское правительство запросило мира у Регула, но последний поставил такие тяжелые условия, на которые карфагенское правительство не могло пойти. Поэтому мирные переговоры были прерваны.

Взять Карфаген римляне не могли: армия их была слишком мала, а Карфаген представлял сильно укрепленный центр. Поэтому Регул стоял в бездействии недалеко от Карфагена, а карфагеняне тем временем набрали прекрасную нумидийскую конницу и наняли большое количество наемников. Среди них оказался талантливый полководец, спартанец Ксантипп, который показал

себя прекрасным организатором, и карфагенское правительство поручило ему руководство всеми военными операциями. Ксантипп организовал сильную армию и весной 255 г. вышел навстречу Регулу. Он заманил его на открытую равнину, что было очень опасно для римлян, потому что карфагенская армия была сильна своей нумидийской конницей и слонами. Когда Регул вывел свою армию из холмистой местности, римляне были разбиты наголову. Поражение было полным; сам Регул попал в плен, где впоследствии и умер. Остатки римской армии (около 2000 человек) бежали в укрепленный лагерь в Клуpee и там укрылись. Сенат, узнав о разгроме, послал к берегам Африки флот, который забрал остатки армии. Но на обратном пути он попал в шторм у берегов Сицилии и почти весь погиб.

Таким образом, африканская авантюра кончилась полным разгромом.

После этого война опять локализуется в Сицилии и довольно долго тянется без сколько-нибудь решительных результатов для обеих сторон.

Только в 251 г. римскому консулу Люцию Цецилию Метеллу удалось одержать довольно крупную победу над карфагенянами в северной части Сицилии около города Панорма (ныне Палермо) и захватить 120 боевых слонов. После панормского поражения карфагеняне были вынуждены очистить почти всю Сицилию. В их руках осталось только 2 города — Лилибей и Дрепанум (крупные гавани на западном берегу Сицилии).

Около этих городов завязалась упорная борьба. Римляне осадили их с суши и одновременно пытались блокировать с моря; но римский флот дважды был разбит карфагенянами при попытке запереть Лилибей и Дрепанум с моря, так что блокаду Лилибея с моря пришлось снять.

В это время у карфагенян появился талантливый молодой полководец Гамилькар, по прозвищу Барка («барка» по-карфагенски — «молния»). В 247 г. он получил главное начальство над карфагенскими войсками в Сицилии. Он занял сильную позицию около Панорма, окопался на трудно доступной горе и сделал из этого пункта небольшой укрепленный плацдарм, откуда римлянам никак не удавалось его выбить. Гамилькар воспользовался превосходством карфагенского флота и установил связь с Лилибеем, Дрепанумом и Карфагеном. Опираясь на панормский плацдарм, Гамилькар стал делать глубокие рейды внутрь острова и тревожить римские гарнизоны. Одновременно с операциями Гамилькара карфагенский флот начал нападать на берега Италии. Положение Рима снова стало тяжелым, так как не было ни флота, ни денег в государственной казне.

Тогда группа римского нобилитета собрала крупную сумму денег и построила флот в 200 кораблей. Соотношение сил на море сразу изменилось, и новый римский флот осуществил блокаду

Лилибея и Дрепанума. Благодаря этому Гамилькар был отрезан от Карфагена.

Римляне сумели использовать полученное на море превосходство, и в 242 г. консул Гай Лутаций Катул в сражении при Эгатских островах (у западного побережья Сицилии) разбил карфагенский флот: 50 карфагенских кораблей было потоплено, 70 попало в руки римлян, — основное ядро карфагенского флота погибло.

Сражение при Эгатских островах кончило войну. Воюющие стороны были сильно истощены; ни у того, ни у другого правительства не было денег, и стало ясно, что при сложившейся обстановке ни та, ни другая сторона не сможет добиться решающих успехов. Вот почему в 241 г. был заключен мир.

Мирные условия для Рима были выгодны. Сицилия (кроме области Сиракуз) отошла к римлянам. Кроме того, Карфаген должен был вернуть военнопленных и уплатить в возмещение военных расходов большую контрибуцию в размере 3200 эвбейских талантов (около 8 миллионов рублей); контрибуция должна была вноситься ежегодными взносами в течение 10 лет.

Царь Гиерон сохранил свои владения в награду за верность римлянам. Сицилия стала первой римской провинцией, т. е. первой страной вне Италии, завоеванной Римом.

В 239—238 гг. римляне окончательно подчинили себе Корсику и захватили Сардинию, что являлось грубым нарушением условий мирного договора, заключенного в 241 г., так как в нем речь шла только об уступке Сицилии.

Карфагенское правительство ограничилось лишь словесным протестом, так как никаких решительных действий в этот момент оно предпринять не могло в связи с тяжелым внутренним положением (см. ниже).

В период времени между Первой и Второй пуническими войнами, кроме захвата Корсики и Сардинии, образовавших вторую римскую провинцию, Рим завоевал Цизальпинскую Галлию (долину реки По). Это завоевание было вызвано политическими мотивами. Первая пуническая война римскому крестьянству ничего не принесла, кроме лишений и потерь. Поэтому оно было настроено очень оппозиционно. Чтобы успокоить крестьянство, было решено завоевать Галлию и вывести туда колонии.

Выразителем крестьянских настроений стал популярный в те времена народный трибун Гай Фламиний. В 233 г. он предложил основать колонии в полосе, пограничной с Цизальпинской Галлией. Предложение Фламиния прошло, было приступлено к организации колоний. Но галлы усмотрели в этом угрозу для себя; они понимали, что появление колоний в пограничной полосе являлось только первым шагом к захвату их территории. Поэтому галлы решили предупредить события. Огромное полчище их, около 70 000 человек, вторглось в Северную Этрурию (225 г.). Рим-

ляне собрали большую армию, разгромили галльское ополчение и очистили Этрурию.

После этого римские войска заняли область галльского племени бойев, а в 223 г. Фламиний в качестве консула вторгся на территорию инсубров, лежавшую по ту сторону По. В течение короткой, но тяжелой борьбы Фламинию удалось захватить область инсубров. Овладеть Цизальпинской Галлией римлянам удалось главным образом потому, что племена, жившие в долине По, враждовали между собой; натравливая одно племя против другого, римляне ослабили их сопротивление, и в 222 г. Фламиний захватил последний опорный пункт племени инсубров — Медиолан (теперешний Милан). Инсубры были покорены, а с другими галльскими племенами Рим вступил в союзные отношения.

На завоеванной территории был основан ряд сильно укрепленных центров: Мутина (Модена) в области бойев, Плаценция (Пьяченца) на правом берегу По и Кремона — на левом берегу.

Период после Первой пунической войны характерен ростом демократического движения в Риме. К сожалению, источники не дают сколько-нибудь подробных сведений на этот счет, и мы знаем о нем только по кратким замечаниям. Между 241 и 218 гг. проведена была реформа центуриатных комиций (см. стр. 86). Это было очень важным мероприятием, потому что оно лишало имущую верхушку того абсолютного преобладания в центуриатных комициях, которое она имела раньше. К сожалению, никаких деталей об этой реформе мы не знаем и не можем даже точно ее датировать.

Между 222 и 218 гг. трибуном Гаем Клавдием при поддержке Фламиния был проведен закон, запрещающий сенаторам иметь корабли вместимостью больше 300 амфор (амфора — мера сыпучих тел, около 26 литров).

Каков политический смысл этого закона? Очевидно, он был проведен в интересах так называемых всадников, т. е. денежно-торговой группы римского общества, которой было важно устранить нобилитет от торговых операций. Закон Клавдия означал, что сенаторы теряли возможность вести торговлю; по словам Ливия, судна емкостью в 300 амфор было достаточно только для перевозки продуктов для собственного потребления, но это судно было слишком мало для широкой торговли. Закон Клавдия явился результатом соглашения всадников с крестьянской демократией, заключенного для борьбы с сенаторами.

Правда, закон Клавдия было легко обойти, и его постоянно обходили; сенатор формально не занимался торговлей, а поручал это дело своим доверенным людям, например, вольноотпущенникам. Но само существование этого закона давало известное оружие в руки всадников. Проведение закона Клавдия показывает, что выступление демократии против нобилитета было достаточно серьезным.

В этот же период происходят первые выступления Рима на Балканском полуострове. Поводом для этого послужили разбои иллирийских пиратов на Адриатическом море. На побережье Иллирии было много мелких островов и недоступных бухт, представлявших хорошую базу для пиратов. Эти последние сделали совершенно невозможным плавание по Адриатическому морю, нападали на Аполлонию, Эпидамн, захватили Керкиру и терроризировали все западное побережье Греции.

Прибрежные греческие города обратились к Риму с просьбой о помощи. Для римлян, которым разбои на Адриатическом море также мешали, это обращение послужило хорошим предлогом для вмешательства в дела Балканского полуострова. В 229 г. в Иллирию был направлен под начальством консулов большой флот с войском; экспедиции удалось в короткий промежуток времени нанести пиратам ряд поражений: отобрать от них Керкиру, уничтожить их укрепленные стоянки на Иллирийском берегу и проникнуть вглубь Иллирии. Иллирийцы обязались платить дань Риму и дали обещание не пускаться на своих судах дальше определенной черты в Адриатическом море, а с Эпидамном, Аполлонией и другими центрами западного побережья Балканского полуострова римляне заключили союз.

Хотя в результате этой экспедиции Рим и не получил территорий на Балканском полуострове, но пути для проникновения туда были нащупаны.

В Карфагене сейчас же после окончания войны вспыхнуло восстание наемников. Оно было вызвано отсутствием денег в карфагенской казне, истощенной войной, и близоручкой политикой карфагенской олигархии, которая, преследуя цели грошовой экономии, чуть не погубила свое государство.

Наемные карфагенские войска, в частности их сицилийские отряды, служившие в последние годы войны под начальством Гамилькара, долго не получали денег и работали на Карфаген в кредит. Гамилькар пользовался у них очень большой популярностью, и поэтому до поры до времени они терпели. Когда война кончилась, наемники потребовали платы. Карфагенское правительство пообещало расплатиться, но по сравнению с ранее заключенным договором плату снизило. Это обстоятельство и послужило поводом к восстанию. Карфагенское правительство допустило еще одну крупную ошибку. Вместо того, чтоб отправлять наемников маленькими партиями из Сицилии в Карфаген, выплачивать деньги и демобилизовать, как это рекомендовал сделать Гамилькар, оно переправило из Сицилии всю армию. Под Карфагеном скопилось большое количество наемников, которым правительство объявило о снижении жалования. Начавшееся восстание было тем более опасным для Карфагена, что к наемникам присоединились рабы и ливийские подданные Карфагена, а также некоторые из союзных финикийских городов. Восстание длилось более трех лет. Только

мощные укрепления самого Карфагена дали ему возможность отстоять себя, но почти вся территория вне города находилась в руках восставших наемников. Для подавления восстания пришлось поставить во главе правительственных отрядов Гамилькара. Карфагенские правители не любили его: он был слишком талантлив, и его подозревали в стремлении к захвату монархической власти. Это была обычная близорукая политика карфагенской олигархии.

В этих чрезвычайных обстоятельствах Гамилькар проявил свой военный талант и дипломатическое искусство: частью путем жестоких мер, частью путем переговоров и уступок ему удалось подавить восстание.

События, разыгравшиеся в Карфагене после Первой пунической войны, объясняют нам, почему карфагенское правительство ограничивалось только словесными протестами, когда римляне захватывали Корсику и Сардинию. Когда же восстание кончилось, ничего сделать было нельзя, так как римляне прочно укрепились на островах, да и Карфаген был слишком истощен для новой войны.

После неудачной войны и восстания наемников, карфагенская олигархия настолько себя скомпрометировала, что в Карфагене усилилось влияние демократической партии, возглавляемой наиболее прогрессивными торговыми элементами. Общепризнанным вождем этой партии был Гамилькар Барка, популярность которого особенно усилилась после подавления восстания. Демократическая партия мечтала отплатить Риму за поражение в Первой пунической войне. Для этого Гамилькар составил план завладения Испанией, в которой Карфагену принадлежало только южное побережье. Эта страна, богатая серебром и населенная воинственными племенами, служившими прекрасным материалом для армии, должна была, по идее Гамилькара, стать мощным плацдармом, откуда он предполагал нанести удар Риму.

Пользуясь своим влиянием в народном собрании, игравшем в те годы довольно большую роль, Гамилькар провел постановление о своем назначении главнокомандующим всеми военными силами Карфагена в Африке, с подчинением непосредственно народному собранию. После этого он во главе большой армии двинулся на запад под предлогом войны с ливийцами. На самом же деле Гамилькар переправился в Испанию.

Ливий рассказывает, что накануне отправления в поход, когда Гамилькар приносил жертвы богам перед алтарем, около него стоял его девятилетний сын Ганнибал, который просил отца взять его с собой на войну. Гамилькар якобы подвел Ганнибала к алтарю и потребовал от него клятвы в вечной ненависти к римскому народу.

Кроме Ганнибала, у Гамилькара было еще два младших сына — Гасдрубал и Магон. Гамилькар называл их своими львятами;

действительно это была семья львов, и римляне очень скоро испытали на себе крепость их зубов и когтей.

Гамилькар был вынужден скрывать цель своего похода от карфагенского сената, потому что этот последний весьма подозрительно относился как к Гамилькару лично, так и к его испанским планам. Испания была вне пределов досягаемости сената; а вдруг Гамилькар провозгласит себя там царем? Эта мысль не давала покоя карфагенским олигархам. Вот почему Гамилькар пустился на обман, превысил данные ему полномочия и переправился в Испанию.

Прибыв туда, он начал приводить в исполнение свой план: создать из Испании такой плацдарм, где, вдали от карфагенского сената, без всяких помех с его стороны он мог бы создать опорный пункт и сильную армию для нанесения удара Риму. Гамилькар, хотя и не успел закончить начатого дела, но заложил основы могущества Карфагена в Испании. В 228 г. он погиб в одной из войн с испанскими племенами.

Преемником Гамилькара стал его зять Гасдрубал. Он продолжал дело Гамилькара, и при нем Испания была завоевана до реки Ибера (Эбро).

Гасдрубал основал на юго-восточном берегу Испании город Новый Карфаген, ставший столицей Баркидов. Около Нового Карфагена начали разрабатывать серебряные рудники, которые давали Гасдрубалу огромный доход. Часть его он посылал в Карфаген и таким путем поддерживал хорошие отношения с властями столицы. На остальные средства Гасдрубал еще больше расширил и укрепил сильную наемную армию, созданную уже Гамилькаром из храбрых испанских (иберийских) племен.

Римляне с тревогой следили за ростом карфагенского могущества в Испании, но были бессильны что-нибудь сделать, потому что в это время (20-ые годы) были заняты борьбой с галлами и никаких реальных шагов против усиления Баркидов предпринять не могли. Но в 226 г. римский сенат заключил договор с Гасдрубалом, согласно которому этот последний обязался не переходить Ибера. Одновременно с этим римляне заключили союз с полугреческим городом Сагунтом, лежавшим на восточном побережье Испании.

В 221 г. Гасдрубал был убит одним испанцем. Его преемником испанская армия выбрала его шурина Ганнибала, которому в то время было около 26 лет. Карфагенское народное собрание утвердило этот выбор. Ганнибал вырос в прекрасной военно-дипломатической школе своего отца и шурина. При блестящих способностях Ганнибала эта школа дала ему чрезвычайно много.

Ливий дает следующую характеристику Ганнибалу: «Никогда еще душа одного и того же человека не была так равномерно приспособлена к обоим столь разнородным обязанностям — обязанностям повелевать и повиноваться. Трудно было поэтому различить, кто им больше дорожил — главнокомандующий или войско.

Никого Гасдрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и войны ни под чьим начальством не были более самоуверенны и храбры. Насколько он был смел, бросаясь навстречу опасности, настолько же он был осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, при котором он уставал бы телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил столько, сколько требовала природа, но не в удовольствие; распределял время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь, он уделял покою те часы, которые у него оставались свободными от работы; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть. Часто видел, как он, завернувшись в военный плащ, спал среди воинов, стоящих на карауле или в пикете. Одеждой он ничуть не отличался от остальных, только по вооружению и по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собой других; первым устремлялся в бой, последним после сражения оставлял поле.

Но наряду с этим высоким достоинством он обладал и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство еще превосходило пресловутое «пуническое» вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святыни. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей трехлетней службы под начальством Гасдрубала с величайшим рвением исполнял все, наблюдал над всем, что только могло развить в нем зачатки великого полководца» (XXI, 4). Не нужно забывать, что это — характеристика римского историка, врага Ганнибала, защитника «национальных» римских традиций, который не мог относиться к Ганнибалу иначе, как резко отрицательно, — и тем не менее даже враг принужден признать исключительные качества Ганнибала. За счет этой вражеской оценки надо отнести те преувеличения, которые Ливий допускает в смысле моральной оценки Ганнибала — его чрезмерной жестокости, вероломства. В действительности, повидимому, это было не так. Ганнибал ничем в этом отношении не отличался от людей своей эпохи. Римские полководцы были не менее вероломны и жестоки, чем Ганнибал.

Но в характеристике Ливия не хватает одного: он не говорит, что Ганнибал был широко образованным человеком, образованным на греческий лад, человеком, стоящим вполне на уровне культуры своего времени. Ливий не говорит о том, что Ганнибал был блестящим дипломатом, одним из самых крупных государственных людей, которых знает мировая история. У римлян не было людей, которых можно было бы противопоставить Ганнибалу. Он прекрасно подходил к той огромной задаче, которая на него легла в решительной борьбе с Римом.

VI. ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Ганнибал укрепил завоеванные Гасдрубалом территории к югу от Ибера, и когда увидал, что готов к войне, начал искать предлог для нее. Сделать это было легко.

Осенью 220 г. римляне послали к Ганнибалу посольство с предупреждением, чтобы он не трогал Сагунта, союзника римского народа. Ганнибал принял послов очень холодно и не дал никаких обязательств, а в 219 г. напал на Сагунт и после восьмимесячной осады взял его. Римляне сделали большую ошибку, не послав Сагунту помощи. Они имели возможность двинуть туда значительные силы, но не были достаточно дальновзорки, не понимали серьезности положения и дали возможность еще больше усилиться Ганнибалу. Если бы Сагунту была послана помощь, то, вероятно, война пошла бы иначе.

После падения Сагунта римляне отправили посольство уже в самый Карфаген. Оно явилось в заседание карфагенского сената и потребовало выдачи Ганнибала за нарушение договора с Римом. Хотя в сенате была сильна мирная партия, но сторонники войны взяли верх, и в выдаче Ганнибала было отказано. Тогда римское посольство объявило Карфагену войну (весна 218 г.).

Римляне разработали неплохой план кампании, рассчитанный на одновременное нападение на Испанию и Африку. Было решено нанести двойной удар — по Ганнибалу в Испании и по Карфагену — в Африке. Для этой цели предназначались оба консула 218 г.: Публий Корнелий Сципион должен был командовать на испанском театре военных действий, а Тиберий Семпроний Лонг — на африканском.

Как только была объявлена война, консулы стали готовиться к отплытию. Но римляне еще не знали плана Ганнибала. Он состоял в том, чтобы нанести удар непосредственно самому Риму с севера. Главный расчет Ганнибала был на галлов и на италиков. Еще в 219 г. он заключил союз с галлами, жившими в долине По и только что покоренными Римом. Они обещали поднять восстание, как только Ганнибал появится в Италии, но восстание началось еще до прихода Ганнибала.

Весной 218 г. Ганнибал выступил из Нового Карфагена с сильной армией, в которой было около 90 000 пехоты, 12 000 конницы и некоторое количество боевых слонов. С этой армией он перешел через Ибер. Ему пришлось выдержать упорную борьбу с племенами, жившими между Ибером и Пиренеями. Эти воинственные вольнолюбивые племена решили не пускать Ганнибала, потому что прекрасно понимали, что в случае победы Ганнибала они должны будут подчиниться Карфагену. Ганнибал потерял в этом походе много времени и людей, но в конце концов область между Ибером и Пиренеями была завоевана.

После этого Ганнибал часть армии распустил по домам. По-видимому, были отпущены наиболее колеблющиеся элементы. Кроме того, он, по всей вероятности, рассчитывал на то, что отпуск домой части армии поднимет общий дух ее.

При переходе через Пиренеи у Ганнибала было до 50 000 пехоты и около 9000 конницы, но это было отборное войско, состоявшее из африканских и иберийских (испанских) контингентов.

Перейдя Пиренеи, Ганнибал двинулся по южному побережью Галлии и к июню 218 г. подошел к нижнему течению Родана (Роны). По дороге он встретил только незначительное сопротивление местных галльских племен. Когда Ганнибал подошел к Роне, римляне уже знали об его плане. Это заставило их перестроить весь свой план кампании, что было делом очень сложным, ибо к этому времени Тиберий Семпроний Лонг был уже в Сицилии и готовился к вторжению в Африку, а Публий Корнелий Сципион плыл в Испанию. Когда он прибыл в Массилию (Марсель), то узнал, что Ганнибал уже на Роне. Римский сенат немедленно отозвал Лонга из Сицилии обратно в Италию, а Сципион высадился в Массилии и попытался с помощью союзных галльских племен помешать Ганнибалу переправиться через Рону. Галлы предварительно заняли противоположный (левый) берег глубокой и стремительной Роны. Положение Ганнибала было очень серьезным — ему надо было переправляться через многоводную быструю реку с конницей и слонами под ударом врагов. Тогда он отправил сильный отряд конницы вверх по Роне на несколько дней пути; этот отряд беспрепятственно переправился через реку, зашел в тыл галлам, пожег их лагерь и напал на них. Галлы бежали, а Ганнибал благополучно произвел переправу.

Когда Сципион узнал о переправе Ганнибала и о том, что он форсированным маршем идет вверх по Роне, ему ничего не оставалось, как вернуться в Массилию и сесть на суда. С небольшим отрядом он вернулся в Италию, высадился на Лигурийском побережье и стал собирать силы для отпора Ганнибалу на севере.

Лонг в это время также собирал войска в Италии.

Дойдя до реки Изары (теперь Изер), левого притока Роны, Ганнибал пошел вдоль него и вступил на территорию галльского

племени аллоброгов. У них в это время спорило несколько вождей за власть. Ганнибал воспользовался этим междоусобием и благополучно миновал территорию сильного и воинственного племени.

К сентябрю 218 г. Ганнибал подошел к главному Альпийскому хребту. Вероятнее всего, он перешел Альпы через Малый Сан-Бернар. Лошади и слоны скользили на обрывистых тропинках, срывались и падали в пропасть. Холод мучил непривычных южан. К тому же горцы оказывали Ганнибалу отчаянное сопротивление, неожиданно нападали со всех сторон, подвергая войско большой опасности. Карфагеняне понесли крупные потери: когда Ганнибал, наконец, перешел главный хребет и спустился в Италию, из 50 000 пехоты и 9000 конницы у него осталось только 20 000 пехоты и 6000 всадников, почти без лошадей.

С этой усталой, голодной и оборванной армией Ганнибал в конце сентября очутился в долине По. Поход от Нового Карфагена до Италии длился 5 месяцев и 15 дней.

В это время римляне организовали две армии в долине По — одну под начальством Публия Корнелия Сципиона и другую под начальством Тиберия Семпрония Лонга.

Но пока им удалось это сделать, прошло довольно много времени, и у Ганнибала было достаточно времени для того, чтобы дать своей армии отдохнуть и пополнить ее галлами.

Затем он двинулся вдоль По к востоку. Это происходило, вероятно, в ноябре 218 г. При Тицине (левом притоке По) произошла первая встреча Ганнибала со Сципионом. Хотя в дело еще не были введены главные римские силы, но уже первые стычки показали превосходство Ганнибаловой конницы.

Легковооруженные отряды и конница римлян были разбиты Ганнибалом. Сам консул был ранен и спасся только благодаря своему шестнадцатилетнему сыну. Опытный стратег Сципион решил не вводить в бой главных сил, оттянул назад свои легионы, с большим искусством, под ударами Ганнибала, переправил свою армию на правый берег По и стал отступать по его течению на соединение с армией второго консула. На речке Требии (правом притоке По, ниже Тицина) обе армии соединились и заняли великолепную позицию на ее правом берегу, причем правый фланг этой позиции упирался в крепость Плаценцию. К несчастью для римлян, Сципион лежал тяжело раненный, а Лонг Ганнибал спровоцировал на выступление.

Однажды рано утром (это было в декабре 218 г.) Ганнибал накормил свои войска, приказал им нагетаться маслом, обогреться перед кострами, а затем отправил свою легкую кавалерию к Требии и стал вызывать врага на бой. Римляне еще не успели позавтракать. Их передовые отряды завязали столкновение с карфагенянами, те притворно стали отступать — тогда Лонг отдал приказ начать общее наступление. Тяжелая пехота римлян, голодная, вошла по пояс в ледяную воду и очутилась за Требией,

на открытой равнине. Тогда Ганнибал бросил в дело всю свою конницу, и римляне были разбиты. Правда, сильное ядро римской пехоты — около 10 000 человек — пробилось через ряды карфагенян и укрылось в Плаценции, но, во всяком случае, это было крупное поражение римлян. Вслед за этим вся Цизальпинская Галлия присоединилась к Ганнибалу. У римлян осталось только два пункта — Плаценция и Кремона.

В Риме двойное поражение произвело огромное впечатление. На 217-й год консулом был выбран вождь демократии Гай Фламиний, на которого римская демократия возлагала все свои надежды. Вторым консулом выбрали Гнея Сервилия.

Зиму 218/17 г. Ганнибал провел среди галлов, собирая запасы, пополняя армию, давая отдых войскам. К весне 217 г. Фламиний занял укрепленные позиции в северной Этрурии у Арреция, закрывая Ганнибалу дорогу в Этрурию, а Сервилий стоял у Армина на восточном побережье Италии.

Ранней весной Ганнибал двинулся в северную Этрурию. Он не хотел атаковать Фламиния на укрепленных позициях. Главная сила Ганнибала была в полевой, в маневренной войне; здесь он мог воспользоваться своей несравненной конницей. Иберийская и нумидийская конница Ганнибала и количественно, и качественно превосходила римскую конницу; пехота же его была слабее римской. Вот почему ему было выгоднее давать сражение в открытом поле, где он мог использовать свое превосходство. Поэтому для него было очень важно выманить Фламиния с позиций под Аррецием. Для этого он пошел в обход укрепленных позиций Фламиния, по местности, которая считалась абсолютно непроходимой в это время года. Это была долина реки Арно, с впадающими в нее речками и ручейками, разливавшимися весной.

Зная о сплошных болотах, Фламиний совершенно не тревожился за свой левый фланг и не мог предположить, что Ганнибал обойдет его позиции. В течение четырех дней и трех ночей карфагенская армия шла болотами; вокруг не было ни одного кусочка сухой земли, так что солдаты вынуждены были отдыхать на павших лошадях и на сваленном в кучи багаже. Ганнибал ехал на единственном уцелевшем слоне и во время перехода потерял глаз. Тем не менее, цель была достигнута, позиция при Арреции обойдена, и Ганнибал очутился впереди Фламиния, на дороге в Рим.

Фламиний, не дожидаясь прихода Сервилия, сейчас же снялся с позиций и бросился за Ганнибалом. Карфагеняне провоцировали римлян, опустошая окружающую местность, сжигая деревни, и для Фламиния было вопросом чести — показать, что демократическая партия тоже умеет побеждать: надо было во что бы то ни стало остановить Ганнибала.

Но тут римская армия попала в ловушку. Ганнибал занял великолепную позицию на северном берегу Тразименского озера. Это

была узкая и длинная долина между горами и озером. Ганнибал расположил свои войска по высотам и занял выход из долины, а вход оставил открытым. Рано утром, в густом тумане, римляне, не принимая нужных мер предосторожности, вступили в эту ровную для них долину; в тумане ничего не было видно, но когда головной отряд римлян подошел к выходу, то оказалось, что он занят. Они попытались идти назад, но с окружающих высот бросились карфагеняне, и началось жестокое избиение. Масса римлян была загнана в озеро и потоплена, масса изрублена, а сам Фламиний погиб в битве.

В довершение несчастья большой отряд конницы, посланный Сервилием и опоздавший к битве, попал в руки карфагенян. Дорога в Рим для Ганнибала была открыта.

В Риме поднялась паника. Спешно чинились укрепления, были разрушены мосты через Тибр. Правительство готовилось к осаде, потому что ждали похода Ганнибала на Рим.

Но Ганнибал миновал Рим и пошел в Пиценум. Он прекрасно понимал, что в полевых сражениях у него хватит сил разбить римские армии; но одно дело разбить римлян в поле, а другое дело осаждать большой и сильно укрепленный город, каким был Рим, не говоря уже о том, что карфагенская военная техника стояла ниже римской и, в частности, у карфагенян плохо было развито осадное дело: они не умели брать укрепленных пунктов. Вся история войны Ганнибала в Италии является доказательством этого: он почти никогда не задерживался около укрепленных пунктов. План Ганнибала был совершенно иной: он строил все расчеты на восстание средней и южной Италии. Ганнибалу важно было проникнуть туда и поднять союзников против Рима. Восстание галлов в северной Италии давало Ганнибалу большие основания думать, что его расчет оправдается. Этими соображениями и объясняется его решение идти в среднюю Италию.

В Пиценуме он дал продолжительный отдых своим усталым войскам и реорганизовал свою пехоту по римскому образцу. Это было признанием того факта, что строй римской пехоты стоял выше карфагенской. Из Пиценума Ганнибал двинулся в Апулию, а затем в Самниум.

Поражение Фламиния являлось вместе с тем поражением демократической партии, поэтому после Тразименского разгрома усилилась сенаторская аристократическая партия, и в Риме был назначен диктатор-аристократ, Квинт Фабий Максим. Начальником конницы, т. е. помощником диктатора, назначили Марка Минуция.

Фабий Максим собрал большие силы и двинулся с ними вслед за Ганнибалом. Диктатор составил определенный стратегический план, пожалуй, единственно целесообразный на данном этапе. Фабий Максим решил не вступать в столкновение с главными силами Ганнибала, а старался утомлять и беспокоить его мелкими

стычками. Кроме того, крестьянскому населению Италии было приказано уничтожить все запасы, жителям селений собираться в города; города было приказано укреплять и всячески оборонять от карфагян. Такая тактика в данный момент была правильной: история предшествующего года показала, что в полевой войне римляне пока не могут справиться с Ганнибалом.

Но в этом плане ведения войны была и политическая сторона. От затягивания войны сильнее всего разорялись мелкие земельные собственники. Города почти не страдали, потому что Ганнибал не задерживался на их осаде. Крупные землевладельцы всегда имели возможность отсидеться в городах и вывезти туда свое имущество; они страдали гораздо меньше, чем крестьянская беднота, потому что села опустошались и своими, по приказу Фабия Максима, и войсками Ганнибала. Эти последние иногда нарочно производили большие опустошения, чтобы спровоцировать римлян на выступление.

Совершенно естественно, что среди демократии, в первую очередь среди крестьянства, растет недовольство таким затягиванием войны. Из демократических кругов и вышло то прозвище, с которым Фабий Максим вошел в историю, — «Кунктатор» (Медлитель) — причем разные партии придавали этому имени различные оттенки: в устах аристократии это было почетное прозвище, в устах демократии оно имело насмешливый оттенок.

Недовольство римской демократии росло по мере того, как области Апулии и Самниума разорялись Ганнибалом. Этот последний свободно гулял по Италии и, стремясь спровоцировать Фабия Максима на выступление, больше, чем это требовалось стратегическими соображениями, занимался опустошением полей. Положение его было двойственным. С одной стороны, ему важно было привлечь на свою сторону итальянское крестьянство, и с этой точки зрения он должен был как можно больше падать его добро. С другой стороны, чтоб сильнее раздражать римлян, он вынужден был жечь и грабить деревни. К тому же карфагенская армия нуждалась в продовольствии, что также заставляло Ганнибала опустошать Италию.

Армия Фабия Максима следовала за Ганнибалом по пятам, не вступая в решительные столкновения, и держалась на возвышенностях, не спускаясь в долины, потому что в пересеченной местности, где Ганнибал не мог пустить в дело конницу, римляне были сильнее карфагян.

Недовольство тактикой Фабия Максима усиливалось и привело к беспримерному в истории Рима факту: начальник конницы Марк Минуций, вопреки всяким правилам, постановлением народного собрания был облачен полномочиями как бы второго диктатора. Он получил право командовать частью армии и действовать самостоятельно, между тем как обычно начальник конницы являлся

только помощником диктатора. Легко представить, что могло получиться при наличии двух диктаторов!

Марк Минуций, желая проявить свою самостоятельность, неосторожно ввязался со своей частью армии в сражение с Ганнибалом и был бы наголову разбит, если бы ему во-время не помог Фабий Максим. После этого тактика Кунктатора снова восторжествовала.

Приближался 216-й год, римляне вели усиленные военные приготовления. Расчеты Ганнибала на восстание в средней Италии не оправдались: она оставалась верной Риму.

В Риме в это время было набрано неслыханное в военной истории республики войско: 8 легионов граждан и такое же количество союзников. На 216-й год демократическая партия добилась отмены диктатуры; сенат был вынужден пойти на эту уступку, потому что дальнейшее затягивание войны грозило восстанием крестьянства. На 216-й год было выбрано два консула: один — ставленник демократической партии Гай Теренций Варрон, по преданию сын мясника, и другой — Люций Эмилий Павел, выдвинутый сенатом.

К весне 216 г. римская армия доходила до 80 000 пехоты и 6000 всадников. В этот момент Ганнибал находился в Апулии, заняв город Канны, служивший римлянам важным складом продовольствия. Сделав Канны своим опорным пунктом, Ганнибал расположил армию лагерем в широкой равнине, прилегающей к Каннам. Туда же под Канны направились оба консула с армией, получив категорическое приказание сената кончить возможно скорее войну.

В начале июня римская армия сконцентрировалась под Каннами. У Ганнибала пехоты было почти в два раза меньше, чем у римлян (45 000, максимум, 50 000), зато кавалерия Ганнибала насчитывала около 10 000 всадников. Позиция перед Каннами для Ганнибала была очень удобной, а для римлян крайне невыгодной. Вот почему Эмилий Павел не советовал принимать боя под Каннами. Но Теренций Варрон, представитель демократии, твердо решивший во что бы то ни стало разбить Ганнибала, настаивал на необходимости дать бой немедленно. Повторялась история с Фламинием. Согласно обычаю консулы, находясь при армии, председательствовали в военном совете по очереди; поэтому Варрон, в очередной день своего председательствования, добился того, что армия была выведена в поле.

Ганнибал составил гениально простой и смелый план сражения. Он выстроил свои войска в форме полумесяца, обращенного выпуклой стороной к римлянам. В центре он поставил худшие войска, главным образом галльскую и иберийскую пехоту. Зато на флангах были выстроены лучшие войска: ливийская пехота, а также нумидийская, иберийская и галльская конница.

Для того, чтобы нанести сразу сокрушительный удар в центр противника, римляне расположили свои манипулы на сокращен-

ных интервалах, т. е. создали сильный кулак в центре. Бой разыгрался так, как предполагал Ганнибал: римляне сильным ударом смяли карфагенский центр, который стал отступать. Тогда Ганнибал приказал своей тяжелой ливийской пехоте ударить во фланг римлянам. В то же самое время карфагенская конница разбила римскую, а затем ударила в тыл римской армии. Римляне оказались в мешке. Плотное построение легионов мешало им маневрировать. Римляне остановились, были сбиты в одну массу, и началось страшное избиение. Из 80 000 римского войска 70 000 осталось на поле битвы. В сражении пало 29 военных трибунов, 2 квестора, 80 сенаторов и консул Эмелий Павел. Теренцию Варрону удалось спастись. Ганнибал потерял только 6000 человек.

Разгром римлян был полный. Ливий рассказывает, что сейчас же после битвы начальник карфагенской конницы Магарбал советовал Ганнибалу бросить конницу прямо на Рим, а самому с пехотой идти следом за ней. Магарбал будто бы сказал Ганнибалу: «Я заявляю тебе, что на пятый день ты будешь пировать победителем в Капитолии» (XXII, 51).

Но Ганнибал не послушался этого совета. Ливий думает, что он сделал грубую ошибку. «Все признают, говорит он, что бездействие этого дня послужило спасением для города и для римского государства».

Но, повидимому, и тут Ганнибал был прав, потому что даже после Канн у него было недостаточно сил для того, чтобы взять Рим.

Одним из важнейших политических следствий разгрома под Каннами (название которых стало нарицательным для обозначения военного поражения) было отпадение от Рима части южной Италии. Расчет Ганнибала, казалось, начал оправдываться. От Рима отпала Капуя, самый крупный город южной Италии, отпала значительная часть Самниума, ряд общин Лукании, почти все города Бруциума и др.

Вскоре после Канн умер старый друг и союзник римлян, сиракузский царь Гиерон. Его внук и преемник Гиероним под влиянием враждебной Риму партии перешел на сторону Карфагена. Отпадение Сиракуз было очень серьезным ударом, так как оно означало потерю римлянами Сицилии.

На этом дело не кончилось. Македонский царь Филипп V заключил союз с Ганнибалом и обещал предоставить в его распоряжение войска. Таким образом, международное положение Рима стало чрезвычайно серьезным.

Однако, средняя Италия и в этот момент осталась верна Риму. Этого факта нельзя не дооценивать, потому что в случае отпадения средней Италии у Рима не осталось бы ни территории, ни людей, и гибель его была бы неизбежной. Но средняя Италия осталась верна Риму. Почему это произошло? Дело в том, что Рим,

как мы видели выше, всегда находился в тесном контакте с аристократией италиков, и отпадение Капуи и южных центров происходило в связи с победой демократии, которая в них была довольно сильна. В средней Италии этого не произошло, потому что там аристократия была сильнее. Она-то и сохранила верность Риму.

Кроме того, нельзя забывать, что Рим по отношению к средней Италии придерживался сравнительно мягкой политики. Большинство муниципий падало на среднюю Италию, большинство же союзников, лишенных права гражданства, жило в южной Италии.

После поражения при Каннах в Риме был произведен набор в армию, начиная с 17 лет, что дало 4 легиона. За счет государства выкупили у собственников 8000 молодых рабов, дали им свободу, и организовали из них два легиона. К латинянам и союзникам отправили посольства с просьбой о помощи. Таким образом, римский сенат действовал чрезвычайно энергично и в короткий срок ему удалось восстановить римскую армию.

Поведение карфагенского правительства было совершенно иным. Поход Ганнибала в Италию был задуман и выполнен им в значительной степени на собственный страх и риск. Правда, карфагенское правительство в решительный момент вынуждено было поддержать своего полководца, отказавшись выдать его римлянам в 218 г., но в дальнейшем активной помощи ему не оказывало. Причиной этого, во-первых, была борьба между двумя группами карфагенской олигархии — аграрной и торговой, парализовавшая единство воли карфагенского правительства. Затем известную роль играло близорукое торгашество карфагенской олигархии, боявшейся своими деньгами рискнуть на такое смелое предприятие. Главное же — олигархия боялась Ганнибала. Вот почему помощь карфагенского правительства своему полководцу была обратно пропорциональна его победам.

Поэтому Ганнибалу оставалось рассчитывать только на самого себя. Так как средняя Италия осталась верна Риму, то Ганнибалу нельзя было рассчитывать на пополнение армии за ее счет. Что же касается южной Италии, то она держала себя по отношению к карфагенянам очень осторожно и почти не давала им пополнений. Например, Капуя выговорила себе условие, что Ганнибал не будет принуждать ее граждан к военной службе. Конечно, Ганнибалу в конце концов удалось набрать некоторое количество рекрутов из различных племен, но этого было слишком недостаточно для продолжения войны с Римом.

Поэтому силы Ганнибала таяли, а Рима — росли. В средней Италии у римлян был огромный запас человеческой силы, из которого можно было набрать еще несколько армий, равных армиям, разбитым при Каннах.

После разгрома 216 г. начинается упорная, хотя и очень осторожная борьба римлян на всех фронтах. Прежде всего, римляне

решили исправить положение, связанное с отпадением Сицилии. В 213 г. римская армия, под руководством Клавдия Марцелла, одного из немногих талантливых римских полководцев, осадила Сиракузы. Осада в общей сложности длилась около 1½ лет. Но первую осаду пришлось снять, главным образом потому, что Архимед для обороны Сиракуз создал такие орудия, которые уничтожили весь римский флот. Поэтому от осады перешли к блокаде. Римская армия заняла укрепленные позиции у Сиракуз и отбивала все нападения карфагенян. Затем осада возобновилась. Так как сиракузская знать была на стороне Рима, то Марцелл при ее поддержке добился сдачи города. При разграблении Сиракуз погиб и Архимед (осень 212 г.).

После этого весь остров быстро очищен от карфагенян.

Таким образом, к 211 г. господство римлян было восстановлено в Сицилии. Этот успех благоприятно повлиял на морально-политическое настроение армии и римского общества.

Следующей операцией была борьба за Капую. Римляне и здесь воспользовались борьбой партий в городе и опирались на капуанскую аристократию, которая с самого начала была против перехода на сторону Ганнибала. В 212 г. была начата осада Капуи. Но ее сразу же пришлось снять вследствие появления Ганнибала. Однако, лишь только он удалился в Апулию, римляне построили вокруг города сильные укрепления долговременного типа и лишили город подвоза продовольствия. Ганнибал снова явился на выручку Капуи, но у него не хватило средств выбить римлян из занятых ими укрепленных позиций.

Тогда Ганнибал пошел на Рим. Возможно, что он хотел попытаться взять Рим с налету, но вероятнее всего, этим походом Ганнибал думал заставить римскую армию снять осаду Капуи. Он рассчитывал, что как только римляне узнают о его походе, капуанская армия покинет свои позиции у осажденного города и пойдет вслед за ним. Тогда он разобьет ее в открытом поле. Но расчет Ганнибала не оправдался. Римляне беспрепятственно позволили ему идти на Рим, отправив вслед за ним только небольшой отряд, который должен был следить за карфагенянами, а главные римские силы остались под Капueй.

Ганнибал быстрым маршем прошел через самнитскую территорию и через Лациум и появился в 8 км от Рима. Появление карфагенян вызвало в Риме страшное смятение. С тех пор выражение «Hannibal ante portas» — «Ганнибал у ворот» — стало нарицательным для обозначения крайней опасности, грозящей государству.

Но Ганнибал неудачно рассчитал время нападения. Как раз в это время в Риме происходил набор, и там находилось два легиона. При этом условии взять Рим неожиданным ударом было невозможно.

Ганнибал разорил окрестности Рима и ушел от города. Это была очень крупная неудача карфагенян. Вскоре изголодавшееся насе-

ление Капуи сдало город, и этот важный оплот Ганнибала был потерян, что произвело огромное впечатление на южную Италию.

Как шла война с Македонией? После Канн Филипп V, как мы видели, заключил союз с Ганнибалом и обещал ему помогать. Но своего обещания он выполнить не мог. Римляне сумели натравить на Филиппа ряд греческих государств. Поэтому македонский царь был вынужден воевать с греками и не был в состоянии оказать помощь Ганнибалу. Так называемая Первая македонская война (214—205 гг.) может только формально считаться войной Рима с Македонией; фактически это была внутренняя война на Балканском полуострове. Таким образом, планы Ганнибала и здесь потерпели неудачу.

Важнейшим военным театром в это время был испанский, не столько сам по себе, сколько потому, что Ганнибал оттуда мог получить подкрепления. В Испании остались два брата Ганнибала — Гасдрубал и Магон, оба талантливые полководцы, особенно первый. В то время как Ганнибал воевал в Италии, его младшие братья копили силы в Испании для того, чтобы помочь брату в нужную минуту. Но со стороны Рима в Испании действовали тоже два брата Сципионы — Публий Корнелий и Гней Корнелий. Выше было указано, что когда в 218 г. Ганнибал шел в Италию, консул Публий Корнелий Сципион с войском отправился в Испанию. Однако, после неудачной попытки помешать Ганнибалу переправиться через Рону, он вернулся обратно в Италию, а в Испанию, правильно учитывая важность испанского театра, послал своего брата Гнея Корнелия. Когда Публий Корнелий оправился от ран, он тоже поехал в Испанию, и таким образом там против братьев Баркидов действовали братья Сципионы.

На первых порах римляне имели довольно крупный успех в Испании: им удалось взять Сагунт, из-за которого началась война. Эти первые успехи объяснялись двумя причинами. Во-первых, римляне разыгрывали здесь роль «освободителей» иберийских племен от гнета карфагенян, и на первых порах испанцы попались на эту удочку. Во-вторых, Гасдрубал вынужден был со значительной частью своей армии отправиться в Африку против одного западно-африканского царька, который не без влияния римской дипломатии отпал от Карфагена. Отъезд Гасдрубала ослабил карфагенские силы в Испании и дал возможность римлянам достигнуть там серьезных успехов. Но после возвращения Гасдрубала в Испанию с подкреплениями у римлян начались неудачи.

Сципионы неосторожно разделили свои войска, и карфагеняне разбили их поодиночке. Оба брата Сципиона погибли, и римская армия была отгеснена до Ибера (211 г.). Однако, римское правительство, учитывая важность Испании, решило во что бы то ни стало ее удержать. Для этой цели туда были посланы войска, освободившиеся после сдачи Капуи, под командой пропретора

(«пропретор» значит «замещающий претора») Гая Клавдия Нерона, которому удалось несколько улучшить положение римлян. А затем главнокомандующим испанской армией назначили молодого человека, Публия Корнелия Сципиона, сына бывшего консула. Мы уже говорили о том, как он шестнадцатилетним юношей спас своего отца при Тицине. После этого он отличился при Каннах и пользовался большой популярностью в Риме, — особенно в демократических кругах, так как был известен своими «левыми» убеждениями (правда, весьма умеренными). Сенат решил использовать эту популярность Сципиона Младшего и, хотя он не имел нужного служебного стажа, его назначили командующим испанской армией (выборы Сципиона были произведены комициями).

Явившись в Испанию в 210 г., Сципион в первый момент оправдал возлагавшиеся на него надежды. Смелым и неожиданным для карфагян ударом он взял г. Новый Карфаген, где в руки римлян попали большие склады продовольствия и военного снаряжения, а также заложники от испанских племен, которые содержались в столице Баркидов. Мягким обращением с ними Сципион добился того, что многие испанские племена перешли на сторону римлян.

Но своей главной задачи — задержать Баркидов в Испании и не дать им притти на помощь Ганнибалу — Сципион не смог решить. В 208 г. в южной Испании он попытался разбить Гасдрубала. Но этот последний пожертвовал частью своей армии и с лучшими войсками прорвался на север.

Перейдя через Пиренеи и перезимовав в Галлии, Гасдрубал перешел Альпы и летом 207 г. очутился в северной Италии.

Положение Рима снова стало чрезвычайно опасным. Если бы обоим братьям удалось соединить свои силы, исход войны стал бы весьма сомнителен.

Ганнибал, узнав о приходе брата, прорвался из Бруциума в Апулию и стал ждать там дальнейших известий.

Римское правительство, отдавая себе ясный отчет в опасности положения, сконцентрировало в Италии около 23 легионов, сняв войска со всех фронтов. Один из консулов, Гай Клавдий Нерон, стоял в Апулии против Ганнибала, другой — Марк Ливий двинулся навстречу Гасдрубалу.

Клавдий перехватил письмо, которое Гасдрубал написал брату с указанием маршрута, по которому он пойдет. Получив это письмо, Клавдий решился на рискованный шаг: тайком, ночью, с отборной частью своей армии, он двинулся быстрым маршем на север на соединение с Марком Ливием. Ганнибал не знал, что ему делать, потому что сведений от брата не было. Оба консула соединились и напали на Гасдрубала при р. Метавре. Когда Гасдрубал увидел, что он имеет дело с двумя объединенными римскими армиями, которые превосходили его численностью, он попытался обойти

римлян, чтобы прорваться на юг и соединиться с братом. Но это ему не удалось: римляне заставили его принять бой. Вся карфагенская армия была уничтожена, погиб и сам Гасдрубал. Голову его римляне бросили на передовые посты Ганнибалу, и только тогда тот понял, что произошло.

Последняя надежда Ганнибала получить помощь из Испании исчезла, и Ганнибал со своим пониманием реальной обстановки прекрасно сознавал, что война проиграна. Он был в конце концов заперт на крайнем юге Италии. Превосходные римские силы все более сжимали кольцо вокруг карфагенской армии, и хотя Ганнибал наносил им еще много ударов, вырваться из кольца ему не удалось.

В это время Сципион очистил почти всю Испанию от карфагенян; после ухода из Испании Гасдрубала с лучшей частью армии, Магон был разбит и держался только в Гадесе, на крайнем юго-западе Испании.

Тогда он решил еще раз попытаться помочь Ганнибалу — все равно в Испании оставаться ему было невозможно. Магон посадил свои войска на суда, переправился на Балеарские острова, а затем на лигурийское побережье в Италии (205 г.). Но у него было слишком мало сил, и несмотря на поддержку лигурийцев и галлов, он ничем не мог помочь брату.

В 206 г. Сципион вернулся в Рим, потому что в Испании делать ему больше было нечего. Он выдвинул план перенесения войны в Африку. Это было естественным завершением войны.

Но сенат отнесся довольно холодно к плану Сципиона. Во-первых, все еще боялись Ганнибала. Во-вторых, сенат не доверял популярному полководцу, зная его «демократические взгляды» и самодержавные замашки.

Но так как перенесение операций в Африку являлось единственно целесообразным завершением войны, то сенат вынужден был в конце концов согласиться со Сципионом. В 205 г. он был избран консулом и стал готовиться к африканской экспедиции. Но сенат и здесь ставил ему палки в колеса. Сципиону не дали хороших войск, а предоставили в его распоряжение два легиона, стоявшие в Сицилии и сформированные из остатков разбитой при Каннах армии. Но Сципион объявил набор добровольцев, и в конце концов у него составила армия в 30 000 человек.

Весной 204 г. Сципион переправился из Сицилии в Африку с флотом, в котором было 40 боевых и 400 транспортных судов. Он осадил было Утику, но осада пошла неудачно. Однако, Сципиону удалось использовать борьбу, происходившую среди нумидийских племен. Он заключил союз с молодым нумидийским царьком Массиниссой, который был лишен власти другим претендентом. С маленьким отрядом Массинисса явился искать помощи у римлян. Сципион понимал важность привлечения нумидийцев на свою сторону и правильно оценил способности Массиниссы.

Он дал ему отряд римских воинов, с помощью которого Массинисса отвоевал у претендента свой престол в Нумидии. В благодарность за это он привел к Сципиону большой отряд отборной конницы.

Карфагенское правительство, напуганное присутствием римской армии под стенами Карфагена, предложило Сципиону начать мирные переговоры. Тот согласился, но поставил предварительным условием немедленное отозвание Ганнибала и Магона из Италии. Карфагенское правительство отправило соответствующие приказания в Италию, и осенью 203 г. Ганнибал был вынужден оставить Италию, в которой он пробыл 15 лет. Он посадил остатков своих войск на суда и переправился в Африку, где и высадился в городе Лептисе у Малого Сирта. Магон, незадолго до этого тяжело раненый в битве с римлянами, по дороге в Африку умер.

Когда Ганнибал появился в Африке, партия войны в Карфагене снова взяла верх. Карфагеняне прервали мирные переговоры и напали на римских послов. Тогда Сципион двинулся по карфагенской области, все предавая опустошению. Ганнибал пошел к нему навстречу из Гадрумета. При местечке Зама, в 4—5 днях пути к югу от Карфагена, произошла знаменитая битва (весна 202 г.). Ядро армии Ганнибала составляли его ветераны, проделавшие с ним 15-летнюю кампанию в Италии. Но насколько теперь сильна была его пехота, настолько слаба конница. У Сципиона же, благодаря Массиниссе, были отборные нумидийские всадники. Соотношение сил теперь изменилось. Дело решила именно нумидийская конница. Несмотря на то, что ветераны Ганнибала дрались отчаянно, перевес в коннице дал преимущество римлянам, и Ганнибал был разбит в первый и последний раз в своей жизни.

В 201 г. был заключен мир, условия которого продиктовали победители. Эти условия были достаточно тяжелы. Согласно мирному договору, Карфаген терял все свои владения, кроме «Африки», т. е. области Карфагена. Нумидия объявлялась независимой, и власть там передавалась Массиниссе. Карфаген должен был обязаться не вести никаких войн вне Африки, а в Африке он мог вести войны только с согласия Рима.

Кроме того, Карфаген должен был выплатить в течение 50 лет контрибуцию в размере 10 000 эвбейских талантов (около 24 миллионов золотых рублей), а также выдать всех слонов и весь военный флот, кроме 10 трехпалубных судов, нужных для береговой службы. В обеспечение соблюдения условий мирного договора карфагенское правительство должно было выдать 100 человек заложников по указанию Сципиона.

Таким образом, условия мира были очень тяжелы. Они, конечно, могли быть еще тяжелее. В конце концов, Карфаген сохранил свою независимость и большой кусок территории. Сципион и группа демократически настроенного нобилитета были противниками

полного уничтожения Карфагена, потому что они являлись сторонниками окружения Рима зависимыми от него государствами, которым предоставлялась известная доля самостоятельности.

Другая группа нобилитета (подробнее об этих двух группах будет сказано ниже) была сторонницей полного уничтожения Карфагена. Но в данный момент победила точка зрения Сципиона, тем более, что у него в руках был серьезный аргумент: Карфаген не был взят, а взятие его потребовало бы новой войны. Поэтому Сципион советовал заключить мир на условиях, хотя и тяжелых для Карфагена, но все-таки приемлемых в данный момент.

Сам Ганнибал на заседании карфагенского сената убеждал сторонников войны согласиться на предлагаемые мирные условия. Он не терял еще надежды на реванш.

В первые годы после заключения мира Ганнибал пользовался в Карфагене большим влиянием и пытался провести ряд реформ с целью оздоровления политической жизни государства. Проведены были финансовые реформы, реформа судопроизводства, выросло значение народного собрания. Но Рим, внимательно следивший за этими мероприятиями и опасавшийся усиления Карфагена, в 195 г. потребовал от карфагенского правительства выдачи Ганнибала. Ганнибал, зная, что правительство не может не согласиться на это требование, бежал из Карфагена в Сирию (о его дальнейшей судьбе речь будет ниже).

Почему же римляне победили во Второй пунической войне, хотя им пришлось иметь дело с одним из величайших полководцев всемирной истории и хотя не раз за эти 16 лет судьба Рима висела на волоске? Основная причина победы Рима заключается в том, что он, как рабовладельческое государство, был моложе Карфагена.

Карфаген по сравнению с Римом являлся более развитым государством, и социальные противоречия здесь выступали острее. Италия в III в. была еще в значительной мере крестьянской страной с преобладанием мелкого натурального хозяйства, при слабом развитии торгово-денежного капитала.

Хотя и Рим в III в. был рабовладельческим обществом, в котором уже ясно выступал антагонизм между рабовладельцами и рабами, но противоречия эти не достигли еще той остроты, которая могла бы угрожать его существованию.

С другой стороны, и противоречия между отдельными группами свободного населения в Риме не выступали слишком резко, потому что крестьянство в III в. еще не было пролетаризировано, а денежно-торговый капитал был недостаточно развит.

Поэтому-то Рим и Италия в общем и целом выступали единым фронтом против Карфагена. Правда, во время войны с Ганнибалом и в Риме имела место партийно-классовая борьба, определявшая в значительной мере стратегию Рима (вспомним битвы

при Тразименском озере, при Каннах), но эта борьба не имела своим следствием ослабления государства.

Решающую роль в победе римлян сыграла верность Риму средней Италии. Быше было указано, что аристократические слои всех общин Италии были связаны с римским правительством и постоянно его поддерживали, а демократия была не настолько сильна, чтобы победить в обще-италийском масштабе.

Кроме того, степень эксплуатации Италии Римом в III в. не была настолько сильной, чтобы вызвать общее восстание. Если бы это случилось, Рим был бы побежден. Мы знаем, что восстания против римского владычества имели место: восставала Цизальпинская Галлия, перешли на сторону Ганнибала некоторые города южной Италии, однако большинство италийских общин оставалось верным Риму в течение всей войны. Но мы уже указывали, что «либеральная» политика римлян по отношению к Италии в конечном счете была вызвана экономической отсталостью Рима.

Совершенно иначе обстояло дело в Карфагене. Восстание наемников, рабов и ливийцев уже после первой войны показало, какова там была степень социальных противоречий. Борьба фракций в карфагенском сенате, как указывалось выше, тормозила посылку Ганнибалу подкреплений. Отсутствие в Карфагене свободного крестьянства лишило его военных кадров и заставляло прибегать к системе наемных армий, менее стойких, чем римские крестьянские легионы, и мало заинтересованных в победе Карфагена. Ко всему этому надо прибавить, что стратегически поход Ганнибала в Италию был крайне рискован. Растянутые коммуникационные линии карфагенской армии все время находились под ударом римлян, что и показала неудача похода Гасдрубала.

Таким образом, поражение Ганнибала во второй войне было исторически неизбежным, несмотря на всю его гениальность. Он мог нанести ряд сокрушительных ударов Риму в полевой войне, но Рим, в конечном итоге, взял верх, потому что Италия в целом была сильнее Карфагена. И ее сила заключалась в ее отсталости, в недоразвитости социальных противоречий.

Историческое значение Второй пунической войны, как сказано выше, было чрезвычайно велико.

После победы над Карфагеном Рим стал самым сильным государством в бассейне Средиземного моря, что предопределило его дальнейшие военные успехи.

Непосредственным результатом Второй войны было обогащение Рима и огромное расширение его владений, что оказало значительное влияние на экономику Италии; глубокие экономические сдвиги, начавшиеся там в конце III в., были прямым следствием Второй пунической войны.

Победа над Ганнибалом означала укрепление власти Рима над Италией, над той федерацией полисов, какой она была до конца III в. В результате победоносной войны федерация сме-

няется более прочным объединением Италии под властью Рима. Это не означало исчезновения федеративно-полисного строя. Он оставался (так как такова была природа рабовладельческого общества и государства), но степень сплочения, степень централизации Италии стала гораздо большей.

Капуя, в наказание за переход на сторону Ганнибала, была лишена самоуправления. У кампанцев были отняты почти все земли и обращены в *ager publicus*; часть земель отняли и у brutтийцев, общины которых были лишены самоуправления; у brutтийцев было также отнято право служить в войсках Рима в качестве союзных контингентов: они потеряли право носить оружие и должны были поставлять людей для выполнения обязанностей слуг консулов и других римских магистратов.

Пострадали и другие союзники Ганнибала: греческие города юга Италии и некоторые общины самнитов, луканцев и апулийцев.

Особенное внимание было обращено на Цизальпинскую Галлию, так как восстания галлов сыграли очень важную роль в походах Ганнибала и Гасдрубала. Галлию пришлось снова завоевывать; ее покорение было закончено в начале II в., причем часть галльских племен была совершенно истреблена, часть обращена в рабство. На отнятой территории основали ряд колоний-крепостей: Аквилею, Мутину, Бононию и другие. Цизальпинскую Галлию разделили на две провинции, которые в I в. были объединены в одну.

VII. ЗАВОЕВАНИЕ МАКЕДОНИИ И ГРЕЦИИ. ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

К моменту окончания Второй пунической войны на Востоке сложилась следующая ситуация. Во главе Македонии стоял царь Филипп V, тот самый, с которым римляне вели так называемую Первую македонскую войну (214—205 гг.). Мы уже говорили, что Филипп не смог оказать никакой помощи Ганнибалу, потому что римляне втянули его в войну с греками, и он вынужден был заключить мир с Римом.

В монархии Селевкидов, ограничивавшейся тогда главным образом Сирией, царствовал Антиох III, прозванный своими придворными лакеями «Великим».

В 204 г. в Египте умер Птолемей IV Филопатор и на престол вступил его малолетний сын Птолемей V Эпифан. Македония и Сирия решили воспользоваться тем, что власть в Египте была в слабых руках, и поделить египетские владения. Филипп V заключил союз с Антиохом III, и оба они начали войну против Египта. Война грозила нарушить то относительное равновесие, которое установилось на Востоке в результате господства трех крупных держав — Македонии, Сирии и Египта. Равновесие нарушилось в пользу Македонии и Сирии и в ущерб Египту. Филипп напал на египетские владения в Малой Азии, а Антиох стал отбирать южную Сирию.

Действия союзников, в частности Филиппа V, крайне испугали Пергам, Родос и другие государства Малой Азии, вовсе не желавшие иметь рядом с собой, вместо слабого Египта, сильную Македонию. Родос, Пергам и Византий заключили союз с Египтом и выступили вместе с ним против Филиппа V.

Война шла с переменным успехом, но скорее с перевесом на стороне Македонии. Тогда Пергам и Родос обратились к Риму с просьбой о помощи, а египетское правительство попросило его принять опеку над маленьким Птолемеем V.

В это время еще отсутствовали непосредственные интересы экономического характера, которые заставили бы Рим без всякого колебания вмешаться в войну на Востоке. Но, с другой стороны, ослаб-

ление Египта, усиление Филиппа V и Антиоха III было очень опасно для Рима. Римское правительство долго колебалось, вмешиваться ему в восточные дела или нет, но в конце концов сенат решил принять опеку над Птолемеем и потребовал от Филиппа V возвращения отнятых у Египта малоазиатских владений. Филипп отказал. Тогда в 200 г. римский сенат объявил Македонии войну. Сенату пришлось встретиться в данном случае с противодействием демократической партии. Особенно сильно возражала против новой войны крестьянская демократия. С ее точки зрения эта война никаких выгод Риму не сулила, а несла с собой только новые тяготы истощенному в войнах с Ганнибалом крестьянству. Противодействие демократии было очень серьезным, но сенатской партии в конце концов удалось сломить ее сопротивление.

Так называемая Вторая македонская война длилась с 200 до 197 гг. Весьма существенным было то обстоятельство, что римской дипломатии удалось добиться нейтралитета Антиоха III. Это очень любопытный факт, в котором, как в зеркале, отражается вся дальнейшая политика эллинистических восточных государств в их взаимоотношениях с Римом. Ни разу, на протяжении более чем столетия войн на Востоке, Рим не встречал единого фронта эллинистических государств. Противоречия между ними были настолько велики, что мешали образованию единого антиримского фронта, и поведение Антиоха — яркий образец наличия таких противоречий.

Антиох III боялся усиления Филиппа V, который захватил слишком много египетских владений в Малой Азии, и думал во время войны Филиппа с Римом под шумок забрать южную Сирию. Но Антиох, конечно, допустил грубую политическую ошибку, так как его нейтралитет дал Риму возможность разбить Филиппа. Кроме этого, римская дипломатия сумела подготовить прочную базу для военных действий на Балканском полуострове, заключив союз со Спартой, Афинами, иллирийцами, эпиротами, Этолийским и Ахейским союзами. Римляне использовали ту ненависть, которая существовала в Греции, особенно в демократических кругах, против Македонии. Три года война шла без решительных успехов, пока, наконец, в 197 г. римский главнокомандующий Тит Квинкий Фламиний, принадлежавший к сципионовской группе nobilitates, не разбил Филиппа в Фессалии на цепи холмов, называвшейся Киноскефалами («Собачьи головы»). Характер местности не дал возможности использовать боевые качества фаланги, и римский манипулярный строй одержал победу.

Условия мира для Македонии были сравнительно не очень тяжелы: Филипп должен был возвратить все захваченные им египетские владения, выдать флот, уплатить небольшую контрибуцию (1000 талантов) и очистить греческие города от македонских гарнизонов. Филипп был вынужден заключить союз с Римом и в качестве союзника не имел права помимо Рима вступать

в дипломатические сношения с другими государствами. В обеспечение соблюдения условий мирного договора он выдал заложников.

Уход из Греции македонских гарнизонов означал «свободу» для греков, и в 196 г. Тит Квинкий Фламинин, большой поклонник эллинской культуры, как и вся сципионовская группа, на истмийских играх, при огромном стечении народа, объявил торжественный акт, провозглашавший Грецию свободной. Обстановка была пышная, Фламинин говорил красноречиво, и даже греческая демократия поверила в то, что Греция действительно станет свободной.

Но очень скоро греки увидели, что «свобода», принесенная им Римом, немногим отличается от той «свободы», которую им давала Македония. Рим скоро стал вмешиваться во внутренние дела Греции, причем неизменно поддерживал аристократию, крупноимущие элементы. Только тогда греки поняли, что их радость была преждевременна.

В это время Антиох III занимает южную Сирию, перебрасывается в Малую Азию и во Фракию и начинает захватывать те египетские владения, которые взял Филипп, но был вынужден возвратить Египту.

В 195 г. ко двору Антиоха приехал бежавший из Карфагена Ганнибал. Антиох встретил его с величайшим почетом, сделал своим ближайшим советником, и Ганнибал, поверив первоначально в искренность Антиоха и в его «величие», стал развивать перед ним грандиозные планы антиримской коалиции. Ганнибал предполагал создать при помощи Антиоха крупную коалицию восточных государств, которые бы вместе с Карфагеном нанесли удар Риму.

Римский сенат потребовал у Антиоха, чтобы он очистил Фракию. Антиох отказал. В этот момент Этолийский союз, настроенный враждебно по отношению к Риму, предложил Антиоху стать главнокомандующим ополчениями союза.

В 192 г. римляне объявили войну Антиоху. Присутствие при его дворе такого человека, как Ганнибал, не оказало влияния на ход войны. Антиох, полное ничтожество, завидовал Ганнибалу и ни одного из его советов не исполнял. Вместо того, чтобы сосредоточить в Греции максимум своих сил, Антиох думал бороться с римлянами главным образом теми силами, которые предоставил в его распоряжение Этолийский союз. Но этих сил было очень мало, и война пошла неудачно для Антиоха. Единства в Греции не было: в то время как Этолийский союз выступил против римлян, Ахейский союз, Фессалия и даже Филипп V перешли на их сторону. Антиох потерпел поражение в Греции и отступил в Малую Азию. Война была перенесена туда.

Римскими войсками в Малой Азии фактически руководил Публий Корнелий Сципион, но формально главнокомандующим был его

брат, Люций Корнелий Сципион, консул 190 г. Осенью 190 г. при Магнезии (около Смирны) произошла битва между римскими и сирийскими войсками. Хотя войска Антиоха III численно превосходили римские и хотя в день битвы Сципион был болен, но отсутствие дисциплины и пестрота состава армии Антиоха обеспечили победу римлян.

В следующем году с Антиохом был заключен мир. Он должен был отказаться от всех захваченных им владений, заплатить огромную контрибуцию в 15 000 талантов и выдать весь свой флот, за исключением 10 судов. Кроме того, римляне потребовали у Антиоха выдачи Ганнибала. Ганнибал, ни минуты не сомневавшийся в предательстве своего покровителя, убежал в Вифинию, к царю Прусию.

Рим рассчитался и с греческими союзниками Антиоха: Этолийский союз должен был уплатить контрибуцию, выдать заложников и признать свою зависимость от Рима.

Отобранные в Малой Азии владения Антиоха Рим роздал своим малоазиатским союзникам — частью Пергаму, частью — Родосу; некоторые греческие города Малой Азии были объявлены свободными.

В это время в Риме обострилась борьба двух групп нобилитета (вкратце об этом упоминалось выше). Разгар этой борьбы падает как раз на 80-е годы, сейчас же после окончания войны с Антиохом.

Во главе одной группы стояли Сципионы, во главе другой — Марк Порций Катон, цензор 184 г. Борьба шла, главным образом, по вопросу о том, какой должна быть внешняя политика Рима. Сципионы и их окружение, в лице Фламинина и других, являлись сторонниками мягкой политики по отношению к завоеванным странам. Мир, заключенный Сципионом с Карфагеном после Второй войны, так же как и договоры с Филиппом V и Антиохом III, были для побежденных не особенно тяжелы, так как им предоставлялась довольно большая степень самостоятельности.

Марк Порций Катон был сторонником диаметрально противоположной политики по отношению к завоеванным странам: он требовал их полного подчинения и присоединения к Риму в качестве провинций (т. е. областей, совершенно лишенных всякой самостоятельности и управляемых римскими наместниками).

Во внутренней политике группа Сципиона сочувствовала крестьянской демократии и считала необходимым проведение кое-каких аграрных реформ.

Катон отражал интересы нового крупного рабовладения и денежно-ростовщического капитала, выросших в Риме к началу II в. в связи с завоеваниями. Отсюда понятна та непримиримая политика, которую выдвигал Катон по отношению к завоеванным странам. Что же касается Сципионов, то за ними, повидимому, стояла более отсталая часть нобилитета, еще не перестроившая своего хозяйства на новый лад, связанная патриархальными отно-

шенциями кллиентелы с крестьянством и меньше заинтересованная в беспощадном и систематическом грабеже провинций.

До начала II в. в сенате господствовала эта последняя группа. Но в 80-х гг. берет верх течение Катона. После окончания азиатской войны влияние Сципионов падает. Обоих братьев — Публия и Люция — привлекли к суду. Детали обвинения и ход процесса нам неизвестны, но известен факт осуждения Люция Корнелия Сципиона за казнокрадство. Публий Корнелий Сципион добровольно отказался от политической деятельности, удалился в свое имение, где и умер в 183 г. Конец политической карьеры Сципионов служит доказательством того, что главное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Рима получила группа Катона. Впрочем, ее торжество вовсе не было полным и окончательным, так как еще не раз в течение первой половины II в. в сенате брали верх идеи Сципионов.

В том же 183 г., когда умер Публий Корнелий Сципион, прозванный Африканским, умер и его противник Ганнибал, убежавший, как мы видели, к вифинскому царю Прусию. Римляне не оставили его в покое и там: в 183 г. к Прусию явился Фламинин в качестве полномочного посла Рима и потребовал выдачи Ганнибала. Сознывая, что выхода нет и что его дело проиграно, Ганнибал покончил жизнь самоубийством.

В 179 г., после смерти Филиппа V, царем Македонии стал его сын Персей. Человек молодой, способный, но неосторожный и неустойчивый, он лелеял мысль о реванше и с этой целью сделал попытку создать большую антиримскую коалицию, в которую думал привлечь не только греческие государства, но и малоазиатских властителей. Больше всего он рассчитывал на греков, недовольство которых Римом к этому моменту достигло крайней степени.

Но, повидимому, Персей, не отличавшийся большим политическим тактом, в своем заигрывании с Грецией слишком много надавал обещаний демократии. Ему важно было привлечь на свою сторону именно демократические круги, так как греческая аристократия была на стороне Рима. Широкие обещания Персея напугали не только крупно-собственнические элементы Греции, но даже и средние слои.

В 171 г. римляне объявили войну Персею, и началась Третья македонская война (171—168 гг.). На стороне римлян стояли Ахейский и Этолийский союзы, фессалийцы и часть беотийских городов. План Персея создать широкую антиримскую коалицию рухнул.

Первое время война шла очень вяло. Дело изменилось с избранием консулом на 168 г. Люция Эмилия Павла. Он был сыном Эмилия Павла, погибшего в битве при Каннах. Этот талантливый и опытный человек, принадлежавший к группе Сципионов, сумел поднять дисциплину в римской армии, сильно упавшую за два года

неудачной войны, и в июне 168 г. нанес Персею решительный удар в битве при Пидне, в южной Македонии.

Персей собрал очень много войска. У него была прекрасно организованная фаланга и сильная конница. Первый удар македонян был настолько страшен, что передовые отряды римлян были смяты, и даже легионы стали быстро отступать.

Но сама стремительность этого удара погубила македонян. Преследуя отступавших по неровной почве, македоняне расстроили свои ряды. Воспользовавшись этим, римляне перешли в наступление; их манипулы вклинились между рядами фаланги, и дело кончилось разгромом. Персей ухудшил дело еще и тем, что не сумел ввести своевременно в бой свою великолепную конницу. В результате — македоняне потеряли около 30 000 человек убитыми и взятыми в плен. Персей бежал, покинутый всеми, и затем сдался римлянам.

Битва при Пидне была решающим событием в завоевании Римом Востока. Однако, несмотря на падение Сципионов, в Риме еще были сильны сципионовские традиции внешней политики. Победитель Персея Эмилий Павел, как сказано, принадлежал к сципионовскому кружку. Вот почему Македония и на этот раз еще не была обращена в провинцию. Царскую власть в Македонии уничтожили, а страну разделили на 4 самостоятельных, абсолютно изолированных республики, жители которых не могли сноситься друг с другом, не могли вступать в брак и поддерживать торговые сношения. Во главе каждой из этих республик была поставлена преданная Риму аристократия. Половина податей, которые Македония платила прежнему правительству, теперь выплачивалась Риму. Македонянам было запрещено разрабатывать золотые и серебряные рудники, вывозить строевой лес и соль.

По этому же образцу было создано три самостоятельных республики в Иллирии.

Особенно пострадал Эпир, поддерживавший Персея: по приказанию римского сената в 167 г. 70 городов Эпира были отданы на разграбление римским солдатам.

В руки римлян попала богатая добыча; ее везли во время триумфа Эмилия Павла. 150 000 эпиротов были проданы в рабство.

У Пергамского царства отняли часть владений и провозгласили их «независимыми».

Печальная судьба постигла и Родос, который до сих пор был верным союзником Рима; римский торговый капитал к этому моменту уже настолько окреп, что родосская торговля служила ему препятствием. В 166 г., как было указано выше, римляне объявили остров Делос «свободным портом», в результате чего таможенные доходы Родоса с одного миллиона драхм упали до 150 000. Торговля Родоса была убита одним ударом. Кроме того, у Родоса отняли его малоазиатские материковые владения.

Большие изменения произошли и внутри греческих союзов, даже стоявших на стороне римлян. У Этолийского союза была отнята часть территории. Даже аристократический Ахейский союз, старый союзник Рима, должен был отправить в Италию 1000 человек знатных граждан в качестве заложников. В числе этой тысячи попал и Полибий.

В 149 г. в Македонии появился самозванец по имени Андриск, простой сирийский наемник, сын дубильщика. Он обладал удивительным сходством с сыном Персея Филиппом. Хотя все знали, что настоящий Филипп умер, но ненависть к Риму помогла Андриску увлечь за собой всю Македонию и даже часть Фессалии.

Риму не представляло уже особого труда подавить эту последнюю вспышку национального движения в Македонии. В 148 г. претор Квинт Цецилий Метелл разбил лже-Филиппа при Пидне. Андриск бежал во Фракию и там был выдан римлянам. Только теперь Македония была превращена в римскую провинцию, с присоединением к ней Эпира и южной Иллирии.

Внутреннее положение в Греции в этот момент было очень напряженным, главным образом, в силу обострившейся классовой борьбы между беднотой и имущей верхушкой. Классовая борьба обострялась как вследствие углубляющегося экономического кризиса Греции, вызванного непрекращающимися на ее территории войнами, так и вследствие политики Рима, направленной на поддержку олигархической верхушки. Затруднительное положение, в котором находился Рим в связи с восстанием Андриска и начавшейся Третьей войной с Карфагеном, еще более обострило положение.

В 148 г. ахейцы напали на Спарту, несмотря на предупреждение Метелла. Чтобы наказать Ахейский союз за неповиновение, сенат решил отделить от него некоторые города. Тогда летом в 147 г. началось восстание. К ахейцам присоединился ряд общин средней Греции: беотийцы, локры, фокейцы, Эвбея. Подъем в Греции был настолько велик, что восставшие освобождали рабов, включая их в состав своей армии. Это являлось крайней мерой.

Метелл очистил от восставших среднюю Грецию, оттеснив их к Коринфскому перешейку, а преемник Метелла, консул 146 г. Муммий, близ Коринфа разбил греческое ополчение, несмотря на отчаянное сопротивление. Коринф был разрушен до основания, и жители его проданы в рабство. Эта жестокая мера была вызвана не только желанием наказать греков за восстание, но и преследовала определенные коммерческие цели, так как Коринф, единственный из греческих городов, сохранил еще торговое значение. Рим, уничтоживши в 166 г. торговлю Родоса, 20 лет спустя уничтожил своего последнего торгового соперника на Востоке. После этого римскому торговому и ростовщическому капиталу открылись на Востоке широкие перспективы.

Территория Ахейского союза и тех общин средней Греции, которые его поддерживали, была включена в состав Македонской провинции, а греческие государства, не принимавшие участия в восстании, частью были оставлены на положении союзников, частью сохранили «независимость». Таков был конец Греции. Позднее, уже при императоре Августе, из Греции была образована особая провинция Ахайя.

В то время, когда происходила последняя борьба Македонии и Греции за свою независимость, вспыхнула Третья пуническая война (149—146 гг.).

Мы знаем, что попытки Ганнибала провести реформы в Карфагене не удалось из-за противодействия Рима. Тем не менее, даже и при сохранении старой олигархии, Карфаген представлял собой крупную экономическую силу. Местоположение Карфагена, его старые торговые связи — позволили ему довольно быстро восстановить свое материальное благосостояние: снова выросла карфагенская торговля, широко развилось карфагенское земледелие, в частности, разведение оливок. Карфагенские купцы, потеряв свои заморские владения, стали вкладывать свои капиталы в сельское хозяйство в Африке.

Однажды Марк Порций Катон приехал в Карфаген в составе одной из сенатских комиссий. Такие комиссии довольно часто бывали в Африке для разбора бесконечных споров между Карфагеном и Массиниссой. Когда Катон увидел, как быстро оправились карфагеняне, он решил, что Карфаген необходимо окончательно уничтожить. С этих пор, выступая в сенате, он кстати и некстати стал повторять свою знаменитую фразу: «А впрочем, я думаю, Карфаген надо разрушить» (*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*).

В этот период в римском сенате окончательно берет верх группа сторонников непримиримой внешней политики.

Рим начинает искать повода к войне, а поводов было больше чем достаточно. Массинисса, чувствуя за своей спиной поддержку Рима, окончательно обнаглел по отношению к Карфагену и вел себя самым бесстыдным образом, отнимая от карфагенской территории один кусок за другим. У карфагенян лопнуло терпение, и карфагенское правительство без разрешения Рима начало войну с Массиниссой. Хотя Массинисса выиграл войну, тем не менее римский сенат счел это достаточным поводом для объявления войны Карфагену (149 г.).

Карфагенское правительство, смертельно напуганное, выразило полную готовность принести какие угодно извинения, пошло даже на то, чтобы казнить вождей военной партии, но римский сенат не давая окончательного ответа, сконцентрировал армию в Сицилии и под начальством двух консулов переправил ее в Утику (около Карфагена). Когда карфагенское посольство явилось в штаб римского командования и молило прекратить войну, рим-

ляне предложили Карфагену сдать все оружие. Это требование было выполнено; тогда от жителей Карфагена потребовали оставить город, который будет разрушен, и поселиться где угодно, но не ближе 180 стадий (около 27 километров) от моря.

Когда это новое требование стало известно в Карфагене, гнев и отчаяние охватили население. Карфаген был безоружен, но все жители лихорадочно принялись за изготовление оружия. Работали дни и ночи, строили катапульты и баллисты, чинили стены, женщины срезали волосы и плели из них веревки для крепостных орудий. Римское командование медлило, потому что осаждать даже безоружный Карфаген было все же задачей тяжелой, и римляне рассчитывали, что карфагеняне образумятся и сдадут город.

В таких колебаниях прошел месяц, и за это время карфагенянам удалось укрепить город и запастись оружием и продовольствием. Когда римская армия двинулась к стенам города, то оказалось, что Карфаген стоит перед ней во всей своей несокрушимой мощи.

На первых порах осада шла очень неудачно для Рима. Карфаген был сильно укреплен, в нем были большие запасы продовольствия, и благодаря флоту он мог сноситься с морем. К тому же за стенами Карфагена оперировала сильная карфагенская армия, которая затрудняла возможность полностью блокировать город.

Два года — 149 и 148 — прошли без всякого успеха для Рима. Неудачная осада только разлагала римскую армию, в которой падала дисциплина. Тогда на 147-й год выбрали консулом Сципиона Эмилиана, сына Эмилия Павла, усыновленного сыном Сципиона Африканского. В этом имени соединились две славных военных традиции, к тому же Сципион Эмилиан был очень талантливым человеком, который сумел себя проявить во время первых двух лет осады Карфагена. Поэтому, хотя он не имел требуемого служебного стажа, все же был избран консулом и особым постановлением назначен главнокомандующим африканскими войсками.

В 147 г. он прибыл в действующую армию, подтянул дисциплину, выгнал из армии всякий сброд, разбил полевую армию Карфагена и блокировал город с суши и с моря. В осажденном городе начался голод, и весной 146 г. Сципион Эмилиан начал общий штурм Карфагена. На одном участке стен, плохо защищаемом изнемогавшим от голода гарнизоном, римлянам удалось проникнуть в город. Начался бой на улицах, продолжавшийся шесть дней, так как карфагеняне защищали с упорством отчаяния каждый дом. Наконец, римляне дошли до Бирсы, карфагенского кремля, расположенного на неприступной скале. Там собрались остатки населения города, около 50 000 человек, среди которых 50% составляли женщины и дети. Сципион приказал разрушить остатки той части города, которая примыкала к кремлю, и поставил осадные машины.

Тогда осажденные стали молить о пощаде. Сципион обещал, в случае сдачи, пощадить их. Он сдержал свое обещание, но продал сдавшихся в рабство. Только около 1000 человек, в числе которых большинство было римских перебежчиков, отказались сдаться, подожгли храм и почти все погибли в огне.

Для устройства карфагенских дел на место прибыла сенатская комиссия из 10 членов. Комиссия вынесла постановление о полном разрушении Карфагена. Уцелевшая часть города была подожжена и горела 16 дней. Затем, в знак того, что на месте Карфагена не существует больше поселения, по его территории была проведена сохой борозда, и само место было посвящено подземным богам, предано заклятию, чтобы никто не мог на нем селиться. Территория бывшего Карфагена вошла в состав провинции Африки. Нумидия сохранила свою независимость.

Таким образом, к 146 г. Рим окончательно подчинил все сколько-нибудь крупные государства западной и восточной половины Средиземного моря: Карфаген, Македонию, Грецию. В Сирии и Малой Азии Рим также чувствовал себя полным хозяином, несмотря на существование остатков монархии Селевкидов, Родоса и Пергама. Но эти государства никакого отпора римлянам дать не могли, и вопрос об их окончательном присоединении был вопросом ближайшего будущего.

Правда, существовал еще Египет, но после войны с Антиохом влияние Рима на египетские дела еще больше усилилось, чем раньше.

Таким образом, за 118 лет, с 264 по 146 гг. Рим стал повелителем Средиземноморья.

VIII. ЭКОНОМИКА ИТАЛИИ II—I ВВ.

Какое влияние завоевания III—II вв. оказали на экономику Италии? Неправильно было бы утверждать, что они создали рабовладельческое общество в Италии. Рабовладельческий строй существовал в Италии еще до эпохи великих завоеваний, и сами завоевания были естественным следствием той примитивной экспансии, которая характерна для рабовладельческого общества.

Но, в свою очередь, завоевания оказали сильнейшее обратное влияние на экономику Италии, содействуя превращению ее из ранне-рабовладельческой в развитую рабовладельческую.

До конца III в. хозяйство Италии носило в значительной степени еще натурально-замкнутый характер. Всякие попытки модернизировать ранний Рим, изображая римскую общину как общину торговую, в корне неправильны. Италия до II в., несмотря на начавшееся развитие торговли, в основном оставалась аграрной страной, с преобладанием натурально-замкнутых отношений. Крупная торговля, денежный капитал, торговый флот в Риме до II в. отсутствовали. В сельском хозяйстве преобладало мелкое свободное крестьянское землевладение.

Завоевания оказали огромное влияние на экономику Италии. Прежде всего, в результате завоеваний на рынки Средиземноморья было выброшено огромное количество рабов по дешевой цене, что стимулировало развитие рабства во всем древнем мире и, в частности, в Италии.

Затем каждое завоевание сопровождалось массовым ограблением провинций. Наши источники рассказывают о бесчисленных триумфах, т. е. торжественных въездах в город победоносных полководцев, во время которых в Рим ввозили громадное количество разного рода ценностей из ограбленных провинций. Золото и серебро непрерывным потоком лилось в Италию.

Плутарх следующим образом повествует о триумфе Эмилия Павла, победителя при Пидне:

«Триумфальное шествие было распределено на три дня. Первого дня едва хватило, чтобы на 250 колесницах провезти перед народом захваченные на войне статуи, картины и колоссальные извая-

ния, которые представляли поразительное зрелище. На следующий день на множестве телег провеали наиболее отличающиеся великолепием и драгоценностью македонское оружие и доспехи.... За этими телегами следовали 3000 человек, несших серебряную монету в 750 сосудах, из которых каждый вмещал серебра весом в три таланта и покоился на плечах четырех человек..... Далее шли люди с сосудами, полными золотой монеты, весом в три таланта каждый, подобно сосудам с серебром. Всех сосудов было семьдесят семь. За ними несли священную чашу, весом в десять талантов, из золота, украшенную драгоценными камнями...» (Плутарх, Эмилий Павел, 32, 33).

По самым скромным подсчетам в начале II в. из одной Испании за 6 лет было вывезено около 200 000 римских фунтов серебра (около 70 000 кг) и 5000 фунтов золота (около 1600 кг).

В 194 г., после победы над Филиппом Македонским, было вывезено в Рим серебра в слитках 14 000 кг, 10 серебряных щитов, 84 000 греческих серебряных монет, 3700 фунтов золота (около 1200 кг), 114 золотых венков и 14 500 филиппиков (монет с изображением Филиппа).

В 189 г., после битвы при Магнезии, захватили 1230 слоновых клыков, 234 золотых венка, 137 000 фунтов серебра, 224 000 серебряных греческих монет, 140 000 македонских золотых монет и большое количество золотых и серебряных сосудов.

Контрибуция, наложенная на Малую Азию при Сулле, равнялась 20 000 талантов (около 48 миллионов руб.).

Настоящее ограбление провинций начиналось только после завоевания. Всякая вновь присоединенная провинция облагалась прямыми и косвенными налогами. Налоги собирались обычно откупщиками, которые выжимали из провинций гораздо больше того, что можно было захватить при завоевании; выкачивание богатств из провинций происходило систематически в течение многих лет.

Массы рабов, золота, серебра, дешевого хлеба из Сицилии и северной Африки искусственно оживляли экономику Италии и содействовали развитию заложенных в ней тенденций. Наиболее характерными чертами тех хозяйственных сдвигов, которые произошли в Италии в первой половине II в., были следующие: 1) огромное развитие рабства; 2) колоссальное накопление денежно-ростовщического капитала и 3) концентрация земельной собственности и связанная с ней пролетаризация крестьянства.

Начнем с рабства. Источники его в Риме, в основном, были те же самые, что и в Греции. Но война как источник рабства играла в Риме, благодаря особенностям его истории, неизмеримо более важную роль, чем в Греции. Десятки, а иногда сотни тысяч рабов — военнопленных, которые выбрасывались на рынки Средиземноморья, служили главным источником общего воспроизводства рабов.

Вторым источником рабства была задолженность. Правда, по отношению к римским гражданам долговое рабство было фактически уничтожено (закон Петелия); но в провинциях дело обстояло иначе: провинциалы не имели прав гражданства, и римские ростовщики массами продавали их в рабство за долги.

О положении в провинциях в этом отношении лучше всего говорит следующий факт. В 105 г., во время борьбы с кимврами и тевтонами, известный полководец Марий получил от сената право обращаться к союзным с Римом государствам периферии с просьбой о поставке вспомогательных войск. С такой просьбой Марий обратился к царю Вифинии Никомену. Никомед ответил, что он с удовольствием оказал бы помощь римлянам, но беда в том, что все мужское население Вифинии уведено в рабство римскими же откупщиками, и дать ему некого. Конечно, Никомед несколько сгустил краски, но, во всяком случае, сенат должен был дать распоряжение на места об освобождении «свободнорожденных союзников», находившихся в рабстве в провинциях. Так что, повидимому, факт массового обращения в рабство провинциалов и «союзников» римскими откупщиками имел место.

Третьим источником рабства было пиратство, в римскую эпоху развившееся в гораздо больших размерах, чем в Греции.

Во II и I вв. на пустынных побережьях восточной половины Средиземного моря, в Иллирии, Киликии, на Кипре пираты создали целые государства с укрепленными замками, флотами, с собственными законами. Случалось, что из-за пиратов вся торговля по Средиземному морю останавливалась, а в Риме начинался голод из-за невозможности подвезти хлеб из провинций. Дерзость пиратов доходила до того, что они нападали на побережья Италии.

Римское правительство вело с пиратами жесточайшую войну. Помпей в 67 г. получил диктаторскую власть над всем побережьем Средиземного моря для ликвидации пиратских гнезд. С пиратами боролись Цезарь, Август и другие императоры. На некоторое время военные меры давали результат, но полностью уничтожить пиратство было невозможно, пока существовала рабовладельческая система. Пиратство питалось рабством. Значительная часть пиратов состояла из беглых рабов. Обычно после подавления крупных восстаний рабов пиратство усиливалось в огромной степени, так как уцелевшие рабы бежали к пиратам.

С другой стороны, рабство питалось пиратством, так как пираты являлись поставщиками живого товара на невольничьих рынках. Пиратство было весьма выгодным занятием, и кое-кто из римских капиталистов вкладывал свои деньги в пиратские предприятия. Таким образом, пиратство являлось органической частью рабовладельческого строя, и поэтому уничтожить его было невозможно.

Четвертым источником рабства являлось естественное воспроизводство рабов. Сын рабыни становился рабом, и с этой точки зрения каждому господину было выгодно, чтобы у его рабынь было как можно больше детей. Поэтому римские рабовладельцы принимали всякие меры для поощрения рождаемости у рабов.

Римский рабовладелец и писатель I в. н. э. Колумелла говорит, что те рабыни, которые имеют трех сыновей, освобождаются от работ, те же, у которых их четверо, получают полную свободу.

Конечно, подобные мероприятия достигали, в известной степени, своей цели, но решить таким путем проблему общего воспроизводства рабской силы было невозможно. Процент рождаемости рабов в Риме был еще ниже, чем в Греции, благодаря более суровому режиму, широкому развитию казарменного образа жизни рабов, жестоким наказаниям и т. п.

Римские рабовладельцы прибегали даже к организации специальных рабских питомников. Диодор, в рассказе о первом сицилийском восстании, называет один такой питомник в Сицилии, откуда партиями покупали рабов, разводившихся специально на продажу.

Одним из моментов воспроизводства рабской силы было обучение рабов, т. е. повышение их квалификации.

Знаменитый Марк Порций Катон славился как образцовый рабовладелец. Он занимался обучением малолетних рабов и перепродавал их с выгодой. Занимался обучением рабов и Красс — крупный миллионер первой половины I в. до н. э. Аристотель в «Политике» рассказывает, что в Сиракузах один предприимчивый человек открыл школу, в которой обучал рабов для домашних услуг.

Наряду с этими основными источниками общего воспроизводства рабов в Риме было еще несколько второстепенных. Так, свободного человека можно было продать в рабство в виде наказания за некоторые преступления, например, за уклонение от военной службы. Отец мог три раза продавать в рабство детей, и только после третьей продажи они выходили из-под его власти.

Основным источником частного воспроизводства, как и в Греции, была покупка рабов на рынке. Правда, иногда римские полководцы и даже рядовые солдаты получали рабов прямо из военной добычи. Из Светониевой биографии Цезаря мы знаем, что он часто дарил своим солдатам по одному рабу на человека.

Рынки рабов существовали во многих римских городах. В самом Риме был рабский рынок около храма Кастора. Наибольшей известностью пользовался невольничий рынок на Делосе. Страбон говорит, что на Делосе ежедневно продавалось до 10 000 рабов.

Рабы, продаваемые на рынке, выставлялись обнаженными, чтобы покупатель мог быть уверенным в доброкачественности предлагаемого товара. Кроме того, они обычно имели отличительные знаки: либо выкрашенные белой краской ноги, либо

надетый на голову шерстяной колпак. Рабы из военнопленных имели на голове венки.

Особым эдильским адиктом требовалось, чтобы продавец осведомлял покупателя обо всех недостатках раба. Иногда на рабе висела дощечка, где были указаны его племенное происхождение, возраст и т. п. Закон предусматривал, что, если после продажи у раба обнаружатся скрытые недостатки, сделка расторгалась, и продавец обязан был вернуть деньги покупателю.

Цены на рабов в Риме подвергались большому колебаниям, чем в Греции. Это зависело, прежде всего, от большего развития в Риме роскоши и непроизводительных расходов. За красивых танцовщиц выбрасывали огромные суммы. Сотни тысяч сестерций платили за актеров и за представителей других высококвалифицированных профессий.

С другой стороны, резкие колебания цен на рабов зависели от войн.

В периоды крупных завоеваний цены на рабов сильно падали. Так, например, в I в. до н. э., во время завоевания Понтийского царства, рабов продавали по 4 драхмы за голову (около 1 р. 50 к.). В 177 г., после окончательного завоевания внутренней части Сардинии, на рынок было выброшено такое количество рабов, что даже создалась поговорка: «Дешев, как сард».

В каких отраслях хозяйства применялся рабский труд в Риме?

Прежде всего, в государственном хозяйстве.

Государственные рабы в Риме применялись на разного рода работах, на общественных постройках и т. п. Кроме того, они исполняли обязанности низших должностных лиц. В Риме эта категория государственных рабов играла очень большую роль. Низшие служащие магистратов, помощники жрецов, надсмотрщики и т. п. были из рабов. Положение государственных рабов было, конечно, лучше, чем положение рабов у частных лиц.

Рабы, принадлежавшие крупному римскому рабовладельцу, обычно, делились на две группы: городская «фамилия» (*familia urbana*) и сельская «фамилия» (*familia rustica*).

Городская фамилия имела одну специфическую особенность, отличавшую Рим от Греции. В Греции большая часть рабов была занята производительным трудом в домашнем хозяйстве, в мастерских, работала на оброке, либо сдавалась в аренду. В Риме подавляющее большинство «городской фамилии» являлось непроизводительной группой, т. е. составляло прислугу, домашнюю челядь. Громадные богатства, скопившиеся в отдельных руках благодаря завоеваниям и всяким темным махинациям, давали особый тон римской жизни, резко отличавшейся от более деловой, скромной жизни греков. В богатых и даже средних римских домах часть «фамилии», обслуживавшая дом рабовладельца, была непропорционально велика по сравнению с тем количеством рабов, которые работали в мастерских или на оброке. Богатый римский

дом имел сотни рабов, начиная от привратников, прикованных на цепь у входа, начиная от судомоек и уборщиц и кончая парикмахерами, маникюршами, воспитателями, управляющими, агентами для поручений и т. п. Идеалом римского рабовладельца являлось то, чтобы все его потребности обслуживались собственными силами. В этом выражался натурально-замкнутый характер рабовладельческого общества и, в частности, римского общества, где эта замкнутость выступала сильнее, чем в Греции.

По сравнению с домашними рабами, рабы, занятые в ремесле, играли меньшую роль. Здесь, прежде всего, надо отметить, что мастерских типа греческих эргастериев в Риме было немного. Рабовладелец своих ремесленников (если они не были заняты в домашнем хозяйстве) предпочитал отпускать на оброк, предоставляя им добывать его как угодно. Римляне предпочитали заниматься откупам, спекуляциями, вкладывали деньги в сельское хозяйство, — но только не в промышленность.

Затем необходимо подчеркнуть, что в Риме удельный вес рабского труда в ремесле был меньше, чем в Греции.

Известный ученый Гуммерус подсчитал, что в г. Риме из общего числа ремесленников свободных было 27%, вольноотпущенников 66,75% и рабов только 6,25%. В остальной Италии соотношение было еще меньше: свободных 46,25%, вольноотпущенников 52% и рабов 1,75%. Правда, метод Гуммеруса далеко не безупречный: он брал данные из надписей, но суммарно, не распределяя их по эпохам. Поэтому цифры его очень неточные. Но даже и при этом условии картина получается довольно ясная: ничтожный процент рабов, занятых в ремесле, явное преобладание там свободного труда и труда вольноотпущенников.

Это объясняется, во-первых, общим паразитическим характером жизни Рима, где центр тяжести рабского труда переносился на обслуживание богатой семьи.

Кроме этого, надо учесть еще одно обстоятельство. Начало сдвигов в экономике Италии падает на конец III в. Тогда свободное ремесло было еще очень сильно. Завоевания обогатили Рим и сделали для него ненужным дальнейшее развитие промышленности. На те деньги, которые римляне выкачивали из провинций, они могли покупать все нужное им в тех же провинциях, многие из которых экономически были гораздо более развиты, чем Италия. Поэтому рабов не бросают в ремесло, где свободный труд остается преобладающим.

Нельзя забывать также аграрного характера Италии: большое количество рабов поглощалось сельским хозяйством.

Довольно широко труд рабов применялся в Риме в строительном деле. Известный миллионер Красс имел больше пятисот строительных рабочих-рабов. Заняты были рабы и в горном деле. В серебряных рудниках в Испании, около Нового Карфагена, работало до 40 000 рабов.

По вопросу о сельскохозяйственных рабах, о «сельской фамилии» римских рабовладельцев, мы имеем большой материал. До нас дошли сочинения о сельском хозяйстве трех писателей: Катона (234—149 гг. до н. э.), Варрона (116—27 гг. до н. э.) и Колумеллы (1 в. н. э.). По этим источникам можно ясно представить не только картину римского сельского хозяйства и положения сельскохозяйственных рабов, но и проследить эволюцию рабского труда на протяжении почти трех столетий.

Катон указывает, каков был обычный состав рабов на оливковых плантациях. Он берет оливковую плантацию в 240 югеров (около 60 га) и говорит, что при ней должны быть вилик (надсмотрщик за рабами, обычно сам из рабов), вилика (ключница, часто жена вилика), пять рабочих, три скотника, один погонщик ослов, один свинопас, один овчар, — всего 13 рабов.

Для виноградника в 100 югеров (около 25 га) Катон устанавливает такую норму: вилик, вилика, 10 рабочих, один скотник, один погонщик ослов, один раб, ухаживающий за ивовой посадкой (так называемый саликтарий), один свинопас, — всего 16 человек. Очевидно, виноградная плантация была более трудоемкой, чем оливковое насаждение.

Эти нормы рабочей силы кажутся низкими. Но не нужно забывать, что Катон дает только кадр постоянных рабов. Во время сбора и выжимки оливок и винограда, дополнительно нанималось определенное количество свободных временных рабочих (об этом говорит Варрон).

Катон дает интересные сведения о продовольствии рабов. Вилик, вилика, овчар получали меньше хлеба, чем рабы, занятые на тяжелой работе; зимой рабам полагалось хлеба меньше, чем летом. Вино для рабов Катон советует готовить из выжимок, после того как лучший сок уже взят для вина к столу рабовладельца. Из одежды рабу полагалось давать через год попеременно тунику и короткий плащ; старую одежду Катон советует отбирать, чтобы делать из нее лоскутные одеяла. Катон был чрезвычайно расчетливым хозяином и старался, чтобы в хозяйстве у него ничего не пропадало. Любопытно, что Катон ни слова не говорит о том, как лечить больных рабов. А рядом с этим он дает массу советов об уходе за скотом. Совершенно ясно, что скот он ценит гораздо больше, чем рабов.

Если сравнить Катона с Колумеллой, писавшим в период начавшегося кризиса рабовладельческого хозяйства, то окажется, что Колумелла больше заботится о рабах, чем Катон. Например, он дает советы как устраивать помещение для рабов: «Камеры незакованных рабов всего лучше пусть будут обращены на юг; для рабов закованных должно иметь эргастул (тюрьма для рабов) в подвальном помещении, как можно лучше устроенный в санитарном отношении, с большим количеством узких окон для света, расположенных на такой высоте, чтобы до них нельзя было до-

стать рукой. Помещения для скота не должны быть ни слишком холодными, ни слишком теплыми» и т. д. (характерно это сопоставление рабов со скотом!).

Юридическое и бытовое положение рабов в Риме было чрезвычайно тяжелым, что объясняется большим количеством рабов и необходимостью для рабовладельцев держать их в состоянии непрерывного террора. Положение рабов в Афинах и других демократических полисах Греции было значительно лучше. В Афинах, например, нельзя было убить раба, а в Риме раб был совершенно бесправен, он стоял вне закона (по крайней мере, в отношении к своему господину).

Римские теоретики ввели деление орудий производства на три категории. Варрон пишет: «Теперь я скажу, какими средствами возделываются поля. Некоторые разделяют эти средства на две группы: на людей и на орудия, без которых они не могут возделывать; другие делят их на три части: орудия говорящие, орудия, издающие нечленораздельные звуки, и орудия немые; к говорящим относятся рабы, к издающим нечленораздельные звуки — волы, к немым — телеги».

О положении рабов в Риме говорит также существование особой категории рабов — гладиаторов. О гладиаторах в Греции мы ничего не знаем. Гладиаторские бои ввел только Рим с его толпами рабов, которых некуда было девать, с его безумной роскошью, с его люмпен-пролетариатом, паразитической и глубоко развращенной массой городского населения. Римской толпе нужны были острые, щекочущие нервы кровавые зрелища.

Первое известие об устройстве гладиаторских боев в Риме относится к 264 г., когда на похоронах одного аристократа были устроены погребальные игры, и на состязаниях выступали три пары рабов-гладиаторов. В 216 г. выступало 22 пары гладиаторов, в 200 г. — 25 пар, в 183 г. — 60 пар, а в 65 г. Цезарь устроил бои с участием 320 пар гладиаторов. В эпоху империи эти цифры еще увеличиваются.

Особым видом развлечений была охота на диких зверей, специально привозившихся из Африки и выпускавшихся на арену амфитеатров.

Гладиаторы делились на особые категории и обучались в специальных школах. Существовали предприниматели, так называемые ланисты, которые занимались обучением гладиаторов и потом отдавали их в аренду или продавали желающим. Многие богатые люди имели собственных гладиаторов.

Как и в Греции, раб, отпущенный на волю, становился вольноотпущенником (либертином). Отпуск на волю не разрывал полностью старых отношений зависимости. Вольноотпущенник обязан был иногда оставаться в доме господина, иногда платить ему оброк и т. п. Поэтому часто отпуск раба на волю был выгоден господину.

В Риме вольноотпущенничество было развито сильнее, чем в Греции. Для крупных римских рабовладельцев при их широком образе жизни, непроизводительных затратах капитала, спекулятивном характере деловой жизни нужны были кадры всякого рода доверенных людей, агентов для поручений и т. п., для чего прекрасно подходили вольноотпущенники. Вот почему всякий богатый римский рабовладелец имел десятки «клиентов» из вольноотпущенников.

Переходим к вопросу о значении денежно-ростовщического капитала, имевшего в хозяйственной жизни Рима несравненно больший вес, чем в Греции.

В Риме рост денежного капитала не соответствовал общему уровню экономического развития и в значительной мере был искусственным.

Источником такого ненормального роста были не только кон-трибуции, но и систематическое выжимание богатств из провинций путем откупной системы.

Когда Рим из города-государства превратился в центр мировой державы, его государственный аппарат до установления империи продолжал оставаться старым аппаратом города-государства с народным собранием, сенатом и выборными магистратами. В полисном аппарате не существовало органов, которые бы ведали управлением провинций. Поэтому для сбора налогов наиболее простым выходом была сдача этого дела на откуп.

На откуп сдавался в Риме не только сбор прямых и косвенных налогов в провинциях, но и целый ряд других статей государственного хозяйства.

Полибий, например, в 6-й книге говорит следующее: «В самом деле, многие работы во всей Италии, перечислить которые было бы нелегко, по управлению и сооружению общественных зданий, а также многие реки, гавани, сады, прииски, земли, короче, — все, что находится во власти Рима, отдается цензорами на откуп. Все поименованное здесь находится в ведении народа, и, можно сказать, почти все граждане причастны к откупам и к получаемым через них выгодам. Так, одни за плату сами принимают что-либо от цензоров на откуп, другие идут в товарищи к ним, третьи являются поручителями за откупщиков, четвертые несут за них в государственную казну свое состояние».

Это — яркая картина откупной системы, которая проникла во все слои римского общества.

На этой почве выросли своеобразные предприятия, отдаленно напоминающие акционерные компании. Иногда брать откуп было не под силу отдельным капиталистам, как бы велики ни были их капиталы: для того, чтобы купить право на откуп, надо было внести вперед правительству большую сумму. Поэтому несколько откупщиков часто соединялись вместе и образовывали компанию (*societas publicanorum*).

Каждый участник компании вносил известную часть капитала и получал определенное количество «долей». В дальнейшем этими «акциями» спекулировали, продавали их и покупали, играли на повышение и на понижение. Крупные компании публиканов имели свой аппарат: писцов, агентов, собственные корабли, собственные конторы в провинциях. Это были организации, поставленные на широкую ногу, которые являлись основным орудием систематического ограбления провинций.

Ростовщичество в Риме процветало с ранних времен. Наличие мелкого крестьянского хозяйства в Италии благоприятствовало развитию ростовщичества, а затем, когда Рим стал завоевывать провинции, увеличился масштаб крупных ростовщических операций. Те же откупщики в провинциях выступали в качестве ростовщиков.

Ростовщический капитал в провинциях работал беспощадно. Мы знаем примеры, когда целые города продавались в рабство, потому что не могли уплатить долга, ряд государств (например, Египет) был в долгу у крупных ростовщиков. Ссудный процент далеко превышал «законную» норму и доходил до 48—50% и даже выше.

Римский денежный капитал носил ярко выраженный спекулятивный характер, потому что налицо было его перепроизводство. Этот избыточный денежный капитал шел в откупничество, ростовщичество и всякого рода спекуляции.

Для характеристики римского спекулятивного капитала можно привести одно место из биографии Красса, римского «сверхмиллионера», самого богатого человека в Риме в I в. до н. э. Плутарх рассказывает о нем следующее:

«Римляне утверждают, что многие превосходные качества Красса омрачал один порок, а именно алчность. В начале его карьеры его имущество не превышало 300 талантов. Сделавшись консулом (в 70 г.), Красс пожертвовал в храм Геркулеса десятую часть своего состояния, устроил всенародное угощение и каждого жителя Рима снабдил хлебом на три месяца. Тем не менее, когда перед походом против парфян (в 55 г.) он привел в известность размеры своего состояния, оказалось, что оно оценивается в 7100 талантов. Позорная для Красса истина заключается в том, что большую часть своего богатства он стяжал огнем и мечом, сумев извлечь величайшую выгоду из общественных бедствий».

Далее Плутарх говорит, что во время сулланских проскрипций (см. ниже) Красс покупал за бесценок имущество казненных и на этом, главным образом, составил свое состояние. А затем он стал заниматься спекуляцией в широком масштабе. В Риме бывали частые пожары и обвалы зданий. Наряду с прекрасными дворцами существовали кварталы с большими доходными домами, иногда в семь этажей, плохо построенными и очень тесно расположенными. Когда случался пожар, Красс на месте через своих агентов поку-

пал горящие здания и смежные с ними, причем домовладельцы уступали свои дома за низкую цену. Таким образом, Красс постепенно сделался собственником значительной части Рима. С помощью своих строительных рабов он восстанавливал сгоревшие здания и наживал на этом колоссальные суммы.

По сравнению с денежно-ростовщическим капиталом, капитал торговый был в Риме относительно слабо развит. Это — своеобразная черта итальянской экономики, отличающая ее от хозяйственной жизни Греции.

Относительно слабое развитие римского торгового капитала объясняется несколькими причинами. Во-первых, довольно значительную часть нужных ему продуктов Рим получал из провинций в виде налогов (например, хлеб). Затем известную роль играло здесь отставание итальянской промышленности, на что указывалось выше. Наконец, аграрный характер Италии и образование во II в. крупных рабовладельческих поместий, носивших до известной степени натурально-замкнутый характер, также оказывали отрицательное влияние на развитие торговли.

Характерной чертой римской торговли являлся ее пассивный характер. Торговый баланс был пассивным, так как Рим больше ввозил, чем вывозил. Преобладание ввоза над вывозом объясняется огромной гипертрофией денежного капитала. До определенного момента это не представляло опасности для экономики Италии, так как пассивность баланса компенсировалась ввозом большого количества денег. В результате контрибуций, операций откупщиков и ростовщиков Италия получала массу денежного капитала, которая шла на закупку в провинциях нужных товаров, и таким образом баланс сводился благополучно. Но в эпоху империи, когда завоевания сократились и изменилась политика по отношению к провинциям, пассивность торгового баланса должна была дать резко отрицательные результаты.

Что касается промышленности Италии, то выше уже отмечался ее своеобразный характер. Преобладало мелкое ремесло, причем значительное большинство ремесленников состояло из свободно-рожденных и вольноотпущенников. Ремесленников-рабов было немного, да и те обычно находились на оброке. Рабские мастерские греческого типа в Риме были немногочисленны. Итальянское ремесло обслуживало, главным образом, внутренний рынок.

Это своеобразие итальянской промышленности, как уже указывалось, было вызвано тем, что экономика Италии получила во II в. до известной степени искусственное развитие благодаря завоеваниям и вызванному ими накоплению денежного капитала. Промышленность потеряла стимулы для своего развития и стабилизировалась на уровне III в. Денежный капитал предпочитал идти в откупа, в ростовщичество, дававшие огромную прибыль, отчасти в сельское хозяйство, но не в промышленность.

Третьим существенным моментом хозяйственного переворота II в. была концентрация в Италии земельной собственности.

Условия аграрного развития Италии были иными, чем Греции. Правда, и в Греции начала IV в. концентрация земли и пролетаризация крестьянства имели место, но оба эти процесса были менее резко выражены, потому что Греция была страной не аграрной, и греческое земледелие преимущественно состояло в разведении винограда, оливок и т. д. Поэтому самый масштаб и характер этих процессов в Италии были иными, чем в Греции.

Следующие условия облегчали концентрацию земли в Италии. Во-первых, колоссальное развитие рабства, которое давало возможность широкого применения относительно дешевого рабского труда в земледелии и создавало условия для ведения крупного хозяйства.

Во-вторых, наличие больших масс денежного капитала, которые частично шли в сельское хозяйство, дававшее не столь высокий, как откупа и ростовщичество, но зато более верный и постоянный доход. Вложение капитала в сельское хозяйство облегчало скупку и концентрацию земель.

В-третьих, политическое господство нобилитета, давшее возможность широко черпать нужные ему запасы земель из государственного фонда (*ager publicus*). Нобилитет, находясь у власти до эпохи Гракхов, бесконтрольно распоряжался общественной землей, и из огромного запаса, образовавшегося в результате завоеваний, создал себе крупные земельные владения.

Каков же был уровень и характер сельского хозяйства Италии во II в.?

В старой Италии преобладало хлебопашество: сеяли пшеницу, полбу, ячмень, просо. В новой Италии разведение зерновых культур резко сокращается: вследствие ввоза более дешевого хлеба из провинций хлеб в Италии стал так дешев, что его цена не окупала затрат на его обработку.

Так, например, в 150 г. до н. э. в Риме одна мера пшеницы (8,7 литра) стоила 1 асс, т. е. около 4 копеек. Дешевизна хлеба делала невыгодным посевы зерновых культур. Поэтому преобладающими видами сельского хозяйства в Италии II и I вв. были скотоводство, садоводство, огородничество, разведение оливок, винограда и различных технических культур, вроде ивы для корзин и т. п.

Катон пишет: «Если меня спросят, какое имение следует поставить на первом месте, я отвечу так: из всех полей в наилучшей местности для участка размером в 100 югеров на первом месте следует поставить виноградник, дающий вино хорошего качества или в изобилии, на втором месте — орошаемый огород, на третьем — ивовую посадку, на четвертом — оливковую плантацию, на пятом — луг, на шестом — хлебное поле, на седьмом —

лес для порубок, на восьмом — древесное насаждение для садоводства, на девятом месте — дубовый лес».

Крупные поместья итальянских рабовладельцев, как уже указывалось, в известной степени носили натурально-замкнутый характер. Будучи снабжены постоянными кадрами рабочей силы, в числе которой были и ремесленники, они в значительной мере могли обходиться внутренними ресурсами, не прибегая систематически к рынку.

Однако, отрицать на основании этого общего положения сильнейшие элементы товарности в сельском хозяйстве Италии было бы величайшей ошибкой.

Катон, давая советы, где и как надо выбирать имение, указывает: «Хорошо, если имение лежит у подошвы горы, обращено на юг, находится в здоровой местности, если кругом в изобилии имеются рабочие (очевидно, для найма свободных рабочих в период страды. — *С. К.*), если есть хорошие источники воды, а поблизости — порядочный город, море, судоходная река или хорошая людная дорога».

В другом месте Катон перечисляет те пункты Италии, где лучше всего покупать для имения различные предметы: «В Риме покупай туники, тоги, плащи, лоскутные одеяла, деревянные башмаки; в Калах и Минтурнах — капюшоны, железные орудия, как-то: серпы и косы, лопаты, кирки, топоры, медный набор для сбруи, путы, цепочки; в Венафре — лопаты...» и т. д. В третьем месте своего произведения Катон дает советы, как надо продавать оливки на корню. Подобные примеры достаточно убедительно говорят о том, что итальянское имение было довольно тесно связано с рынком.

Что касается размеров поместий, то в средней Италии преобладал тип среднего по величине поместья. Это вполне понятно, принимая во внимание его незерновой характер.

Виноградники, оливковые плантации, сады, огороды, технические насаждения по самой их природе не допускают слишком большой концентрации.

Если же взять юг Италии, Сицилию и Африку, то там мы встретим крупные латифундии, насчитывающие сотни и тысячи га. В южной Италии это были преимущественно сальтусы, т. е. пастбищные хозяйства, а в Сицилии и Африке — крупные зерновые поместья.

Обратной стороной процесса концентрации земли было обезземеление крестьянства. Оно вызывалось, прежде всего, той самой причиной, которая заставляла крупных собственников отказываться от разведения зерновых культур: наличием дешевого привозного хлеба. Низкие цены на хлеб делали и для крестьянина невыгодным хлебопашество, а перейти к виноградарству, оливководству и т. п., как правило, крестьянин не мог: для этого у него не было средств. Прогрессивно падающая доходность зерновых

культур означала для крестьянина разорение и поглощение его мелкого участка более сильным и более приспособленным для перехода к новым условиям крупным рабовладельческим хозяйством.

Большое влияние на пролетаризацию крестьянства оказали и войны, которые велись на италийской территории. Хорошо известно, какое значение в этом отношении имел поход Ганнибала. Средняя, а особенно южная Италия были страшно опустошены. В дальнейшем роковое влияние на положение италийского крестьянства оказали гражданские войны: восстания рабов, союзническая война, земельные конфискации вторых триумвиров (см. ниже).

Но, может быть, еще большее значение имели заморские войны, особенно широкий размах приобретшие во II в. Они оказывали губительное влияние на крестьянское хозяйство, потому что фактически превращали крестьян в профессиональных воинов. Крестьяне отрывались на ряд лет от хозяйства, и это не могло не отражаться на нем губительно. Крестьянин отвыкал от труда, привыкал жить на солдатское жалование и на военную добычу.

Правда, не вся Италия в одинаковой степени теряла свое крестьянское население. Более стойко держалась северная Италия; обезлюдение коснулось главным образом средней и южной Италии, где сильнее развилось крупное рабовладельческое хозяйство. С другой стороны, средняя и южная Италия подверглись наибольшему опустошению во время войны с Ганнибалом и во время гражданских войн.

Разоренные крестьяне идут в города и, в первую очередь, — в Рим. Город был местом, где можно было надеяться на заработок. Правда, обычно эти надежды не оправдывались, потому что места в торговле и промышленности были заняты вольноотпущенниками, рабами и свободными городскими ремесленниками. При таких условиях пришлому крестьянству найти себе работу было крайне трудно.

Но в городе зато было другое. Широкое развитие политического подкупа, огромное перепроизводство денежного капитала, всякого рода раздачи и кормления со стороны государства и частных лиц, — все это давало возможность люмпен-пролетарию с грехом пополам прожить в городе, ничего не делая.

Клиентела, существовавшая в Риме с ранних времен, вырождается в паразитирующий институт. Каждый нобиль имел огромное количество своих клиентов, которые иногда с вечера становились в очередь у его дверей с тем, чтобы поздравить патрона с добрым утром и получить угощение или маленькую сумму денег. Клиенты сопровождали своего патрона на форум, голосовали за него, в случае надобности, пускали в ход кулаки и палки. В эпоху Гракхов клиенты сыграли большую роль, защищая нобилитет от революции. Клиентела — яркий пример паразитизма римской жизни.

IX. ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ, РЕВОЛЮЦИЯ РАБОВ И ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Те глубокие сдвиги, которые произошли в экономике Италии в первой половине II в., чрезвычайно обострили все противоречия рабовладельческой системы и послужили предпосылкой революции.

В вопросе о гибели античного общества советские историки до самого последнего времени стояли еще на каутскианских позициях.

Взгляды Каутского в этом вопросе сводятся к тому, что крушение античного общества объясняется только экономическими причинами. Римское общество попадает в тупик, экономически разлагается и падает под ударами варварских завоеваний. При этом совершенно игнорируется классовая борьба. Каутский отрицает социальную революцию в античном мире, признавая вообще только одну революцию — буржуазную.

Решительный удар этим антимарксистским взглядам нанесло выступление тов. Сталина 19 февраля 1933 г. на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. «Революция рабов, — сказал тов. Сталин, — ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 527). Значение выступления тов. Сталина было огромно с точки зрения обще-методологической, потому что оно углубило, подняло на более высокую ступень учение марксизма-ленинизма о социальной революции. Значение выступления тов. Сталина было чрезвычайно велико и для древней истории, потому что оно заставило историков-античников пересмотреть старую концепцию гибели античного общества и отказаться от тех сильнейших пережитков каутскианства, которые лежали в основе этой концепции. Выступление тов. Сталина послужило основой, на которой историки древнего мира пытаются теперь строить конкретный ход революции рабов.

Мы можем установить две фазы революции рабов. Первая — это гражданские войны II—I вв. до н. э. Они падают на столе-

тие между 136 и 36 гг. до н. э. В 136 г. началось первое сицилийское восстание рабов, а в 36 г. было разрушено государство рабов и пиратов Секста Помпея. Борьба Октавиана и Антония, закончившаяся в 30 г. гибелью этого последнего, была только несущественным заключительным эпизодом. После этого наступает период относительной стабилизации, так как рабовладельцам удалось разгромить революцию.

Но так как процессы экономического распада рабовладельческого общества и обострения всех его социальных противоречий продолжались, то с конца II в. н. э. начинается новый взрыв революции. Она продолжается до самого V в., прерываясь короткими периодами весьма относительной стабилизации; такие периоды делаются все короче и короче, и в конце концов римское общество гибнет под совместным ударом революции и «варварского» завоевания, которое являлось только обратной стороной революции.

Длительность периода, на который растянулась революция рабов, объясняется общим характером рабовладельческого общества и самой революции. Если буржуазная революция, например, во Франции продолжалась почти сто лет, то нет ничего удивительного, что революция рабов захватила несколько столетий. Медленные темпы развития рабовладельческого общества, неорганизованность рабов, локальный характер их восстаний — приводили к тому, что степень концентрированности и силы революционных ударов была значительно меньше, чем в других социальных революциях. Революция рабов обладает многими специфическими чертами, о которых будет сказано ниже.

По своим движущим силам обе фазы революции рабов несколько отличаются друг от друга. Отличие состоит в том, что первая фаза происходила в условиях относительной изоляции обеих движущих сил революции: рабов, являвшихся основной силой, и свободной бедноты. Вторая фаза принесла в этом отношении значительные изменения. Отсутствие полного контакта между рабами и свободной беднотой в значительной мере исчезло благодаря превращению старого «классического» рабства в новую форму — колонат. Благодаря этому был достигнут единый фронт всех революционных сил.

К этому нужно добавить, что во второй фазе у революции появился могучий союзник — «варвары». Вот почему, если в первой фазе рабовладельцам удалось раздавить революцию, то во второй, происходившей в обстановке полного распада рабовладельческой системы, «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся».

Как сказано было выше, к половине II в. социальные противоречия в римском обществе достигли огромной остроты. Среди них

основным, ведущим противоречием было противоречие между рабами и рабовладельцами.

К половине II в., к моменту окончания первого, самого крупного тура римских завоеваний, огромные массы рабов оказались сконцентрированными в Италии, Сицилии, Малой Азии и других областях Средиземноморья. Большинство этих рабов были военнопленные, живо помнившие былую свободу и с тем большей ненавистью относившиеся к своему теперешнему положению. Это были массы горючего материала, готового вспыхнуть от любой искры.

Вторым очень важным противоречием было противоречие между имущими и неимущими рабовладельцами. Под последними мы понимаем очень пеструю массу пауперов, полупролетариев и пролетариев, начиная от крестьян, умирающих с голоду на своем карликовом наделе, и кончая городскими люмпен-пролетариями. Эта свободная беднота была фракцией рабовладельческого класса, так как значительная часть ее жила за счет прибавочного продукта рабов. Однако, это было очень важное противоречие, поднимавшее свободную бедноту на восстания против имущих, против крупных рабовладельцев и объективно толкавшее ее в один лагерь с рабами.

К этому надо прибавить значительно менее существенное, но иногда имевшее довольно большое значение противоречие между двумя группами имущей верхушки: служилой знатью, нобилитетом, опиравшимся на землевладение, и всадничеством, группой денежных капиталистов, откупщиков, спекулянтов и торговцев, которая была в оппозиции к нобилим, потому что те не пускали ее к власти. Эта группа держала в своих руках очень важные экономические позиции, а политически стояла вне государственного управления. Борьба за власть между нобилитетом и всадничеством, в которой это последнее часто переходило на сторону демократии, многое объясняет нам в истории гражданских войн.

Наконец, было еще одно противоречие, игравшее в эту эпоху тоже довольно большую роль: противоречие между гражданами и негражданами. Оно было очень сложным, потому что как среди граждан, так и неграждан были и крупные рабовладельцы, и крестьяне, и люмпен-пролетарии. Здесь выступал очень сложный пучок отношений, которые перекрещивались друг с другом. Однако, существовало некоторое общее противоречие между правящей римской общиной, как коллективом эксплуататоров, и стоящей вне этой привилегированной организации массой неграждан, среди которой была целая градация оттенков, начиная от итальянских «союзников» и кончая бесправными провинциалами.

В соответствии с этими основными группами противоречий можно наметить три линии развития революции. Прежде всего,

восстания рабов, высшая, наиболее острая форма борьбы между рабовладельцами и рабами. Это — главная, основная линия революции.

Рядом развевывалась вторая линия: борьба между имущей верхушкой и неимущей беднотой.

И, наконец, третья линия той же революции: борьба между гражданами и негражданами, римлянами и италиками, римлянами и провинциалами.

История первой фазы революции рабов отражена в ряде источников. Одним из важнейших являются отрывки XXXIV, XXXV и XXXVI книг Диодора, в которых он излагает Посидония. Они являются почти единственным нашим источником для истории первых двух сицилийских восстаний рабов.

Очень важным источником для всей эпохи являются «Гражданские войны» Аппиана.

Важным источником, хотя и менее ценным, служат биографии Плутарха. Эпохе гражданских войн посвящены биографии Красса, обоих Гракхов, Помпея, Мария, Лукулла, Суллы, Сертория, Цезаря, Катона Младшего, Брута, Антония и Циперона.

Много хорошего материала дают «Югуртинская война» и «Заговор Катилины», а также отрывки «Истории» Саллюстия.

Ценным источником, хотя и очень субъективным, являются речи Циперона и мемуары Цезаря о галльской и гражданской войнах.

Имеют значение также историки императорского Рима — Дион Кассий, Светоний, известный географ и историк Страбон.

Сохранились и кое-какие фрагменты подлинных документов: речей Гракхов, писем их матери Корнелии. Надписей от этой эпохи дошло немного, но некоторые являются весьма ценными, например, «*Res gestae divi Augusti*» — политическое завещание императора Августа, в котором он рассказывает о том, что им было сделано в своей жизни, и сообщает ряд интересных материалов из последних моментов гражданской войны.

Эпоха первой революции рабов обнимает 100 лет. В течение этого долгого периода революция, конечно, не могла идти все время одним темпом, без перерывов, сплошной революционной волной. В этом столетнем периоде можно установить 4 главных революционных вспышки.

Первая падает на 30-е и 20-е годы II в. К ней относятся первое сицилийское восстание рабов, восстание рабов и свободной бедноты в Малой Азии и гракханское движение.

Затем наступает 15-летний период затишья, и в конце II в. мы видим вторую вспышку революции. Происходят второе сицилийское восстание рабов и ряд других восстаний, а также острая борьба в Риме между нобилитетом и демократией.

После этого снова наступает 10-летний перерыв.

В конце 90-х годов I в. начинается третья вспышка: восстание италиков, восстание восточных провинций, борьба между ари-

стократией и демократией в Риме и диктатура Суллы (с 82 г.). Эта последняя начинается собою третий, на этот раз очень короткий и очень относительный период «успокоения».

Он оканчивается в 73 г. Революция вступает в четвертый, самый страшный для рабовладельцев этап. Основными событиями в этом периоде являются восстание италийских рабов под руководством Спартака и движение Катилины.

Но в тот момент, когда революционная волна достигла своей высшей точки, революция получила и самый жестокий удар, от которого она уже не могла оправиться. После 62 г. гражданская война все более и более превращается в борьбу за диктатуру между фракциями рабовладельцев и отдельными лицами. Движение Секста Помпея (39—36 гг.) было последней, угасающей вспышкой революции.

Такова периодизация первой фазы революции рабов. Перейдем теперь к ее истории.

Революция начинается восстанием рабов в Сицилии (136—132 гг.).

Нет ничего удивительного в том, что именно Сицилия стала ареной первого крупного восстания. Локальные движения рабов были в Италии и в других местах еще в III и во II вв., задолго до этого восстания, но только в 136 г. в Сицилии вспыхнуло первое массовое движение, отдавшее огромный остров на несколько лет в руки восставших. Первыми выступили именно сицилийские рабы.

В Сицилии, этой «житнице Италии», было сосредоточено огромное количество рабов крупными массами в больших латифундиях. А чем больше было рабов, тем суровее был режим. Концентрация рабов заставляла рабовладельцев прибегать к жестокому и систематическому террору. Рабов наказывали, клеймили, держали в оковах. Многие рабовладельцы не кормили и не одевали своих рабов, а предоставляли им добывать средства к жизни откуда и как угодно.

Однажды к крупному сицилийскому рабовладельцу Дамофилу, которого историческая традиция считает виновником первого восстания, явилось несколько голых рабов, которые попросили у него одежды. Тогда он заметил: «Что же, разве путешественники ездят голыми по стране и не дают готового снабжения тем, которые нуждаются в одежде?» После этого Дамофил приказал высечь рабов и отпустить их.

Дамофил не являлся исключением среди сицилийских рабовладельцев. Это, конечно, была чрезвычайно близорукая политика, потому что в погоне за грошом рабовладельцы создавали огромную опасность для самих себя: Сицилия была полна вооруженными шайками рабов, явившимися готовыми кадрами для восстания.

Необходимо также отметить, что в Сицилии находилось очень много рабов одной национальности — сирийцев. Это было нару-

шением элементарного правила рабовладельцев: не держать в одном месте рабов одной национальности. Теоретики рабства — Платон, Аристотель — неоднократно предостерегали против такой системы, так как она облегчала возможность организации рабов.

Центром восстания явился город Энна, лежавший в центре острова, на холме, окруженном плодородной равниной, где расположены были латифундии эннейских рабовладельцев.

Среди эннейских рабов большую роль играл сириец Евн. Его влияние на рабов основывалось на том, что он, якобы, умел толковать сны и предсказывать будущее. Иногда Евн прятал себе в рот сложные половинки ореховой скорлупы с углем, завернутым в листья. В соответствующий момент он выдыхал пламя изо рта и достигал нужного ему впечатления.

К числу рабовладельцев Энны принадлежал и вышеупомянутый Дамофил. Он был чрезвычайно надменен, суров и жесток. Его жена Мегаллида не уступала своему супругу и особенно жестоко обращалась с рабынями-служанками. Зачинщиками восстания и явились рабы Дамофила.

Группа заговорщиков в количестве 400 человек, преимущественно из «сельской фамилии» Дамофила, получив предварительно согласие Евна, ворвалась в город. К ним присоединились городские рабы, и началось массовое избиение рабовладельцев. Классовая ненависть рабов вылилась в чрезвычайно острые формы, — почти все свободное население было истреблено. Исключение составили ремесленники, которых рабы заковали в цепи и заставили изготавливать оружие. Также пощадили несколько человек, известных своим мягким отношением к рабам. Оставили в живых и дочь Дамофила, добрую девушку, которая всегда жалела рабов. Рабы дали ей надежную охрану и проводили в другой город к родственникам.

После захвата города рабы собрались на собрание в городской театр. Туда привели Дамофила и Мегаллиду, которых успели схватить. Дамофила убили здесь же, а Мегаллиду отдали ее бывшим служанкам, которые расправились с ней так же, как когда-то она расправлялась со своими рабынями. На этом собрании восставшие избрали Евна царем, причем он принял имя Антиоха, — имя, очень популярное у Селевкидов. Любопытно, что рабы не создают новой формы государства, а используют знакомую им форму эллинистической восточной монархии. Евн получил все атрибуты царской власти.

Был также избран совет, куда вошли наиболее выдающиеся по своему уму рабы. Среди приближенных Евна был очень способный организатор — грек Ахей. В течение трех дней он организовал вооруженный отряд в 6000 человек.

В то время, когда в Энне происходили все эти события, вспыхнуло движение рабов близ Агригента. Там образовался второй центр восстания. Вождем его был Клеон из Киликии, прибрежной страны

в Малой Азии, известной своими пиратами. Вероятно, и Клеон в прошлом был пиратом. Он захватил Агригент и всю ближайшую область. В его отряд входило около 5000 человек.

Так образовалось два центра восстания с двумя вождями. Рабовладельцы уже торжествовали, ожидая, что эти вожди передерутся друг с другом; но у рабов хватило классовой сознательности, чтобы не довести дело до борьбы. Клеон добровольно подчинился Евну и признал себя его помощником и полководцем.

Соединенные силы рабов разбили римскую армию во главе с консулом. Число восставших дошло до 200 000 человек, и скоро почти вся Сицилия оказалась в их руках. К сожалению, в наших источниках нет никаких указаний на то, как рабы организовали хозяйство в занятых ими областях и делали ли они вообще попытки такой организации или жили только за счет захваченных запасов. По одной фразе Диодора-Посидония можно понять, что крупные рабовладельческие хозяйства были уничтожены. С другой стороны, рабы не трогали мелких хозяйств, не уничтожали в них имущество и щадили тех, кто продолжал заниматься земледелием (очевидно, мелких собственников и арендаторов). Городской люмпен-пролетариат присоединился к восставшим, но, по словам Диодора, только ради грабежа.

Римляне понимали огромную опасность сицилийского восстания и бросили на остров много сил. Три консульских армии подряд пытались бороться с рабами. Двум консулам не удалось сломить восстания, и только третьему консулу, Публию Рупилию, удалось его подавить. Он взял две главные твердыни восставших рабов — города Тавромений и Энну. Но взять их удалось только путем голода. Доведенные до крайней степени истощения, рабы, по словам Диодора, сначала стали питаться детьми, потом женщинами и, наконец, стали убивать друг друга. Помогла римлянам и измена со стороны некоторых рабов.

Сицилийское восстание сейчас же вызвало отклики в других местах. Вспыхнули восстания в Италии, в Аттике, на острове Делосе. Никаких деталей об этих восстаниях мы не знаем. Но самый крупный отклик сицилийское восстание нашло в Малой Азии (133—130 гг.).

Положение в Малой Азии в 133 г. было таково. Главным государством являлось Пергамское царство, хотя и сильно ослабленное римлянами, но все же еще довольно крупное. Там царствовал Аттал III (138—133 гг.). Он был типичным представителем вырождающейся восточной династии: капризный самодур и жестокий деспот Аттал считал себя большим специалистом по части растительных ядов. Он разводил ядовитые растения, приготавливал яды и пробовал, как рассказывают, их действие на своих родственниках и приближенных. В 133 г. он умер от солнечного удара и оставил завещание, в котором все свое царство передавал Риму.

Это странное завещание не могло не обратить на себя внимания исследователей. Многие задавали вопрос, чем объяснить завещание Атталы. Некоторые предполагают, что передачей своего царства Риму Аттал хотел отомстить своим родственникам, которых он ненавидел. Но это объяснение слишком переносит центр тяжести на субъективно-психологическую сторону: государства не передаются по капризу монархов!

Другие объясняют дело тем, что Аттал был вынужден отдать свое царство в качестве расплаты за долги римским публиканам. В этом объяснении, повидимому, есть известная доля истины.

Наконец, третьи считают это завещание своеобразной формой борьбы с революцией. В Малой Азии в это время происходили серьезные волнения среди рабов и свободной бедноты. Пергамские рабовладельцы не надеялись собственными силами справиться с надвигающимся восстанием и потому предпочли для сохранения своего классового господства отдалиться под высокую руку Рима. Аналогичные примеры мы знаем из истории эллинистических государств этой эпохи. Последняя гипотеза наиболее правдоподобна.

Но реализация завещания Атталы встретила сопротивление. Его побочный брат Аристоник после смерти Атталы решил использовать сложившееся в Малой Азии напряженное положение и захватить пергамский престол. На первых порах он, повидимому, не собирался привлекать на свою сторону общественные низы. Он выступил как законный наследник престола в маленьком городке Малой Азии — Левках (между Смирной и Фокеей). Некоторые из малоазиатских городов его поддержали, но далеко не все. Так, например, эфесским рабовладельцам, очевидно, римское господство было выгоднее, чем укрепление власти Атталидов. Поэтому Эфес выступил против Аристоники и разбил его. Тогда Аристоник бежал внутрь Малой Азии и решил воспользоваться происходившим там движением рабов и свободной бедноты. Аристоник повел за собой общественные низы не только против богачей, но и против Рима во имя сохранения Пергамского государства. Ему удалось добиться настолько крупных успехов, что римский консул, Публий Лициний Красс, отправленный против Аристоники, попал к нему в плен и был убит (131 г.).

Только консулу 130 г. Марку Перперне удалось разбить Аристонику и взять его в плен. Аристоник был отправлен в Рим и там задушен в темнице.

По поводу программы движения имеется только один намек у Страбона: «Своих сторонников, — говорит он, — Аристоник назвал гелиополитами (гражданами солнца. — С. К.)». Эту фразу пытались истолковать по-разному. Некоторые предполагают, что Аристоник хотел использовать в своих целях культ бога солнца, очень популярный в Сирии и Малой Азии. Другие, в частности Бюхер, не отрицая религиозного момента в движении, думают,

что в лозунге «государства солнца» есть и социальная программа. Царство солнца — это царство свободы и равенства.

Возможно, что второе толкование правильное, хотя источники не дают возможности выяснить вопрос.

Вероятнее всего, движение лично для Аристоника являлось средством добиться престола, а социальная программа была рассчитана только на то, чтобы увлечь за собой массу. Вряд ли можно думать, что Аристоник сам стоял на точке зрения рабов и свободной бедноты.

После подавления восстания Аристоника Пергамское царство было превращено в римскую провинцию под названием Азии.

Одновременно с событиями в Сицилии и Малой Азии начинается в самой Италии широкое крестьянское движение, известное под именем гракханского.

В определенной части римского нобилитета, как мы говорили выше, сочувственно относились к крестьянской демократии. Сципионовская группа считала, что крестьянство является главной опорой Рима. В сципионовском кружке, очевидно, и зародилась мысль о необходимости восстановить стремительно разорявшееся римское крестьянство, труд которого заменялся трудом рабов. Возрождение крестьянства означало бы укрепление военной мощи Рима, а, с другой стороны, это избавило бы рабовладельцев от опасности восстаний рабов. Из таких классовых и чисто консервативных корней зародилась будущая программа братьев Гракхов.

Гракхи происходили из знатного, но плебейского рода Семпрониев. Их отец, Тиберий Семпроний Гракх, занимал ряд важных постов в римской республике, — был народным трибуном, претором, консулом. Мать их, знаменитая Корнелия, приходилась дочерью Сципиону Старшему. Сестра Гракхов, Семпрония, была женою Сципиона Младшего.

Таким образом, Гракхи принадлежали к старой знати, но к знати, вышедшей из плебейства, и были связаны с кружком Сципионов тесными родственными связями. Круг идей, характерный для сципионовского кружка (либерализм во внешней политике, симпатии к крестьянской демократии), не мог не оказать влияния на обоих братьев.

Тиберий был старше Гая на 9 лет. Братья получили блестящее воспитание в греческом духе. За их воспитанием следила их мать, Корнелия, образованная, передовая женщина. Совокупность всех этих данных открывала для обоих братьев большие возможности.

Тиберий отличился во время Третьей пунической войны в войсках своего шурина Сципиона Младшего. Он женился на дочери Аппия Клавдия, принцепса сената (его имя стояло первым в списке сенаторов), тоже сторонника демократических реформ. Таким образом, и тесть Тиберия примыкал к течению Сципионов.

137 год застаёт Тиберия квестором в Испании. Плутарх в биографии Тиберия рассказывает, что когда тот по пути в Испанию проезжал через Этрурию и увидел там латифундии, образовавшиеся на месте прежних крестьянских участков и обрабатываемые рабами, то тогда у него и возник план восстановления старого крестьянства.

Во время пребывания в Испании у Тиберия произошло столкновение с сенатом, оказавшее влияние на охлаждение отношений между ними. После возвращения из Испании Тиберий в 134 г. выставил свою кандидатуру в народные трибуны на 133 г.

Скучные данные источников рассказывают о полном единодушии народа, требовавшего земельной реформы. На стенах зданий появлялись надписи, в которых требовалось проведение аграрного закона. Все говорит о напряженности положения, создавшегося к моменту выборов. Тиберий, уже успевший зарекомендовать себя как сторонник демократии, летом 134 г. был избран в народные трибуны и 10 декабря вступил в должность.

В качестве народного трибуна он внес в народное собрание свой законопроект, состоявший из трех частей. Первая часть законопроекта, повидимому, восстанавливала старый закон Лициния и Секстия. Глава семьи мог занимать из государственной земли не больше 500 югеров (около 125 га). Если у него были сыновья, то на каждого из двух старших можно было занимать по 250 югеров, но в общем ни одна семья не могла иметь больше 1000 югеров общественной земли (около 250 га). Зато эта земля обращалась в частную собственность.

Вторая часть законопроекта предлагала излишки государственной земли разбить на участки, повидимому, по 30 югеров (около 7½ га) и раздать беднейшим гражданам на правах наследственной и неотчуждаемой аренды.

Наконец, третья часть законопроекта предусматривала создание специальной комиссии из 3-х лиц, выбираемых на год с правом их переизбрания. Этой комиссии поручалось решение всех вопросов, связанных с новым законом, и она наделялась здесь диктаторской властью. Комиссия могла решать, какие участки земли являются частной собственностью, какие — общественной, она получала право отбирать излишки общественной земли, делить их на участки и раздавать беднейшим гражданам.

Рогации Гракха вызвали ожесточенное сопротивление большинства нобилитета и даже той его части, которая до сих пор стояла на позициях сципионовского либерализма, потому что даже это крыло нобилитета испугал радикализм законопроектов Тиберия. Огромное большинство сената выступило против Гракха, потому что ager publicus в эту эпоху фактически превратился в собственность крупных землевладельцев из рядов нобилитета.

Сенат повел борьбу давно испытанным средством: один из народных трибунов, Марк Октавий, наложил свое трибунское «вето»

на законопроект Тиберия. Октавий был личным другом Тиберия, но, как богатый собственник, стоял на точке зрения сената. Несмотря на то, что Тиберий неоднократно пытался уговорить его взять свое вето обратно, Октавий стоял на своем. Положение создавалось безвыходное, ибо, если Тиберий хотел оставаться в рамках республиканской конституции (а он вначале думал действовать, не нарушая ее), он ничего добиться не мог: вето народного трибуна делало невозможным даже оглашение законопроекта в народном собрании.

Тогда Тиберий прибег к крайней мере, правда, тоже пока конституционной: в качестве трибуна он наложил печать на храм Сатурна, где хранилась государственная казна, и своим вето приостановил отправление обязанностей всех должностных лиц. Он попытался даже убедить сенат и внес свой законопроект на его рассмотрение, но ничего, кроме грубых насмешек, в сенате не встретил.

После этой неудачной попытки самый ход событий и нараставшая революционная ситуация заставили Тиберия сойти с легального пути. Он поставил перед народным собранием вопрос: может ли оставаться народным трибуном человек, который идет против народа? Такая постановка вопроса была уже антиконституционной, потому что никто не мог, согласно римским законам, до срока лишить народного трибуна его звания (так и всякого другого выборного магистрата).

На вопрос Тиберия народное собрание ответило: «нет». Подобный ответ означал, что Октавий был лишен своего трибунского звания. Под град издевательств Октавия стащили с трибуны и его избili бы, если бы не вступился Тиберий. Тогда аграрный законопроект был принят единогласно всеми 35 трибами.

В комиссию триумвиров, облеченных диктаторскими полномочиями, был избран сам Тиберий, его брат Гай и тесть Аппий Клавдий, один из немногих нобилей, оставшихся на его стороне.

Перед комиссией с первых же шагов ее работы встали огромные трудности; они состояли, главным образом, в том, что фактически очень часто было невозможно установить, какие земли являются частными, приобретенными и какие общественными. Совершенно понятно, что каждый владелец общественной земли выдавал ее за свою частную собственность, клялся, что он купил ее или получил в наследство. В ряде случаев владельцы были правы, потому что практика последних десятилетий привела к тому, что фактически разница между частной и общественной землями стерлась, и собственники общественных земель сплошь и рядом завещали их по наследству, давали в приданое и т. д. Тем не менее комиссия энергично работала, широко применяя свои диктаторские права. Опираясь на сочувствие революционно настроенной бедноты, она конфисковала значительные излишки земель и начала раздавать их беднейшим гражданам.

В это время в Рим пришли известия о наследстве Аттала. Тиберий предложил использовать сокровища Аттала на субсидии беднейшим гражданам, получавшим землю, потому что инвентаря у них не было. Это мероприятие вызвало новый взрыв злобы сенаторов на Тиберия: сенат только себя считал вправе распоряжаться наследством Пергамского царя.

Общественная атмосфера накалялась все больше, и нобилитет выдвинул против Тиберия обычное обвинение в стремлении к монархической власти, к «тирании».

В источниках есть указания на то, что наряду с аграрным законом Тиберий выдвигал проект других реформ, в частности, о сокращении срока службы в легионах и о даровании прав гражданства союзникам. Но указания эти очень неопределенны.

В напряженной деятельности и ожесточенной борьбе прошла первая половина 133 г. Летом 133 г. должны были состояться очередные выборы новых трибунов на 132-й год. Реформа была только что начата, и поэтому для Тиберия было чрезвычайно важно быть избранным в трибуны на следующий год.

По существующему обычаю, переизбрать одно и то же лицо два года подряд было нельзя, и когда Тиберий выставил свою кандидатуру на 132 г., то его противники ухватились за это, как за предлог для обвинения Тиберия в стремлении к царской власти.

В такой обстановке начались выборы.

Нобилитет решил дать Тиберию генеральное сражение. На одно из собраний аристократы явились в большом количестве со своими клиентами и сорвали его. Собрание было перенесено на следующий день, и с утра сторонники Тиберия заняли площадь на Капитолии, где должны были происходить комиции. Нобили снова попытались сорвать собрание; произошла свалка, и их прогнали с площади. Одновременно с этим происходило бурное заседание сената, тоже на Капитолии, в храме богини Верности. Сенат все время информировали обо всем происходящем на площади. Среди страшного шума, стоявшего в народном собрании, Тиберий сделал знак рукой, показывая на свою голову. Этим он хотел сказать, что ему угрожает опасность. В сенат сейчас же сообщили, что Тиберий требует себе царского венца. Верховный понтифик Сципион Назика, один из вождей нобилитета и главный противник Тиберия, с толпой сенаторов и массой вооруженных клиентов выбежал на площадь, где происходило народное собрание, и бросился на демократов. Произошло столкновение, в результате которого Тиберий и 300 его сторонников были убиты. Ночью тела их были выброшены в Тибр.

Началась реакция. Сенат создал особые судебные комиссии для расправы над демократами. Многие сторонники Тиберия были казнены, многие изгнаны, а многие бежали, скрываясь от преследований. Друг Тиберия философ-стоик Блоссий бежал из Рима к Аристонку. Это интересный факт, который указывает на ка-

кую-то идеологическую связь между гракханским движением и движением Аристоникиа.

Тем не менее, несмотря на реакцию, сенат не рискнул распустить аграрную комиссию, очевидно, боясь массового движения. Она была пополнена новым членом взамен убитого Тиберия и продолжала работу. Но в 129 г., когда реакция еще больше окрепла, у триумвиров было отнято право решать, какие земли являются частными, какие государственными, и передано консулам. Таким образом, у комиссии было отнято ее важнейшее право, и ее деятельность свелась на-нет.

В этом деле сыграл отрицательную роль Сципион Эмилиан, который выступал с самого начала противником Тиберия. Его выступление лишний раз подтверждает, что даже та часть нобилитета, которая вообще сочувствовала аграрной реформе, отшатнулась от движения, испугавшись его революционного характера.

Вскоре после этих событий Сципион был найден мертвым в постели. Смерть его была очень загадочной, и в римском обществе ходили самые различные слухи. Говорили, что Сципион был отравлен Корнелией и Семпронией, которые мстили ему за смерть Тиберия; кроме того, предполагали, что смерть Сципиона была делом демократической партии. Установить обстоятельства смерти Сципиона мы не можем.

В 20-х годах в Италии большую актуальность стал приобретать вопрос, который, повидимому, впервые был выдвинут еще Тиберием: вопрос о даровании прав гражданства союзникам. Он логически вытекал из аграрного закона. Естественно, если закон должен был иметь демократический характер, он не мог оставить за бортом значительную часть италийского крестьянства — союзников, которые по закону не пользовались правом получать наделы. Вот почему развитие движения неизбежно должно было поставить вопрос о даровании прав гражданства союзникам, тем более, что он вообще достаточно наболел у союзнического крестьянства.

В 125 г. консул Фульвий Флакк, член аграрной комиссии, выдвинул подобный законопроект, но он встретил сопротивление и сената и коммий, ибо большинство римского крестьянства не желало делиться своими привилегиями с союзниками. Провал законопроекта вызвал восстания в некоторых городах Италии. Самым серьезным было движение в городе Фрегеллы. В наказание за восстание Фрегеллы были разрушены.

К концу 20-х годов начинает выдвигаться младший брат Тиберия, Гай Гракх. Как личность, он был крупнее своего брата. Согласно единодушному мнению всех современников, Гай отличался необыкновенным ораторским талантом, широким умственным кругозором, огромным темпераментом и твердой волей.

Смерть брата произвела на Гая потрясающее впечатление, и желание отомстить за Тиберия, несомненно, оказало очень большое

влияние на его деятельность в качестве субъективно-психологического момента.

Нобили прекрасно понимали, какой опасный враг растет для них в Гае. Вот почему еще до того момента, когда Гай выступил кандидатом на ответственную политическую должность, сенат пытался политически скомпрометировать его и привлекал к суду за, якобы, должностные преступления. Но попытки опорочить Гаю не удалось, и он легко сумел себя реабилитировать.

Летом 124 г. Гай Гракх выдвинул свою кандидатуру в народные трибуны на 123-й год. Источники говорят, что в день выборов сошлось на форум так много народу, что на площади нехватило места и многие занимали места на крышах; такой огромной популярностью пользовался в это время Гай Гракх. Он был избран народным трибуном и 10 декабря 124 г. вступил в должность.

К сожалению, наука о Гае еще меньше осведомлена, чем о Тиберии. Поэтому мы не только не можем установить точную последовательность событий его деятельности, но даже не можем точно сказать, какие законы он провел.

Гай учел обстоятельство, сыгравшее роковую роль в деятельности Тиберия — отсутствия у движения достаточно широкой социальной базы. Поэтому он прежде всего решил привлечь на свою сторону не только крестьянскую бедноту, но и широкие слои римского гражданства, бывшие в оппозиции к правящей группе или колебавшиеся; их надо было толкнуть в сторону создания единого фронта против нобилитета. В первую голову нужно было привлечь римский люмпен-пролетариат. С этой целью Гай провел хлебный закон (lex frumentaria). Мы точно не знаем его содержания, но, повидимому, он сводился к тому, что хлеб продавался гражданам по пониженной цене из государственных магазинов.

Затем Гай провел судебный закон (lex judiciaria). Еще в 149 г. трибун Кальпурний Пизон провел закон о создании постоянной судебной комиссии для разбора жалоб провинциалов на должностных лиц. Эта комиссия имела специальной целью борьбу против злоупотреблений провинциальных наместников. Но она состояла из нобилей, которые обычно не давали хода жалобам, так как провинциальные наместники были из того же нобилитета.

Теперь Гай Гракх, желая привлечь на свою сторону денежных капиталистов, проводит закон о том, что комиссия для разбора жалоб по вымогательствам должна состояться из всадников. Таким путем он дал им в руки очень сильное оружие для борьбы с нобилитетом.

Вместе с тем, чтобы еще прочнее привлечь всадничество, Гай ввел для провинции Азии десятинный налог и отдал сбор его римским откупщикам.

Аграрный закон Тиберия был, повидимому, подтвержден, причем комиссия трех снова получила старые диктаторские права.

Кроме того, Гай выдвинул широкий проект создания ряда колоний как в Италии, так и в провинциях, где еще были значительные запасы государственной земли. В частности, Гай предложил основать колонию «Юнонию» на территории бывшего Карфагена, преданной заклятию.

Всеми этими мероприятиями, последовательность которых для нас совершенно неясна, Гай создал себе огромный авторитет и популярность среди широких слоев римской демократии. Поэтому, когда летом 123 г. он выдвинул свою кандидатуру в трибуны на 122-й год, он прошел без всякого открытого сопротивления нобилитета. К этому времени можно говорить о настоящей диктатуре Гая, который сосредоточил в своих руках ряд важнейших должностей: народного трибуна, члена комиссии трех, организатора колоний. Но Гай проводил все свои мероприятия через народное собрание, которое никогда не пользовалось в Риме таким авторитетом, как в это время.

Однако, как раз в этот момент аристократия начинает активную борьбу против Гая. Трибун Марк Ливий Друз по согласованию с сенатом внес свой законопроект, который должен был побить Гракха «демократичностью». Друз предложил основать в Италии 12 колоний по 3000 человек в каждой и землю раздать колонистам бесплатно. Мера была явно демагогической, так как всякий разумный человек в Риме понимал, что найти место в Италии для 36 000 человек колонистов невозможно, в виду того, что свободной земли было очень мало. Однако, неустойчивость народного собрания повела к тому, что эта демагогическая мера оказала на него влияние. С момента выступления Ливия Друза начинается известное охлаждение к Гаю римского народного собрания.

Это охлаждение усилилось, когда Гай внес свой проект о даровании прав гражданства неполноправным италикам (союзникам и некоторым другим категориям).

Новый законопроект представлял собой выражение широкого демократического движения, которое охватило уже не только римское, но и италийское крестьянство. Аграрное движение в этом законопроекте перерастает узкие рамки Рима, сливаясь с общепитаийским аграрным движением.

Но этот законопроект и погубил Гая. В день его голосования консул Гай Фанний удалил из Рима всех неграждан. Повидимому, к этому дню в Рим собралась масса народа, желавшего проникнуть на собрание. Гай Фанний произнес очень характерную речь, ярко вскрывающую сущность загоревшейся около законопроекта Гая борьбы.

Консул сказал следующее: «Неужели вы полагаете, что после того, как дадите латинянам права гражданства, вы и впредь будете стоять на гражданской сходке так же, как стоите теперь передо мной, и что вы попрежнему будете находить для себя места

на играх и на народных увеселениях? Неужели вы не понимаете, что те люди займут каждый свободный уголок?»

Фанний хорошо знал свою аудиторию; он знал, что римское гражданство в значительной своей части не желало делиться своими доходами с италиками.

Кроме того, Ливий Друз наложил свое «вето» на законопроект Гая, и, видя настроение собрания, Гай взял свой законопроект обратно. Этот факт означал поражение движения. Италийское аграрное движение откололось от римского, и это было начало конца.

Когда летом 122 г. Гай выдвинул свою кандидатуру на 121-й год, он не был избран, — он потерял симпатии римского гражданства. Естественно, что нобили сочли этот момент удобным для начала открытого наступления на Гая. На 121-й год консулом был избран смертельный враг Гая, Люций Оппимий.

Нобилитет решил ухватиться за вопрос о Юнии и использовать религиозные суеверия римской массы. Территория Карфагена была закланной территорией, выводить в нее колонию — значит идти против воли богов. Стали муссировать слухи о разных неблагоприятных знамениях, — обычный политический прием в Риме. Говорили о том, что гиены вырвали в Карфагене расставленные межевые камни, границы колонии были уничтожены. Когда общественное мнение было достаточно обработано, поставили в народном собрании вопрос об отмене постановления о выводе колонии в Карфаген. В самом начале собрания страсти чрезвычайно разгорелись, и был убит один из ликторов консула Оппимия. Это послужило поводом для сената объявить в Риме военное положение и облечь Оппимия чрезвычайными полномочиями. Тогда Гай, понимая, что его может спасти только восстание, во главе своих сторонников захватил авентинский холм. Оппимий собрал все наличные военные силы и начал штурм Авентина. Сторонники Гая стали отступать. Он сам хотел скрыться. Спускаясь с холма, Гай вывихнул себе ногу и, не желая отдаваться в руки врагов, приказал своему рабу убить себя. Тело его досталось врагам, у трупа отрезали голову и принесли ее консулу Оппимию, а тело бросили в Тибр (121 г.).

Около 3000 гракханцев погибло в общей сложности на Авентине и впоследствии, во время жестокой расправы с демократами.

Гибель Гракхов означала крушение всего движения. Непосредственной причиной этого был раскол между римским гражданством и италиками. Римское крестьянство отошло от движения, а италики не были еще настолько сильны, чтобы поднять самостоятельное восстание. Это произошло только через 30 лет, в 90 г.

Вскоре после гибели Гая раздачу новых участков прекратили, ссылаясь на отсутствие земли, а затем, вопреки смыслу и букве закона Тиберия о том, что наделы земли отдаются в наследственную и неотчуждаемую аренду, розданные участки были объ-

явлены частной собственностью и их разрешено было продавать. Поэтому через несколько лет большинство крестьян, получивших земельные наделы, потеряло их. Процесс шел очень быстро, поэтому что ломка аграрных отношений, произведенная реформами Гракхов, ускорила концентрацию земли.

Как же надо оценивать так называемые реформы братьев Гракхов? Независимо от субъективных целей, которые ставили себе Гракхи, возглавляемое ими движение было аграрным движением, одним из важных моментов в начавшейся революции рабов.

Конечно, трудно установить субъективные цели и стремления исторических лиц; в ряде случаев это гораздо труднее, чем говорить об объективных результатах и целях движения, особенно тогда, когда источники не очень обширны. Но, судя по всем данным, сами Гракхи были типичными реформаторами, в особенности Тиберий. Только объективный ход вещей, развитие массового революционного движения толкнули их на революционный путь: они были в ы н у ж д е н ы действовать революционными методами. Тиберий своим вопросом об Октавии отошел от реформаторских путей, а Гай уже поднял открытое восстание. Но эти революционные попытки были нерешительны, непоследовательны и предприняты слишком поздно. Реформы Гракхов своей задачей ставили только восстановление старой республики. Не собираясь уничтожить рабовладельческого строя, они хотели его укрепить, и все же крестьянская база Гракхов — независимо от их субъективных стремлений — толкнула их на революционный путь.

Только целиком разобравшись в таком сплетении объективно-революционных и субъективно-реакционных моментов, можно понять само движение и отделить реформистское течение от революционного.

Кроме того, если основной движущей силой движения являлось крестьянство, это не дает нам права сводить все происходившее к движению только крестьян. В реформах Гракхов отражалась вся сложность классовых взаимоотношений, вся сложная структура римской жизни той эпохи. В самом деле, наряду с крестьянством в движении известную роль играл и городской люмпен-пролетариат, к движению примкнуло и всадничество, и через Гракхов крупные представители торгового и ростовщического капитала довольно удачно нанесли сильный удар нобилитету.

Но при всей сложности классовых взаимоотношений в основном все движение было аграрным движением римско-италийского крестьянства.

Реформа Гракхов целей, поставленных ее инициаторами, не достигла по той простой причине, что цели реформы были утопичны: восстановить свободное крестьянство в тех условиях было уже невозможно. Но, несмотря на это, гракханское движение имело ряд важных следствий, причем следствий, диаметрально противоположных тому, к чему стремились Гракхи; этот

факт особенно ярко подчеркивает утопичность программы Гракхов.

Так, например, Гракхи стремились к восстановлению старой римской республики, старого римского крестьянства; кое-что в этом направлении было сделано, но, как мы знаем, все мероприятия не только не остановили пролетаризации крестьянства, но с того момента, когда наделы земли стали отчуждаемы, процесс пауперизации пошел еще быстрее, потому что пертурбация аграрных отношений, связанная с реформой, облегчила дальнейший процесс концентрации земли.

Реформа Гракхов означала, в сущности, ликвидацию общественной земли. Общественные земли были пущены в раздел, и в дальнейшем наделы объявлялись отчуждаемыми, т. е. частной собственностью. Таким образом, благодаря реформе Гракхов общественная земля превратилась в частную собственность.

Главным социально-политическим следствием реформы было несомненное усиление всадничества, в борьбе с нобилитетом добившегося очень крупных успехов (суды по делам о вымогательствах в провинциях).

В результате движения усилились городская демократия, народное собрание и власть народных трибунов. Таким образом, реформа Гракхов имела значение для дальнейшего развития римской демократии.

* * *

После Гракхов наступает период реакции, но в конце II в. происходит новый взрыв революционного движения.

В первую очередь надо познакомиться с некоторыми историческими деятелями этого второго периода революционного движения и с некоторыми событиями, хотя и не имеющими прямого отношения к революции, но играющими роль в дальнейшем развертывании событий.

Наиболее популярным лицом в Риме в конце II и начале I вв. был Гай Марий. По своему происхождению Марий принадлежал к низам римского общества (он был сыном мелкого крестьянина). Он был человеком необразованным, но в то же время очень способным. Марий попал в армию и в испанской войне довольно быстро выдвинулся, дослужившись до должности центуриона.

В Риме Марий сблизился с всадническими кругами. При их помощи он занялся разными операциями, нажил себе небольшой капитал и женился на небогатой, но знатной девушке из рода Юлиев.

Марий пользовался широким влиянием среди демократических кругов Рима. Его близость с всадниками (правым крылом демократии), особенно его происхождение, его грубое, но сильное красноречие сделали его популярным среди демократов.

В последнее десятилетие II в. разразилась война Рима с Нумидией, после Третьей пунической войны окружавшей кольцом

провинцию Африку. Нумидия пользовалась независимостью, и римское всадничество, которое забрало в свои руки Африку, с большим воодушевлением смотрело на богатую Нумидию, расположенную по соседству. В Нумидии в то время правил царь Югурта, умный и ловкий администратор. Благодаря систематическим подкупам римского нобилитета и сената Югурте очень долго удавалось оттягивать объявление войны.

Эпоха реакции после Гракхов привела к страшной развращенности правящих групп нобилитета: подкупы, взятки, самый открытый nepотизм (покровительство своим) расцвели в Риме пышным цветом, создавая чрезвычайно нездоровую атмосферу в правящих кругах. В этой темной атмосфере Югурта очень ловко обделывал свои дела, оттягивая войну, которую требовала демократия, главным образом, всадничество. В конце концов, положение настолько обострилось, что в 111 г. Югурте была объявлена война под каким-то пустым предлогом. Но этим дело отнюдь еще не решилось, потому что все полководцы, направлявшиеся против Югурты, им подкупались. Полководцы принадлежали к правящей сенаторской клике и вели войну позорно. Югурта уходил буквально из их рук и при этом наносил римской армии одно поражение за другим. Армия разлагалась, дисциплина падала, и начался величайший развал. Позорное ведение войны чрезвычайно возмущало демократию, которой удалось добиться назначения следствия для разбора всех темных дел полководцев. На 109-й год главнокомандующим был назначен консул Квинт Цецилий Метелл, повидимому, честный человек.

Метеллу удалось нанести Югурте несколько поражений. Но демократии этого было мало: она требовала более решительных действий. В 108 г. демократическая партия выдвинула кандидатом в консулы Мария. После избрания он был назначен главнокомандующим в войне с Югуртой.

Назначение Мария сразу оживило военные действия. Очень быстро войска Югурты были разбиты, потому что в военном отношении нумидийская армия стояла очень невысоко по сравнению с римской, — все предшествующие неудачи объяснялись политическими причинами. Марию удалось оздоровить атмосферу на фронте, добиться очень быстро крупных успехов, и сам Югурта попал в плен к римлянам.

История захвата Югурты в плен такова. Тесть Югурты, мавританский царь Бокх, до поры до времени поддерживавший Югурту, когда увидел, что успех перешел к римлянам, вступил с ними в переговоры, предложив выдать своего зятя. Условием выдачи он ставил посылку к нему достаточно авторитетного представителя римского командования. Квестор Мария, Люций Корнелий Сулла, вызвался поехать к Бокху. Затея довольно рискованная, потому что надо было пройти в самый штаб Югурты, а Бокху особенно доверять было нельзя. Сулла, исключительной смелости

человек, прошел через весь нумидийский лагерь и явился в штаб Югурты. Бокх, сдержавший на этот раз свое слово, выдал Югурту. Югурта был схвачен его личной охраной и доставлен в римский штаб. Война после этого кончилась (105 г.). В 104 г. Югурту казнили в Риме, а Нумидия была поделена. Восточная часть ее (Триполитания) была присоединена к римской провинции Африке, а западная часть (Алжир) — отдана Бокху в награду за его измену.

Марий после окончания Югуртинской войны стал еще более популярен. Прославился и Сулла своим смелым рейдом в центр расположения неприятельской армии.

Еще до войны с Югуртой, начиная со 113 г., на Рейне и в Галлии началось движение, грозившее Риму серьезными последствиями. В Галлию вторглись племена кимвров и тевтонов, которые в своем движении увлекли за собой галлов и вместе с ними двинулись на римскую границу.

Кимвры и тевтоны шли громадной ордой с женами, детьми, с поповками и скотом; это был прообраз будущего так называемого «переселения народов». Эти «варвары», с которыми римляне встретились впервые, обладали необычайной смелостью, ибо у них был тогда еще родовой строй, и эта сплоченность родового строя, этот массовый удар оказался настолько страшен, что осенью 105 г. две римские армии были целиком уничтожены в битве при Араузионе (местечко к северу от Массилии), недалеко от нижнего течения Роны. Кимвры и тевтоны стояли уже на римской границе.

В этот чрезвычайно опасный момент Марий, вопреки обычаю, был вторично выбран консулом на 104-й год и назначен главнокомандующим на севере. К счастью для Рима и для Мария кимвры и тевтоны после Араузионского разгрома римских войск не пошли на Италию, как все ожидали, а ушли в Испанию и задержались там на несколько лет. Почему они так поступили, нам неизвестно. Если бы сейчас же после первой битвы они двинулись в Италию, то, конечно, страна была бы опустошена. Но тактика, стратегия и социальная психология этих массовых племенных движений трудно поддаются учету, и мы не знаем, что заставило огромные полчища кимвров и тевтонов уйти в Испанию.

Факт остается фактом — у Рима оказалось несколько лет передышки.

Марий стал концентрировать войска на нижнем течении Роны, прекрасно понимая, что враги снова придут на это место. Он энергично занимался обучением войск. Повидимому, в этот период им была закончена знаменитая военная реформа, начатая еще во время Югуртинской войны.

В этой реформе есть два момента — социально-политический и тактический. Самым существенным в нововведении Мария было то, что в армию стали принимать независимо от имущественного ценза. В конце II в., в условиях быстрой пролетаризации кре-

стьянства, составлять армию по старому имущественному принципу было уже невозможно. Имущих становилось все меньше и меньше. Значит, нужно было помириться с фактом и принимать в армию без имущественного ценза. Фактически это означало, что в армию широкой рекой потек люмпен-пролетариат.

Политическое значение этого мероприятия очень велико. Римская армия старого типа, состоявшая из граждан, превратилась в армию профессионалов. Люмпен-пролетариат, составлявший теперь армию, не был связан ни с какой производственной базой, ни с какой определенной фракцией рабовладельцев; будучи деклассированной массой, он являлся великолепным материалом для постоянного профессионального войска. Люмпен-пролетарий, ставший воином-профессионалом, не имел иных интересов, кроме интересов армии. Роль военного вождя такой армии становилась чрезвычайно важной. Новая армия была связана только со своим полководцем, и тот, кто вел ее от победы к победе, кто давал ей возможность обогащаться, мог вести ее куда угодно и против кого угодно.

Реформа Мария была одной из важнейших причин того, что в гражданскую войну армия играла роль самостоятельной социальной силы, как группа солдат профессионалов, и защищала только интересы этой группы.

В связи с изменением социального состава армии был проведен ряд других реформ, связанных с удлинением срока службы. Это удлинение было совершенно естественным, так как для пришедшего в армию люмпен-пролетариата война становилась «средством производства». Марий вводит 20-летний срок службы в пехоте и 10-летний в коннице.

Удлинение срока службы дало возможность провести ряд тактических новшеств и усилить техническую оснащенность армии. Со времени Мария в римской армии стали широко применяться инженерные обозы и шанцевый инструмент. Недаром недоброжелатели Мария острили над его солдатами, называя их ослами, нагруженными всяким багажом. В соответствии с более высокими требованиями, предъявлявшимися к армии, была создана более сложная организация, представлявшая собой дальнейшее развитие манипулярной системы. В IV—III вв., после так называемой реформы Камилла, легион, как мы видели, был разбит на манипулы. Манипулы строились в три ряда (*hastati*, *principes*, *triarii*). Недостатком этой системы организации армии являлось отсутствие более мелкой, чем легион, и более крупной, чем манипул тактической единицы, что не могло не отражаться на общей боеспособности армии. Теперь такая промежуточная тактическая единица была создана — в виде когорты. В войсках союзников когорта существовала уже давно.

Когорта состояла из 3 манипулов, а легион — из 10 когорт. В когорте насчитывалось от 400 до 600 человек в зависимости от

состава легиона. Когорты строились, как манипулы, в 3 линии. В первой линии было 4 когорты, во второй — 3, в третьей — тоже 3. Каждая когорта строилась таким образом: на правом фланге манипул триариев, рядом с ним — принципов и дальше гастатов; впереди первая центурия, сзади вторая. Такова была максимально гибкая, максимально совершенная система армии, удержавшаяся до самого конца Рима. Цезарь несколько усовершенствовал эту систему, но принцип остался тот же самый.

Марий готовился к встрече с кимврами на нижнем течении Роны, около Массилии, и своей реформой подготовил армию к неизбежному столкновению с врагом. В течение трех лет (104, 103 и 102) Марий выбирался консулом — факт чрезвычайно показательный и небывалый в истории Рима.

В 102 г. варвары вернулись. Марий построил укрепленный лагерь на нижнем течении р. Изера, впадающей в Рону. Он не рассчитывал, что армия выдержит страшный удар варваров, и решил отсиживаться в лагере. Тактика Мария оказалась правильной.

Перед нападением кимвры и тевтоны разделились: тевтоны пошли против Мария к нижнему течению Роны, а кимвры — через северную Галлию — к Альпам, чтобы с двух сторон вторгнуться в Италию. Тевтоны напали на лагерь Мария, штурмовали его в течение трех дней, но взять не смогли. Тогда они решили его обойти. В течение шести суток огромные полчища тевтонов волною катились мимо римского лагеря в Италию. Проходя, варвары с насмешкой кричали римлянам: «Не хотите ли послать поклон вашим женам?». Марий удерживал своих солдат и только после прохода тевтонов снялся с места и пошел вслед за ними.

У самого устья Роны (у местечка Аквы Секстийские) Марий напал на тевтонов (102 г.).

Марий выбрал очень удачный момент для нападения: был жаркий палящий день, и северяне, не привыкшие к южному солнцу, совершенно истомились от жары, тогда как более привычные римляне лучше выдерживали страшный зной. В результате тевтоны были разбиты и частью уничтожены, частью попали в руки римлян.

Разбив тевтонов, Марий сейчас же пошел в северную Италию на помощь своему товарищу, проконсулу Катулу, который в это время с величайшим трудом старался удержать кимвров, проникших через северные проходы. Ужас римлян перед ними был настолько велик, что когда войско Катула увидело первые ряды варваров, выступавших из Альпийских проходов, оно пустилось бежать и только приход Мария остановил это паническое бегство. Соединенные армии в 101 г. при Верцеллах (в верхней Италии) наголову разбили кимвров. Таким образом Рим спасся от разграбления. В руки победителей попало 150 000 пленных — рабов. Трупов на полях битв было так много, что по рассказу

Плутарха (в биографии Мария) на другой год урожай винограда в Массилии был необычайный.

Во время подготовки к борьбе с варварами Марий, как мы видели выше, получил от сената разрешение обратиться к союзникам римского народа (т. е. к различным племенам и государствам Малой Азии и других стран) с просьбой о доставке вспомогательных отрядов. Марий обратился в числе других союзников и к царю Вифинии Никомену. Тот ему ответил, что он охотно помог бы своим дорогим союзникам, но людей у него нет, так как все они взяты римскими откупщиками и томятся в рабстве.

Тогда сенат издал постановление о том, что никто из свободнорожденных союзников римского народа не должен находиться в рабстве. На этом основании претор Сицилии Нерва начал пересматривать дела сицилийских рабов, относительно которых были сомнения, не являются ли они свободнорожденными. В самом деле, среди сицилийских рабов при первой же проверке нашлось около 800 человек свободнорожденных. На основании постановления сената они были освобождены. Это обстоятельство возбудило и среди остальных рабов надежду на освобождение.

В Сицилии после подавления первого восстания было очень беспокойно, особенно в связи с нашествием кимбров и тевтонов. Хотя театр военных действий находился далеко от Сицилии, но слухи о варварском нашествии и о тяжелом положении Рима, повидимому, распространились в Сицилии и оказывали возбуждающее влияние на настроение рабов. Процессы об освобождении и послужили толчком ко второму восстанию рабов.

Сицилийские рабовладельцы заволновались; они понимали, что очень многих рабов придется отпустить на волю. Повидимому, Нерву удалось подкупить, и все дела об освобождении были им прекращены. В ответ на это по всему острову начались отдельные выступления, мелкие заговоры, правда, быстро подавлявшиеся. Серьезнее оказалась вспышка около города Гераклеи (на юго-западном берегу Сицилии). Там восстало довольно большое количество рабов одного римского всадника (около 104 г.). Они заняли Каприонскую гору недалеко от Гераклеи. У Нервы было мало сил для того, чтобы сразу подавить это восстание. Небольшие воинские отряды, посланные для подавления движения, были разбиты, и число восставших рабов возросло до 6000 человек. Восставшие организовались и выбрали своим царем раба Сальвия, который, подобно Евну, был опытным гадателем и флейтистом. Он принял имя Трифона, который был известен как узурпатор, незадолго до этого захвативший власть в Сирии; его имя и принял Сальвий, — объясняется это тем, что масса сицилийских рабов попрежнему состояла из сирийцев.

После организации рабов движение стало усиливаться. Трифон сделал своим опорным пунктом Каприонскую гору и, разбив свою армию на несколько частей, начал совершать глубокие

рейды по всему острову. Подобная тактика давала Трифону возможность не только пополнять свои запасы, но и привлекать к себе новых сторонников. Скоро армия Трифона выросла до 20 000 пехоты и 2000 конницы. С этими силами он подступил к городу Моргантине (в центре Сицилии), но взять его ему не удалось. Моргантинские рабовладельцы, попав в осаду и опасаясь волнений среди рабов, пообещали им отпуск на волю, если они помогут им отбить осаду. Моргантинские рабы поверили обещаниям, и с их помощью удалось отстоять Моргантину. Но так как моргантинские рабы были обмануты и не получили обещанного освобождения, то позднее все они перешли на сторону Трифона.

Одновременно с восстанием Трифона началось движение около приморского города Лилибея (в западной части Сицилии). У рабов и здесь нашелся очень крупный вождь — киликиец Афинион, повидимому, пират. Он славился как искусный гадатель по звездам. Восставшим рабам Афинион дал очень стройную организацию. Все они были разделены на две части. Одну часть — более молодых и здоровых — он вооружил, а другая часть должна была продолжать работать по снабжению армии. Диодор, излагающий Посидония, отмечает любопытный факт: Афинион призывает рабам падать отнятую у рабовладельцев собственность, потому что она стала теперь их собственностью. В данном случае, как и в первом восстании, наблюдается производственный подход к захваченной восставшими собственности; захваченные средства производства не уничтожаются, а используются в производственных целях.

Но Афинион потерпел неудачу при попытке осадить Лилибей. После этого силы Трифона и Афиниона соединились в городе Триокале (в западной части Сицилии). Из этого самой природой укрепленного города, с хорошей водой, плодородными полями, стратегически почти неприступного, рабы сделали свою столицу. К этому времени уже вся Сицилия была охвачена восстанием. Почти все города перешли в руки рабов, а в тех городах, которые еще уцелели, рабы волновались, и рабовладельцы с ужасом ждали восстания.

Несмотря на тяжелое положение на севере, римляне вынуждены были перебросить в Сицилию большие войска. Трифон умер, преемником его стал Афинион. Первое время римляне терпели неудачи, и только в 101 г. консулу Манию Аквиллию удалось сломить сопротивление восставших. Афинион пал в битве, а остатки разбитой армии рабов укрылись в неприступной Триокале. Началась долгая осада, сопровождаемая обычными в таких случаях ужасами голода. В конце концов обессиленный гарнизон Триокалы сдался на милость победителя, и только небольшой отряд в 1000 человек, под руководством раба Сатира, продолжал борьбу. Римляне обещали рабам жизнь, и те сдались, но были отправлены в Рим в качестве гладиаторов.

Когда этот отряд был выпущен на арену цирка, то, не желая служить предметом зрелища для римской толпы, рабы тут же на арене все до одного перебили друг друга.

Так окончилось второе сицилийское восстание рабов. Как и первое, оно имело ряд откликов, главным образом, в восточной половине Средиземного моря. В частности, произошло крупное восстание рабов в Аттике, в лаврийских рудниках. Наши источники говорят, что им удалось захватить укрепленный пункт на мысе Сунии и в течение нескольких месяцев держать в своей власти весь юг Аттики.

Отклики второго сицилийского восстания докатились даже до крайней периферии, до Боспорского царства в Крыму. Скифским рабам удалось сбросить власть боспорского царя, который был убит. Царем был сделан раб Савмак. Центрами государства рабов стали Феодосия и Пантикапей (теперешняя Керчь). Насколько прочно было это государство, показывает тот факт, что Савмак выпускал монету со своим именем. Но окружающие государства не могли терпеть такого положения — существования царства рабов на Боспоре. Поэтому царь Понта, Митридат, послал своего полководца на Боспор, и восстание было подавлено.

Восстание скифских рабов является первым, насколько мы можем судить, крупным восстанием на нынешней территории СССР.

По окончании войны с кимбрами и тевтонами и подавления сицилийского восстания, в Риме усиливается демократия. Это вполне понятно, поскольку Югуртинская война обнаружила картину глубокой развращенности нобилитета, глубокой коррупции правящей римской верхушки. Победителями в Югуртинской войне демократы считали себя, своего вождя Мария.

С другой стороны, победоносная война с кимбрами и тевтонами высоко подняла авторитет как самого Мария, так и демократической партии. Конец II и начало I вв. в Риме характеризуются напряженной борьбой между аристократической и демократической партиями, между партией оптиматов — знатных, и популяров — народной партией. Вождями народной партии в этот период, помимо Мария, который был военной знаменитостью демократической партии, были два лица: Апулей Сатурнин и Сервий Главция.

На 100-й год демократическая партия предполагала провести Мария в шестой раз в консулы. Сатурнин должен был быть избран трибуном, а Главция — претором. На выборах летом 101 г. верх взяли солдаты Мария, которые, явившись на собрание, своим большинством провели всех трех намеченных кандидатов.

Придя к власти, вожди демократии провели ряд законов в духе Гракхов. Произведена была раздача земель, преимущественно ветеранам Мария; предполагалось вывести колонии, в том числе в Карфаген, причем наделы в колониях предполагались крупные, до 100 югеров. Заведывание раздачей земли возлагалось на Мария;

кроме того демократия провела хлебный закон, — повидимому, понижение цен на хлеб.

Сенат ожесточенно сопротивлялся законам, но, все-таки, демократы добились их принятия.

Но в этот момент всадничество, до сих пор поддерживавшее демократию, испугалось слишком радикального характера движения и объединилось с оптиматами; изменил демократии и Марий, который перешел на сторону оптиматов.

Таким образом, в рядах демократии произошел раскол, но Сатурний и Главция не пали духом и выставили свои кандидатуры на 99-й год. Сатурний был вторично выбран трибуном.

Тогда оптиматы решили прибегнуть к крайним мерам. Во главе вооруженных сил, действовавших против демократов, был поставлен Марий. Демократическое движение приняло революционные формы: сторонники Сатурнина выломали двери тюрем, выпустили на волю преступников, отпустили рабов. 10 декабря 100 г., в день вступления в должность новых трибунов, на улицах Рима разгорелся бой. Революционеры были оттеснены войсками Мария на Капитолий, где их окружили со всех сторон, отрезали от воды и заставили сдаться, а затем всех перебили камнями. Движение было подавлено.

Но для Мария это означало потерю всякого политического авторитета. Если он имел его до сих пор, то только потому, что был в союзе с демократией. Измена Мария означала конец его политического влияния. Марий был скомпрометирован настолько сильно, что предпочел уйти от активной политической жизни и на некоторое время уехал в Азию.

В 90-х годах обостряются два процесса. С одной стороны, вновь начинается борьба всадничества и сенаторов за власть. На некоторое время, когда шла борьба с движением Апулея Сатурнина, всадники и сенаторы объединились, но, когда движение было подавлено, блок распался. С другой стороны, к этому моменту обостряется движение италиков. Первые вспышки этого движения, как мы видели выше, имели место во время Гракхов, когда вопрос о даровании италикам политических прав явился одной из причин раскола партии Гракхов. К 90-м годам положение стало еще более острым в связи с пролетаризацией крестьянства и развитием задолженности. Италийские союзники все больше начинают выдвигать требование дарования им прав гражданства. На почве обострения фракционной борьбы между всадниками и сенаторами, на почве растущего недовольства италийского крестьянства разражаются события конца 90-х и начала 80-х годов. В конце 90-х годов на политическую арену выступает молодой нобиль Марк Ливий Друз, повидимому, сын Друза, выступавшего против Гракхов. Целью Друза была борьба с всадниками, так как он стремился к укреплению власти нобилитета. Для этого он хотел привлечь на свою сторону широ-

кую демократию. Его заигрывания с ней привели к тому, что его популярность в демократических кругах стала очень велика, и на 91-й год Ливий Друз был избран народным трибуном.

Став трибуном, Друз решает заключить тесный союз с низовой демократией для того, чтобы провести ряд мер, направленных к ослаблению всадничества. Законопроект, который он выдвигает в 91 г., сводится к следующему. Суды снова передаются сенату; правда, на 50% состав их разбавляется всадниками, т. е. судебные комиссии должны состоять наполовину из сенаторов, наполовину из всадников. Тут был известный компромисс, но и Друз и всадники прекрасно понимали, что формально половинный состав комиссий не будет означать настоящего паритета, и что фактически в этих судах первую роль будут играть сенаторы. Поэтому мера Друза фактически означала передачу судов в руки сената. Так эта мера и расценивалась всадниками.

Второй пункт законопроекта Друза устанавливал высокие наказания за подкуп судей, а третьим пунктом был закон о раздаче земель — лейтмотив, который проходит через все законодательство этой эпохи — и об увеличении хлебных раздач, причем Друз дал, повидимому, официальное обещание италийцам добиться для них прав гражданства: он заключает блок не только с римской демократией, но и с италийской.

Друзу удалось провести этот законопроект, но таким путем, что он объединил все эти пункты в одну рогацию, что, вообще, запрещалось практикой римской республики. Для Друза важно было их объединить, потому что при отдельном голосовании демократы, заинтересованные в третьем пункте, могли не голосовать за первый пункт. Но сенат объявил законы Друза недействительными.

Вскоре после этого, когда Друз, окруженный большой толпой народа, возвращался вечером к себе, он на пороге своего дома был заколот неизвестным лицом; убийца бежал.

Можно предполагать, кто двигал рукой убийцы — очевидно, это были те круги, которых испугал радикализм Друза, соединившийся с его сенаторской политикой.

Убийство Друза послужило сигналом к восстанию италийцев. Началась так называемая Союзническая война, грандиозное восстание италийского крестьянства.

Оно вспыхнуло в 90 г. Восстала средняя и южная Италия. Север (Этрурия, Умбрия, Галлия) остался спокоен. Объясняется это тем, что на севере было много римских колонистов и, кроме того, в Этрурии и Умбрии большой вес имело зажиточное городское население, а восстало только демократическое крестьянство средней и южной Италии. Центром восстания был Самниум.

Отношение к восстанию римских групп было различно: нобилитет и всадники выступили единым фронтом против восстав-

ших; городская римская демократия и часть сельской сочувствовали восстанию.

Основным требованием италиков было уравнение в правах! гражданства.

Это восстание было одним из самых серьезных, так как восставшие хорошо подготовились и создали очень сильную организацию. Трудность борьбы с восстанием заключалась в том, что в данном случае римляне имели дело с собственной армией: союзники прошли хорошую военную школу в римских войсках. Это обстоятельство и объясняет, почему с военной точки зрения борьба была очень трудной. Италики создали свою государственную организацию, параллельную римской. Они избрали своей столицей город Корфиниум. В новой столице функционировало народное собрание, сенат из 500 членов, выбирались магистраты — 2 консула и 12 преторов. Государство союзников выпускало даже собственную монету.

Римляне на первых порах потерпели ряд очень серьезных неудач. Один из консулов погиб в войне с союзниками. Большую роль в борьбе с восставшими сыграл Сулла, который как раз в это время особенно выдвинулся.

Мобилизация всех римских сил задержала развитие восстания. Но положение продолжало оставаться очень серьезным, потому что начали подниматься умбры и этруски, и в любой момент можно было ожидать, что значительная часть северной Италии присоединится к восставшим.

Перед лицом новой опасности сенат пошел на уступки. Сенат провел закон, по которому права гражданства были даны всем тем союзникам и лишенным прав гражданства, которые остались верны Риму в момент издания закона.

Вторым постановлением сенат обещал дать гражданские права тем, которые положат оружие в течение двух месяцев. Эти мероприятия внесли раскол в среду восставших. Не присоединившиеся к этому моменту к восстанию теперь не имели основания примыкать к нему, да и часть уже восставших союзников положила оружие.

Значительная часть средней Италии отпала от восстания. Южная Италия, главным образом самниты, брутийцы, луканцы еще продолжали бороться, но силы восставших уменьшились, и в 88 г. покорение южной Италии было почти закончено.

Правда, сенат не выполнил данное в минуту опасности обещание. Часть союзников получила неполные права гражданства (кое-кто не получил права голосования), но даже и те, которые получили полные права, были зачислены только в 8 триб. Если бы союзники были равномерно зачислены во все трибы, то они могли бы иметь в каждой трибе свое представительство; а будучи зачисленными только в ограниченное число триб, при желании провести свою программу они всегда оказывались в меньшинстве,

потому что большинство триб принадлежало старым римским гражданам. Это обстоятельство сыграет большую роль в дальнейшем развитии событий, потому что требование равномерного распределения новых граждан по всем трибам будет выступать неоднократно в качестве одного из важнейших пунктов демократической программы.

Восстание союзников еще не было подавлено, как вспыхнула новая гражданская война, связанная с событиями на Востоке.

Там Риму принадлежала только провинция Азия (Пергамское царство); во всей же остальной части Малой Азии существовали независимые государства — Вифиния, Понтийское царство (эллинистическое, греко-варварское государство); формально они были независимы, но уже из истории с Никомедом Вифинским видно, что римский ростовщический капитал действовал там очень энергично, и говорить о настоящей независимости Малой Азии не приходится. Фактически римляне в ней господствовали, и их господство вызывало всеобщую ненависть.

Защитником интересов Востока попытался стать царь Понтийского царства Митридат, вступивший на престол в 114 г. Это был очень способный, на греческий лад образованный варвар, хитрый и ловкий. Митридат, зная, какую ненависть вызывало римское господство не только в Малой Азии, но и в Греции, решил начать войну против Рима. В 88 г. он вторгся со своими войсками в западную часть Малой Азии, где началось массовое избиение римских граждан. Историческая традиция рассказывает, что было перебито 80 000 (по другим данным 150 000) римских граждан в один день. Уже по одному этому факту можно судить, как сильно ненавидели римлян на Востоке. Митридата всюду встречали как избавителя. Греция тоже присоединилась к нему и была быстро занята войсками Митридата.

Надо при этом отметить, что Митридат вел демагогическую политику, которая для него была нужна, чтобы привлечь на свою сторону широкие слои населения Азии и Греции. Этим, в частности, объясняется тот факт, что Митридат во время захвата Азии и Греции широко практиковал отпуск на волю рабов.

Положение на Востоке было чрезвычайно опасно, и римляне, едва только восстание союзников пошло на убыль, начали готовиться к восточному походу. В 89 г. происходили выборы консулов на 88-й год. Выборы приобретали особенно важное значение потому, что они определяли выбор командования в будущей борьбе с Митридатом. Кандидатом всадников был Марий, кандидатом нобилей — Сулла. Обе кандидатуры для демократии были почти безразличны. Так как Марий сильно скомпрометировал себя в глазах римской демократии, а Сулла имел уже готовую армию, с которой он победил союзников, то народное собрание высказалось за Суллу, и он был выбран консулом на 88-й год. Тогда Марий и его сторонники, не желая отдавать очень

важного поста главнокомандующего в руки Суллы, заключили союз с народным трибуном Сульпицием Руфом и обещали подержать выдвигаемые им законы.

Сульпиций Руф предлагал провести следующие законы: новые граждане, бывшие союзники, зачислялись во все трибы равномерно; сенаторы не могут иметь долга больше чем в 2000 денариев (около 800 руб.). Демократический смысл первого закона ясен: римская демократия желала привлечь к себе симпатии широких масс бывших союзников. Второй закон был явно направлен против нобилитета.

Союз Мария и Сульпиция Руфа, являвшийся союзом низовой римской демократии и всадничества, позволил Сульпицию Руфу провести оба его закона, а когда Сулла уехал к своим войскам, которые готовились уже сесть на суда и плыть в Азию, Сульпиций Руф провел третье постановление — ведение войны на Востоке поручить Марию, а Суллу от командования отстранить.

Сулла был в то время у своих войск в Кампании и готовился к посадке. Когда до него дошли слухи о всем происшедшем в Риме, он собрал сходку солдат и объявил им, что народное собрание отменило старое постановление, что командование в войне с Митридатом поручено не ему, а Марию, и что, конечно, Марий наберет своих ветеранов для этой войны. А так как римские солдаты прекрасно понимали, что война на Востоке не представляла больших трудностей в военном отношении и сулила очень большие выгоды, то они потребовали от Суллы, чтобы он вел их на Рим.

Весь высший командный состав за исключением одного военного трибуна отказался выполнить требование мятежников. Но Сулла, ни минуты не колеблясь, встал во главе восставшей армии и пошел на Рим. Это был первый случай в римской истории, когда римская армия пошла против римского правительства.

Войска Суллы разбили сенаторские отряды, защищавшие подступы к Риму, и, вступив в город, хотя население осыпало их градом черепицы, с боем заняли его. Сульпиций был убит, а Марий убежал из Рима. Заняв Рим, Сулла провел несколько очень существенных реформ. Во-первых, отменил законы Сульпиция. Во-вторых, была произведена реформа комиций в смысле возвращения к старым сервианским порядкам: был отменен тот закон III в., по которому имущественные разряды получали одинаковое число центурий. Этот закон являлся демократической мерой, которая уничтожила перевес в собрании высших имущественных разрядов; теперь первый класс снова получил 98 голосов, и преобладающее положение имущих групп в центуриях было восстановлено.

Кроме того Сулла, желая подорвать значение и роль народных трибунов, провел постановление о том, что все проекты, вносимые народными трибунами в народное собрание, должны предварительно представляться на одобрение сената. Этим законом

деятельность народных трибунов ставилась под контроль сената.

Последним мероприятием Суллы было пополнение сената 300 новых членов из числа нобилитета.

Эти мероприятия, имевшие целью восстановить власть сената и ослабить демократию, Сулла провел без особого труда, потому что в тот момент он фактически был диктатором, и его войска занимали Рим. Но несмотря на то, что сила была на стороне Суллы, ему не удалось во время консульских выборов 88 г. провести в консулы своих сторонников. Его ставленником прошел Октавий, а место другого консула досталось марианцу Цинне.

Но Сулла дольше оставаться в Риме не мог: срок его консульства истекал, а события на Востоке требовали немедленного отъезда. Поэтому, оставив в Риме двух консулов, Сулла весной 87 г. уехал на Восток в качестве проконсула Азии.

Сейчас же после отъезда Суллы, в Риме произошел марианский переворот. Цинна, стоявший во главе демократии (Октавий был устранен), восстановил все законы Сульпия и отменил законы Суллы. Сенат лишил Цинну консульского звания. Тогда Цинна пошел на открытую борьбу. Он поднял союзников, к которым присоединилась римская городская демократия, и вызвал Мариа из Африки, где тот находился в эмиграции. Вторично против Рима шли свои. Сенат оказал сопротивление, но город был взят марианскими войсками. Резня в Риме продолжалась пять дней, причем жертвами были, главным образом, нобили и сторонники Суллы.

Консулами на 86-й год были избраны Марий (в седьмой раз) и Цинна. Но Марий в начале 86 г., через несколько дней после вступления в должность, умер. Фактически диктатором в Риме остался Цинна, в течение четырех лет ежегодно избиравшийся консулом. Таким образом, мы видим снова формирование диктатуры, как и в предыдущую эпоху. Форма этой диктатуры — ежегодное возобновление полномочий одного и того же лица.

За эти четыре года Цинна провел ряд законов, которые частью были повторением законов Сульпия Руфа, частью расширяли и дополняли их. Был проведен закон, по которому союзники были расписаны по всем трибам, т. е. целиком уравниены со старыми гражданами. Затем Цинна провел широкую раздачу земли ветеранам Мариа, с которыми больше всего заигрывала демократия, как с реальной силой.

Широко практиковалась раздача хлеба беднейшему населению. Провели еще одно мероприятие: должники были освобождены от уплаты $\frac{3}{4}$ долгов. Это мероприятие частью имело значение для бедноты, но, может быть, еще больше для нобилитета, который в это время сильно задолжал всадникам. Таким образом Цинна попытался немного ослабить остроту отношений с нобилитетом.

В это время на Востоке шла война с Митридатом. Весной 87 г. армия Суллы переправилась на Балканский полуостров, и к весне 86 г. разбила войска Митридата в Беотии. Афины были взяты и беспощадно разграблены Суллой. Это первый пример разграбления Афин, которые все до сих пор щадили. Очень много памятников афинского искусства и культуры погибло во время разгрома 86 г.

Покорив Грецию, Сулла перебросил свои войска в Азию и нанес Митридату несколько коротких и сильных ударов. Армия Митридата не могла идти в сравнение с испытанными, закаленными солдатами Суллы. Митридат запросил мира. Учитывая сложность политической обстановки и понимая, что Сулла не станет долго оставаться на Востоке, Митридат рассчитал совершенно правильно. Сулла охотно пошел на переговоры о мире, и Митридат, который в иной обстановке был бы совершенно уничтожен Суллой, сумел добиться сносных условий мира: он обязался очистить все занятые области, вернуться к старым границам Понтийского царства, где ему была оставлена полная независимость; он должен был уплатить большую контрибуцию и выдать свой флот. Митридату следовало благодарить судьбу, что дело для него кончилось так благополучно.

Правда, провинция Азия, присоединившаяся к Митридату, была Суллой жестоко наказана. Помимо разграбления и казней, которые были там произведены римскими войсками, Сулла наложил на нее контрибуцию в 20 000 талантов. В Греции была произведена массовая конфискация храмовых богатств. Все остатки старой храмовой казны — делосской, дельфийской — были ограблены Суллой. Население Греции частью было перебито, частью уведено в рабство. От удара, нанесенного Суллой, Греция уже никогда не могла оправиться.

Дела на Востоке были закончены к началу 83 г., и весной 83 г. Сулла с сорокатысячной армией высадился в Италии. Началась гражданская война. К Сулле со всех сторон из Италии стали собираться его сторонники; произошла консолидация всех антидемократических элементов.

В числе их к нему явились два лица, которые потом будут играть очень большую роль в Риме: один — Гней Помпей, довольно крупный римский землевладелец средней Италии, аристократ, которого Сулла полуиронически называл «великим» и которому Марк дает в одном из писем к Энгельсу (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15) беспощадно убийственную характеристику, называя его полным ничтожеством. Вторым лицом был известный уже нам Марк Липиний Красс — всадник, богатый человек, который хотел стать еще более богатым. Он сделался одним из верных сторонников Суллы и не ошибся в своих расчетах.

Началось завоевание Италии войсками Суллы, потому что вся она встала на сторону демократии. Полтора года войска Суллы

должны были потратить на покорение страны, так как сельская и городская беднота оказывала сулланцам жестокое сопротивление. Это была кровавая война, в результате которой значительная часть мужского населения средней и, особенно, южной Италии, была вырезана. Особенно пострадали самниты.

Плутарх в биографии Суллы рассказывает один драматический эпизод. Когда Сулла, разбив остатки демократической армии у Коллинских ворот в Риме, вступил в город, он сейчас же созвал заседание сената и обратился к нему с речью; а недалеко от здания храма Беллоны, где происходило заседание, сулланские солдаты согнали шесть тысяч безоружных пленнных в цирк и начали их избивать. Крики избиваемых были далеко слышны, и в сенате началось волнение. Тогда Сулла, не изменив интонации, сказал: «Граждане сенаторы, прошу вас не беспокоиться и внимательно меня слушать, не отвлекаясь ничем посторонним; там, по моему приказанию, учат нескольких негодяев».

Но расправа Суллы с демократией не ограничилась истреблением значительной части мятежного населения Италии. После захвата Рима были вывешены на стенах проскрипции, т. е. списки, в которые Сулла вносил определенные имена. Всякое лицо, внесенное в такой проскрипционный список, объявлялось вне закона, и каждый мог безнаказанно его убить и получить за это определенную часть его имущества. Состояние казенных конфисковывалось в пользу государства, т. е. в пользу Суллы. Легко себе представить, какая вакханалия доносов и убийств началась после этого в Италии. Часто тут имели место политические интриги, но еще чаще просто сводились личные счеты, происходил простой грабеж.

В пользу Суллы шли богатства казенных. Рабам своих жертв, которых он отпускал на волю и записывал на себя, он давал свое родовое имя — Корнелии. И несколько тысяч таких рабов было отпущено на волю и составило целый отряд Корнелиев — лейб-гвардию Суллы.

На проскрипциях колоссально нажились сторонники Суллы. Красс скупал за бесценок имущество казенных и нажил миллионное состояние. В результате проскрипций было убито около 2500 всадников и 100 сенаторов. Всадники являлись врагами сенаторской партии, а главное, они были богатыми людьми — расправа шла не только по линии борьбы с политическими врагами, но касалась и богатых людей в Риме. Из конфискованных земель большое количество наделов получили ветераны Суллы. Но задача земель не означала восстановления итальянского крестьянства, потому что через несколько лет ветераны продали свои наделы. Это были профессиональные солдаты, которые не хотели заниматься крестьянским делом.

Сулла получил от сената официальное звание диктатора на неопределенное время для устройства государственных дел и провел ряд реформ.

Он частью постарался закрепить те реформы, которые провел еще в 88 г. и которые были отменены Марием и Цинной, частью расширил их.

Роль народных трибунов была еще больше уменьшена: кроме старого закона 88 г., требовавшего, чтобы всякий законопроект народного трибуна был предварительно одобрен сенатом, Сулла провел закон, по которому лицо, однажды бывшее народным трибуном, лишалось права занимать другие магистратуры. Таким образом, должность трибуна была концом политической карьеры всякого лица, ее занимавшего.

Сенат был пополнен 300 новых членов, назначенных Суллой из числа его офицеров, среди которых было много случайных элементов, вовсе не из старой знати. В комициях снова восстановили преобладание имущих разрядов.

Был проведен ряд мероприятий против всадников. У всадников отняли суд и передали сенату. Кроме того, Сулла отменил откупа и установил для Азии правильные налоги, которые должны были взиматься римскими наместниками с помощью их аппарата. Эти мероприятия были продиктованы стремлением свести счеты со всадниками, но носили и большой принципиальный характер, потому что отмена откупов была снова проведена Цезарем и Августом, так что в этом отношении Сулла, до известной степени, предвосхищал политику раннеимператорского Рима, стремившегося к смягчению гнета, лежавшего на провинциях.

Сулла объявил сенаторов несменяемыми и увеличил число магистратов. Число квесторов, финансовых помощников консулов, было доведено до 20, преторов до 8. Это мероприятие было продиктовано, главным образом, стремлением Суллы всюду насадить своих сторонников.

Была отменена раздача хлеба, мероприятие, которое проводилось каждой демократической властью в интересах, главным образом, римской бедноты.

Таким образом, Сулла провел целый ряд мероприятий, связанных в известной мере внутренним единством и имеющих целью укрепить старую сенаторскую республику, но в своеобразной, новой форме.

Сулла правил очень недолго. В 82 г. он получил свои диктаторские права, а уже в 79 г. добровольно удалился от власти, разыграв при этом эффектную сцену в народном собрании. Заявив, что он уходит в частную жизнь и готов отдать отчет всякому желающему в своих поступках, он на глазах у изумленного народного собрания сошел с трибуны, спокойно прошел среди молчаливо расступившихся перед ним граждан и уехал в свое имение, где занялся писанием мемуаров. Правда, фактически он

до конца жизни сохранял свое влияние в Риме, потому что магистраты и сенаторы оставались сторонниками Суллы, а отряд в 10 000 Корнелиев и его ветераны, получившие наделы, стояли за него.

С психологической точки зрения интересен этот отказ Суллы от власти в момент высшего расцвета его могущества. Вероятно, это было вызвано тем, что он страдал какой-то тяжелой кожной болезнью. В связи с этим он страшно устал, был пресыщен жизнью — ему было уже довольно много лет. В 78 г. Сулла умер в возрасте около 60 лет.

Сулланские порядки существовали очень недолго и уже через несколько лет были уничтожены.

При общей оценке всех реформ Суллы ясно виден их двойственный характер. Своими реформами он субъективно стремился восстановить старую сенаторскую республику, власть нобилитета. Но это все происходило в новой форме — в форме личной диктатуры Суллы. Совершенно правильно многие исследователи указывают, что в Сулле мы, в сущности, должны видеть первого римского императора. Даже самая форма неограниченной легально данной сенатом диктатуры очень похожа на диктатуру Цезаря, Октавиана. В диктатуре Суллы выступает та неограниченная власть, которая складывалась в процессе борьбы с революцией и потом консолидировалась уже в постоянный институт к концу I в. В этом смысле реформы Суллы смотрят вперед: они предвосхищают империю и с точки зрения формальной и с точки зрения содержания, ибо в реформах Суллы был ряд моментов, позднее вошедших в реформы империи, в частности, например, ослабление прессы, лежавшего на провинциях, умаление власти сената. Формально Сулла стремился усилить сенат, а фактически, пополнив его 300 своих ставленников, он его ослабил. Цезарь пойдет по этому же пути, увеличив число сенаторов еще на 300 человек своих сторонников, делая из державного сената свое послушное орудие. Падение влияния сената ослабляло старую республику.

Полагают, что Сулла начал проводить распространение муниципальных прав на Италию. Точно мы этого не знаем, но, быть может, и здесь он предвосхищает мероприятия Цезаря.

Что касается экономических результатов эпохи Суллы, то надо заметить, что земельные конфискации ослабили старое землевладение, но не создали крестьянства, потому что наделы, получаемые ветеранами Суллы, так же быстро уплывали из их рук. Это шло на пользу крупному землевладению, так как каждая перемена земельных отношений объективно облегчала процесс концентрации земли.

В эпоху Суллы был нанесен сильный удар старой денежной знати, но в это же время создавалась новая денежная знать, ярким представителем которой был, например, Красс. За время суллан-

ских проскрипций Красс, как мы указывали, составил себе миллионное состояние, а таких Крассов было много. Вырастала группа новых людей, денежных капиталистов, более сильная, чем старая.

* * *

Восстание италиков, борьба аристократии и демократии, движение Митридата, сулланская реакция — все это в высокой степени накалило политическую атмосферу Италии, и вскоре после смерти Суллы в этой напряженной обстановке вспыхнуло последнее крупное восстание рабов — восстание Спартака.

Италийские рабы до сих пор еще ни разу не восставали в большом масштабе. Следовательно, их революционная энергия еще не была раздавлена теми кровопусканиями, которые имели место в Сицилии или в Малой Азии. В Италии были только частичные, мелкие вспышки, и огромная масса италийских рабов еще была полна сил и революционной энергии.

Великое восстание Спартака является самым крупным из всех восстаний рабов. Оно было и самым опасным для Рима, потому что охватило сердце римской державы — Италию. Был момент, когда самое существование Рима казалось поставленным на карту. Это восстание является в истории человечества одним из крупнейших движений угнетенных масс.

Восстание началось весной 73 г. с бегства нескольких десятков рабов-гладиаторов из гладиаторской школы некоего Лентула Батиата в Капуе. Повидимому, там был организован заговор, в котором участвовало несколько сот гладиаторов, но его раскрыли; часть заговорщиков была схвачена, однако, несколькими десяткам во главе с фракийцем Спартаком удалось бежать. Спартак служил в римской армии, дезертировал оттуда, был схвачен и в наказание отдан в рабство. Благодаря своей физической силе, он попал в гладиаторы. Помимо своих исключительных физических качеств Спартак, по всем данным, был великолепным организатором. Вся история восстания говорит о том, что в лице Спартака мы имеем одного из крупнейших вождей масс в истории человечества. Маркс в письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. дает блестящую характеристику Спартака: «Спартак в его (т. е. Аппиана — *С. К.*) изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий генерал (не Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15).

В этой маленькой кучке гладиаторов, бежавших из Капуи, было еще два выделявшихся из остальной массы лица — Эномай и Крикс, — повидимому, галлы или германцы. Вообще нужно отметить, что в Италии, в отличие от Сицилии, состав рабов был более пестрым. В отряде Спартака были фракийцы, галлы, германцы и, повидимому, преобладали европейские племена.

По дороге гладиаторам попался транспорт оружия; они захватили его, вооружились чем попало и засели на вулкане Везувии. Место было очень удобное, потому что Везувий трудно доступен. Оттуда, по обычной тактике рабов, они начали устраивать мелкие рейды на окружающую территорию в целях вербовки сторонников и пополнения своих запасов и оружия. На Везувий стали сбегаться рабы из Кампании, и не только рабы, но, как говорит Аппиан, один из важнейших источников по истории Спартака, и «свободные с полей». По словам Аппиана, к Спартаку особенно привлекала его практика делить всю добычу поровну.

Римские власти в Кампании на первых порах большого внимания на движение Спартака не обратили: такие случаи были довольно обычными в Италии. Против рабов отправили маленький отряд, который был разбит. Тогда из Капуи был направлен второй отряд, во главе с претором Клодием, который подошел к Везувию, и, не желая тратить сил, занял единственную тропинку, ведущую на вершину, и расположился лагерем у подошвы Везувия. Таким образом, рабы оказались запертыми.

Тогда Спартак пустился на военную хитрость. На вершине Везувия росло много дикого винограда. Из его лоз восставшие сплели нечто вроде лестницы или каната, и таким путем им удалось спуститься по крутой, отвесной, противоположной римскому лагерю стороне Везувия. Они побросали оружие и спустились сами, а затем неожиданно напали на римский лагерь. Римляне в панике бросились бежать, часть была перебита, а лагерь с оружием и припасами достался Спартаку. Это был его первый крупный успех, который сразу послужил сигналом к общему восстанию на всей окружающей территории. К Спартаку массами начали сбегаться рабы.

Очень скоро, повидимому, уже в течение лета 73 г., вся Кампания, значительная часть Лукании и Апулии оказались в руках восставших. У Спартака к этому времени было около 70 000 боевых рабов. Из них этот блестящий организатор быстро создал довольно правильно организованную армию. Была создана конница, энергично изготовлялось оружие. Таким образом, совершенно неожиданно для римлян в южной Италии выросла грозная армия рабов, руководимая таким выдающимся вождем, каким был Спартак.

Каков был план Спартака, программа его действий? Судя по всем данным, Спартак не собирался идти на Рим и не собирался уничтожать римского государства, — об этом прямо говорят наши источники, об этом говорят и вся тактика, и весь маршрут Спартака. Его план состоял в том, чтобы вывести итальянских рабов из Италии. Первый вариант этого плана заключался в том, что Спартак хотел пройти через Италию к Альпам, перевалить Альпы и распустить свою армию по домам.

Что же Спартак делает в осуществление этого плана? Захватив южную Италию, он решает двинуться на север через восточную часть Апеннинского полуострова. К этому моменту римское правительство, понимая всю опасность движения, мобилизовало против Спартака обоих консулов 72 года. Как раз в это время среди рабов начались разногласия. Они, повидимому, возникли главным образом на почве племенной вражды. Эти разногласия повторялись несколько раз, и каждый раз наши источники говорят, что от общей массы рабов отделялась галло-германская часть.

В 72 г. крупная часть галло-германских рабов в 30 000 человек, во главе с Криксом (Эномай еще до этого погиб в одной стычке), отделилась от главной армии Спартака.

Римляне тотчас же воспользовались этим и наголову разбили отделившуюся часть у горы Гаргана. Крикс погиб, и его отряд был уничтожен.

Поражение Крикса было весьма значительным ударом для Спартака, но тем не менее главные силы Спартака это не остановило. Спартак во главе своей армии идет на север по восточной части Апеннинского полуострова, избегая римлян, идет в Цизальпинскую Галлию, очевидно, осуществляя свой план выхода через Альпы из Италии.

По дороге ему удалось последовательно разбить несколько римских армий.

Блестящие военные успехи Спартака объясняются отчасти огромным революционным подъемом, которым были охвачены рабы, отчасти страшным испугом Рима, дезорганизацией римской армии. Из источников мы знаем, что дисциплина в римской армии перед лицом рабов страшно упала, солдаты массами бежали, многие дезертиры переходили на сторону рабов, — это очень любопытный факт. Нельзя умалять и стратегических способностей Спартака. Большую роль играла также и поддержка беднейшего сельского населения.

В результате победоносного движения на север Спартак дошел до римского города Мутины. Перед ним не было больше никаких преград, ни одной армии, потому что армия наместника Цизальпинской Галлии только что была разбита. Дорога на Альпы лежала открытой. План Спартака, казалось, готов был осуществиться.

Но в момент своего высшего успеха он поворачивает обратно и идет снова на юг. Почему он изменил свой план накануне его осуществления? По этому поводу в научной литературе существует ряд гипотез.

Возможно, что масса рабов, опьяненная своими успехами, изменила свое настроение. Ей казалось, что еще одно усилие и удастся захватить ненавистный Рим. Возможно, что это стремление вернуться было вызвано не столько желанием уничтожить рабо-

владельческий Рим, сколько простым желанием пограбить. Революционную сознательность и выдержку рабов отнюдь не следует переоценивать. Но дальнейшие события показывают, что, вынужденный отказаться от первого варианта своего плана — идти через Альпы, Спартак не отказывается вообще от плана уйти из Италии и создает второй вариант — уход через Сицилию, и, наконец, третий вариант — через Брундизиум. Три раза он пытался вырваться из Италии. Очевидно, поэтому, что он не изменил своего первоначального плана, но был вынужден, под давлением каких-то сил, вернуться обратно из Галлии.

Вернувшись от Мутины назад, Спартак пошел через Умбрию и Пиценум к Апулии, минуя Рим, потому что, очевидно, он понимал, что взять Рим со своей армией не сможет.

Тем временем, когда происходили эти события в армии Спартака, в Риме осенью 72 г. царил величайшая паника, потому что, в сущности, вся Италия восстала; у Рима оставалась сравнительно маленькая часть территории, незахваченная восстанием, да и в этой части рабы волновались, и с минуты на минуту можно было ожидать восстания. Положение было очень серьезным, особенно принимая во внимание страшную деморализацию, которая началась среди римской армии. Тогда, осенью 72 г., римский сенат назначил главнокомандующим в войне со Спартаком известного нам крупного богача Марка Лициния Красса с диктаторскими полномочиями. Красс набрал большие силы и стал ждать Спартака на границе Пиценума. Но Спартаку удалось, нанеся поражение части армии Красса, прорваться на юг. Тогда Красс чрезвычайно суровыми мерами дисциплины стал восстанавливать порядок в своей армии. Между прочим, он прибег к одной старой мере, так называемой «децимации» (от слова «decimus» — десятый), которая состояла в том, что каждого десятого солдата по списку казнили. Так как Красс был человеком довольно энергичным, то ему удалось такими жестокими мерами немного восстановить дисциплину у себя в армии. Затем он пошел за рабами, которые двигались на юг Италии.

Спартак остановился в Брудиуме, занял город Фурии и сделал его на некоторое время своим центром. Наши источники сообщают о том, что в Фуриях к рабам приезжали торговцы. Спартак запретил рабам брать от торговцев драгоценные металлы, золото и серебро; они могли покупать только железо и медь.

Движение Спартака на юг обнаруживает его новый план выхода из Италии через Сицилию. Он думал перебросить свои войска в Сицилию с тем, чтобы поднять там новое восстание. Затруднение было с транспортными средствами, которых у рабов, конечно, не было. Спартак сговорился с пиратами. Те обещали дать корабли, но почему-то обманули, а попытка переправиться собственными средствами, повидимому, не удалась. Таким образом, план переброски восстания в Сицилию не осуществился.

В это время подошел с большими силами Красс и попытался запереть Спартака на Брутийском полуострове. Он построил сильно укрепленную позицию (вал и ров от моря до моря), и армия Спартака оказалась запертой в южной части полуострова. Первые попытки Спартака прорваться через укрепленные позиции Красса не удались. Но в одну зимнюю бурную снежную ночь (зимой 72/71 г.) Спартаку удалось их прорвать и снова очутиться вне границ Бруцциума, в Лукании.

Красс в первый момент впал в отчаяние и послал римскому сенату требование подкреплений. Сенат отправил соответствующее приказание Помпею, возвращавшемуся из Испании (он только что подавил там длительное и опасное восстание туземных племен, возглавляемое бывшим марианцем Серторием), и Л. Лицинию Лукуллу, находившемуся с войсками в Македонии.

Когда кольцо римских войск начало сжиматься вокруг Спартака, в его армии снова начались раздоры, повторилась история, случившаяся в начале восстания: снова галло-германская часть восставших, в несколько десятков тысяч человек, отделилась от главной армии Спартака под начальством Каста и Ганника и была разбита Крассом.

Спартак делает новую попытку вырваться из Италии, на этот раз в восточном направлении. С этой целью он пытается идти в Брундизиум с тем, чтобы оттуда перебраться на Балканский полуостров. Но по дороге в Брундизиум Спартак узнает, что там стоит Лукулл со своей армией. Тогда он возвращается обратно и идет навстречу Крассу. Здесь в Апулии, весной 71 г., произошло решительное столкновение между армиями Спартака и Красса. Битва была чрезвычайно ожесточенной. Рабы дрались с мужеством отчаяния, сам Спартак показал чудеса храбрости и погиб, окруженный врагами. Тело его не было найдено. Около 60 000 рабов пало в этой битве. Остальная часть разбежалась, но на них стали устраивать систематические облавы. Около 6000 рабов, попавших в руки римлян, было распято на крестах, на всем протяжении дороги от Капуи до Рима. Часть рабов прорвалась на север, там ее встретил Помпей, возвращавшийся в Италию, и добил остатки восставших.

Таким образом кончилось это самое крупное и страшное для Рима восстание рабов.

Каковы были причины поражения всех восстаний рабов в эту эпоху?

Все они происходили в период расцвета рабовладельческого общества. Хотя эпоха II—I вв. и является временем развития глубочайших противоречий римского общества, но Рим все же в этот период находился еще в зените своего могущества. История нас учит, что движения угнетенных классов, которые происходят в период расцвета какой-нибудь формации, обречены на неудачу. Только те восстания угнетенных имеют основание рассчитывать на успех, которые падают на эпоху упадка данной формации, на

последнюю стадию ее развития. Вот почему восстания рабов, вспыхнувшие в период расцвета Рима, исторически не имели оснований на победу. Но это только общая предпосылка, надо подойти ближе к делу и посмотреть на более конкретные причины неудачи восстаний.

Прежде всего нужно указать на то, что рабы, как класс, не являлись носителями нового способа производства и поэтому не могли выдвинуть и не выдвигали никакой программы, которая говорила бы о движении вперед, о подъеме на новую стадию развития. К чему могли стремиться рабы? Как правило, только к возврату тех отношений, в которых они жили до рабства. Известная часть рабов принадлежала к бывшим рабовладельцам и желала только возврата к своему прежнему положению. Большинство рабов состояло либо из представителей родовых общин периферии, либо из мелких землевладельцев и ремесленников. Каковы могли быть их цели? Едва ли они могли стремиться к чему-нибудь иному, как тоже к возврату прежних отношений. Во всяком случае, мы не имеем ни одной программы рабов, кроме плана Спартака. Но и этот последний никак нельзя назвать боевой программой борьбы против рабовладельческого общества. Что касается лозунга Аристоники, то он слишком неопределен, чтобы о нем можно было что-нибудь сказать.

В соответствии с характером рабов, как класса, стоит низкий уровень их классового развития. Ближайшей причиной поражения движения Спартака были, повидимому, раздоры на племенной почве. В связи с этим же стояла деморализация рабов, падение среди них дисциплины. Грабежи, захваты, индивидуальные акты мести и пр. деморализовали массу. Это все свидетельствует о весьма низком уровне классового сознания восставших. Рабы представляли угнетенный класс на заре истории человечества.

Этому классу предстояло пройти долгий путь развития и только в конце его достигнуть того высокого уровня классового сознания, когда он перешел уже к систематической, организованной и сплоченной борьбе и победе.

Рабам недоставало той выдержки и революционной сплоченности, того единства и монолитности, которые необходимы для победы революционного класса.

Нужно указать еще на то, что все восстания рабов носили локальный характер. Несмотря на то, что некоторые из них охватывали широкие территории, все же они были раздроблены и изолированы друг от друга.

Наконец, надо указать еще на один момент. В первой революции рабов отсутствовал подлинный единый фронт между рабами и свободными бедняками. Объективно они били в одну и ту же точку, были направлены против рабовладельческого строя, но

организационно между ними не всегда существовал нужный контакт. В эту эпоху еще не были изжиты противоречия между рабами и свободными бедняками, которые также принадлежали к классу рабовладельцев.

Иное положение наступило несколько сот лет спустя, когда был достигнут действительно единый фронт всех угнетенных римского общества, и революция победила.

Все сказанное о причинах неудачи восстаний рабов, конечно, не означает, что исторически эти восстания не играли прогрессивной, мало того, — революционной роли. С этой точки зрения нужно, как всегда в этих движениях раннего периода человеческой истории, различать субъективные цели и объективные результаты движения. Субъективно, может быть, рабы стремились к возврату назад, но объективно движения рабов толкали рабовладельческое общество вперед в том смысле, что они расшатывали его, ослабляли изнутри. Одним из важнейших следствий движений рабов и вообще гражданских войн II—I вв. был аграрный кризис, который охватил как раз центральную часть римской территории — Италию и Сицилию.

Одним из важнейших политических следствий восстаний рабов было формирование военной диктатуры. Рабские восстания являлись одной из основных предпосылок образования империи, что в процессе разложения рабовладельческого общества было шагом вперед.

Таким образом, восстания рабов, будучи важнейшей движущей силой революции, сыграли прогрессивную, революционную роль: хотя своих ближайших целей и не достигли.

Сразу же после подавления восстания Спартака начинает складываться военная диктатура. Элементы этой военной диктатуры были налицо еще во времена Суллы и Мария, но только после великого восстания Спартака она окончательно оформляется.

Как только восстание Спартака было подавлено, победители, Красс и Помпей (они спорили друг с другом за честь победы над Спартаком, причем каждый приписывал эту честь себе), не распустив своих войск, как должны были это сделать, а расположились лагерем вокруг Рима и, опираясь на вооруженную силу, продиктовали римскому сенату свои условия. Они пожелали стать консулами на 70-й год и добились этого, причем главную роль здесь играл Помпей.

В этот период Помпей разрывает на некоторое время с сенаторской партией и сближается с всадниками. Это было выгодно и Помпею и всадникам; всадники собирались при его помощи провести уничтожение ненавистной для них сулланской конституции. Действительно, Помпею уже в 70 г. удается уничтожить важнейшие мероприятия Суллы и восстановить досулланские порядки. Особенно острым был вопрос о судах. Было решено изменить состав судей таким образом, чтоб одна треть их выбиралась

из сенаторов, одна треть — из всадников и одна треть — из плебса (остального свободного населения, не входящего в состав сенаторов и всадничества). Всадники получали большинство, потому что могли опираться на плебейские элементы.

В 70 г. Помпей был фактически диктатором. Правда, после окончания срока консульства он удалился в частную жизнь, но продолжал вмешиваться в дела, и к нему не раз приходилось обращаться римской республике в тех случаях, когда она попадала в тяжелые условия, особенно, в 60-х годах I в.

Прежде всего, помощь Помпея понадобилась для борьбы с пиратством, развившимся после подавления восстания Спартака до таких размеров, что была совершенно приостановлена вся экономическая жизнь на Средиземном море. После каждого подавления восстания обычно усиливалось пиратство, потому что большое количество уцелевших рабов, не желавших возвращаться к своим господам, уходило в пираты. На Средиземном море прекратилась почти вся торговля, а Рим голодал, потому что пираты отрезали подвоз съестных припасов, в частности, хлеба, в Италию. Положение в Риме стало невыносимым, и надо было принять чрезвычайные меры.

В 67 г. народный трибун Габиний проводит закон, согласно которому одному из бывших консулов предоставлялась проконсульская власть, т. е. неограниченная власть римского наместника, на всей прибрежной полосе Средиземного моря, глубиной в 10 000 шагов, т. е. в 10 римских миль от берега. Ему отпускались большие средства, а в помощь назначалось 15 легатов с поручением очистить Средиземное море от пиратов. На эту экстраординарную должность была выдвинута кандидатура Помпея, хотя в сенате всячески сопротивлялись этому. Было пущено острое словечко, которое ходило из уст в уста, о том, что Помпей хочет из наварха (адмирала) сделаться монархом.

Но тем не менее голосами народного собрания Помпей был проведен. Довольно быстро, в полгода, он справился со своей задачей. Важнейшие пиратские гнезда были разрушены, их флот был сожжен; правда, вскоре пиратство снова развилось, и через каких-нибудь 20—30 лет на Средиземном море снова не было проезда от пиратов. Но на первое время торговля оживилась, в Рим удалось подвезти хлеб. Популярность Помпея у всадников и плебса чрезвычайно выросла.

К нему обратились для окончания второй войны с Митридатом, который никак не мог успокоиться. В 75 г. в Вифинии произошла такая же история, как в Пергамском царстве, т. е. царь Вифинии, попав в долги к римским откупщикам, завещал свое царство Риму, а в 74 г. Митридат, пользуясь тем, что в Вифинии нет властей, вторгся в нее и завладел ею. Против Митридата был послан М. Лициний Лукулл — брат того Лукулла, который в 71 г. сенатом был командирован против Спартака.

Это был убежденный аристократ, очень богатый, славившийся своими изысканными угощениями («Лукуллов пир»). Лично Лукулл был честным человеком и не без способностей. На востоке ему удалось довольно быстро разбить Митридата и его зятя — Тиграна, армянского царя. Но против Лукулла поднялось большое недовольство в армии и среди всадничества. Оно было вызвано тем, что Лукулл не позволял всадникам заниматься ростовщичеством, а солдатам грабить население. В конце концов его отозвали с восточного театра.

На его место в 66 г. был послан Помпей, который только что справился с пиратами; вопреки обычным порядкам, Помпею были даны чрезвычайные полномочия: он получил право самостоятельно объявлять войну и заключать мир. До сих пор ни один римский главнокомандующий такого права не получал, ибо привилегия вести внешнюю политику целиком принадлежала до сих пор сенату. Это обстоятельство было показателем чрезвычайного авторитета и влияния Помпея в Риме, в частности, в народном собрании.

Помпей довольно быстро справился с Митридатом. Тиграна ему удалось привлечь на свою сторону. Митридат был разбит, бежал в Боспорское царство и, когда против него восстал его собственный сын, покончил жизнь самоубийством. Западная часть Понтийского царства была обращена в римскую провинцию.

Помпей присоединил к Риму и Сирию; жалкие остатки монархии Селевкидов были превращены в римскую провинцию Сирию, куда включили и Иудею; правда, этой последней была предоставлена известная автономия под управлением иерусалимского первосвященника.

Помпей вел себя на Востоке, как самодержавный государь: одних династов лишал трона, другим давал территории.

В 62 г., в расцвете своей военной славы, Помпей возвратился в Рим и там застал чрезвычайно напряженное положение. В Италии к этому моменту разразился жесточайший экономический кризис, который был вызван заминкой во всех отраслях хозяйства в связи с восстанием Спартака и только что ликвидированным пиратским движением. Положение крестьянства чрезвычайно ухудшилось, выросла задолженность не только бедноты (сельской и городской), но и широких кругов нобилитета.

В Риме в это время появляется новая фигура — Гай Юлий Цезарь.

Он родился в 100 г. и принадлежал к одной из самых старейших римских семей, к роду Юлиев, который, как мы знаем, считал себя происходящим от Энея-Юла. В молодости Цезарь был марианцем. Женат он был на Корнелии, дочери Цинны, и, в качестве марианца, чуть не погиб во время сулланской реакции; жизнь его висела на волоске, в особенности, когда Сулла предложил ему развестись с Корнелией, а Цезарь имел мужество отказаться. Только заступничество перед Суллой очень влиятельных лиц

спасло жизнь Цезаря. Говорят, что Сулла, согласившись на просьбу его друзей пощадить Цезаря, сказал: «Хорошо, но помните, что в нем одном сидит несколько Мариев».

Не желая дразнить зверя, Цезарь уехал в Грецию и там пережил период сулланской диктатуры, занимаясь повышением своего образования. Вернувшись после падения Суллы в Рим, он взялся за адвокатскую деятельность, главным образом, преследуя сулланцев. После ликвидации сулланского режима начался ряд дел, гражданских и уголовных, против сторонников Суллы. На этом Цезарь составил себе репутацию талантливого оратора и ловкого дельца, причем выступал как демократ. Он подчеркивал свои демократические убеждения и в народе был очень популярен.

Цезарь политически был совершенно беспринципен; но в этот момент ему было выгоднее блокироваться с демократией. Цель, к которой он стремился, был захват власти. В той или иной степени почти все деятели римского общества этой эпохи, начиная с Суллы, политически были беспринципны и стремились к единоличной власти. Но в то время как другие, например, Помпей, были нерешительны, Цезарь хорошо знал, к чему он стремился и шел к этой цели совершенно твердо, не считаясь ни с какими политическими принципами, используя любую политическую платформу и любую политическую ситуацию в своих целях.

В 65 г. Цезарь был избран эдилом. Эта должность не только не давала никаких материальных выгод, но требовала еще огромных расходов на организацию зрелищ для народа. Цезарь, который раньше был довольно богат, но успел уже порядочно растратить свое состояние, остатки его израсходовал на грандиозные угощения для народа, на организацию неслыханных по своей пышности гладиаторских боев и т. д. Одним словом, отбыв срок своего эдильства, он оказался весь в долгах.

Тогда Цезарь решил заключить союз с Крассом. Они договорились о том, чтобы на 63-й год провести в консулы Гая Антония (личность совершенно бесцветную) и Люция Сергия Катилину. Катилина принадлежал к одному из старых аристократических родов, но совершенно промотался, как многие нобили в ту эпоху. Однако личность Катилины для нас этим еще не объясняется. Историю Катилины и характеристику его мы знаем только из литературы, резко ему враждебной. Основным первоисточником здесь являются речи Цицерона, затем Саллюстий; оба они изображают Катилину бандитом и убийцей. Эта характеристика, повидимому, неправильна, потому что даже враги его, в частности, Саллюстий, противоречат сами себе. На словах Саллюстий всячески чернит Катилину, а когда говорит о его делах, то оказывается, что перед нами очень крупная личность. Но, в конце концов, вопрос о личности Катилины и об его субъективных стремлениях — вопрос второстепенный. Для нас важны те силы, которые стояли вокруг него и за ним.

Цезарю и Крассу нужно было провести Антония и Катилину в консулы. Через них они хотели обделывать свои дела. Красс потратил огромные средства на подкуп избирателей, но и сенаторская партия тратила не меньше средств. В результате Антоний прошел, но вместо Катилины консулом был избран Марк Туллий Цицерон. Этот последний был человеком новым для римского общества. Он происходил не из рядов нобилитета, а из всаднических кругов, но быстро выдвинулся как блестящий оратор, адвокат и пользовался большой популярностью. Он разыгрывал из себя демократа, но политически был совершенно неустойчив. Когда он проходил в консулы, то считался кандидатом народной партии, а став консулом, перешел на сторону сената.

Итак, Гай Антоний и Цицерон были избраны в консулы на 63-й год. Таким образом, планы Цезаря и Красса осуществились только наполовину.

Потерпев неудачу на выборах 64 г., Катилина решил выставить вторично свою кандидатуру в консулы на 62-й год. Тогда он выдвинул и свою избирательную платформу — кассирование долгов. Задолженность являлась большим злом Рима в эту эпоху. Только одно всадничество было свободно от нее; крестьянство, городская беднота, даже широкие круги нобилитета стонали под тяжестью долгов. Поэтому программа Катилины должна была объединить вокруг него весьма широкие слои, начиная от низовой демократии и кончая промотавшейся аристократией. Это обстоятельство объясняет нам, почему в движении Катилины играли такую большую роль эти бывшие люди, разорившиеся нобили, которые в движении могли преследовать только свои узколические цели. Этот факт сбивает, путает оценку движения Катилины, создает большую сложность его; отделить в нем здоровые элементы от нездоровых крайне трудно.

Но, тем не менее, ядро движения Катилины было здоровым, так как в нем принимала участие низовая демократия, и правы, повидимому, те, кто называет движение 63—62 гг. последним большим демократическим движением в Риме.

Во всяком случае, масса, сплотившаяся вокруг программы Катилины, была настроена весьма агрессивно, и это было причиной того, что Цезарь и Красс, поддерживавшие до сих пор Катилину, отошли от него, испугавшись слишком радикального характера движения. Всадничество выступило против Катилины.

Таким образом, Катилина оказался изолированным на выборах 63 г. и вторично потерпел поражение. Тогда он решил перейти к насильственным действиям, к открытому выступлению.

В северной Этрурии начинает собираться его армия из разоренных крестьян, в которой довольно большое место занимали и рабы, под начальством одного сулланского офицера по имени Манлия. В Апулии и в других областях также поднимаются недовольные элементы и создаются организационные центры движения. Испу-

ганный сенат вручает консулам 63 г. чрезвычайные полномочия известной формулой римского права: «Пусть смотрят консулы, чтобы республика не потерпела никакого ущерба».

Цицерон стоит во главе сенаторской и всаднической партий. Естественно, что они объединяются против революционного движения, которое грозит смести основы римского порядка. Положение в Риме стало для Катилины угрожающим, и он уезжает к Мантию, в северную Этрурию. Римское правительство настолько боялось Катилины, что не рискнуло его задержать, хотя перед этим Цицерон в сенате выступил против него с знаменитыми речами. Никто не арестовал Катилину, потому что боялись восстания. Он беспрепятственно уехал из Рима, оставив там своих помощников, второстепенных вождей движения — Цетега, Лентула и др. Эти помощники, оставшись в Риме без непосредственного руководства Катилины, сделали одну тактическую ошибку. Они пытались привлечь на свою сторону послов галло-германского племени аллоброгов, приехавших в этот момент в Рим жаловаться римскому правительству на притеснения, которые над ними чинились. Заговорщики думали поднять движение на периферии, но они действовали недостаточно осторожно, открыв аллоброгам заговор. Аллоброги заколебались, рассказали об этом кое-кому из своих патронов, а те донесли Цицерону. Тогда Цицерон приказал спровоцировать заговорщиков. Аллоброгам дано было указание, чтобы они продолжали вести переговоры, и вожди движения имели неосторожность дать в руки аллоброгов ряд документов, в частности письмо к Катилине. Когда послы уезжали из Рима, их арестовали и отобрали у них эти документы. Их потом выпустили, но документы оставались в руках Цицерона, и это послужило формальным основанием выдвинуть обвинение в заговоре против республики. Несколько вождей движения в Риме были схвачены по приказанию Цицерона и казнены без суда, т. е. с нарушением конституционных норм римского права.

В Риме казнь заговорщиков не вызвала сколько-нибудь крупного движения. Заговор не был достаточно оформлен, к тому же неорганизованная городская толпа, оставшись без руководства, растерялась. Римское правительство двинуло в Этрурию большие силы, и здесь близ Пистойрии (ныне Пистойя) произошла битва между революционной армией Катилины и правительственными войсками (начало 62 г.).

Интересен рассказ об этой битве у Саллюстия. Описывая конец Катилины, он вынужден отдать должное той необыкновенной храбрости и стойкости, которые проявляли не только Катилина, но и все его сторонники. Саллюстий говорит о том, что войска Катилины дрались с необычайным мужеством, каждый пал на том месте, на котором он стоял, никто не отступил, и все были найдены с почетными ранами в грудь. Когда Катилина увидел превосходство римских сил, он бросился в гущу врагов и там пал под градом

ударов. Когда нашли тело Катилины, говорит Саллюстий, он еще дышал, но и тогда его лицо выражало ту неукротимую душевную силу, которой он всегда отличался. Это признание врага.

Таким образом, движение Катилины было раздавлено, и после этого римская демократия уже не имела сил для сколько-нибудь организованного и сильного движения. Демократическая революция в Риме вырождается в мелкие стычки и столкновения на улицах, в народном собрании и т. д.

В этот момент Помпей возвращается в Италию. Как указывалось выше, Помпей был самым рядовым человеком. Великолепную характеристику ему дает Марк в известном письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г.: «Как только (Помпей — С. К.) пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты — ничтожество. Цезарь делает ряд самых крупных военных ошибок, намеренно экстравагантных, для того, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой римский генерал, какой-нибудь Красс, уничтожил бы Цезаря шесть раз во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было себе позволить все» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15).

В 62 г. Помпей возвращается с Востока, окруженный ореолом славы. За ним идет победоносная, сильная армия, нажившаяся на Востоке. Он высаживается в Италию и ~~распускает свою армию, потому что так требовали законы — полководец не имел права в Италии держать ни одного вооруженного солдата.~~ Как верный член сенаторского сословия, он обращается к сенату с просьбой утвердить его распоряжения в Азии и наградить его солдат землей.

Что же сделал сенат? Конечно, то, что он должен был сделать: так как армии у Помпея не было, то сенат отказал в его просьбе.

Помпею ничего не оставалось, как вступить в союз с Цезарем и Крассом, двумя самыми крупными фигурами на политической сцене этих годов. В 60 г. был заключен так называемый первый триумvirат — Цезаря, Красса и Помпея. Это было неофициальное соглашение трех крупных политических деятелей, за которыми, в общем, стояли демократические круги. Цезарь считался в тот период демократом; Красс был всадником, за ним стояли крупные римские финансисты, а Помпей занимал неопределенное положение, но был в ссоре с сенатом и поэтому тяготел к демократической части общества.

Первым результатом триумvirата явилось то, что Цезарь был избран консулом на 59-й год, и, в качестве консула, довольно быстро провел то, чего тщетно Помпей добивался получить легальным путем от сената, т. е. он провел аграрный закон о наделении землей ветеранов Помпея. Сенат сопротивлялся, но Цезарь нагнал в комиции толпу ветеранов Помпея и путем открытого насилия провел аграрный закон, причем второй консул, Бибул, который стоял за сенат, был просто силой утащен из собрания. В это время в Риме ходил такой анекдот. Обычно, когда хотели

датировать какое-нибудь событие, год называли по консулам; так вот, вместо того, чтобы говорить «в консульство Цезаря и Бибука», в шутку говорили: «в консульство Юлия и Цезаря», потому что Бибул был полным ничтожеством, и фактически единственным консулом являлся Цезарь.

Отбыв срок консульства, Цезарь получил в управление Галлию — правда, ее нужно было еще завоевать. Распоряжения Помпея на Востоке были тоже утверждены, так что триумвират достиг своих целей.

Риму, в сущности, принадлежала только Нарбонская Галлия, а Трансальпинская Галлия была самостоятельна. Она состояла из большого количества племен, управлявшихся своими князьями. У галлов оставались еще элементы племенной демократии, но была уже сильная аристократия, обладавшая большими богатствами. Галлия, в частности, славилась золотом. Поэтому Цезарь хорошо знал, что он делал, выбирая себе это наместничество.

В 58 г. он поехал в Галлию и пробыл там до 49 г. За эти 9 лет Цезарю удалось подчинить всю Галлию и даже переправиться в Британию. Правда, там он не закрепился, — Рим завладел Британией уже в эпоху империи, — но Галлия была довольно прочно присоединена к Риму. Это удалось сделать ценою больших усилий. Неоднократно судьба Цезаря и его армии в Галлии висела на волоске, потому что многочисленные и воинственные галльские племена оказывали жестокое сопротивление римлянам, и только римская военная техника и стратегический талант Цезаря помогли ему, в конце концов, выйти победителем в этой борьбе.

Результатом завоевания Галлии было ее ограбление. Светоний в биографии Цезаря рассказывает, что Цезарь опустошал храмы, разрушал города, хотя, в большинстве случаев, в этом никакой военной надобности не было. В результате он захватил в Галлии такое количество золота, что оно потом продавалось в Риме на фунты. Всадничество было очень довольно этим, потому что Цезарь открыл новую территорию для римского ростовщического капитала. Но еще более доволен был сам Цезарь, потому что галльские войны создали великодушную и преданную ему армию. Галльские походы дали ему возможность пройти суровую, трудную школу военного искусства, в результате которой окончательно выработался и окреп его стратегический гений.

В Риме в это время происходил полный развал республики. Демократическое движение окончательно вырождается в мелкие стычки, погромы на улицах; происходят постоянные столкновения, срывы народных собраний. В этой обстановке сенат начинает сближаться с Помпеем, потому что слухи об успехах Цезаря в Галлии тревожили Помпея. Возрастающий авторитет и влияние Цезаря пугали также и сенат.

С другой стороны, развал в Риме дошел до такой степени, что нужна была какая-то твердая рука, чтобы справиться с этими

стихийно-анархическими, неорганизованными вспышками люмпен-пролетарского движения. Помпею на пять лет поручается надзор за хлебной торговлей, за снабжением Рима хлебом.

В 56 г. произошло свидание триумвиров в Лукке, в северной Италии. Характерно, как показатель большого авторитета триумвирата, что в Лукку съехались около 200 сенаторов и наместников провинций; туда временно переместилось почти все римское правительство. Там триумвиры приняли ряд решений: Цезарю продлили командование в Галлии еще на пять лет; было решено провести в консулы на 55 г. Помпея и Красса. После отбытия срока консульства в 54 г., Помпей получил в управление Испанию и Африку, а Красс — Сирию. Помпей не поехал в Испанию, послав туда своих легатов, а Красс отправился на Восток и начал войну с парфянами. Большая армия Красса в 53 г. неосторожно углубилась в северную Месопотамию и была завлечена неуловимыми парфянскими всадниками в безводную, сухую степь, где стала страдать от жажды; армия начала отступать, подверглась нападению парфян и была разбита, причем Красс погиб (53 г., битва при Каррах или Харране). Таким образом, триумвират фактически распался, вследствие гибели одного из триумвиров.

Тем временем положение Помпея в Риме упрочилось главным образом потому, что Цезарь, закрепляясь в Галлии, становился все опаснее и для Помпея и для сената; с другой стороны, беспорядки в Риме тянулись сплошной полосой. Положение стало настолько тяжелым, что 53 и 52 гг. прошли без консулов, так как выборные собрания систематически срывались. Эти беспорядки в значительной мере были инсценированы самим Цезарем через его приверженцев, в частности, через народного трибуна Клодия; Цезарю было выгодно создавать этот развал республики.

В конце концов сенату пришлось дать Помпею полномочия подавить беспорядки вооруженной рукой. Для этого ему было разрешено набирать войска в Италии.

Благодаря мерам, принятым Помпеем, 51 и 50 гг. прошли сравнительно спокойно. Наступил 49 г., когда в марте должны были кончиться полномочия Цезаря. К этому моменту между Цезарем и Помпеем наступил открытый разрыв, и произошло окончательное сближение Помпея с сенатом, который смотрел на Помпея, как на своего единственного защитника против Цезаря, явно стремившегося к захвату власти.

Если бы Цезарь хотел стоять на легальной почве, он должен был бы распустить свои войска, в качестве частного лица вернуться в Рим и просить сенат об утверждении всех его распоряжений в Галлии. Но в отличие от Помпея в 62 г., Цезарь не распустил войска, а во главе армии подошел к границе Италии, к реке Рубикону. До Рубикона Цезарь еще мог находиться с вооруженной армией. Это было в январе 49 г.

Наши источники рассказывают, что Цезарь долго стоял на Рубиконе в колебании. В конце концов он решился, с одним только легионом перешел реку и форсированным маршем двинулся на Рим, сказав знаменитые слова: «Жребий брошен».

В Риме поднялась паника, консулы бежали настолько поспешно, что не захватили казны. Помпею было поручено набирать в Италии войска для борьбы с Цезарем, но набор шел из рук вон плохо. Помпею не оставалось ничего другого, как уехать на Балканский полуостров и там собирать силы против Цезаря. Попытка этого последнего задержать Помпея в Брундизиуме не удалась. Рим был захвачен Цезарем без боя. Там все ожидали, что последует что-то вроде сулланских проскрипций, но Цезарь прекрасно понимал, что его положение очень шатко, и поэтому решил ни с кем не ссориться. Он пробыл в Риме очень недолго и, со свойственной ему быстротой, сейчас же бросился во главе своих войск в Испанию. У Помпея в Испании стояла очень сильная армия, и Цезарю было необходимо ее разбить. Для него испанская армия была опаснее самого Помпея, ибо если бы Цезарь немедленно погнался за Помпеем на Балканский полуостров, то испанская армия могла бы занять Италию, и положение его стало бы очень тяжелым. Поэтому Цезарь поступил правильно, начав с Испании. В течение 40 дней ему удалось разбить значительную часть испанских войск Помпея.

Гарантировав себе тыл, он с такой же быстротой проехал через Италию и высадился в Греции. К этому времени Помпей собрал большие силы на Балканском полуострове, и 6 июня 48 г., в центральной части Фессалии произошла знаменитая битва при Фарсале, которая решила судьбу римской республики. Помпей был разбит, его армия перешла на сторону Цезаря, а сам он бежал в Египет и был там убит по приказанию египетского правительства, которое не желало ссориться с победителем.

Цезарь последовал за Помпеем в Египет. У него не было денег, и, высадившись в Африке, он начал выжимать из египетского населения нужные ему средства, причем воспользовался для этого династической распрей, происходившей между Птоломеем XII и его сестрой Клеопатрой. Александрийское население стояло на стороне Птолемея и изгнало Клеопатру. Цезарь встал на сторону Клеопатры, вернул ее в Александрию и посадил на престол. Но александрийское население было не таково, чтобы с ним можно было так легко справиться. Против Клеопатры и римлян александрийцы подняли восстание, началась так называемая Александрийская война. Положение Цезаря стало очень трудным, потому что войск у него было мало. Александрийцы блокировали римский отряд в царском дворце. Произошел пожар, причем сгорела знаменитая александрийская библиотека. Цезарь с опасностью для жизни должен был переправиться на о. Фарос и там отсиживаться, пока не пришли подкрепления из Малой Азии. Только

после этого Александрия сдалась (24 марта 47 г.). На престол были посажены Клеопатра вместе с ее младшим братом.

Вскоре после этого Цезарь уехал из Египта в Малую Азию, где ему пришлось подавить восстание сына Митридата Фарнака, который попытался еще раз отнять у римлян Малую Азию. Но эта попытка была покушением с негодными средствами: Цезарь быстро справился с Фарнаком. К этому эпизоду относится известное письмо Цезаря, в котором он в трех словах сообщил об окончании войны с Фарнаком: «Пришел, увидел, победил» (*Veni, vidi, vici*).

В то время, пока Цезарь был занят восточными делами, помпеянцы собрали большие силы в Африке, и Цезарь должен был, после окончания войны с Фарнаком, двинуться туда. Против него выступила республиканская армия во главе с сыном Помпея, Секстом Помпеем, и Катонем, правнуком Катона Старшего, принципиальным республиканцем, страстным врагом Цезаря. Здесь, в 46 г. при Тапсе, недалеко от города Утики, произошла битва, где помпеянцы, несмотря на помощь нумидийского царя Юбы, потерпели поражение. Утика, где находился главный штаб республиканцев, должна была сдаться, причем Катон, не желая пережить гибели республики, покончил жизнь самоубийством; отсюда его прозвище «Утический». Юба, который помогал помпеянам, был жестоко наказан: Нумидия была обращена в провинцию Рима, под именем Новой Африки.

Но остатки помпеянцев после этого сосредоточились в Испании. В 45 г. при городе Мунде, недалеко от Гадеса, в юго-западной части Испании произошло последнее столкновение помпеянцев с Цезарем. Помпеянцы были разбиты, и с этого момента власти Цезаря уже больше не противостояла никакая организованная военная сила.

Диктатура Цезаря формально складывалась из ряда республиканских магистратур, которые в разное время вручались Цезарю постановлениями народного собрания и сената. Формально сохраняя республику, Цезарь сосредотачивал в своих руках все основные магистратуры. Он был объявлен пожизненным диктатором, а почетное прозвище «император» стало его почетным постоянным титулом. С точки зрения неприкосновенности его личности Цезарь пользовался правами народного трибуна. Он часто занимал должность консула и широко пользовался цензорским правом назначения сенаторов. Соединение высших должностей в его руках поставило Цезаря во главе римской республики, и, казалось, нужен был один шаг для того, чтобы это положение оформить и провозгласить Цезаря самодержцем. Но когда в 44 г. сторонник Цезаря консул Марк Антоний предложил ему в народном собрании корону, Цезарь отказался. Очевидно, он считал, что для этого еще не пришло время, и опасался преждевременным актом вызвать оппозиционное движение.

Какими мерами Цезарь стремился укрепить свою диктатуру, на чем он ее основывал? Ответ на эти вопросы подводит вплотную к характеристике мероприятий Цезаря, ибо очень трудно отделить меры, проводимые им в интересах укрепления личной власти, от мероприятий общегосударственного значения.

Цезарь продолжал дело Суллы. Вся его деятельность представляет дальнейшее расширение и углубление мероприятий последнего.

Цезарь, продолжая политику Суллы, довел число сенаторов до 900. Этим он хотел создать себе в сенате прочную опору.

В этих же целях Цезарь увеличил количество магистратов. Число преторов было доведено им до 16, эдилов — до 6, квесторов — до 40, и в данном случае преследовалась определенная цель — укрепление своего положения, так как все эти преторы и квесторы фактически назначались диктатором.

Хотя «народное собрание» существовало, но оно было послушно Цезарю. Это народное собрание в достаточной мере было коррумпировано, и Цезарь иногда путем подачек, а иногда путем соответствующего давления мог проводить в нем все, что ему было нужно.

Светоний в биографии Цезаря рассказывает, каким образом Цезарь проводил своих кандидатов в народном собрании. В рассылаемых по трибам записках он кратко писал: «Диктатор Цезарь такой-то трибе. Рекомендую вам того-то и того-то, дабы вашими голосами они получили сообразное их достоинству».

Основной и непосредственной социальной опорой Цезаря были его ветераны. Хотя после окончания гражданской войны они были распущены, но в любой момент их можно было собрать, и они в качестве граждан участвовали в народном собрании. Ветераны являлись самой надежной опорой власти Цезаря, и поэтому солдат он всячески задабривал, раздавал им землю, как в Италии, так и в провинциях, широко практиковал денежные раздачи. После окончания гражданской войны с Помпеем каждый солдат Цезаря получил по 5000 денариев (около 2000 руб.), центурионы получили вдвое, офицеры вчетверо больше.

А как обстояло дело с демократией? Когда Цезарь добивался власти, он разыгрывал из себя большого демократа, и демократия считала его своим. Но демократическая программа служила для него только средством добиться неограниченной власти. Как только власть оказалась в руках Цезаря, он отошел от демократии. Этот отход происходил под флагом «надпартийности»: диктатор Цезарь стоит выше партий и поэтому должен одинаково беспристрастно относиться ко всем течениям, — такова была установка Цезаря.

Отход от народной партии нашел свое выражение в том, что в 48. 47 и 46 гг. Цезарь и его помощники подавили вооруженной

силой целый ряд довольно крупных вспышек демократического движения в Италии.

Цезарь устанавливает чрезвычайно высокий ценз для присяжных судей — в 400 000 сестерций, т. е. около 40 000 руб., что фактически совершенно устраняло из состава присяжных судей не только бедноту, но и средние элементы.

Цезарь ограничивает бесплатную раздачу хлеба, что являлось очень серьезной мерой, так как эти раздачи прочно вошли в политическую практику Рима. Перед Цезарем число получателей казенного хлеба доходило в Риме до 300 000 человек. Цезарь ограничил это число только 150 000.

Надо отметить еще одну антидемократическую меру. В Риме издавна существовали ремесленные союзы, так называемые «коллегии», товарищества. В литературе есть тенденция сравнивать эти коллегии со средневековыми цехами, но это сравнение неверно по существу, потому что коллегии в Риме не регулировали производства, как это делали средневековые цехи. Основной экономической функцией средневековых цехов было регулирование цен, производства, торговли. В Риме коллегии были союзами взаимопомощи. Но в эпоху гражданских войн коллегии ремесленников часто играли революционную роль, участие членов коллегий в целом ряде движений II и I вв. установлено. Цезарь запретил коллегии. В императорский период они были вновь восстановлены, но в несколько иной форме.

Таким образом, происходит отход Цезаря от низовой демократии. Но Цезарь отходит и от всадников, т. е. от правого крыла римской демократии. Отход от всадников имел серьезные политические последствия. До сих пор Цезарь пользовался неизменной симпатией римских финансистов; достаточно припомнить завоевание Галлии, так много давшее римскому ростовщическому капиталу.

Став диктатором, Цезарь частично уничтожает откупную систему. Прямые налоги стали взиматься с провинций непосредственно. Откупная система была сохранена только для сбора косвенных налогов. Таким образом, значительная часть доходов у всадников была отнята.

Причины разрыва Цезаря с низовой демократией совершенно понятны. Что же касается всадников, то разрыв с ними объясняется его политикой по отношению к провинциям. В этой области он продолжает линию Суллы, т. е. политику постепенного смягчения гнета, лежавшего на провинциях, политику постепенного уравнивания провинциалов с италиками. Такая перемена была вызвана не просто капризом римских диктаторов: она вызывалась расширением социальной базы римского рабовладельческого государства. В этом отношении Цезарь делает немало. Частичная отмена откупной системы означала облегчение провинций; одновременно с этим Цезарь дал полные права гражданства жителям Цизаль-

пинской Галлии, т. е. долины р. По, а жители Сицилии и Нарбонской Галлии получили неполные права гражданства.

Затем надо еще указать на то, что Цезарь провел муниципальный закон, на основании которого другие города Италии получили такие же права самоуправления, какие имел Рим.

Подобные мероприятия объясняют причины разрыва Цезаря со всадничеством. Цезарь начинает проводить новую классовую политику, политику не узко ограниченной рабовладельческой верхушки Италии, а всего итальянского и даже средиземноморского рабовладения в целом. Эта новая политика и заставила Цезаря ограничивать права и привилегии старой итальянской знати, старых итальянских правящих групп, — отсюда разрыв со всадничеством.

В результате получилось следующее. С сенатом у Цезаря никогда не было хороших отношений; пополнение сената новыми людьми обессиливало его и вызывало у старого нобилитета ненависть против Цезаря. С низовой демократией Цезарь разорвал; со всадничеством он поссорился: всадники не могли простить его провинциальной политики. Таким образом, происходит сужение социальной базы Цезаря. Такое сужение было совершенно неизбежно, так как Цезарь исторически занимает промежуточное место: в его эпоху римская республика теряет свою старую итальянскую базу, но новая социальная база еще не была найдена, еще не была «подведена» под диктатуру; это удалось сделать только позднее. К тому же Цезарь слишком смело и открыто шел к монархической власти, не считаясь с сильными республиканскими традициями нобилитета. Поэтому его диктатура была неизбежно обречена на гибель.

Охлаждение к Цезарю демократии усилило сенаторскую оппозицию. Среди сенаторов был составлен заговор на жизнь Цезаря; в ряды заговорщиков вошел ряд представителей старой знати и даже личные друзья Цезаря, как, например, Марк Юний Брут, претор 44 г., и любимец Цезаря — Гай Кассий. В заговоре участвовало около 60 сенаторов.

Цезарь в 44 г. стал готовиться к походу против парфян. В обществе стали ходить слухи о каком-то предсказании, что парфян может победить только царь. Основываясь на этих слухах, враги Цезаря говорили, что он задумал этот поход для того, чтобы добиться провозглашения его царем. Подобные слухи очень нервировали общество, и заговорщики решили действовать. 15 марта 44 г. Цезарь был заколот в заседании сената кинжалами заговорщиков.

Хотя широкие круги демократии уже охладели к Цезарю, но все же его смерть вызвала большое волнение в Риме. Как бы там ни было, а демократия смотрела на Цезаря как на своего. Светоний говорит: «К выражениям народного горя присоединили свои сетования множество чужестранцев, каждая нация

в свой черед, в особенности же иудеи, которые по целым ночам посещали пепелище». Это очень характерно, как показатель новых путей внешней политики, той провинциальной политики, которую намечал Цезарь. Дома убийц были разгромлены, они сами бежали из Рима.

После убийства Цезаря хозяином в Риме остался Марк Антоний, консул 44 г., личный друг и сторонник Цезаря. Антоний ссылался на какое-то распоряжение Цезаря, якобы передававшее ему руководство всеми делами. Очевидно, Антоний все это выдумал, но, как бы там ни было, варыв народного негодования помешал заговорщикам захватить власть в свои руки; они должны были бежать, а власть фактически оказалась у Антония. Для большего укрепления своего положения Антоний заключил союз с Лепидом, наместником Испании и начальником конницы при Цезаре. Хотя Лепид и был полным ничтожеством, но союз с ним делал положение Антония более прочным.

Но в то время, как Антоний стремился укрепить свою власть путем союза с Лепидом, на политической сцене появляется новое лицо — внучатый племянник Цезаря, Октавиан. Он был усыновлен Цезарем, и по завещанию к нему перешла значительная часть огромного состояния убитого диктатора. Совершенно естественно, что около Октавиана сгруппировалось большинство цезарианцев, в том числе и ветераны Цезаря. Таким образом, в начавшуюся после убийства Цезаря борьбу Антония с сенатом вмешивается третье лицо, сильное поддержкой ветеранов.

Антоний, решивший бороться с сенатом, уехал из Рима и стал собирать армию. Тогда Октавиан заключил союз с сенатом. Войска Октавиана вместе с сенатскими разбили Антония. Но немедленно же после победы над Антонием Октавиан заключил с ним союз, и они оба двинулись против сената. Сенат проиграл борьбу, Рим был занят войсками Октавиана и Антония. Октавиан был избран консулом на 43 г. и вместе с Антонием и Лепидом заключил так называемый второй триумвират, официально утвержденный комициями; триумвиры получили неограниченные права «для устройства республики».

Прежде всего они поделили между собой провинции: Антоний первоначально получил обе Галлии, Лепид — Испанию, а Октавиан — Африку, Сицилию и Сардинию. После этого триумвиры весьма хладнокровно принялись за казни и конфискации. Им нужно было прежде всего много денег, чтобы наградить ветеранов, а затем надо было устранить своих политических врагов. Разыгрывались сцены похуже, чем во времена Суллы. Этому последнему служило некоторым оправданием то, что преследования происходили в горячке гражданской войны, а триумвиры действовали необычайно спокойно: они сознательно и обдуманно составляли списки, выбирая богатых людей и отдавая их на казнь. В этот период погиб Цицерон, с которым свел личные счета Анто-

ний. В общей сложности было убито около 300 сенаторов и 2000 всадников.

Но денег, полученных благодаря проскрипциям, было все же мало. Поэтому триумвиры обложили специальным налогом имущих.

Особенно долго заниматься этим делом они не могли, потому что надо было ликвидировать республиканскую армию. Брут и Кассий, убежав после убийства Цезаря из Рима на Восток (в Македонию и Грецию), стали там вербовать армию для защиты республики.

В 42 г. войска триумвиров встретились с республиканской армией при Филиппах в Македонии. В результате двух битв республиканская армия была разбита. Брут и Кассий покончили с собой, а остатки их войска перешли на сторону триумвиров. В результате, под знаменами триумвиров собралось 170 000 человек профессиональных солдат, которые требовали награды. Вновь нужны были деньги.

Тогда Антоний отправился на восток (в Малую Азию, Сирию и Египет), чтобы попытаться достать там денег. Октавиан вернулся в Италию, и там началась новая вакханалия конфискаций, казней и грабежей.

Здесь Октавиан, опираясь на своих ветеранов, сгонял с земли не только крупных собственников, но и последние остатки крестьян — только для того, чтобы наделить землей солдат.

В этот момент Октавиан никакой популярностью не пользовался. Его ненавидели самые широкие круги итальянского населения, и только общее положение в Италии помогло Октавиану уцелеть.

Ситуация в Италии была очень сложная. В это время, в конце 40-х и в начале 30-х годов, выступил в качестве серьезного противника Октавиана сын Помпея, Секст Помпей, о котором мы упоминали в связи с битвой при Тапсе в Африке. Он набрал себе большой пиратский флот и сделал своей опорной базой Сицилию, куда сбегалась масса рабов из Италии. Рабов в Сицилию бежало так много, что в Риме, как передают источники, были установлены особые молебствия весталок, обращавшихся к богам с просьбой спасти Рим от надвигающегося бедствия.

Секст Помпей отрезал подвоз припасов из провинций, и Италия была обречена на голод.

Движение Секста Помпея очень любопытно. В нем есть, конечно, сильные элементы революционного движения рабов. С другой стороны, оно настолько тесно переплетено с чисто разбойничьим, пиратским движением и со стремлением Секста Помпея к власти, что назвать его революцией рабов в точном смысле слова нельзя.

Но, как бы то ни было, пиратское государство Секста Помпея в Сицилии доставляло очень много хлопот Риму. Положение

Италии было чрезвычайно тяжелым. Надо было во что бы то ни стало сломить Секста Помпея, и в Риме для этого не оказывалось более подходящего лица, чем Октавиан. Вот почему Октавиана терпели, несмотря на все насилия, которые он допускал. Тем более, что со свойственной ему хитростью он очень ловко лавировал в сложном переплете итальянских отношений. Он отдал Антонию Восток, рассчитывая не без оснований, что он там надолго задержится; а Лепида Октавиан вообще под разными предлогами устранил от триумvirата. Это удалось сделать без большого труда, так как Лепид, как уже сказано, был совершенно ничтожным человеком. Таким образом, Октавиан один остался в Италии. Он начинает понемножку «умиротворять» страну, добывая последние остатки революции. В 36 г. его полководцу Агриппе удалось ликвидировать Секста Помпея, разбив его флот, и, таким образом, спасти Италию от голода.

Естественно, что уничтожение Секста Помпея подняло акции Октавиана в общественном мнении Италии. Это был решающий успех в его карьере.

По мере того, как Октавиан чувствовал себя более прочно, он стал сам смягчать свою террористическую политику. Он прекращает земельные экспроприации, уменьшает налоги, прекращает казни и убийства и в конце концов добивается того, что широкие слои итальянского населения, в частности нобилитет и всадничество, примиряются с ним и начинают в нем видеть избавителя Италии.

В то время как на Западе шла борьба с Секстом Помпеем, Антоний, как правильно предполагал Октавиан, надолго увяз на Востоке. Личность Антония была очень сложной, очень противоречивой, что в конце концов и объясняет нам, почему в борьбе двух претендентов на власть победителем вышел именно Октавиан. Хотя Антоний был и талантливее Октавиана, но у него не было той осторожности, той хитрости, того спокойствия и умения медленными извилистыми путями идти к намеченной цели, как у Октавиана. У Антония было больше темперамента, и это заставляло его иногда совершать такие поступки, которые все портили. В данной ситуации Октавиан больше подходил для тех исторических задач, которые перед ним стояли, хотя, как личность, он был мельче Антония.

Антоний на Востоке вел себя, как самодержец. Он познакомился с Клеопатрой, сошелся с ней и, повидимому, стал мечтать о том, чтобы создать себе сначала восточную монархию, а затем объединить Восток с Западом.

Связь Антония с Клеопатрой, его неосторожная политика на Востоке, произвольное распоряжение провинциями и раздача их своим детям от Клеопатры, — все это вызвало большое недовольство в Риме, и естественно, что Октавиан старался это недовольство поддерживать. Италия в лице своих руководящих групп начи-

нает смотреть очень враждебно на Антония, предвидя, что ей может быть нанесен удар с Востока. Благодаря этому тем сильнее сплачивается Италия вокруг Октавиана.

В 32 г. кончались полномочия Антония на Востоке. Октавиан потребовал, чтобы он сложил власть. Антоний отказался, и началась война. Антоний собрал большие силы из различных провинций Востока, но силы эти были довольно пестры по составу и мало организованы. Армия Октавиана была более организована и более однородна по составу. 2 сентября 31 г. произошла битва при мысе Акциуме (в Западной Греции в Акарнании). У Октавиана и у Антония были и сухопутные и морские силы. Антоний имел большой флот с довольно сильным египетским отрядом, номинальным командующим которого была Клеопатра. Во время битвы разыгрался очень интересный эпизод. В самом начале сражения Клеопатра отдала своему флоту приказ вернуться в Египет, и египетские корабли покинули поле битвы. Увидя это, Антоний бросился вслед за Клеопатрой на своем флагманском корабле. Его армия осталась без руководства и сдалась Октавиану.

Странное поведение Антония и Клеопатры, повидимому, объясняется влиянием египетской партии, стремившейся ограничить власть Антония и Клеопатры только Египтом или, в крайнем случае, Востоком вообще. С этой точки зрения победа Антония являлась нежелательной, так как она означала бы продолжение старой римской политики. Клеопатра прекрасно понимала, что даже в случае победы Антония она римской царицей не будет. Поэтому она хотела остаться египетской царицей, надеясь, что Октавиан оставит их в покое в Египте.

Но это были наивные надежды. На следующий год Октавиан отправился в Египет с тем, чтобы положить конец хозяйничанью Антония. Антоний и Клеопатра, не дожидаясь, пока они попадут в руки победителя, покончили жизнь самоубийством. Октавиан присоединил Египет и фактически стал неограниченным повелителем всей Римской державы.

История республики кончилась, началась история империи.

Прежде чем перейти к ней, нам нужно подвести краткий итог тому, о чем мы говорили в последней главе, и ответить на вопрос, почему пала республика.

Она пала прежде всего потому, что для подавления революции нужна была максимальная концентрация власти в форме личной военной диктатуры, и вся история борьбы с революцией, особенно начиная с Суллы, есть история постепенного оформления военной диктатуры.

Здесь большую роль играла армия. Исторически диктатура римских рабовладельцев могла оформиться только в форме военной диктатуры, диктатуры военного вождя, опирающегося на армию. Мы помним, какую роль играла римская армия, начиная с реформы Мария. С первого столетия армия стала профессиональ-

ной, не связанной ни с одним производительным классом Италии, не имела иных целей, кроме целей личной наживы, не имела других вождей, кроме победоносного полководца.

Реформа Марии была окончательным оформлением профессиональной армии, которая могла служить наиболее подходящей опорой и орудием в борьбе за власть для любого талантливого человека, любого популярного вождя, могущего повести эту армию куда угодно.

Таким образом, процесс формирования военной диктатуры шел в теснейшей связи с процессом формирования профессиональной армии. Ее создание, в свою очередь, было вызвано, с одной стороны, процессом пролетаризации римского крестьянства, а с другой, — непрерывной экспансией Рима, завоеванием все новых и новых территорий. Образование профессиональной армии не было случайностью. Это был процесс, вытекающий из всего хода римской истории.

Вопрос о формировании профессиональной армии подводит нас к другой стороне дела — к процессу социальной трансформации, перегруппировки основных социальных сил Средиземноморья. Здесь необходимо подчеркнуть момент деградации, ослабления и упадка италийского рабовладения, как такового. Этот упадок был вызван экономическим кризисом, истощением Италии и Сицилии, как следствием развития рабства и хищнической системы хозяйства, с одной стороны, а с другой стороны, аграрный кризис был результатом революции, в ходе которой Италия и Сицилия наиболее сильно пострадали.

Во всяком случае, ослабление италийского рабовладения прежде всего выражалось в ослаблении средних классов, в исчезновении средних общественных групп, в первую очередь, крестьянства. Процесс деградации крестьянства был чрезвычайно важен. Крестьянство являлось главной опорой старой римской республики, и все реформаторы, начиная с Гракхов, пытались восстановить старое крестьянство, но попытки эти были обречены на неудачу. Крестьянство Италии деградировало, и этим подрывалась основная социальная и военная опора рабовладельческой республики.

Одновременно с этим в процессе гражданской войны, в процессе революции, старая верхушка Италии — нобилитет и всадничество — получила ряд жестоких ударов, начиная с восстаний рабов, с проскрипций Суллы и кончая проскрипциями второго триумvirата. Вся история I в. есть, в сущности, история истребления правящей верхушки. Это истребление было частью физическим (тысячи сенаторов и всадников пали жертвой проскрипций), частью экономическим и социальным. Это было ослабление старой знати рабовладения, разбавление ее новыми людьми — достаточно вспомнить, какое количество новых людей ввели в сенат Сулла и Цезарь. Какие бы грабительские формы ни имели проскрипции Суллы или Октавиана, но за ними стояла крестьянская рево-

люция, в сильнейшей степени проникнутая, конечно, люмпен-пролетарскими элементами. Проскрипции, конфискация земли, раздача ее ветеранам — было своеобразным вырождением гракховской политики. За спиной Суллы и Октавиана стояли бедняки города и деревни, люмпен-пролетарии, солдаты, которые в этих конфискациях и земельных раздачах тщетно пытались добиться того, чего не могли добиться революционным путем, т. е. превращения в мелких собственников.

С этой точки зрения удары, нанесенные старой знати всеми этими конфискациями и проскрипциями, в конечном счете были ударами революции. Но, конечно, создать новое крестьянство ни Сулла, ни Октавиан не могли.

Италия до сих пор была привилегированной страной, и маленькая кучка итальянских граждан, в первую голову ее правящая верхушка, извлекала все выгоды из такого положения вещей; кое-что перепадало и низам. Теперь эта кучка получает ряд смертельных ударов от революции, а ее крестьянская опора рушится.

Таким образом, в процессе формирования мировой римской державы ее правящая социальная группа деградирует. Это означало гибель старой формы государства, старой республики и переход к новой форме организации власти.

Действительно, получалось противоречие. Римская держава была создана в интересах привилегированной группы итальянского рабовладения. В процессе ее создания эта группа бесконечно слабеет, и мировая держава теряет социальную опору. Но эта держава существует, потому что существует рабовладельческое общество. Какая же база должна быть под нее подведена? Совершенно естественно, что этой базой мог быть только класс рабовладельцев всего Средиземноморского района. По мере того, как провинции включались в состав Рима, по мере того, как правящий центр политически слабел, естественно усиливался удельный вес имущих рабовладельческих групп провинций, которые требовали участия во власти. Вот чем объясняется смягчение режима по отношению к провинциям со времени Суллы, который впервые начинает проводить новую политику, являющуюся уже выражением господства не маленькой привилегированной кучки итальянского рабовладения, а класса средиземноморского рабовладения в целом. Это объясняет нам всю политику империй, — иначе мы в ней ничего не поймем.

В дополнение можно еще прибавить, что республиканский аппарат с его ежегодно сменяемыми выборными магистратами, с его народным собранием, с его сенатом технически был мало приспособлен к управлению мировой державой. Надо было создавать новый, постоянный аппарат, и такой аппарат был создан империей.

Если мы подведем окончательный итог, то надо отметить четыре основных причины падения республики:

1) необходимость создания военной диктатуры рабовладельцев для борьбы с революцией;

2) экономическая, социальная и политическая деградация италийского рабовладения, выражающаяся как в исчезновении средней прослойки, так и в огромном ослаблении правящей верхушки;

3) усиление удельного веса провинциального рабовладения, включенного в состав новой мировой державы;

4) неудовлетворительность республиканского аппарата для управления огромной империей.

Таким образом, хотя революция и была подавлена, но она нанесла смертельный удар римской республике. Первая революция рабов явилась и первым шагом в сторону крушения рабовладельческого общества.

Х. «ПРИНЦИПАТ» АВГУСТА

Прежде всего, несколько слов относительно периодизации истории империи. Периодизация — вещь всегда довольно условная, но мы попытаемся эту периодизацию установить не на основе чисто юридических моментов, как делают обычно буржуазные исследователи («принципат», «доминат» и т. д.), но опираясь на некоторые основные социально-экономические и политические признаки. С этой точки зрения можно разделить историю империи на шесть основных периодов.

Первый период — время Октавиана Августа (от 30 г. до н. э. до 14 г. н. э.). Эти 44 года правления Августа являются переходной эпохой, когда революция временно была раздавлена и рабовладельцы могли наслаждаться «спокойствием» и «порядком».

Второй период можно назвать эпохой террористического режима. Революционные силы не были Августом уничтожены окончательно. Началось новое брожение в низах римского общества. К тому же подняла голову и республиканская оппозиция среди остатков нобилитета. Поэтому императорская власть, начиная с Тиберия и кончая Нероном (с 14 по 68 г.), переходит от сравнительно «мягких» методов управления Августа к террористическому режиму.

Третий период — относительная «стабилизация» рабовладельческого общества, с конца I в. до конца II в.

Четвертый период — с конца II в. до конца III в. — начало второго этапа революции рабов. Стабилизация кончилась в конце II в., и начался новый подъем революции.

Пятый период — вторая «стабилизация» (время Диоклетиана и Константина), с конца III в., приблизительно, до половины IV в.

Шестой период — с половины IV в. и до половины V в. — эпоха высшего подъема революции, эпоха крушения, гибели Западной римской империи.

Итак, к 30-м годам до н. э. революция была подавлена путем военной диктатуры, но подавлена весьма дорогой ценой, ценой разорения Италии и Сицилии, ценой страшного опустошения Греции, Малой Азии и ряда других провинций. Революция была подавлена ценой истребления сильных и влиятельных групп ита-

лийского рабовладения; в конце концов, она была подавлена ценой падения самой республики. Психологией имущих групп, получивших, наконец, спокойствие после столетней революции, легко объяснить тот восторг, то преклонение перед Октавианом, с которым было встречено окончание гражданской войны. Он дал, наконец, Риму, его имущим классам, мир, и потому нет ничего удивительного, что имущие классы на первых порах охотно отказались от республики. Это объясняет нам, почему римский сенат поднес Октавиану титул Августа («Священного»), каковы бы ни были официальные мотивы этого поднесения.

Если бы Август хотел, то ему, конечно, гораздо легче было бы, чем Цезарю, провозгласить себя монархом, но он был человек очень осторожный и не очень храбрый. Смерть Цезаря послужила для него в этом отношении хорошим уроком. Поэтому он не хотел форсировать событий и не провозглашал себя открыто монархом, автократом, самодержцем, — тем более, что в этом надобности не было, ибо власть Августа и последующих императоров являлась фактически не чем иным, как монархией, хотя и под видом республики. Прием здесь был старый, прием Суллы и Цезаря — концентрация республиканских магистратур в руках Августа. Республика отнюдь не была уничтожена; современники Августа были бы весьма возмущены, если бы им сказали, что они живут в монархии. Они жили в республике, которая существовала во всех своих элементах. Никаких изменений формально не произошло, только основные республиканские магистратуры были сосредоточены в руках Августа. Было, в сущности, то же, что при Цезаре, и, если бы не 14 лет перерыва между Цезарем и Августом, то мы историю империи считали бы с Цезаря.

Августу был присвоен постоянный титул императора, военного вождя. В качестве императора он получил военные права — право производить набор, назначать высший командный состав, право объявлять войну, заключать мир.

Август провел разделение провинций между собой и сенатом: себе он взял в управление, в качестве проконсула (это тоже был республиканский фиговый листок), только пограничные, наиболее беспокойные провинции: Испанию, Галлию, Сирию и Египет. Это означало, что в этих провинциях он имеет неограниченные права римского наместника. Остальные провинции оставались в управлении сената.

Кроме того, он был народным трибуном, верховным жрецом, а также неоднократно принимал консульское и цензорское звания. Таким образом, все главные республиканские магистратуры были сосредоточены в его руках. Август использовал старый, очень удобный прием сохранения старой формы при новом содержании.

Народное собрание, как и при Цезаре, продолжало существовать, но при Августе оно стало еще более покорным. После Цезаря еще более увеличилась практика политических подкупов, еще

более усилились коррупция части римлян, да и психология разбитой революции не благоприятствовала демократическому движению. Правда, мы знаем о беспорядках в Риме в 21 и 19 гг. до н. э., связанных с выбором магистратов, — но они были в начале правления Августа и не носили сколько-нибудь серьезного характера.

Система правления, установленная Августом и в основном удержавшаяся в Риме до конца III в., обычно называется принципатом. Это название произошло от слова *princeps* (первый, старший), так обычно называли сенатора, стоявшего первым в списке. Теперь это слово стали употреблять по отношению к императорам, так как Август приказал внести свое имя первым в список сенаторов, и то же продолжали делать его преемники. Буржуазные юристы много спорят на тему о природе принципата, но по существу ничего спорного здесь, конечно, нет. Принципат — это и есть монархия под видом республики. Подобное сохранение республиканской формы при монархическом содержании объясняется тем, что в силу самого хода исторических событий и особенностей римской конституции военная диктатура, начиная с Суллы, формировалась именно путем сосредоточения республиканских магистратур в одних руках. К этому нужно прибавить стойкость республиканских традиций, приверженность нобилитета к республиканским формам, с чем не мог не считаться Август.

В буржуазной науке также иногда называют систему Августа «диархией» (двоевластием), на том основании, что между императором и сенатом было проведено разделение власти: одни провинции находились в управлении Августа, другие в распоряжении сената. Существовала сенатская казна и императорская казна. Получалась двойственность между старой, чисто республиканской властью сената, и новой властью императора. Формально здесь, конечно, можно говорить об известном дуализме, но эта двойственность объясняется тем, что первые императоры, в особенности Август, считались с политическим авторитетом сената и сохраняли его; однако фактически сенат, разбавленный новыми членами и сильно ослабленный за весь предыдущий период, являлся покорным орудием в руках Августа, так что весь этот дуализм был чисто формальным.

Главной задачей своей внутренней политики Август ставил реставрацию старого римского общества. Одновременно со стараниями поддержать старые республиканские формы, нисколько не мешавшие его самодержавию, он всячески стремился очистить римское общество, особенно его верхние слои, от засорения теми «нежелательными» элементами, которые проникли туда за время революции. Прежде всего Август старался поднять авторитет сенаторского сословия. Для него был установлен очень высокий ценз в миллион сестерциев (около 100 000 золотых рублей). Таким образом, только самые богатые люди могли попасть в сенат. Но

этого мало. Не всякий богатый человек мог быть зачислен в сенаторское сословие: для этого было необходимо еще, чтобы его отец или дед были сенаторами. Август несколько раз проводил очистки сената, устрояя из него всех лиц, не подходивших по своему цензу и происхождению.

Стремясь поднять авторитет сената, Август, внешне по крайней мере, очень считался с его мнением.

Из среды знати Августом было удалено много вольноотпущенников и провинциалов, которые попали туда за время революции. Для того, чтобы «очистить» гражданство, Август принимает ряд мер. Одной из таких мер было ограничение отпуска рабов на волю. В конце республики и в начале империи чрезвычайно усилился отпуск рабов. Это было вызвано, главным образом, кризисом италийского хозяйства и разорением множества старых и богатых семей. Но отпуск рабов несомненно «засорял» римское общество с точки зрения рабовладельцев, потому что вольноотпущенник, бывший раб, становился гражданином. Многие вольноотпущенники были очень богаты и могли легко попасть если не в сенаторы, то во всадники (всаднический ценз равнялся 400 000 сест.). Этим и объясняется ограничение отпуска рабов, проведенное Августом. Что же касается вольноотпущенников, то при Августе они даже при наличии ценза не могли быть зачислены ни в сенаторское, ни во всадническое сословие. Сенатором было даже запрещено жениться на дочерях вольноотпущенников.

В тех же целях поддержания «чистоты» римского гражданства Август за время своего правления почти не давал прав гражданства провинциалам. Август усиленно боролся с распущенностью нравов. Эта распущенность, как результат резких потрясений и ломки старых устоев, достигла чудовищных размеров. Август издает постановления против разводов, ставших весьма частыми (хотя он сам был женат три раза). Борется он и с развращенностью, царившей тогда в римском обществе. Дочь и внучка Августа (Юлии) принадлежали к числу самых развратных женщин в Риме. В конце концов он был вынужден выслать из Рима их обеих.

Август проводит также ряд мероприятий против роскоши, подавая в этом отношении первый пример. Жил он в скромном доме и постоянно говорил, что носит платье, изготовленное руками только его домашних.

Во всем этом было много ханжества и показного лицемерия. Реставрационные меры Августа, конечно, не достигали целей, и распад его собственной семьи является лучшим доказательством этого. Старую римскую знать, разгромленную столетием революции, нельзя было восстановить. Ее остатки быстрыми шагами шли к гибели, и уже через пятьдесят лет после смерти Августа в Риме почти не осталось больше ее представителей.

Непосредственной опорой Августа являлась созданная им преторианская гвардия. Преторианцами еще при республике

назывался отряд личной охраны полководца (от слова претор — полководец), но Август этот отряд превратил в целый гвардейский корпус специально для охраны своей личности. Для этой цели было набрано 9 когорт по 1000 человек каждая, причем 3 когорты были расквартированы в Риме, а остальные в ближайших городах Италии. Преторианцы занимали привилегированное положение: срок службы у них был короче, чем в обыкновенной армии, жалование было выше. Выделение из армии особого корпуса, поставленного в привилегированное положение, оказалось, как увидим ниже, чревато весьма большими последствиями для императорской власти.

Август, как и его предшественники, держал народное собрание в своих руках путем всякого рода подкупов, прямых или скрытых. В его правление система кормлений и раздач достигает громадных размеров. Цезарь уменьшил число получающих хлеб до 150 000 человек. Август снова увеличил это количество, доведя его до старой цифры 300 000 человек, что составляло около трети населения Рима. Кроме этого, помимо регулярных раздач, около 300 000 человек за время Августа получили землю или денежные награды за походы.

Гладиаторские состязания и травля зверей, которые и раньше были в большой моде, становятся при Августе любимым зрелищем римской толпы. За время Августа в гладиаторских состязаниях выступило около 10 000 человек и было затравлено около 3500 диких зверей. Источники рассказывают нам о морском бое за Тибром в специально выкопанном искусственном водоеме длиной 1800 шагов и шириною 1200 шагов. Вокруг него были устроены скамьи для зрителей, а в бассейне был организован грандиозный морской бой, в котором участвовало 30 крупных кораблей, не считая мелких; помимо гребцов в бою участвовало 30 000 воинов-гладиаторов.

Политика Рима по отношению к провинциям при Августе являлась продолжением политики, начатой еще Суллой и Цезарем. Режим по отношению к провинциям продолжал смягчаться. Август разрешил провинциалам жаловаться ему лично на римских наместников; он подтвердил проведенную Цезарем отмену откупной системы для сбора прямых налогов. Но, может быть, не столько эти мероприятия, сколько прекращение гражданских войн содействовало подъему благосостояния провинций. С эпохи Августа начинается тот подъем провинциальных городов, провинциальной торговли и промышленности, который характерен для первых столетий империи.

Внешняя политика Августа очень показательна для его эпохи. Чтобы залечить раны, нанесенные гражданской войной, дать наделы ветеранам, пополнить количество рабов, необходимы были завоевания в большом масштабе. Август первоначально и пытался эти завоевания осуществить. Они шли, главным об-

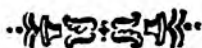
разом, по двум направлениям: на дунайской и рейнской границах. Что касается первого направления, то там действия римских войск были вполне успешны. Полководцы Августа завоевывают широкую территорию по Дунаю, где создается несколько новых провинций: Паннония, Норик, Реция. Была завоевана также Мезия и частично присоединена к провинции Македонии.

Гораздо хуже обстояли дела на рейнской границе. Сначала пасынок Августа, Друз, сын его третьей жены Ливии от первого брака, завоевал почти всю Германию между Рейном и Эльбой. Там была образована провинция, куда послали наместником Квинтилия Вара. Своей жестокостью и корыстолюбием он заслужил всеобщую ненависть только-что покоренных германских племен, которые подняли восстание во главе с вождем херусков Арминием. Вар с тремя легионами попал в засаду в Тевтобургском лесу, где он был окружен превосходными силами германцев (9 г. н. э.). В течение четырех дней длился ожесточенный бой, в результате которого все римские солдаты погибли, и все завоевания за Рейном были потеряны.

Правда, Друз огнем и мечом прошел потом по западной Германии, мстя за гибель римских легионов. Но это была только карательная экспедиция. Удержать Германию оказалось невозможно, и западную границу пришлось снова отодвинуть на Рейн. Только угол между верховьями Рейна и Дуная, названный впоследствии «десятичными полями», остался под властью Рима.

Эта крупная неудача внешней политики Августа являлась грозным симптомом начинающегося падения военного могущества Рима.

Энергичная военная деятельность на границах привела к созданию постоянной армии. Правда, фактически такая армия существовала и раньше. Август доводит ее до 25 легионов и располагает на постоянные стоянки в пограничных провинциях.

XI. ЭПОХА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

В семейной жизни Август не был счастлив. Он был трижды женат, дочери у него были неудачные, внуки умерли, и поэтому очень остро стоял вопрос о преемстве власти. У него не оставалось потомков мужского пола, так что он решил усыновить своего пасынка Тиберия, брата Друза. Тиберий был замкнутый, мрачный человек и не пользовался симпатиями Августа. Император сначала не предполагал выбрать его в преемники, но после смерти внуков и Друза у него не оставалось другого выхода. Он заставил Тиберия развестись с любимой женой и жениться на своей распутной дочери Юлии, вдове знаменитого полководца Агриппы, — этим Август хотел крепче привязать Тиберия к своей семье. Но это еще больше испортило характер Тиберия и привело фактически к его разрыву с императорской семьей.

Последние годы правления Августа Тиберий провел в добровольном изгнании на острове Родосе, где занимался литературой и философией. Когда Август умер (14 г. н. э.), Тиберию было уже 56 лет.

Все считали, что Тиберий является законным преемником покойного принцепса. Сенат декретировал ему соответствующие полномочия. Но Тиберий в первый момент разыграл комедию отказа от власти. Не то он набивал себе цену, не то по свойственной ему мрачности и подозрительности довольно искренно лицемерил. В конце концов его уговорили, и он согласился принять власть.

Август правил 44 года. За это время римское общество несколько окрепло. Низы оправались от разгрома, а аристократия отдохнула от своего испуга перед революцией.

Это объясняет нам, почему в эпоху Тиберия снова начинают шевелиться низы и начинается усиливаться республиканская оппозиция в рядах имущих классов. Это объясняет нам тот переход к террористическому режиму, который начинается с правления Тиберия. Оппозиция росла внизу и вверх, и это заставило Тиберия усилить военную диктатуру путем мер террористического характера.

Эти террористические методы укрепления диктатуры рабовладельцев вызывались тем, что императорская власть до второй половины I в. еще не нашла широкой социальной базы. Опора ее оставалась, в сущности, прежней: слабая прослойка италийского рабовладения и армия. Провинциалы еще не были привлечены к управлению. Естественно, поэтому, что, не имея широкой базы, императорская власть могла усиливать диктатуру только мерами личного террора.

Уже в самом начале правления Тиберия вспыхнуло восстание среди паннонских и германских легионов, которые не любили Тиберия и протестовали против прихода его к власти. Восстание было очень серьезным, и его удалось ликвидировать только путем значительных уступок солдатам.

На время правления Тиберия падает также несколько заговоров рабов, в частности, довольно крупный заговор 24 г. в Брундизиуме (в южной Италии). Поднимает голову и республиканская оппозиция. Сначала она выступает в довольно невинной форме памфлетов, шутильных стихотворений на Тиберия и т. д., а затем начинает принимать более серьезную форму дворцовых заговоров.

Это заставляет Тиберия усилить самодержавный режим и ослабить республиканские формы правления. Так, он отнимает у народного собрания право избрания магистратов и передает его сенату. Гораздо серьезнее было введение последовательного террористического режима, режима массовых казней и прочих мер воздействия по отношению к низам и верхам римского общества. Такая политика очень подходила к характеру Тиберия, человека подозрительного, скрытного по природе, выросшего в опале у Августа и не знавшего до последнего момента, будет ли он царствовать. Это обстоятельство усилило его природную подозрительность и превратило ее в манию, которая внесла в террористический режим элемент личного произвола, скрывающего от нас его социальную природу.

История римской империи, начиная с Тиберия, дошла до нас, главным образом, в изображении Тацита и Светония. Тацит, как мы знаем, был представителем республиканской оппозиции, а Светоний — любителем всяких пикантных и кровавых анекдотов (см. «История античного общества. Греция», стр. 34—35). Поэтому фигуры первых римских императоров дошли до нас в искаженном виде.

Не нам, конечно, защищать террористический режим римских императоров. Но объективная историческая истина требует восстановления подлинной и полной картины происходивших событий. В описании Тацита и Светония Тиберий, Калигула, Нерон, Домициан — чудовища жестокости и разврата, кровавые безумцы, ради удовлетворения своей извращенной чувственности посылавшие на казнь сотни людей и подвергавшие свои

жертвы утонченным нечеловеческим пыткам. Многие из того, что описывают Тацит и Светоний, действительно имело место. Действительно, преемники Августа, выросшие в атмосфере произвола и раболепия, окруженные сетью дворцовых интриг и заговоров, вынуждены были отчаянно бороться за свою власть, прибегая в этой борьбе ко всяким мерам. Действительно, кровавый режим личного террора губительно действовал на самих носителей его, превращая их в психопатов, одержимых манией преследования. Все это так. Но вот что неверно в изображении Тацита и Светония: в нем совершенно затупевана социально-историческая сторона процесса. Весь террористический режим изображен как дело личного произвола императоров, как продукт чудовищного извращения их характеров. Римские историки первого столетия империи не понимают, что дело здесь не в личностях императоров, а в том, что кровавый террористический режим являлся исторической необходимостью: посредством него выкорчевывались последние остатки старой республиканской знати и тем самым расчищалось место для заложения нового фундамента империи.

«Юридической» базой террористического режима Тиберия был закон об «оскорблении величества». Этот закон являлся чрезвычайно удобной формой, под которую можно было подвести все проступки и преступления, начиная с заговора и кончая неосторожно брошенной фразой на улице. На основании закона об оскорблении величества виновных предавали суду сената, и обычным наказанием здесь была смертная казнь и конфискация имущества.

Для того, чтобы усилить преторианскую гвардию, Тиберий перевел ее на постоянное жительство в Рим, построил там постоянный лагерь и увеличил власть командира преторианцев, префекта претория.

Префектом претория при Тиберии первое время был Сеян, который первоначально пользовался безграничным доверием принцепса, а потом составил заговор на его жизнь. Заговор был раскрыт. С величайшей осторожностью, чтобы не вызвать восстания преторианцев, Сеян был арестован и казнен; дело Сеяна заставило Тиберия еще больше усилить террористический режим.

Последние 7 лет своей жизни Тиберий провел на острове Капри (около Неаполя) в молчаливом уединении, не выезжая с острова и не желая никого видеть. Окруженный стражей, он занимался, если верить Светонию, утонченным развратом и казнями.

В 37 г. Тиберий умер. Место его занял Гай Цезарь, его внучатый племянник, вошедший в историю под именем Калигулы («Сапожок»). Это прозвище дали ему еще маленькому солдаты, потому что он любил носить солдатскую обувь («калига»).

При Калигуле террористический режим еще более усиливается и принимает совершенно психопатические формы. Причи-

ной этого служили как продолжающийся рост общественного недовольства, так и личные свойства императора, человека совершенно неуравновешенного. Калигула, с одной стороны, заигрывает с преторианцами, с армией, с римской толпой, а с другой стороны, жестоко подавляет всякие проявления оппозиционного и революционного движения. Таким образом проводится политика «кнута и пряника». С одной стороны, широкая организация игр, грандиозная раздача денег, всяческие послабления преторианцам, армии, с другой стороны, идет конфискация имущества, широко применяется закон об оскорблении величества. При этом Калигула воображает себя Юпитером, ставит всюду свои статуи, вводит при дворе восточные церемонии, требует земных поклонов и пр.

Этот сумасбродный произвол вызвал организацию заговора среди преторианских офицеров. В 41 г. Калигула был убит заговорщиками.

После смерти Калигулы сенат стал обсуждать вопрос об упразднении принципата и восстановлении республики. Но хозяевами положения были преторианцы, которые вовсе не хотели республики, так как это означало бы конец их привилегиям. Поэтому в тот момент, когда сенат обсуждал вопрос о том, нужно ли выбирать нового принцепса, преторианцы решили дело без сената и провозгласили императором дядю Калигулы, — пятидесятилетнего Клавдия. Сенат немедленно прекратил свои республиканские разговоры и декретировал Клавдию все права принцепса.

Клавдий попал на престол совершенно неожиданно для себя. В момент дворцового переворота он случайно попал на глаза дворцовой охране. Его отнесли в лагерь преторианцев и провозгласили императором. Клавдий по свойствам своей натуры совершенно не подходил к такому ответственному посту. Это был тучный и нерешительный человек, большой любитель покушать; он страстно любил заниматься историко-антикварными исследованиями, например, вопросом об этрусках, о римских древностях, о латинском языке (он пытался даже ввести в латинский алфавит три новых буквы). Власть только мешала ему заниматься этими любимыми вещами, и нет ничего мудреного, что фактически Клавдий не правил, а при нем всеми делами вертело несколько способных вольноотпущенников — Нарцисс, Палант и некоторые другие. Эти вольноотпущенники начинают очень важную реформу, продиктованную естественным развитием императорской власти. При Клавдии начинает создаваться аппарат императорских чиновников из вольноотпущенников; государственный аппарат развивается из аппарата личного управления императора, управления его дворцом, его имуществом, его фиском. Интересы усложняющегося правления огромной империей требовали создания постоянного бюрократического аппарата, которого не имела старая республика.

При дворе Клавдия и создается ряд ведомств, нечто вроде коллегий или министерств — финансов, юстиции и т. д., которые все более и более перерастают из чисто дворцовых в общегосударственные. Эта реформа, начатая при Клавдии, нашла свое завершение только при Адриане, в первой трети II в.

Из фактов внешней политики Клавдия надо отметить завоевание Британии.

Клавдий был женат на Мессалине, которая была настолько развратна, что ее имя стало нарицательным. Распушенность Мессалины в конце концов дошла до того, что она при живом муже-императоре официально вышла замуж за своего любовника. Поэтому Клавдий, который любил Мессалину и долго терпел ее распутство, вынужден был согласиться на ее убийство. Сейчас же после этого он женился на своей племяннице, властной и честолюбивой женщине, Агриппине Младшей, у которой был сын от первого брака, Нерон. Она добилась того, что Клавдий усыновил его, а когда это было сделано, отравила Клавдия (54 г.).

Императором стал Нерон (54—68 гг.). При нем террористический режим достиг высшей точки развития. Субъективной предпосылкой этого был характер Нерона, вступившего на престол 17-летним мальчиком, избалованным матерью, испорченным всеобщей лестью и преклонением. Но еще важнее были объективные предпосылки. При Нероне снова усиливается как революционное движение, так и республиканская оппозиция, несколько ослабевшие при Клавдии. Об этом можно судить по ряду косвенных и прямых признаков. В Риме существовал старый закон о том, что если господин убит своими рабами, то все рабы, которые в момент убийства находились под крышей дома, подлежат смертной казни. В 57 г. сенат издает постановление, что смертной казни подвергаются вместе с рабами и вольноотпущенники.

Проведение этого жестокого закона говорит нам о том, что в начале правления Нерона движение рабов усиливается. В сенате в 61 г. обсуждалось дело убитого своими рабами префекта (градоначальника) Рима — Педания Секунда. Сенат вынес постановление, что все рабы его, в количестве 400 человек, должны быть казнены. Их повели на казнь. Однако собралась огромная толпа, которая стала забрасывать стражу камнями и грозила устроить поджог, если рабы будут казнены. Пришлось вызвать регулярные войска, которые оцепили шпалерами всю дорогу к месту казни, и только тогда рабов удалось казнить.

Мы знаем о ряде других волнений, которыми полно царствование Нерона и которые являлись грозными предвестниками надвигающейся революции. В довершение ко всему в 64 г. произошел страшный пожар Рима. Он длился 6 дней. Из 14 районов Рима уцелело только 4; 3 сгорели до основания, а в остальных остались полуобгоревшие и полуразрушенные дома. В обществе стали

циркулировать упорные слухи о том, что город подожгли по приказанию Нерона, которому не нравился старый Рим и который собирался построить новый город.

Повидимому, слухи о поджоге не имели под собой реальной почвы.

Но характерно, что они держались чрезвычайно упорно. На этой почве, несмотря на то, что римское правительство оказало широкую помощь погорельцам, начались волнения. Чтобы отвести обвинения в поджоге, была пущена официальная версия о том, что Рим был подожжен какими-то злоумышленниками, принадлежавшими к разным тайным организациям. Много людей было арестовано по обвинению в поджоге и подвергнуто мучительным казням. Христианская традиция считает их христианами. Однако, это чистая легенда, так как в эту эпоху христианство, как самостоятельное течение, еще не выделилось из числа других восточных сект и культов.

В 65 г. был раскрыт крупный заговор римской аристократии во главе с Кальпурнием Пизоном. В нем принимало участие большое количество знати, но заговорщики действовали крайне вяло и нерешительно, и тянули до тех пор, пока не были выданы.

Таким образом, Нерону пришлось царствовать в чрезвычайно накаленной атмосфере, и он повторяет политику Калигулы, политику «кнута и пряника». С одной стороны, Нерон старается задобрить массы играми, раздачами, кормлениями, а с другой — обрушивается жестоким террором на остатки старой римской аристократии, возобновляет дела об оскорблении величества и производит массовые конфискации имущества.

Нерон не щадил и своих родственников. Он приказал отравить сына Клавдия — Британника, могущего быть претендентом на трон, приказал убить свою мать Агриппину, которая мешала ему своим властным характером.

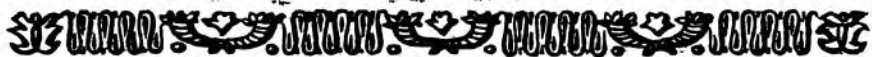
Особенно жестокий террор разразился после раскрытия заговора Пизона. В связи с ним погиб воспитатель Нерона, знаменитый философ-стоик Сенека, погиб Лукан, известный поэт, Петроний, автор «Сатирикона», и огромное количество других лиц. В результате, почти вся римская аристократия была истреблена.

Кровавый режим Нерона усугублялся еще тем, что он считал себя великим артистом, певцом, поэтом. На этой почве разыгрывалось множество кровавых инцидентов. Достаточно было не совсем горячо выразить свой восторг перед «артистом», чтобы попасть в опалу и быть осужденным на смерть.

Провинции оказались тем слабым местом, где дала трещину система принципата в той ее форме, которая сложилась после смерти Августа. Колоссальное расточительство Нерона привело к усилению налогового гнета на провинции и вызвало там огромное недовольство. В 66 г. вспыхнуло восстание в Иудее. В 68 г.

началось восстание в Галлии, во главе с ее наместником Виндексом, затем поднялись и другие провинции. В конце концов восстали и преторианцы. Тогда сенат объявил Нерона врагом отечества. Покинутый всеми, он бежал с несколькими рабами и вольноотпущенниками из Рима и по дороге кончил жизнь самоубийством (68 г.)

ХІІ. НАЧАЛО «СТАБИЛИЗАЦИИ»

После смерти Нерона около года происходила гражданская война. Она являлась грозным предвестием того, что Рим ожидало в дальнейшем. Гражданская война была борьбой провинций против центральной власти и вместе с тем — друг с другом, за ту же центральную власть.

За год с небольшим в Риме сменилось три императора: наместник Испании Гальба, ставленник преторианцев Отон и наместник Германии Вителлий. Каждый из них царствовал по несколько месяцев и свергался своим преемником. В конце концов, победителем в этой борьбе в 69 г. вышел командующий сирийской армией, Тит Флавий Веспасиан, ставший основателем новой династии Флавиев.

Как было сказано выше, еще в 66 г. началось восстание в Иудее. Там притеснения римских чиновников чувствовались особенно сильно, благодаря обостренному национальному и религиозному чувству евреев. Иудейская беднота находилась под двойным гнетом: собственных богачей и римлян. Во главе восстания и стала партия zelотов, партия городской бедноты.

Римские гарнизоны были перебиты, вся страна была охвачена восстанием. Нерон отправил на Восток своего лучшего полководца Веспасиана, которому в течение двух лет удалось подавить восстание всюду, кроме Иерусалима, окруженного мощными оборонительными сооружениями и расположенного в трудно доступной местности. В 69 г. сирийские легионы провозгласили Веспасиана императором. Он отправил на Запад своих помощников, которые разбили Вителлия. В 70 г. Веспасиан сам поехал в Рим в качестве общепризнанного императора, оставив заканчивать Иудейскую войну своему сыну Титу.

Тит подвез из Египта свежие войска и осадил Иерусалим. Осада длилась с апреля по сентябрь 70 г. Несмотря на инженерное искусство римлян, которое стояло тогда очень высоко, все же потребовалось большое количество времени для того, чтобы взять этот мощный укрепленный центр, окруженный тройным кольцом стен. Только жестокий голод, об ужасах которого нам

рассказывает Иосиф Флавий в «Иудейской войне», подорвал силы защитников и облегчил римлянам их задачу. Город был взят после ожесточенного сопротивления и разрушен. Иудею заняли большим количеством войск, а на евреев, где бы они ни жили, была наложена личная подать.

Таким образом, царствование Веспасиана началось в огне иудейского восстания. Почти одновременно вспыхнуло и другое восстание, еще более опасное для Рима — германского племени батавов, живших в устье Рейна. Во главе восстания стоял их вождь Юлий Цивилис. Это восстание было особенно опасно тем, что к ним примкнули некоторые германские и галльские племена и даже римские легионы. Оно являлось продолжением того короткого, но глубокого кризиса, который разразился в Риме после смерти Нерона. Положение было настолько серьезным, что Галлия на некоторое время фактически отделилась от империи. Но Веспасиану удалось справиться с восстанием — частью силой, частью уступками; в частности, батавам удалось добиться освобождения от податей.

Проницательным людям в Риме (к числу их принадлежал и Веспасиан) было ясно, что террористический режим расшатал императорскую власть и, вместо того, чтобы укрепить диктатуру, в конце концов ослабил ее. Надо было резко менять внутреннюю политику.

Прежде всего Веспасиан занялся укреплением дисциплины в армии, сильно упавшей за время правления последних императоров и кризиса 68—69 гг. Веспасиану пришлось также потратить много энергии на упорядочение финансов, крайне расстроенных беспорядочными тратами предшествовавшего периода. Ценой жестокой экономии ему удалось улучшить финансовое положение империи. Нужно было позаботиться и об укреплении границ, особенно рейнской.

Но основной мерой Веспасиана, имевшей огромное принципиальное значение, было создание новой римской знати из числа богатых провинциальных рабовладельцев. Мы уже указывали, что императорская власть при Юлиях опиралась на очень узкую социальную базу из остатков италийского рабовладения. Террористический режим еще больше сузил эту базу, истребив почти всех представителей старой знати. Получилось резкое противоречие между императорской властью, висевшей в пустоте, и потребностями огромного целого, объединенного в империю. Кризис 68—69 гг. ясно показал, что провинциальное рабовладение не намерено больше терпеть такой порядок вещей, при котором оно было устранено от управления.

Веспасиан учел жестокий опыт 68—69 гг. и стал широко включать в состав сенаторского и всаднического сословий богатые и знатные семьи из провинций. Некоторые провинциальные общины (напр., в Испании) получили права латинского граждан-

ства. С этого момента был заключен мир между императорской властью и провинциями. Таким образом Веспасиан, политику которого в этом вопросе продолжали и его преемники, положил начало периоду «стабилизации» империи, продолжавшемуся около 100 лет.

Преемником Веспасиана был его сын Тит (79—81 гг.). Он продолжал политику своего отца, жил в дружбе с сенатом и до такой степени сумел заслужить доверие верхушки римского общества, что получил прозвище «Любовь рода человеческого».

В самом начале правления Тита, 24 августа 79 г., произошло знаменитое извержение Везувия, залившее жидкой грязью (пеплом, смешанным с дождем) и лавой три небольших провинциальных города, — Помпеи, Геркуланум и Стабии. Катастрофа разразилась настолько быстро, что жизнь городов мгновенно оказалась законсервированной во всех ее деталях и почти нетронутой пролежала под землей 17 столетий. Раскопки дали здесь бесценный археологический материал для знакомства с жизнью провинциальных городов Италии I в. н. э.

Во время извержения погиб знаменитый римский естествоиспытатель Плиний Старший, командовавший римским флотом, стоявшим около Неаполя. Узнав об извержении, Плиний, занимавшийся собиранием материалов по естественной истории, вышел на берег, чтобы иметь возможность лучше наблюдать грозное явление природы. Во время своих наблюдений он и погиб от ядовитых газов.

Титу наследовал его брат Домициан (81—96 гг.). При нем происходит рецидив террористического режима. Этот рецидив был совершенно закономерным явлением, поскольку расширявшаяся социальная база, конечно, не могла сразу же дать полную устойчивость императорской власти. Процесс «подведения» прочного фундамента под военную диктатуру был весьма длительным, и в течение его не раз носители этой диктатуры испытывали искушение вернуться к методам Тиберия, Калигулы и Нерона. К тому же необходимо учитывать и логику развития самодержавия. Республиканские формы были только фиговым листком. Чем больше укреплялось самодержавие, тем меньше было надобности в этом листке. Домициан был третьим императором из дома Флавиев. Его отец и брат твердо сидели на престоле. Естественно, что у него явилась иллюзия абсолютной крепости его власти и появились автократические замашки. Личный характер Домициана, отчасти напоминающего Тиберия, сам по себе очень подходил к этому. При жизни отца он был нелюбимым сыном, завидовал брату, занявшему престол, и не надеялся стать императором. Так же, как и у Тиберия, в характере его развились скрытность, мрачность и подозрительность.

Первое время Домициан считается с сенатом и держится осторожно. Но уже в самом начале своего царствования он стремится

к поднятию авторитета императорской власти и требует, чтобы его называли «dominus» — господин, «deus posterus» — наш бог.

Чем дальше, тем все сильнее выступают у него самодержавные замашки. Он совершенно перестает считаться с сенатом и начинает обходиться с ним чрезвычайно высокомерно. Такого обращения ни его отец, ни брат никогда себе не позволяли. Однако Домициан был довольно популярен среди широких масс римского населения и среди провинциалов. Он энергично боролся с произволом императорских чиновников, с их продажностью и взяточничеством. Для того, чтобы дать работу населению и увеличить свою популярность, Домициан заканчивает начатое его предшественниками строительство общественных зданий и разрабатывает план нового строительства. С домом Флавиев связана постройка знаменитого амфитеатра — Колизея. Домициан не забыл и традиционных мер воздействия на римскую толпу — организации игр, раздачи подарков и повышения жалования солдатам.

Все эти затраты привели к повышению налогов и к возобновлению системы конфискаций. Это вызвало рост недовольства, что заставило Домициана прибегнуть к казням.

Правда, теперь оппозиция не могла быть такой сильной, как раньше, да и самый террор проявлялся слабее: сказывалось расширение социальной базы императорской власти. Тем не менее в 96 г. Домициан пал жертвой дворцового заговора.

ХІІІ. «СТАБИЛИЗАЦИЯ» (НЕРВА, ТРАЯН, АДРИАН, АНТОНИН ПИЙ)

После краткого рецидива террористического режима при Домициане, наступает длительный период «стабилизации», так называемый «счастливый» или «золотой век империи» — правление четырех первых императоров из дома Антонинов: Нервы, Траяна, Адриана и Антонина Пия.

Эта относительная стабилизация (мы увидим потом, почему ее можно назвать только относительной) была в основном порождена, как мы знаем, укреплением социальной базы императорской власти.

Императоры из дома Антонинов не были, как Юлии, правителями только Италии. В гораздо большей степени они являлись монархами всей империи, были защитниками интересов рабовладения всего Средиземноморья.

Кроме того, стабилизация объясняется некоторым подъемом римской экономики в продолжении I столетия н. э., подъемом, тесно связанным с наступившим после подавления революции успокоением. Этот подъем выражался в оживлении провинциальной торговли и ремесла. Некоторые провинции, особенно Галлия, развивают промышленность. Галльские изделия, например, посуда, начинают даже конкурировать с итальянскими товарами. Растет внешняя торговля Рима. Нам известно о торговых сношениях Рима в I в. с Аравией, Индией и Китаем. Плиний Старший в «Естественной истории» говорит о том, что Рим ежегодно покупает в Аравии, Индии и Китае товаров на сумму не меньше чем на 100 миллионов сестерциев. Правда, значения этой торговли нельзя преувеличивать, так как торговали, главным образом, предметами роскоши, но и этот факт показателен, как симптом некоторого оживления рабовладельческого хозяйства в I в. н. э.

Затем известную роль сыграл и террористический режим. Хотя он в конечном счете ослабил центральную власть, но своей непосредственной цели достиг: новая вспышка революционно-демократического движения была надолго задушена, а также была окончательно сломлена оппозиция старой республиканской знати.

Таковы основные причины стабилизации, наступившей после убийства Домициана.

Преемником его заговорщики выдвинули старого сенатора Нерву (96—98 гг.). Его кандидатура была утверждена сенатом, и он правил в полном согласии с этим учреждением. С другой стороны, Нерва умел ладить и с военной силой. Хотя его правление было очень коротким, но при нем было положено начало ряду важных мероприятий, которые будут впоследствии развиты его преемниками.

После революции II—I вв. Италия не выходит из аграрного кризиса. О падении сельского хозяйства говорит в своем произведении писатель I в. н. э. Колумелла. Недороды и голодовки стали обычным явлением в Италии I в. н. э. Этот аграрный кризис развивался параллельно с ростом латифундий как в Италии, так и в ближайших к ней провинциях. Мы знаем, например, что Нерон казнил шесть крупных землевладельцев, которым принадлежала половина провинции Африки. Еще Тиберий тщетно пытался бороться с кризисом. Теперь за это берутся императоры эпохи стабилизации.

Нерва начинает практиковать выдачу итальянским землевладельцам ссуд для поднятия сельского хозяйства. Процент с этих ссуд шел в «алиментарный фонд», т. е. фонд, предназначенный для воспитания сирот и детей бедных родителей из италиков.

Этими мерами Нерва начинает политику, которая будет все расширяться в течение II в.

О чем говорит эта политика государственной благотворительности? Повидимому, обычными мерами (раздачей хлеба, вина и т. п.) уже нельзя было справиться с растущим обнищанием масс и пришлось обратиться к более организованным и реальным мерам помощи. Повидимому, за внешним процветанием эпохи «стабилизации», за показным блеском «золотого столетия», в глубинах рабовладельческого общества происходили какие-то процессы распада. Огромное количество подкидышей, сирот, рост бедноты — стали социальным злом, с которым нужно было бороться в государственном масштабе и который служил грозным симптомом надвигающегося кризиса всей рабовладельческой системы.

Нерва был старым человеком. Он не имел детей и поэтому усыновил наместника Германии, крупного полководца Ульпия Траяна, который после смерти Нервы вступил на трон (98—117 гг.).

Перед Траяном стояли те же задачи борьбы с кризисом, что и перед Нервой. Он издает закон о том, чтобы сенаторы не меньше трети своего состояния вкладывали в сельское хозяйство Италии; по мысли законодателя, это мероприятие должно было привлечь капиталы в итальянское землевладение, но фактически оно привело к дальнейшему росту латифундий, а следовательно, к еще большему обнищанию итальянского населения. Рост бедноты объ-

ясняет дальнейшее развитие при Траяне алиментарного фонда и расширение старой политики кормлений, — раздач хлеба, вина, масла. Но все это были паллиативы, и помочь беде они не могли. Тогда Траян, один из наиболее крупных римских императоров, делает последнюю попытку выйти из кризиса. Он — единственный из римских императоров — попытался в широком масштабе встать на старый путь внешних завоеваний. В борьбе с кризисом он резко разрывает с традиционной внешней политикой империи, которая со времени Августа ограничивается, главным образом, только активной обороной границ.

С одной стороны, завоевания должны были дать большое количество рабов, а кроме того на вновь завоеванные территории можно было вывести колонистов.

Траян вел две упорных и кровопролитных войны с племенем даков, населявших теперешнюю Румынию, в результате которых Дакия была обращена в провинцию и заселена римскими колонистами. Сцены из Дакийской войны изображены на известной колонне Траяна, до сих пор стоящей в Риме.

Завоевание Дакии поставило в зависимость от Рима северное побережье Понта; старые греческие колонии, где теперь появляются римские гарнизоны. Если эти области формально и не входили в состав римской империи, то, во всяком случае, они являлись опорными пунктами римского влияния на Черном море.

На Востоке Траян также переходит в энергичное наступление. Была завоевана северная Аравия и предпринят большой поход против парфян. В результате этого похода была захвачена часть Армении и вся Месопотамия вплоть до Персидского залива.

Дальше этих областей границы римской империи никогда не заходили. В конце царствования Траяна граница империи шла от Шотландии по Рейну, срезала угол между верховьями Рейна и Дуная, затем шла по Дунаю, захватывала Дакию, часть Армении, Месопотамию до Персидского залива, северную Африку, Испанию и Галлию.

Когда войска Траяна были в Месопотамии, у них в тылу начались восстания, к тому же император заболел. Эти обстоятельства заставили его прекратить войну. Во время обратного похода он умер (117 г.).

Не имея прямых наследников, Траян по установившемуся обычаю усыновил одного своего дальнего родственника, Элия Адриана, который после его смерти стал императором (117—138 гг.).

Как только Адриан вступает на престол, он отказывается от восточных завоеваний своего предшественника и возвращает парфянам отнятые у них области. Этот факт очень интересен. Отказ от завоеваний нельзя объяснить какими-нибудь личными свойствами Адриана. Как правитель, Адриан был человек достаточно твердый; он шел на эти уступки очевидно только потому, что импе-

рии было не под силу удержать завоевания Траяна. Таким образом попытка выйти из кризиса путем активизации внешней политики потерпела крах.

В связи с этим необходимо указать и на другую меру Адриана. Задолженность государству была так велика и так безнадежна, что Адриану пришлось пойти на сложение старых недоимок. Огромная сумма в 900 миллионов сестерциев, накопившаяся в течение ряда лет за отдельными налогоплательщиками, была снята с них, очевидно, потому, что римское правительство понимало всю безнадежность собрать эти деньги.

В эпоху Адриана происходит завершение бюрократизации римской империи, начатой еще при Клавдии. Эта бюрократизация была совершенно закономерным процессом, поскольку огромный организм империи в тогдашних условиях мог управляться только посредством постоянного чиновничьего аппарата.

При Адриане значение сената и выборных должностей падает. Значительная часть функций сената переходит к императорскому совету, организованному Адрианом. Совет носил совещательный характер, его члены назначались императором и получали жалование, как чиновники, в отличие от сената, который, несмотря ни на что, все же сохранил некоторую тень самостоятельности. В число членов императорского совета Адриан включил в большом количестве юристов.

На чиновничьи должности Адриан преимущественно назначает лиц из всаднического сословия. Но само всадничество Адриан реорганизует. До сих пор всадничество представляло группу денежных и торговых капиталистов, и зачисление в это сословие требовало определенного имущественного ценза. Адриан отменяет имущественный ценз для всадников и устанавливает либо служебный ценз (определенное количество лет службы в императорских канцеляриях), либо образовательный (юридическое образование). Право в эту эпоху очень развивается в соответствии с большой пестротой империи и сложными задачами ее управления. Во II в. появляется ряд крупных юристов, которые становятся ближайшими помощниками императоров.

Адриану пришлось ликвидировать остатки того восстания, которое началось еще при Траяне. В нем широкое участие приняли и евреи. Подавив восстание, Адриан решил уничтожить Иудею, очаг восстаний еще со времен Нерона. Иерусалим был переименован в римскую колонию Элию Капитолину, а евреям были запрещены религиозные обряды. Это вызвало восстание 132 г., самое крупное восстание в Иудее. Во главе его стоял некто Симон, прозванный Бар-Кохба, что значит «Сын звезды». Симон считался своими последователями Мессией, т. е. помазанным божьим, который должен спасти еврейский народ от страданий и дать ему господство на земле.

Восстание охватило всю Иудею, и римской армии пришлось бороться с ним в течение трех лет. После подавления восстания Иудея была разорена дотла, и евреям был запрещен доступ в Элию Капитолину. Этим был нанесен новый страшный удар еврейскому народу, и именно это больше всего способствовало рассеянию евреев по всей империи.

Адриан воплотил в себе все богатство античной культуры. Он был человек очень талантливый и чрезвычайно разносторонний. Он писал стихи и ученые исследования, занимался музыкой, живописью, математикой, скульптурой и медициной. Адриан являлся большим поклонником эллинистической культуры и широко покровительствовал восточным и греческим городам, возводил там постройки, реставрировал старые здания и т. п. За это он пользовался очень большой популярностью в Греции, где был обожествлен под именем Зевса Олимпийского. Обожествлена была и его жена Сабина («Гера»).

Адриан две трети своего царствования провел в путешествиях. Он побывал во всех концах огромной империи и всюду оставил следы своей беспокойной деятельности.

Римский биограф Адриана характеризует его следующим образом: «В одно и то же время он был суров и весел, снисходителен и строг, бережлив и щедр, жесток и милостив и всегда во всем разнообразен». Адриан с сложностью его натуры, с его вечным беспокойством является типичным продуктом уже умирающей античной культуры. Он вобрал в себя все богатство этой культуры и стоит уже на грани новой эпохи. Отсюда его необычайная разносторонность и сложность, отсюда этот дух вечного беспокойства, эта нервность, столь характерная для всех эпох декаданса.

Последние годы своей жизни Адриан одиноко провел в своей знаменитой вилле, где и умер в 138 г.

После него власть переходит в руки усыновленного им Антонина, прозванного «Благочестивым» (138—161 гг.).

Его долгое правление прошло спокойно, главным образом, потому, что деятельность Нервы, Траяна и Адриана все-таки внесла известное укрепление в государственную систему. С Пия начинается смягчение суровых норм уголовного права и, в частности, проводится запрещение убийства собственных рабов. Эта мера весьма симптоматична, так как она была продиктована общим кризисом рабовладения.

Антонин Пий, не имея детей, усыновил двух лиц — Марка Аврелия и Люция Вера. Оба они стали императорами, но фактически правил Марк Аврелий, прозванный Философом (161—180 гг.).

XIV. ПАДЕНИЕ АНТОНИНОВ

Эпоха Марка Аврелия является концом «стабилизации». При нем все процессы внутреннего распада, процессы кризиса, которые продолжались на всем протяжении империи, выступают наружу и сказываются в резком ухудшении внутреннего и внешнего положения империи. Обеднение масс достигает при Марке Аврелии огромных размеров; развивается финансовый кризис, выражающийся в небывалом истощении императорской казны. В тесной связи с кризисом стоял и страшный голод, разразившийся в начале царствования Марка Аврелия; положение осложнилось жестокой чумой, занесенной с Востока и нашедшей благоприятную почву среди обнищавшего населения.

Вспыхивает ряд восстаний в Египте, в Галлии, в Сирии. Появляется узурпатор — сирийский наместник Авидий Кассий, который провозгласил себя императором и был признан на Востоке. Однако, ему удалось процарствовать только три месяца, после чего он был убит своими же сторонниками.

Ухудшение внутреннего положения империи вызвало усиление напора варваров на границах. Пользуясь ослаблением Рима, различные племена, жившие на периферии римского мира, за пределами его границ, начинают все сильнее и сильнее давить на пограничную полосу.

Нападения варваров вызывают необходимость в усилении армии, т. е. требуют новых расходов, а новые расходы приводят к увеличению налогов; нищета населения растет, получается порочный круг, из которого нет выхода.

Еще в конце правления Антонина Пия началась война с парфянами из-за Армении. При Марке Аврелии они вторглись в Сирию. Люцию Веру удалось отвоевать Армению и с трудом вытеснить парфян из Сирии. Война шла удачно, так что в 165 г. римские войска даже перешли Тигр. Но в это время в тылу армии начался голод и чума, с парфянами пришлось заключить мир и вернуть войска обратно.

Почти сейчас же вслед за этим вспыхнула война с племенами маркоманнов, квадов и языгов, живших к северу от верхнего Дуная. В 167 г. эта федерация племен прорывает дунайскую

границу и доходит до Италии, все опустошая на своем пути — случай неслыханный за время империи. С величайшим напряжением всех сил римлянам удалось вытеснить варваров из Италии, но уходя, они увели с собой сотни тысяч пленных. Положение изменилось: раньше римляне уводили пленных в рабство, а теперь их самих стали уводить в плен.

Для борьбы с этими вторжениями и для укрепления границ Марк Аврелий начинает впервые применять меру, которая в дальнейшем оказалась чреватой весьма тяжелыми последствиями для Рима. Эта мера состояла в том, что императорское правительство начинает поселять варваров на пограничной римской территории с правом обрабатывать землю и служить за это в римских войсках. Таким образом, варварскому напору правительство Марка Аврелия пытается противопоставить барьер в виде варваров же. Эта мера была вызвана тем, что никаких армий не хватало для того, чтобы создать достаточно прочную преграду на границах, тем более, что убыль населения империи и его обнищание крайне затрудняли пополнение армии, и этот переход на систему военных колоний на границе был, в конце концов, единственным выходом. Но совершенно понятно, какие последствия могла иметь эта система, и насколько опасна была такая варваризация пограничной римской территории.

В 177 г. маркоманны и квады снова прорвали дунайскую границу. Марк Аврелий бросил против них большие войска, и ему удалось достичь довольно крупных успехов.

Но в 180 г. он умер на театре военных действий в городе Виндобоне (теперешняя Вена).

Марк Аврелий-Философ был стойком по своим убеждениям и оставил интересное произведение под названием «К самому себе».

Первая заповедь Марка Аврелия — подчинение чувства разуму. Вторая — служение долгу: «Выполняй то дело, на которое ты поставлен».

Эти два основные этические положения стоицизма особенно типичны для эпохи. Стоицизм для Марка Аврелия, как и для Сенеки, служил средством не активной борьбы с окружающим злом, а средством пассивного спасения, ухода личности от зла, которое настигает человека со всех сторон и готово его поглотить. Впрочем, нужно подчеркнуть, что у Марка Аврелия стоицизм носил более действенный характер, чем, например, у Сенеки, с его проповедью самоубийства.

Преемником Марка Аврелия был сын его Коммод (180—192 гг.), которому было тогда только 19 лет, ненавидевший лагерную жизнь и войну, мечтавший вернуться в Рим и пожить там в свое удовольствие. Он немедленно заключил мир на выгодных для варваров условиях.

Коммод больше всего на свете любил спорт и гладиаторские состязания; государственными делами он совершенно не зани-

мался. Вместо него правили префекты претория, допуская всевозможные злоупотребления, вплоть до торговли должностями; так, например, в 189 г. в Риме было одновременно 25 консулов.

Коммод не ладил с сенатом, и его сумасбродства привели к тому, что в 188 г. был организован заговор на его жизнь, в котором принимали участие его жена и сестра. Заговор был раскрыт, в ответ начались массовые казни, причем пострадало преимущественно ближайшее окружение Коммода. Опору для себя он ищет в гвардии, осыпая преторианцев милостями. Гвардия распустилась до последней степени, дисциплина пала, а Коммод продолжал выступать в гладиаторских состязаниях. В конце концов он поселился в гладиаторской казарме и 1 января 193 г. собирался вступить в должность консула в костюме гладиатора, но в ночь на 1 января он был убит заговорщиками, во главе которых стоял префект претория Эмилиий Лет.

После этого началось разнузданное хозяйничание преторианцев. На место Коммода они выдвинули в качестве императора одного сенатора по имени Пертинакса. Сенат утвердил его императором, но преторианцам он показался слишком расчетливым. Пертинакс пытался обуздать солдатчину, поднять дисциплину, сократить подарки и уменьшить жалование, и поэтому преторианцы его убили.

Затем императорский сан был куплен у преторианцев одним богачом, Дидием Юлианом.

Но в это время начинаются восстания в провинциях — в Британии, Сирии, Паннии. Падение авторитета центральной власти сейчас же отражается на том, что провинциальные наместники пытаются захватить императорскую власть. Повторяется то же, что произошло после смерти Нерона.

В конце концов, верх в этой борьбе взял наместник Паннии Люций Септимий Север. Его признал сенат, Дидий Юлиан был казнен, и летом 193 г. Септимий Север стал императором. Он был основателем четвертой династии римских императоров — династии Северов.

XV. ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ СЕВÉРОВ

Период конца II и начала III вв. представляет последнюю попытку скрепить разваливающееся здание империи железными тисками военно-бюрократического аппарата. Эта попытка была сделана последней династией принципата — Северами, особенно в лице ее основателя.

Мы знаем, что империя с самого своего возникновения была, прежде всего, военной диктатурой. Этот военный характер принципата иногда выступал больше, иногда меньше, но, во всяком случае, тенденция развития шла в сторону его усиления. Естественно, чем больше рос кризис, тем сильнее должен был проявиться военный характер империи.

С другой стороны, с эпохи первых императоров из дома Юлиев начинает складываться бюрократический аппарат империи, достигший при Адриане своего полного развития. Таким образом, военизация и бюрократизация империи являлись двумя закономерными процессами, протекавшими параллельно друг другу вплоть до конца II в. Совершенно естественно, что должен был наступить момент, когда оба процесса слились, завершившись образованием единого военно-бюрократического имперского аппарата. Это и произошло при Северах.

Кроме этого, Северы завершают и другой процесс, также начавшийся с момента образования империи: процесс расширения ее классовой базы. Один из Северов распространяет права гражданства на всех свободных жителей империи.

Основатель новой династии — Септимий Севér (193—211 гг.) был человек суровый и решительный и начал свое правление энергичной мерой, имевшей целью поднять упавший за последние годы авторитет императорской власти.

Вступив в Рим, он в первую очередь обезоружил и расформировал преторианцев. Эта мера была абсолютно необходима, так как окончательно разложившиеся преторианцы представляли величайшую опасность для самой власти. Септимий делает своей опорой армию в целом, т. е. провинциальные легионы. Для этого

им был проведен ряд мероприятий, связанных друг с другом внутренней последовательностью. Самым основным было объявление военной должности центуриона всаднической должностью.

Эта мера имела очень важное принципиальное значение. Всякий солдат, дослужившийся до центуриона, получал тем самым доступ во всадническое сословие. И до этого указа солдат мог дослужиться до должности центуриона, но дальнейшее продвижение было для него закрыто, так как все высшие командные должности замещались лицами из сенаторского или всаднического сословий. Указ Септимия резко порывал со старым порядком: перед выслужившимися из солдат центурионами открывалось широкое служебное поприще. Это станет особенно ясно, если мы вспомним, что со времени Адриана бюрократический аппарат империи пополнялся, главным образом, представителями всаднического сословия, для которого больше не требовалось имущественного ценза.

Таким образом, со времен Септимия Севера имперский бюрократический аппарат начинает пополняться из бывших военных, т. е. происходит слияние военного и гражданского сословий, военного и бюрократического аппаратов.

Затем Септимий легализует солдатские семьи. Раньше солдаты во время нахождения на действительной службе законной в полном смысле слова семьи иметь не могли. Солдатские семьи находились на полупегальном положении. Теперь солдатская семья приравнивалась к гражданской законной семье.

Но Септимий Север не только легализует солдатские семьи, но и дает им разрешение жить особыми поселками вблизи постоянных лагерных стоянок армии.

Кроме того, в пограничных местностях солдатам было разрешено обрабатывать землю. Таким образом, военный лагерь как бы превращался в сельскохозяйственную колонию, а солдаты — в военных колонистов.

Эти меры — легализация солдатских семей и образование военных поселений типа сельскохозяйственных колоний — имели целью депрофессионализировать армию, слить ее более органически с хозяйственной системой Рима и тем самым укрепить военную базу империи. С другой стороны, эти меры были вызваны и растущей натурализацией хозяйства империи, при которой централизованное снабжение армии становилось все более трудным делом. Превращая военную часть в хозяйственную единицу, Септимий тем самым переводил армию (по крайней мере, частично) на самоснабжение.

Кроме этого, нужно отметить еще один существенный момент. Как мы видели выше, со времен Марка Аврелия начинается варваризация римской армии путем поселения пленных варваров и свободных варварских племен в пограничной полосе. Этот процесс после Марка Аврелия не только не приостановился,

но все более и более развивался, так как комплектование армии с каждым десятилетием становилось все более трудным делом. Создавая военные колонии в пограничной полосе, Септимий Север шел навстречу этому процессу, так как военно-земледельческие колонии были единственной формой заселения пограничной полосы варварами.

Итак, с эпохи Северов начинается одно из важнейших явлений поздней империи, значение которого для всей дальнейшей истории ее было огромным: новое изменение социального состава римской армии. Когда-то, во времена ранней республики, она была крестьянской армией, затем превратилась в армию профессионалов, люмпен-пролетариев, и, наконец, теперь снова начинает становиться крестьянской армией. Правда, это было уже не прежнее крепкое италийское крестьянство. Частично это были варвары, частично — италийская и провинциальная беднота, превратившиеся в военных поселенцев.

При Септимии Севере авторитет сената падает еще больше. Септимий лично терпеть не мог сената. Укрепление военно-бюрократического аппарата делало совершенно лишним этот пережиток прошлого, и естественно, что император лишает сенат всякого реального значения.

Быше было указано, что начавшаяся с Августа система «диархии», формального разделения власти между императором и сенатом, — находила выражение в двойственности правительственной казны. Существовали две государственные кассы: одна «эрарий» — старая казна римской республики, и другая «фиск» — императорская казна.

Септимий Север сливает оба казначейства, причем основой, на которой происходит слияние, является не эрарий, а фиск. Эрарий превращается в отделение фиска.

Хотя Септимий Север и распустил старую преторианскую гвардию, но преторианского корпуса, как такового, не уничтожил. Он был набран вновь, осталась и должность префекта претория, причем этот последний получил не только военную, но и гражданскую власть. В руки префекта претория передается суд над провинциалами. Поэтому на должность префекта претория в эпоху Северов почти всегда назначали крупных юристов.

Для полноты характеристики деятельности первого Севера надо отметить еще одну важную меру: италийки лишаются своего прежнего привилегированного положения в государстве. Септимий по отношению к Италии принял звание проконсула; а так как это звание императоры принимали только по отношению к провинциям, то следовательно, и Италия стала рассматриваться Септимием как провинция, ничем не отличавшаяся от других провинций.

В частности, италийки потеряли то исключительное право, которым они до сих пор обладали, — служить в преторианской

гвардии (до Септимия преторианцы вербовались только из италиков). Новый корпус преторианцев был составлен из лучших солдат провинциальных легионов.

Во внешней политике Септимия надо отметить удачную борьбу с парфянами и менее удачную — с бриттами. В Британии в 211 г. он и умер.

У Септимия Севера осталось два сына — Гета и Бассиан, бывшие его соправителями.

Бассиан вошел в историю под данным ему солдатами прозвищем Каракаллы (это имя, повидимому, происходит от названия галльского племени, в котором любил ходить Бассиан).

Оба брата смертельно ненавидели друг друга. На другой же год после смерти отца Бассиан убил Гету и казнил многих его сторонников. Фактически государством правил не Каракалла (он был полным ничтожеством), а его мать Юлия Домна, вдова Септимия, властная и решительная женщина.

Каракалла был настоящим солдатским императором. Он жил с солдатами в казармах, ел вместе с ними и щедро награждал их. Это привело к значительным расходам, к увеличению налогов и к расстройству финансов.

Важнейшим мероприятием правительства Каракаллы было издание в 212 г. императорского эдикта (*Constitutio Antoniniana*), по которому все свободные жители империи, приписанные к какому-нибудь месту, получили права гражданства. Этот закон завершил длительный процесс борьбы италиков и провинциалов за римское гражданство.

Жестокость Каракаллы вызвала организацию заговора на его жизнь. Во главе заговора стоял префект претория Макрин, выслужившийся из простых солдат, мавританец по происхождению. Он и стал императором после убийства Каракаллы (217 г.). Макрин отменил некоторые налоги, но зато снизил увеличенное при Каракалле солдатское жалование. На этой почве началось недовольство солдат, которые стали мечтать о возврате к временам первых двух Северов.

После смерти Каракаллы Юлия Домна лишила себя жизни. В живых осталась ее сестра Юлия Меза с двумя дочерьми. Все они были отправлены в ссылку в город Эмесу, в Сирию, откуда эта семья происходила родом.

У старшей дочери Мезы, Созимии, был 14-летний сын, по имени Авит Бассиан. Этот мальчик занял в Эмесе должность жреца бога солнца Элагабала (или Гелиогабала).

Когда в армии началось недовольство против Макрина, сирийская армия провозгласила императором этого внука Мезы, как представителя семьи Северов (его обычно звали просто Элагабалом).

Макрин был разбит под Антиохией, бежал и по дороге был убит (218 г.).

Элагабал в качестве императора прибыл в Рим. Сенату не оставалось ничего другого, как принять бога Элагабала в число римских божеств, потому что новый император никак не желал расстаться со своей жреческой должностью. Впрочем, в этом не было ничего особенно странного, так как в эту эпоху многие из восточных божеств переносятся в римский пантеон. Новому богу даже соорудили на Палатине храм.

Элагабал был совершенно ничтожный, жестокий и развратный мальчишка, и всеми государственными делами управляла его бабушка Юлия Меца. Ее младшей дочерью была Маммея, у которой также был сын по имени Александр, приходившийся, следовательно, двоюродным братом Элагабалу. При дворе начались жестокие интриги между Соэмией и Маммеей. Последней удалось добиться того, что Элагабал усыновил Александра, а когда это произошло, преторианцы по наущению Маммеи убили Элагабала (222 г.).

На престол вступил последний представитель династии Северов — Александр, принявший имя Севера Александра (222—235 гг.).

Ему было только 12 лет, так что первое время делами распоряжалась его мать Маммея.

Во время правления последнего Севера мы видим любопытную, заранее обреченную на неудачу попытку покончить с военным режимом предшествовавших царствований и вернуться к сенаторскому режиму.

При Александре Севере большую роль играют крупные юристы, вроде префекта претория Ульпиана, одного из создателей системы римского права, и его помощника — Юлия Павла. Делается попытка оживить сенат путем создания особого комитета из 16 сенаторов, которому был передан ряд важных функций.

Но возврат к прошлому был невозможен. Наряду с сенатом и сенаторским комитетом продолжает действовать императорский совет и даже играет большую роль, так как все законодательные меры обсуждаются в совете, а административные — в сенате.

Правительство Александра Севера пытается провести некоторые меры по упорядочению налогов, удешевлению кредита, улучшению алиментарной системы, но все было тщетно. Катастрофа надвигалась гигантскими шагами.

В армии растет глубокое недовольство гражданскими тенденциями правительства. На этой почве произошло восстание преторианцев, которые на глазах у Маммеи и Александра убили Ульпиана. Это было первым предостережением династии.

В это время резко ухудшается положение на восточных границах, что связано с переворотом, происшедшим в парфянском государстве.

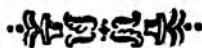
Правящей династией у парфян была династия Арсакидов. Против нее в 20-х гг. III в. восстал Ардашир, наместник Персии,

входившей в состав парфянского царства. Арсакиды были свергнуты (они удержались только в Армении) и во главе государства встала персидская династия Сассанидов (по имени одного из предков Ардашира). Это означало, что персы в парфянском государстве заняли господствующее место. Вот почему парфянское царство после воцарения Сассанидов называется ново-персидским царством, в отличие от старо-персидского царства Ахеменидов.

Приход к власти персидских элементов вызвал новый расцвет персидской культуры, и, в частности, новый подъем религии Заратустры. Однако, эта религия выступила теперь в форме культа Митры, бога солнца и войны.

Под знаком Митры происходит мощный напор персов на восточные границы Рима. Римляне вытеснены из занятых ими частей Месопотамии, персы проникают в Сирию и Каппадокию.

Александр Север с тремя армиями двинулся против персов. Ценой больших усилий и крупных потерь удалось отбросить персов, но в этот самый момент на Дунае и Рейне начался сильный натиск варваров. Римское командование, не dokonчив войны с персами, двинуло войска на север. Там война пошла без сколько-нибудь решительных успехов. Эти военные неудачи усилили существовавшее в армии недовольство политикой последнего Севера и вызвали давно подготовлявшийся взрыв. В армии был организован заговор, во главе которого стоял Максимин, в прошлом фракийский крестьянин, начавший свою военную карьеру еще при Септимии Севере. Благодаря своей колоссальной физической силе и необычайному росту, он быстро выдвинулся и прошел всю лестницу чинов, вплоть до командира легиона. Александр и его мать были убиты, а Максимин провозглашен императором (235 г.). С этого момента длительный кризис империи перешел в революцию.

XVI. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ III В.

Выше мы не раз указывали, что уже с конца республики и с первых десятилетий империи центральные области римской державы вступили в полосу длительного кризиса. За внешними показателями кажущегося благополучия первых двух столетий империи скрывались грозные процессы распада рабовладельческой системы.

Причины этого явления крылись в противоречиях рабства. Многие столетия господства рабовладельческого способа эксплуатации в Средиземноморье подрывали в конце его производительные силы. Римское хозяйничанье двух последних столетий республики в огромной степени ускорило процесс деградации рабовладельческой системы, а первый тур революции послужил здесь решающим и окончательным толчком (подробнее об общих причинах кризиса будет сказано ниже).

Если улучшение экономики в эпоху «стабилизации» и имело место, это касалось некоторых провинций, в частности, Галлии, или таких поверхностных экономических явлений, как внешняя торговля. Что же касается центральных областей римской империи, как например Италия или Сицилия, и основной хозяйственной формы — сельского хозяйства, то здесь яркие симптомы кризиса выступают, как мы видели, уже при Тиберии. Римская агрономическая мысль I столетия империи, в лице Колумеллы, констатировала этот кризис и правильно вскрыла его основную причину. «В то время, как наши предки сами обрабатывали землю, — говорит он, — мы, словно в наказание, отдали ее худшим рабам».

В области сельского хозяйства, начиная с конца III в. до н. э., происходил, как мы знаем, процесс концентрации земли. Ни попытки аграрных реформ, ни наделение земель ветеранов, ни земельные пертурбации вторых триумвиров не остановили этого процесса. К I столетию империи концентрация земли достигает чудовищных размеров. Приведенное выше свидетельство Плиния Старшего, что Нерон конфисковал владения шести земельных собственников, которым принадлежала половина провинции Африки, или образ крупнейшего богача и земельного магната Тримальхиона, выведенного Петронием в «Сатириконе», — являются

немногими из огромного ряда фактов, подтверждающих эту концентрацию.

Самыми крупными землевладельцами были сами императоры. Практика конфискаций эпохи террористического режима создала колоссальные земельные владения правивших династий. Рядом с ними существовало и много частных земельных собственников из новой имперской знати: бывших вольноотпущенников, провинциалов и т. п.

Но концентрация земли еще не означала концентрации хозяйства. Централизованное латифундиальное хозяйство последних столетий республики начинает падать уже с I в. империи. И в этом мы должны видеть самый основной факт, свидетельствующий о глубочайшем кризисе рабовладельческой системы.

Что же идет на смену латифундиальному рабовладельческому хозяйству? Хозяйство мелких полусвободных сьемщиков земли, колонов. Колонат имеет свою длинную историю. В эпоху республики колонами называли мелких арендаторов земли. Тогда колонат не играл сколько-нибудь значительной роли, так как господствующая хозяйственная форма, централизованная рабовладельческая латифундия подавляла все другие виды сельского хозяйства.

Картина меняется в I в. н. э. Из Колумеллы мы знаем, что труд колонов занимает уже довольно важное место в экономике Италии. Многие помещики предпочитают значительную часть земли не обрабатывать сами, а сдавать ее в аренду колонам. Причина — непроизводительность рабского труда и большая эффективность труда свободных колонов. Когда какая-нибудь форма эксплуатации идет к упаду, всегда в таких случаях теоретическая мысль господствующих классов начинает жаловаться на непроизводительность существующей формы труда. Вспомним передовых русских помещиков XIX в., жалующихся на непроизводительность крепостного труда. Так было и в Риме. Катон и Варрон, писавшие в эпоху расцвета рабства, не замечают еще непроизводительности труда рабов; Колумелла ее прекрасно видит.

В I в. н. э. колоны в основном еще продолжают оставаться свободными арендаторами. Но из текста Колумеллы видно, что в их отношениях к помещику есть какой-то оттенок принудительности. Так, Колумелла предпочитает иметь дело с «наследственными» колонами и говорит о каких-то работах колонов в пользу помещика. Так что считать колонат I в. системой «чистой» аренды, повидимому, уже нельзя. Колоны уже попадают в зависимость от помещиков, лишаящую их полной свободы настоящего арендатора.

В этом нет ничего удивительного, так как колоны вербовались из бедноты, часто не имеющей ни инвентаря, ни рабочего скота, ни семян. Поэтому они сразу же залезали в долги к по-

мещику, из которых им было крайне трудно выбраться. Это подтверждают показания Плиния Младшего (племянника известного натуралиста), крупного землевладельца и чиновника эпохи Траяна. Плиний в своих письмах жалуется, что за его колонами накопилась беда недоимок, и ему постоянно приходится делать им разные послабления.

Эпиграфический материал II в., рисующий положение колонов в императорских поместьях, говорит о настоящей барщине, которую должны отбывать колоны в течение нескольких дней в неделю. Таким образом, в продолжение двух столетий империи идет процесс закрепощения колонов, превращение их из свободных арендаторов в полукрепостных наследственных сьемщиков земли. Это закрепощение пока было только фактическим, но с IV в. начинается и его юридическое оформление (об этом ниже).

Аналогичный процесс децентрализации крупного хозяйства выступает и в другой, еще более характерной форме. Рабовладельцы эпохи империи, отдавая себе отчет в непроизводительности рабского труда, все шире начинают практиковать отпуск рабов на оброк. В области сельского хозяйства это выражается в том, что раба сажают на участок земли и предоставляют ему возможность вести относительно самостоятельное хозяйство при условии уплаты определенного оброка и выполнения барщинных работ на господском участке. Раб получает право иметь некоторое имущество (пекулий) и семью. Таким образом, наряду с колонами из свободных, появляются колоны из рабов. Хотя юридически между ними существовала большая разница, но фактически к III в. положение их стало почти одинаковым: и те и другие являлись прикрепленными к земле наследственными производителями, отдававшими прибавочный продукт собственникам земли.

Таким образом, в области сельского хозяйства старая форма эксплуатации, старая рабовладельческая система сильно модифицируется. Крупное централизованное хозяйство распадается на parcelные хозяйства колонов (при сохранении и даже росте крупной земельной собственности), а старое использование раба, как голый рабочей силы, лишенной средств производства, в хозяйстве рабовладельца — сменяется более смягченной формой рабства, при которой раб, оставаясь рабом, наделяется средствами производства и ведет относительно самостоятельное хозяйство.

То же самое мы наблюдаем в ремесле, в горном деле и в других отраслях хозяйства, где применялся раньше труд рабов. И здесь мы видим либо отпуск рабов на оброк, либо широкое развитие вольноотпущенничества. Освобождение рабов, с которым пытался бороться еще Август, не только не прекращается при его преемниках, но достигает огромных размеров. Оно давало рабовладельцам удобный способ повысить производительность труда, сохраняя отношения зависимости вольноотпущенника к его бывшему господину.

Падение рабства в его «классической» форме отражалось и на улучшении юридического положения раба, на смягчении законодательства о рабах, о чем мы говорили выше.

Однако, попытки рабовладельцев выйти из кризиса путем применения смягченных и тем самым более эффективных приемов эксплуатации не достигли цели. Было слишком поздно. Производительные силы империи были окончательно подорваны, и кризис нагребал с каждым десятилетием. Нищие колонны, сразу же попадавшие в зависимость от помещиков, мало чем отличались от рабов, и едва ли их труд мог вывести Рим из кризиса. К тому же над непосредственным производителем, будь это «свободный» колон, раб, посаженный на землю, или ремесленник, отпущенный на оброк, висела совершенно непомерная тяжесть налогов, уничтожавшая всякую возможность повышения производительности труда и накопления излишков, всякую возможность улучшения материального положения непосредственных производителей. Гибнущее рабовладельческое государство в жестокой борьбе за свое существование прибегало к отчаянным средствам выжимания последних остатков.

Положение империи к III в. стало действительно безвыходным. Уже с эпохи Марка Аврелия Рим был охвачен жестоким финансовым кризисом, в котором яснее всего выражался крах всей общественной и государственной системы. Мы указывали уже, что торговый баланс Италии был всегда пассивным. Но при республике это не имело вредных последствий, так как утечка благородных металлов компенсировалась непрерывным притоком ценностей из провинций. При империи положение изменилось к худшему. Смягчение провинциального режима и сокращение внешних завоеваний означали падение доходов Италии. Слабо развитая итальянская промышленность и вывоз вина и масла, конечно, не могли компенсировать этого процесса. С другой стороны, ввоз предметов роскоши в первые столетия империи, благодаря возрастающему паразитизму господствующего класса, все увеличивался (см. приведенное выше свидетельство Плиния о торговле Рима с Аравией, Индией и Китаем). Результатом этого явилось исчезновение из обращения благородных металлов.

С этим злом правительство пытается бороться путем своеобразной «эмиссии»: путем уменьшения количества благородных металлов в монетах при сохранении их номинальной стоимости. Дело дошло до того, что к концу III в. количество серебра в монетах уменьшилось до 5%. Но это, конечно, не могло спасти положения. Наоборот: цены росли, торговый оборот сокращался, и население не хотело брать порченой монеты.

Само собой разумеется, что финансовый крах империи во II и III вв. н. э. в основном объясняется не пассивностью торгового баланса Италии. Это только одна из причин, правда весьма существенная. Корень нужно искать в общем расстройстве рабства

дельческой экономики. Здесь на первом месте необходимо поставить падение производительности труда в сельском хозяйстве. Переход к системе колоната не мог уничтожить это явление, а самое большее — только приостановить его на короткое время. Неурожаи и голодовки, ставшие бытовым явлением в эпоху империи, ярко свидетельствуют об этом.

Свертывается городское ремесло и катастрофически сокращается торговля. Сужение денежного хозяйства выражается, между прочим, в натурализации жалованья и налогов. В III в. солдаты и чиновники начинают частично получать жалованье натурой — продуктам, одеждой и т. п. Это было тем легче сделать, что значительная часть налогов также собирается теперь в натуральной форме. Уже и раньше такие хлебобродные провинции, как Египет и Африка, платили налоги хлебом. Но с конца II в. и другие провинции частично начинают переходить на натуральные налоги.

Явлением такого же порядка был рост всякого рода натуральных поставок и повинностей, которыми облагалось население: обязанность чинить мосты и дороги, перевозить казенные грузы и т. п. Городские ремесленники обязаны поставлять государству определенное количество своих изделий, для чего правительство берет под свой контроль ремесленные союзы, коллегии и превращает их в чисто-фискальные органы. Впрочем, этот процесс достигает полного развития только в IV в., и мы скажем о нем позднее.

Мы видели уже, как внутреннее ослабление империи ухудшало ее внешнее положение. Начиная с конца II в. в огромной степени возрастает напор варваров (германцев, парфян, персов) на римские границы. Это заставляет правительство увеличивать расходы на армию. В то же самое время растет бюрократический аппарат, также предъявляющий огромные требования к императорской казне. Рост чиновничества ускоряется прогрессирующей натурализацией римской экономики, так как чем больше становился удельный вес натуральной формы налогов, тем обширнее должен был быть аппарат, необходимый для учета и контроля.

Все эти в огромной степени возросшие потребности колоссального государства должны были удовлетворяться налогоплательщиками и только ими, так как иных источников дохода у римского правительства не было. Сказанное объясняет нам то катастрофическое ухудшение положения народной массы, которое наступает со II в. н. э. и о котором мы не раз говорили в связи с политической историей империи.

Из кого же состояла эта масса непосредственных производителей римской империи III в. н. э.? Конечно, никаких статистических данных в нашем распоряжении нет, и мы должны определить ее социальный состав на основании различных косвенных признаков и общих соображений. Несомненно, что количество рабов к III в. сильно уменьшилось. Здесь сказывались и сокращения

их притока извне и широкое развитие вольноотпущенничества. Повидимому, основными производителями в эту эпоху стали колонны, в своей значительной части фактически прикрепленные к земле. Оставалось еще некоторое количество свободных мелких собственников — крестьян, но, повидимому, их было немного. В городах, в богатых семьях еще сохраняются многочисленные рабские «фамилии», но они заняты преимущественно непродуктивным трудом. Сильно упавшее городское ремесло находится в руках частью вольноотпущенников и рабов на оброке, частью свободных ремесленников, которые, подобно колоннам, постепенно закрепощаются государством (об этом ниже).

Вот на эту-то массу и обрушилось всей своей тяжестью издыхавшее рабовладельческое государство. Непомерный и все растущий гнет налогов и повинностей, голодовки и эпидемии, вымогательства чиновников, тяжелая и продолжительная военная служба, сокращение ремесла и торговли, огромный рост дороговизны, закрепощение прежних свободных производителей и фактическое уравнивание их с рабами — все это делало положение широких масс населения римской империи в начале III в. совершенно невыносимым. Выход был только один — революция.

XVII. РЕВОЛЮЦИЯ III ВЕКА

Убийство последнего Севера и провозглашение императором Максимиана послужили тем толчком, который развязал все революционные силы. События 235 г. формально были военным переворотом, а Максимиан — солдатским императором. Все это, как мы знаем, не раз бывало в истории империи. Точно так же и в дальнейшем ходе революции армия и ее вожди будут играть очень большую роль. Однако, было бы ошибкой считать и переворот 235 г. и дальнейшие события только военным бунтом по типу обычных для империи преторианских переворотов.

Мы знаем, что к III в. социальный состав римской армии изменился. Она в своей значительной части перестала быть старой профессиональной военщиной. Особенно это относится к пограничным легионам, состоявшим из крестьян, военных колонистов и варваров. Такая армия принимала участие в революции не столько в качестве деклассированной группы, сколько как определенная классовая величина, отражавшая интересы крестьянских низов римского общества. И хотя в событиях III в. иногда сильно чувствуются элементы деклассированной и разнузданной солдатчины, но не эти элементы определяют основной ход событий.

К сожалению, источники по истории III в. крайне скудны и недостоверны, и составить сколько-нибудь правильное и полное представление о ходе событий невозможно. Для эпохи Максимиана (235—238 гг.) мы опираемся, главным образом, на Геродиана, второстепенного греческого историка III в. Что же касается основного источника по истории революции в целом, то таковым является сборник биографий императоров от Адриана до Нумериана (конец III в.), известный под названием «*Scriptores Historiae Augustae*» («Писатели истории Августов»). Для характеристики этого сборника достаточно сказать, что мы не знаем ни того, кем он составлен, ни того, когда он составлен. В сборнике много документального материала, сплошь фальсифицированного. Поэтому показания «*Scriptores*» постоянно приходится проверять краткими и отрывочными указаниями, содержащи-

мися у поздних римских и византийских писателей: Аврелия Виктора, Евтропия, Зосимы и др.

В целом наши источники дают весьма яркую картину правления Максимиана. Так, например, у «Scriptores» мы читаем:

«Никого из порядочных людей он вокруг себя не терпел, но правил совершенно по образцу Спартака и Афиниона».

А Геродиан говорит следующее:

«Каждый день можно было видеть тех, кто вчера были самыми богатыми людьми, а сегодня нуждались во всем. Такова была жадность тирана, который прикрывался предлогом, что ему нужны деньги для уплаты жалованья солдатам».

Тот же Геродиан в другом месте пишет:

«В Риме и в провинциях свирепствовала кампания убийств... Одни были распяты на кресте, другие зашты в шкуры недавно убитых животных, третьи брошены диким зверям, четвертые забиты насмерть палками».

Если даже допустить во всех этих показаниях некоторые преувеличения, порожденные риторикой и субъективно-классовой точкой зрения наших источников, то и в этом случае характер правления Максимиана не вызывает никаких сомнений. Это была диктатура армейских низов, направленная против имущих классов. Многие города были разграблены отрядами бывшего фракийского крестьянина, занимавшего императорский трон, и масса представителей знати пала жертвой террора. Конечно, Максимиана нельзя считать революционером, а его солдат — революционной армией в точном смысле этого слова. Для этого во всем движении слишком сильны были элементы деклассированного солдатского бунта, и далеко не всегда можно установить контакт между армией и народной массой. Но поскольку солдатское движение направлялось против имущей верхушки, оно объективно било по рабовладельческому обществу и выступало союзником и весьма часто — застрельщиком революции. Против Максимиана в Африке рабовладельцы выдвинули в качестве императоров крупного богача, проконсула Гордиана, и его сына, тоже Гордиана. Но оба они погибли в борьбе со сторонниками Максимиана. Сенат, узнав о провозглашении Гордианов, немедленно признал их законными императорами. Известие об их гибели повергло сенат в отчаяние. Немедленно же из сенаторской среды были выдвинуты два новых императора — Максим (Пупиен) и Бальбин.

Максимин, узнав о событиях, происходивших в Африке и Италии, двинулся с дунайской границы, где он оставался до сих пор, на Рим. Сенат и оба «сенаторских императора», вокруг которых сплотились все собственнические элементы империи, развивали огромную энергию в подготовке гражданской войны. Во все провинции были посланы сенатские делегации, которые должны были вести агитацию против Максимиана; те местности Италии, через

которые должна была пройти его армия, приказано было опустошить, чтобы лишить ее продовольствия.

Под Аквилеей на севере Италии Максимин встретил первое сопротивление. Ему пришлось осадить сильно укрепленный и прекрасно снабженный продовольствием город. Вся окружающая местность была опустошена. В армии начался голод. Эмиссары сената повели агитацию против Максимина и им удалось отколоть от него армейскую верхушку. Максимин был убит, а растерявшаяся армия сдалась сенатским войскам (238 г.).

Таким образом, рабовладельцам удалось ликвидировать первый взрыв мятежа. Но это было только начало. Победители Максимина, Максим и Бальбин, в том же 238 году были убиты солдатами, мстившими за своего вождя. Их преемником стал Гордиан III, внук Гордиана I. Но и он также был убит во время борьбы с персами (самыми опасными врагами империи на Востоке в этот период). Он пал жертвой военного заговора, возглавлявшегося его префектом претория, Филиппом Арабом (его называли «Арабом» потому, что он был сыном одного арабского шейха; злые языки говорили, что до службы в римской армии он занимался разбоем). Филипп Араб был провозглашен императором, и ему удалось просидеть на троне целых 5 лет (244—249 гг.), но и он погиб во время борьбы с новым претендентом, Децием, которого выдвинули войска в Мезии.

С половины III века гражданская война и связанный с нею внешний и внутренний распад империи достигают наибольшей степени. Десятилетие от 260 до 270 г. обычно называется эпохой 30 тиранов. Это название появляется впервые у «Писателей истории Августов» и заимствовано из греческой истории («30 тиранов» в Афинах). Но, конечно, ничего общего здесь нет. «30-ю тиранами» сборник называет несколько десятков «узурпаторов», которые во время правления «законного» императора Галлиена появлялись в различных частях империи. Одни из них поддерживались провинциальными рабовладельцами, которые, потеряв всякую надежду на то, что центральная власть справится с революцией, выдвигали собственных императоров. Другие, наоборот, были ставленниками низов, как, например, галльский «император» Марий, в прошлом простой ремесленник.

В эпоху «30-ти тиранов» вспыхнуло еще раз восстание рабов в Сицилии, связанное с пиратским движением, о чем наш источник, к сожалению, говорит только одной, да и то не вполне ясной фразой.

Гражданская война внутри империи осложнялась варварскими вторжениями.

Особенно опасным противником были персы. Около 260 г. император Валериан, отец Галлиена, был даже взят персами в плен и там умер. Персы далеко проникли в восточную половину империи. В это же время на рейнской и дунайской границах разроа-

ненные варварские племена начинают объединяться в большие племенные федерации. Таково, например, было объединение «готов» в северном Причерноморье.

В верховьях Рейна образуется федерация «аламантов», на нижнем и среднем Рейне появляются саксы и франки. Галлия неоднократно опустошается.

Южные границы империи, до сих пор относительно спокойные, также прорываются. На юге появляются мавританские племена, которые из северной Африки опустошают Испанию.

Волны готского нашествия разоряют Балканский полуостров. Были взяты и разграблены Афины, опустошена Малая Азия. В это же время римские войска были вынуждены очистить Дакию.

В довершение всех бедствий в половине III века вспыхнула страшная эпидемия чумы, продолжавшаяся около 15 лет.

Во всех этих сложных явлениях мы, вследствие жалкого состояния наших источников, далеко не всегда можем по-настоящему разобраться. Но общая картина движения ясна. В ней на ясном фоне солдатских мятежей выступает единый фронт рабов, колоннов, городских бедняков и варваров, направленный против господствующего класса рабовладельцев.

Вполне понятно, почему в III в. мог создаться такой единый фронт.

Он создался потому, что все более стирались границы между рабами и свободными мелкими производителями. Колонны, занимавшие промежуточное положение между свободными и рабами, и являлись тем связующим звеном, которое объединяло этих последних.

Все нивелирующий гнет империи сделал то, что старая разница между свободными бедняками и рабами, разделявшая революционные силы на первом этапе революции, теперь исчезла. И если рабовладельцы когда-то разбили поодиночке своих врагов, то теперь они не могли устоять против единого фронта революции.

К этому нужно прибавить, что в армии находилось много варваров, что широкая пограничная полоса была занята варварскими поселениями, что многие колонны и рабы являлись теми же варварами, единоплеменниками тех, которые прорывали границы империи.

«Римские провинции полны варварами-рабами и скифами-земледельцами», читаем мы в одном из источников этой эпохи. Отсюда становится понятным, почему варварские нашествия так легко затопляли империю: их с восторгом встречали все угнетенные классы империи, которым они несли освобождение.

Однако, рабовладельческое общество все же еще было настолько крепким, что свалить его удалось далеко не сразу.

С 70-х годов III в. наступает некоторый перелом, и революция медленно идет на убыль.

Начало этого перелома связывается с именем императора Аврелиана (270—275 гг.).

Благодарные рабовладельцы дали ему прозвище «*Restitutor orbis*» — Восстановитель вселенной. Это звучит, может быть, слишком гордо, потому что этот «восстановитель вселенной» царствовал всего пять лет и был убит солдатами, как и его предшественники. Однако, это название имеет все же некоторый смысл, потому что именно с Аврелиана революционная кривая начинает снижаться.

Аврелиан вел удачные войны с германцами, и ему удалось подавить длительные галльское восстание, снова присоединив Галлию к империи. Аврелиан уничтожил также независимое государство Пальмиру в восточной Сирии. Раньше Пальмира была римским городом, одним из передовых постов римской власти на Востоке. Пальмирские купцы держали в своих руках караванную торговлю с Востоком, и за время постоянной смены императоров в половине III в. пальмирские правители стали совершенно самостоятельными.

Они служили оплотом Рима против персов. Так, например, пальмирский князь Оденат остановил персидское нашествие после взятия в плен императора Валериана. Поэтому Галлиен даже признал Одената в качестве августа Востока. Однако, Оденат никогда не называл себя правителем римской империи, так что этот титул не дал ему реальных прав.

После смерти Одената (он был убит одним из своих родственников) его место заняла его вдова Зенобия в качестве регентши при малолетних сыновьях Одената. При Зенобии Пальмира достигла высшего расцвета. Это был огромный, богатый город, замечательно благоустроенный. Пальмирское государство было настолько сильно, что завладело даже Египтом и большей частью передней Азии. Таким образом, Восток отпал от Рима. Поэтому Аврелиан, при котором наступило временное укрепление центральной власти, выступил походом против Пальмиры. Войска Зенобии были разбиты, сама она взята в плен. Город был занят римлянами, но не тронут. Однако, когда Аврелиан пошел обратно, в Пальмире вспыхнуло восстание. Тогда Аврелиан вернулся и разрушил город.

В то же время произошло восстание в Александрии, во главе которого стоял крупный промышленник и торговец папирусом Фирм. Повидимому, это движение было такого же порядка, что и в Пальмире и в некоторых других провинциях: александрийские рабовладельцы намеревались отделиться от ослабевшей империи. Но и восстание Фирма было Аврелианом подавлено.

На правление Аврелиана падает крупное восстание в самом Риме, так называемое движение монетариев. Застрельщиками восстания были ремесленники и рабы, работавшие на римском монетном дворе. К движению монетариев примкнули широкие

массы городских рабов и ремесленников. Насколько восстание было серьезным, показывает тот факт, что при подавлении его погибло 7000 человек правительственных войск.

В 275 г. Аврелиан, как и все его предшественники, пал жертвой военного заговора.

После него царствуют два ставленника сената: Тацит (утверждали, что он приходился родственником знаменитого историка) и после него его брат Флориан. Каждый из них правил по несколько месяцев. Первый был убит заговорщиками, второй — своими войсками. В 276 г. к власти приходит император Проб (276—282 гг.), провозглашенный сирийскими легионами. Правление Проба представляет дальнейший шаг к стабилизации, к временному подавлению революции.

Проб вел ряд удачных войн. Ему удалось отвоевать территорию, расположенную между верховьями Дуная и Рейна. Источники говорят, что Проб прилагал много забот о поднятии в империи сельского хозяйства, в частности виноградарства, упавшего за время революции. Но и он был убит солдатами, недовольными его строгостью и стремлением поднять дисциплину в армии.

Преемником Проба стал префект претория Кар, провозглашенный солдатами императором и процарствовавший только год.

Кар был первым императором, не обратившимся за утверждением к сенату.

Он довольно удачно воевал на восточных границах империи и погиб на Тигре, как сообщают, от удара молнии (283 г.). Вероятнее всего и он был убит.

После смерти Кара начинается новая борьба за власть. В 285 г. на престол вступил Диоклетиан, происходивший из иллирийских солдат и провозглашенный императором в Никомидии.

На начало его правления (или несколько ранее) падает первый взрыв крупнейшего восстания галльских колонов и рабов, обычно называемого движением багаудов («багауд» — галльское слово и означает «бродяга»). Это была настоящая крестьянская война, к которой примкнули городские рабы и беднота. В первый момент она охватила всю Галлию, которая снова была потеряна для империи. Багауды разрушали города и крупные виллы. У них были даже собственные царя. Нам известны имена двух таких царей — Элиана и Аманда, выпускавших монеты.

Движение багаудов было временно подавлено помощником Диоклетиана, Максимианом. На некоторое время оно затихло, выродившись в грабежи на больших дорогах, но затем неоднократно вспыхивало вновь. Движение тянулось в общей сложности около 150 лет, перебросившись впоследствии в Испанию.

XVIII. ДИОКЛЕТИАНО-КОНСТАНТИНОВСКАЯ «СТАБИЛИЗАЦИЯ»

Диоклетиан правил с 285 по 305 г. Самая продолжительность его царствования, совершенно необычайная для предыдущей эпохи, свидетельствует о том, что при Диоклетиане, повидимому, была достигнута новая стабилизация империи. Однако, эта стабилизация была еще более короткой и еще более относительной, чем предыдущая.

С Диоклетиана буржуазные историки ведут начало «домината». Это название происходит от слова «dominus» — господин. С эпохи Диоклетиана «dominus» делается официальным титулом императора и, таким образом, «принцепс», т. е. первый сенатор, превращается в «господина». Таким образом, к концу III века все формы, иллюзии и традиции, сохранившиеся от старой республики, исчезают, и монархия, фактически существовавшая и раньше, в эпоху домината оформляется юридически. Доминат — это монархия, совершенно открытая и не завуалированная никакими республиканскими пережитками.

Изменение внешнего характера императорской власти выражается и в других признаках. Император окружает себя пышным церемониалом по восточному образцу. Он начинает носить корону и надевать роскошную одежду. Во время аудиенции люди падают ниц перед императором и т. д.

Вместе с тем сенат, за время революции снова было окрепший, как центр консолидации всех сил реакции, теряет всякое значение в государственном управлении и превращается в муниципальный совет. Его окончательно вытесняет императорский совет, получивший характерное название «консистерия» (от глагола *consistere*, что значит «стоять вместе»: члены консистерия не могли сесть в присутствии императора).

Таким образом, с конца III в. империя превращается в абсолютную монархию восточного типа, в монархию «божией милостью». Ее глава окружается ореолом божественности, и не случайно в начале IV в. происходит признание государством христианской церкви, которая дает идеологическое обоснование само-

державной власти, а вместе с тем становится одной из важнейших социальных опор восточного деспотизма.

Причины этого совершенно ясны. В борьбе с революцией происходит дальнейшее развитие формы государства. Начав с принципата Августа, пройдя через террористический режим, «либеральную» монархию Антонинов и военно-бюрократическую систему Северов, диктатура рабовладельцев делает последнюю попытку подавить революцию. Для этого она превращается в восточную деспотию.

Что касается организации империи при Диоклетиане, то здесь нужно отметить два параллельных процесса. Усиление центральной власти, повышение авторитета императора, рост военно-бюрократического аппарата и увеличение налогов — один процесс, процесс централизации империи; одновременно с ним шел другой процесс, процесс децентрализации, так как история III в. показала, что центральному правительству справиться с революцией невозможно.

Вот почему Диоклетиан — один из наиболее крупных государственных деятелей древней истории — правильно понял необходимость дать законный выход сепаратистским тенденциям провинций. По мере того как распадалась римская хозяйственная система, происходил и распад империи на отдельные части. Это был факт, который необходимо было признать. Для этой цели Диоклетиан разделил империю на четыре части. Сначала он взял себе в соправители своего друга Максимиана. Оба они приняли титулы августов. Восточную часть империи взял в управление Диоклетиан, а западную получил Максимиан. Но на этом деление не остановилось. Каждый из августов в дальнейшем взял себе в помощь по одному цезарю. Диоклетиан — Галерия, Максимиан — Констанция Хлора.

Диоклетиан управлял Азией, Египтом и Фракией, причем столицей его был город Никомидия. В руках Максимиана находились Италия, Африка и Испания. Столицей этой части империи был не Рим, а Медиолан (Милан). Если бы Рим остался столицей, это означало бы, что тот, кто правил в Риме, был бы старшим императором, тогда как формально оба августа считались равноправными. Галерий правил Балканским полуостровом, без Фракии, находившейся под властью Диоклетиана. В подчинении у Констанция Хлора находились Галлия и Британия.

Государственные законы, имевшие значение для всей империи, издавались от имени всех четырех императоров; цезари подчинялись августам; эти последние юридически были равноправны, но фактически старшим являлся Диоклетиан.

Однако, административная реформа не могла ограничиться делением империи только на четыре части: эти части были слишком крупными для того, чтобы ими можно было управлять из одного центра. Поэтому империя делилась еще на дицезы (Еги-

пет, Африка, Галлия и т. д.). Всего таких диэцев было установлено 12. Каждая диэца делилась на провинции. Провинций было 101. Такое странное число объясняется тем, что город Рим составлял отдельную провинцию.

Эта децентрализация, узаконив, в сущности, установившийся уже порядок вещей, дала хорошие результаты с точки зрения тех целей, которые ставила себе правящая группа. Восстания были подавлены, границы империи укреплены, варварские племена от них отброшены, и даже вновь была завоевана Месопотамия.

При Диоклетиане же было проведено отделение военной власти от гражданской. Одна только должность префекта претория продолжала соединять в себе военные и гражданские функции. Префектов претория теперь было два: один для Запада, а другой для Востока.

При Диоклетиане произошло весьма значительное увеличение количества войск, также увеличено было и количество чиновников; бюрократический аппарат продолжал расти и принял вид стройной бюрократической системы. Чиновники начинают строго располагаться по рангам. Правда, это оформление бюрократической лестницы окончательно произошло лишь при преемнике Диоклетиана — Константине.

Естественно, что рост военно-бюрократического аппарата требовал соответствующего увеличения налогов. Создается единая налоговая система по принципу подушной и поземельной подати. Каждый взрослый мужчина платил определенную сумму налога, а женщина — половину этой суммы.

Кроме этого, была установлена определенная земельная единица в зависимости от качества земли. Земельный налог собирался пропорционально количеству таких единиц у каждого собственника.

Диоклетиан уделял большое внимание борьбе с финансовым кризисом, который был одним из наиболее острых выражений общего кризиса империи.

Выше мы говорили, что к концу III в. процент содержания серебра в монете был уменьшен до 5. Диоклетиан (а до него еще Аврелиан) энергично боролся с порчей монеты и увеличил количество серебра в монетах. Но все-таки цены на товары оставались чрезвычайно высокими. Для борьбы с дороговизной, вызываемой как падением товарности хозяйства (отсутствием предложения товаров), так и обесценением денег, Диоклетиан в 301 г. издал свой знаменитый эдикт «De pretiis rerum venalium» — «О ценах на товары». Эдикт является первой известной нам в истории попыткой регулировать цены путем установления максимума как на товары, так и на рабочие руки. Он устанавливал максимальные цены, выше которых нельзя было продавать предметы первой необходимости. Кроме того, эдиктом были установлены и опреде-

ленные цены на рабочую силу, выше которых рабочие не имеют права требовать.

Но, конечно, эдикт не достиг цели. Неудача его понятна, так как одного регулирования торговли мало для направления экономической жизни. Для этого нужно регулирование и планирование производства, что в условиях диоклетиановой эпохи сделать было невозможно.

В 305 г. Диоклетиан отрекся от власти, уговорив сделать это и Максимиана.

Каковы были истинные мотивы этого отречения, мы не знаем. Официально Диоклетиан ссылаясь на «утомление». Власть перешла к цезарям: Галерию — на Востоке и Констанцию Хлору — на Западе.

В 306 г. Констанций Хлор умер, и войска Галлии провозгласили цезарем его старшего сына — Флавия Константина.

Отречение Диоклетиана и Максимиана, смерть Констанция Хлора — нарушили установившуюся систему. Сразу дало себя знать отсутствие Диоклетиана, который своим личным авторитетом умел поддерживать эту сложную систему управления.

Началась ожесточенная борьба за власть между новыми и старыми августами и цезарями. Максимиан снова объявил себя августом и также вмешался в борьбу.

Дело кончилось тем, что осталось только два претендента: Константин на Западе и Лициний на Востоке. Первоначально Лициний был правителем Иллирии, но затем ему удалось объединить весь Восток.

Так как в этот момент ни один из них не был настолько силен, чтобы сломить другого, то они вступили друг с другом в переговоры. В 313 г. произошло свидание Константина с Лицинием в Милане, на котором они договорились о ряде спорных вопросов, разделили сферы влияния и издали так называемый миланский эдикт, провозгласивший веротерпимость по отношению к христианам.

На следующий год между Константином и Лицинием началась новая борьба. После этого они еще раз помирились и еще раз поссорились. В конце концов, в 323 г. Лициний был окончательно разбит Константином, и с этого года начинается единоличное правление Константина (323—337 гг.).

Константин является продолжателем политики Диоклетиана, но с двумя отступлениями. Во-первых, Константин, учитывая огромный вес христианской церкви, легализовал ее, отступив в этом отношении от политики Диоклетиана, при котором было последнее крупное гонение на христиан.

Во-вторых, Константин ликвидировал систему августов и цезарей, что служило признаком некоторого укрепления самодержавия. Но фактически деление на четыре части осталось, потому что при Константине было четыре префекта претория, каждый

ив которых управлял одной из четырех частей империи. Правда, префектам была оставлена только гражданская власть. Высшее командование было передано главнокомандующему, *magister militum*, в руках которого сосредоточивается вся полнота военной власти.

В этот период была окончательно уничтожена преторианская гвардия.

Константин завершает бюрократическую реформу Диоклетиана и создает сложную иерархическую систему должностей, которая потом сохранилась в Византии и частично была заимствована русским самодержавием. Между прочим, от эпохи Константина ведут свое происхождение титулы: превосходительство, сиятельство, святейшество и т. д.

Чиновников было чрезвычайно много. По выражению Лактанция, писателя IV в., «число принимающих больше числа дающих». Взяточничество и подкупность бюрократического аппарата были огромны, несмотря на сложную и тонкую систему шпионажа. В этот период на римскую службу было принято много варваров. Происходит варваризация бюрократического аппарата. Военный же аппарат и до этого был уже варваризован.

Нужно отметить один факт, имевший всемирно-историческое значение: 11 мая 330 г. столица империи была перенесена в Византий, который назван был «городом Константина» — Константинополем.

Это перенесение столицы в Византий было вполне целесообразным, что показала вся дальнейшая история.

В то время, как Запад в V столетии был завоеван варварами, Византийская империя продолжала существовать до XV в. Восточная половина империи держалась дольше, главным образом потому, что она была экономически сильнее: старые торговые связи, старое ремесло, меньшее развитие рабства на Востоке — ослабили остроту кризиса и сделали восточную половину империи более крепкой.

Вряд ли правительство Константина, перенося столицу на Восток, ясно понимало всю обстановку; всего вероятнее, что решающим мотивом для перенесения столицы являлся мотив стратегический. Византий был расположен на узле дорог между Западом и Востоком, в очень удобном стратегическом пункте.

Миланский эдикт являлся не простой легализацией церкви. Фактически при Константине христианская церковь сделалась господствующей, несмотря на то, что сам Константин, повидному, никогда не был христианином, или стал таковым лишь перед смертью. Тем не менее он принимал весьма большое участие в церковном управлении и давал церкви большие льготы. Христианское духовенство было освобождено от государственных повинностей, церкви были даны права юридического лица (например, право принимать наследства). Епископам — высшим

чинам церкви — было представлено право юрисдикции в церковных делах.

В 325 г., когда собрался первый вселенский собор в Никее, Константин на нем председательствовал и весьма энергично боролся с ересью Ария (о ней ниже) в пользу ортодоксального («православного») католического («всеобщего») течения.

При Константине, таким образом, церковь и государство заключили тесный союз.

В 337 г. после смерти Константина началась новая борьба между его преемниками. Кратковременный период диоклетиано-константиновской «стабилизации» окончился.

ХІХ. ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ IV В.

В хозяйстве и общественных отношениях IV в. находят полное развитие те процессы и тенденции, которые уже ясно намечались в конце II в. и о которых мы говорили в главе XVI. Революция только ускорила все эти процессы. «Доминат» являлся надстройкой над своеобразной системой натурально-замкнутых и крепостнических отношений римской империи IV в.

Денежное хозяйство в IV в. почти совершенно исчезает. Система налогов окончательно переходит на натуральные поставки и повинности. В соответствии с общим падением товарности хозяйства, происходит окончательная натурализация всех видов жалованья. Только самые крупные чиновники и высший командный состав получают жалованье деньгами. Остальные снабжаются продуктами, одеждой, обстановкой. Снабжение происходит из государственных магазинов-складов, куда свозят натуральные поставки от населения империи.

Рынок сужается до размеров узкого городского рынка. Его емкость во много раз падает, в связи с чем города превращаются в чисто административные и военные укрепленные пункты. Это находит отражение и в архитектуре городов: в них появляются мощные оборонительные сооружения, уменьшается количество площадей и т. д. Территории городов сокращаются в несколько раз.

Римские города (особенно в западной половине империи) перестают быть торгово-промышленными центрами. Городские классы населения — ремесленники, торговцы, денежные капиталисты — почти исчезают. Города поглощаются деревней, римская империя аграризируется.

За время гражданских войн III в. сильно выросло частное крупное землевладение за счет уменьшения императорских доменов. Появилось много новых крупных землевладельцев, вышедших из рядов армии. Уже в эпоху ранней империи крупное землевладение было социально и экономически господствующей силой, но к IV в., благодаря аграризации империи, оно еще более выросло

и окрепло, несмотря на часто имевшую место персональную смену его представителей. Крупные землевладельцы и являлись подлинными «господами жизни» и правителями империи в эпоху последней «стабилизации». Поместья теперь окончательно теряют характер старых латифундий, теряют централизованный характер. Рабы в старом смысле слова остаются только в домашнем хозяйстве и в ремесле. В земледелии же их целиком сменяют колонны. Мы видели, что еще в III в. колонны фактически уже были кабальными холопами, кабальными должниками крупных землевладельцев. В дальнейшем этот процесс только оформился юридически.

В течение IV и V вв. императорское правительство издает ряд эдиктов, которыми все более и более стесняется свобода колоннов в их переходе с места на место. Какими мотивами руководилось правительство, издавая эти эдикты?

Большинство колоннов под тяжестью все растущих налогов бежит от своих владельцев куда глаза глядят, чаще всего к варварам. Насколько бегство к варварам было распространенным явлением в эпоху поздней империи, показывают слова римского писателя V в. Сальвиана: «А между тем бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие, принадлежа к хорошей семье и получив отличное воспитание, бывают вынуждены искать убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвой несправедливых преследований; они идут искать у варваров римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности... Единственная и всеобщая мечта римского простонародья состоит в том, чтобы жить с варварами».

Но не все колонны могли бежать к варварам. Часть из них перебегала к другим землевладельцам, и интересно отметить, что колонны преимущественно перебегали от мелких землевладельцев к крупным. Это происходило потому, что крупный землевладелец меньше считался с центральной властью.

В IV в. поместья превращаются почти в самостоятельные политические единицы. Помещики возводят укрепленные виллы, окружают себя целыми армиями и очень часто встречаются «в штыки» появляющихся на их территории сборщиков императорских податей и налогов. Таким путем крупные землевладельцы, становясь целиком на частно-правовую точку зрения, не дают правительству обирать своих колоннов; а так как центральное правительство было слабо, то обычно оно ничего не могло поделать с крупными земельными магнатами. В результате колоннам на землях этих последних жилось лучше, чем на землях мелких и средних собственников, которые не могли охранить от центральной власти своих колоннов.

Именно этим и объясняется тяга колоннов к крупным помещикам. Сплошь и рядом эти последние прямо сманивали

колонов к себе, путем предоставления им различных льгот, так как проблема рабочей силы стояла тогда очень остро.

Конечно, правительству необходимо было бороться с этим явлением, так как оно дезорганизовало всю налоговую систему. К тому же правительство не могло не считаться с жалобами мелких и средних землевладельцев, которые страдали от отсутствия рабочих рук.

Все эти причины объясняют нам, почему фактическое закрепощение колонов в IV и V вв. получает юридическую санкцию.

Но закрепощение не ограничивалось только колонами, а распространялось и на другие группы населения. Решающее значение имели здесь интересы фиска, стоявшие в центре внимания всей внутренней политики поздней империи. Каждый человек, как определенный объект налогового обложения, должен был иметь свое место, и это место он не мог покинуть.

С этой целью в IV в. правительство окончательно закрепощает коллегии ремесленников, торговцев, судовладельцев. Когда-то эти коллегии были свободными союзами (в конце республики и начале империи они были даже запрещены). Теперь правительство не только их легализует, но делает обязательными. Ремесленник не может покинуть своей коллегии; за это клеймят железом. Прикрепление к коллегии делается наследственным, так как дети должны заниматься той же профессией, что и отец. Коллегии становятся правительственными организациями, с назначенными правительством старшинами и с солидарной ответственностью за выполнение натуральных поставок и повинностей.

Ремесленники прикрепляются также к государственному мастерским. В обстановке общего краха старой системы римское правительство для покрытия хотя бы части своих потребностей вынуждено организовать крупные государственные мастерские, где работают частью рабы, частью прикрепленные к ним ремесленники. Иногда такие мастерские носят централизованный характер, иногда они организованы по типу домашнего производства, когда сырье раздается на дом ремесленникам, прикрепленным к данной мастерской. Положение «свободных» ремесленников в таких государственных мастерских ничем не отличается от положения рабов: их клеймят и подвергают другим наказаниям, вплоть до смертной казни.

Закрепощение охватывает и армию: должность солдата становится наследственной. И, как это ни странно, своеобразные крепостнические отношения распространятся даже на верхушку городского населения. Богатые жители провинциальных городов составляли особую группу курпалов (от слова «курция» — городской, муниципальный совет). Муниципальные советы городов пополнялись путем выбросов из числа наиболее богатой части горожан, курпалов. Раньше, во время расцвета Рима, должность курпала считалась почетной. Она была, конечно, бесплатной и

требовала, наоборот, расходов со стороны самих куриалов на представительство и пр. Тогда богачи охотно играли роль «отцов города». Но все изменилось к IV в. Так как собирать налоги с городов становится все труднее и труднее, ибо торговля и ремесла падают, и города оказываются систематически недоимщиками, то правительство обязывает куриалов покрывать недоимки из их собственного кармана. Должность куриала делается из почетной весьма неприятной, тем более, что иногда приходится не только страдать карману, но и платить за недоимки своей головой. Вот почему начинаются массовые отказы куриалов занимать должности муниципальных советников. Тогда правительство прикрепляет куриалов к куриям, делая их должности наследственными в определенных семьях и наказывая за уход из курии так же, как за бегство из коллегии.

В какой мере крепостнические отношения поздней империи можно рассматривать как зарождение в рамках рабовладельческого общества отношений феодальных? Этому вопросу неоднократно касался Энгельс. В «Происхождении семьи» он говорит: «Преобладала... сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе с своей парцеллой; они, правда, не были рабами, но и не признавались также свободными, не могли вступать в брак со свободными, и браки их между собою не считались законными, но рассматривались, как и браки рабов, как простое сожительство (*contubernium*). Они были *предшественниками средневековых крепостных* (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1934, стр. 131—132. Курсив мой. — С. К.). В «Юридическом социализме» Энгельс еще более уточняет свою мысль: «Развитие римского сельского хозяйства, — говорит он, — в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой стороны, к раздроблению имений на мелкие арендные участки, заселенные колонами. В результате этого развития получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, *предшественников более поздних крепостных, получил преобладание, таким образом, способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века* (Ф. Энгельс, Юридический социализм, «Под знаменем марксизма», № 1, 1923, стр. 57. Курсив мой. — С. К.).

Таким образом, Энгельс рассматривал колонат как переходную форму от рабства к феодальному крепостничеству. Это — модифицированная форма рабства, в которой содержался зародыш феодальной эксплуатации. Поэтому и всю общественную систему IV в. мы должны рассматривать как рабовладельческое общество в стадии глубокого разложения, где уже складывались предпосылки и элементы новой общественной формации.

XX. ХРИСТИАНСТВО

Вопрос о происхождении христианства принадлежит к одному из самых трудных вопросов истории. Эта трудность объясняется как состоянием наших источников по истории раннего христианства (об этих источниках мы подробнее скажем дальше), так и политической актуальностью темы, вокруг которой в течение многих веков кипела и еще продолжает кипеть ожесточенная борьба партий.

Истоки и корни христианства весьма сложны. Христианство — религия упадка рабовладельческого общества, и в качестве таковой, оно впитало в себя значительную часть культурного наследия античности. Христианство стало универсальной идеологией, заменившей собой и религию, и философию, и науку.

Христианство, начавшееся как своеобразное движение угнетенных масс, зародившееся первоначально в низах римского общества, в дальнейшем втянуло в свою орбиту самые разнообразные социальные элементы, вплоть до верхушки рабовладельческого общества. Это еще увеличивает сложность идеологических и социальных корней христианства.

В эпоху империи старый римский политеизм, выросший в условиях примитивной экономики Италии, в условиях города-государства, совершенно перестал удовлетворять религиозные потребности широких масс населения. С универсальной, космополитической до известной степени, ролью Рима-империи совершенно не вязался старый римский (даже эллинизованный) культ drobных, локальных богов. Поэтому в эпоху империи был сделан ряд попыток к развитию некоторых элементов старой религии в сторону усиления монотеизма. Для этой цели лучше всего подходил культ «всеблагого и все сильного» Юпитера, из которого императоры I в. пытались сделать общегосударственный культ, придав ему космополитический характер. Но трудно было влить новое содержание в старую форму. Трудно было превратить старого латинского Юпитера, тесно связанного с комплексом наивных политеистических представлений, в универсальное божество, которого требовало усложненное религиозное сознание первых столетий империи. В этом же направлении шли попытки универсализировать культ богини города Рима (Roma).

Несколько больший успех имел культ императора (первоначально культ гения или духа императора). Среди провинциальных рабовладельцев этот культ пользовался довольно большой популярностью, особенно на Востоке, где привыкли обожествлять царствующих особ. Эпоха «стабилизации», принесшая «римский мир» всему Средиземноморью, когда положение провинциалов несколько улучшилось, особенно благоприятствовала этому культу. Нужно заметить, что он сыграл известную роль в выработке очень важного для христианства представления о богочеловеке. Человек-император становится богом.

Подобный круг идей потом слился с мессианистскими представлениями Востока и усилил эти идеи до веры в очеловечение божества во плоти, веры, которая играет такую большую роль в христианстве.

Но, конечно, официальный культ императоров не мог иметь почти никакого успеха у средних и низших слоев населения империи.

Гораздо большее значение для этой среды имели восточные религии, особенно мистические культы. Культы Изиды и Озириса, Кибелы и Аттиса, Диониса, проникшие в Рим еще при республике, в эпоху империи начинают захватывать все большие круги римского общества. Успех этих культов был вызван тем, что все они были связаны с сложным комплексом представлений, где центральное место занимал образ умирающего и воскресающего бога. С этим образом были связаны идеи бессмертия, загробного воздаяния и искупления греха.

Все эти идеи имели огромное значение для самых угнетенных, самых страдающих, самых обездоленных масс римского населения, живших в условиях жесточайшего гнета и все усиливающегося экономического кризиса. Тот, кто страдает на этом свете, на том свете получит награду за свои страдания, и обратно — тот, кто здесь причинял зло, должен будет искупить его страданиями на том свете. Таким путем, создается иллюзорное утешение в земных страданиях, создается иллюзорный выход для ненависти и отчаяния, которыми были охвачены массы.

Христианство родилось в среде угнетенных, в условиях разгрома первой революции, в условиях глубочайшей депрессии масс. Энгельс в работе «О первоначальном христианстве» пишет: «Где же был выход, где спасение для поработенных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же такой выход, который охватил бы всех их в одном великом революционном движении, должен был быть найден.

И такой выход нашелся, но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей он мог быть лишь религиозным» (Ф. Энгельс, О первоначальном христианстве, 1933, стр. 35).

Успех восточных мистерий объясняется еще их внешней стороной, характером самого ритуала. Они носили тайный, иногда нелегальный характер. К богослужению допускались только «посвященные». В нем огромную роль играл экстаз, доведение себя до иступления постом, плясками, музыкой. В состоянии экстаза верующему казалось, что он сливается с самим божеством. Эта театральность, эта эмоциональная насыщенность, которых так недоставало прозаической римской религии, являлись сильнейшими притягательными моментами, объясняющими широкое распространение восточных мистических культов в эпоху империи.

По мере углубления кризиса, по мере того, как даже перед имущими классами все яснее вырисовывалась безнадежность будущего, отсутствие выхода, — эти классы все сильнее и сильнее охватывались тоской по религии искупления. Поэтому мы видим, как представители высших классов делаются горячими адептами восточных культов. Каракалла был жрецом Сараписа, Элагабал — жрецом Солнца, Коммод и Диоклетиан были митраистами. Митраистом же, повидимому, был вначале и Константин.

Нельзя не отметить сильнейшего влияния на христианство идей мессианизма. Представление о мессии развилось раньше всего и в наиболее глубокой форме у евреев, почему мы и говорим преимущественно об иудейском мессианизме, как о важнейшей составной части христианства.

«Мессия» (по-гречески «сотер», отсюда «сотеризм») значит «спаситель», «избавитель». Идея мессии зарождается еще в VIII — VII вв. до н. э. в Иудее, в так называемом пророческом движении. Эта идея была порождена, с одной стороны, отчаянием народных масс, попавших в долговую кабалу и не видевших из нее никакого выхода, с другой стороны, безнадежностью международного положения Израиля и Иуды. На этой почве и родилось представление о мессии, богочеловеке, помазаннике божьем, сыне божьем, который должен спасти свой избранный народ от страданий и обеспечить ему господство на земле. Идея мессии проходит через всю историю евреев. Такие события, как разрушение Иерусалима, вавилонский плен, подчинение евреев Селевкидами, питали идею мессианизма. Слишком уже безвыходно было положение, и казалось, что никакие земные силы не могут спасти еврейский народ, что для этого необходимо сверхчеловеческое вмешательство.

Иудейский мессианизм наиболее ярко расцветает в I—II вв. н. э. в связи с большими, но неудачными восстаниями 60-х годов I в., во времена Нерона и Веспасиана, и в 132—135 гг., во времена Адриана.

Иудеи рассеяния (диаспоры) широко разносят мессианистические чаяния по лицу империи, где они попадают на весьма благодарную почву, особенно в среде нищих классов.

Большое влияние на формирование христианства оказал и иудейский монотеизм.

Вера в единого бога Яхве развивается в своеобразной обстановке Палестины, когда родовое божество в условиях борьбы евреев с окружающими народами превращается в общеплеменного бога. Пророческое движение усиливает и очищает этот монотеизм в борьбе с политеистическими тенденциями, которые проникали к евреям от хананейян.

В дальнейшем идея единого бога делается своеобразным средством самосохранения. Еврейский народ пытается отстоять свою самобытность, опираясь на идею единого бога, который в еврейской религии носил черты узко-национальные. Правда, пророческое движение уже несколько универсализирует идею Яхве, но в дальнейшем национальные черты снова берут верх, особенно в правящих кругах еврейского общества.

Свое окончательное оформление и философскую обработку монотеизм получает у крупного религиозного еврейского философа первой половины I в. н. э. Филона Александрийского. Он довел идею единого бога до ее философской формы, освободив ее от всех политеистических элементов. В учении Филона иудейский монотеизм сочетается с платонизмом и стоицизмом. В частности, у него большое значение имеет понятие Логоса (разум, слово), как идеального проявления абсолютного божества, посредника между ним и миром. Это понятие будет играть огромную роль в христианской догматике. Логос интерпретируется в ней как сын божий, как богочеловек, приобретая черты мессии. Вообще, религиозная философия Филона оказала сильнейшее влияние на христианство.

Мессиянистические элементы попали в христианство не только из иудейской религии. Мессанизм был сильно выражен и в религии Митры. Выше мы касались тех исторических условий, при которых произошло возрождение древне-персидской религии в новой форме митраизма. Митра, старое божество солнца, значительно трансформируется в ново-персидскую эпоху. Он становится верховным божеством, покровителем персидского народа, богом войны, богом правды и справедливости. Вместе с тем, это — мессия, который очистит мир огнем, после чего наступит на земле блаженное царство равенства и справедливости.

Культ Митры был занесен прежде всего в римскую армию, которая в III в. находилась в непрерывном соприкосновении с персами. Демократический характер митраизма, элементы мессанизма, которые в нем были, театральная пышность мистерий Митры, — все это чрезвычайно импонировало религиозному сознанию широких слоев римского общества и создало огромную популярность митраизму. По выражению одного историка церкви, в начале IV в. было еще неизвестно, кто победит: Христос или Митра.

Победил Христос; потому что христианство сумело полнее вобрать в себя различные элементы античного мировоззрения, потому что оно было синкретичнее и «интернациональнее», тогда как в митраизме были слишком сильны национально-персидские элементы. Но христианство могло победить лишь той ценой, что оно заимствовало из митраизма множество догматов, символов и обрядов. Учение о «непорочном зачатии» Иисуса, представление о «страшном суде», знак креста, обряды крещения и причащения, день рождения Иисуса (25 декабря — *dies natalis solis invicti* — день рождения непобедимого солнца) и пр., — таково наследие митраизма в христианстве.

Большое значение в возникновении христианства имело развитие античной философской мысли. Мы видели это уже на примере Филона Александрийского. Правда, этот момент играл роль только в развитии теории, догматики; массам эти философские тонкости были, конечно, совершенно чужды.

Мы знаем, что еще с конца IV в. до н. э. в греческой философии начинается рост идеалистических тенденций, совершенно неизбежных в условиях упадка рабовладельческого общества. В дальнейшем этот рост идеализма идет неуклонно и выражается в различных формах. Одним из наиболее ярких проявлений его был стоицизм. Выше мы видели, что это философское учение являлось сложной синкретической системой. Центральным моментом его была идеалистическая этика. В стоицизме очень интересным моментом является учение о равенстве всех людей и, в связи с этим, отрицание рабства. Этот момент, который особенно сильно выступает в стоицизме в эпоху империи, служит, с одной стороны, отражением «интернациональных» тенденций римской мировой державы, а с другой, выражает упадок рабства.

Стоицизм оказал влияние на христианство, главным образом, тремя моментами: учением об универсальном разуме, управляющем миром, концепцией нравственного долга, выполнение которого обязательно для человека, и учением о равенстве всех людей.

Надо отметить еще влияние на христианство гностицизма. Этим термином, происходящим от греческого слова «гносис» — знание, называют религиозно-философское течение, сформировавшееся ко II в. н. э. из самых разнообразных элементов античной философии и религии. Оно отражало, главным образом, идеологию торговых городских слоев, страдавших от надвигающегося кризиса. Сущность учения гностиков сводилась к следующему.

Человек путем мистического познания, гносиса, подготовленного умерщвлением плоти, чистотой, воздержанием может постичь идеальную сущность мира — Плпрому («Полноту»). Материальный мир греховен и представляет результат отпадения от Плпромы. В этом виновата София («Мудрость»). Основной задачей является слияние мира с первоначальной Полнотой. Это выполняет Логос, играющий роль спасителя. На этой схеме гностицизм

строил сложную и фантастическую систему, где различные элементы античной науки и философии и восточных религий сливались в пеструю массу.

Но гностицизм был слишком сложен и абстрактен для того, чтобы увлечь за собой массу. Низы римского общества находили отражение своих чаяний в произведениях иного рода. Это — «сивиллины пророчества». Так называются безымянные произведения, ходившие по рукам в I и II вв. н. э. Одни из них приписывались знаменитой куманской пророчице Сивилле, другие — различным историческим и мифологическим лицам: пророку Ездre, апостолу Иоанну и другим. Для них характерны уравниательные тенденции, нападки на богатых, на Рим: «Ты погибнешь, гордый Рим», говорит одно из таких пророчеств: «Волк будет выть на развалинах Капитолия». Весьма популярным мотивом в сивиллиных пророчествах является мессанистическая картина страшного суда. Мир очищается огнем, рабы превращаются в господ, а господа в рабов: «Тогда раб будет сидеть, а господин прислуживать ему, рабыня будет лежать, а госпожа прислуживать ей, и тот, кто не имел ни роду ни племени, будет судить и командовать войсками».

Комплекс представлений, отразившихся в «сивиллиных пророчествах» часто называют хилиазмом, от слова «хилиой» — тысяча, в связи с тем, что в некоторых из них проведена мысль, что после «страшного суда» на земле воцарится тысячелетнее царство святого духа. Хилиазм был широко использован средневековыми ересями XIII — XVI вв.

Иногда его называют еще эсхатологией, учением о последнем дне, о страшном суде (от греческого слова «эсхатос», последний). Несомненно, что в «сивиллиных пророчествах» отразилась идеология задавленных низов римского общества — рабов, пролетариев, ремесленной бедноты.

Об этом говорит та злоба и ненависть к господствующим классам, которыми проникнуты эти безымянные произведения, подлинный продукт народного творчества. Их можно было бы назвать революционными, если бы они не были проникнуты «потусторонними» моментами, если бы их социальный протест не был заглушен надеждами на сверхчеловеческую помощь мессии. Поэтому «сивиллины пророчества», несмотря на всю силу проникающей их классовой ненависти, не будили революционной энергии масс, а, наоборот, тушили ее, давая ей выход в религии.

Таковы главнейшие идеологические предпосылки христианства. Повидимому, к половине I в. н. э. уже сложился весь основной круг идей и представлений, характерный для будущего христианства: вера в единого бога; сознание абсолютной греховности рода человеческого, которая не может быть искуплена собственными силами людей; вера в мессию, сына божия, который своею смертью должен искупить мировое зло; представление о «послед-

нем суде», на котором праведники будут награждены, а злые понесут заслуженную кару; круг этических идей, сводящийся к равенству всех людей и к нравственному долгу взаимопомощи («люблю ближнего своего, как самого себя»). Задача состояла в том, чтобы комплекс всех этих идей и представлений конкретизировать, т. е. облечь в реальную форму легенды или мифа, отнесенных к определенному месту и времени и к определенным людям.

Ответить на вопрос, как это произошло, т. е. выяснить, как возникло христианство, мы, к сожалению, не можем. Главным препятствием здесь является состояние наших источников по истории раннего христианства, т. е. христианства I в. н. э. Они распадаются на две группы: источники «языческие», т. е. написанные античными писателями нехристианами, и источники христианские, принадлежащие авторам христианам.

Рассуждая априори можно думать, что первая группа надежнее, так как нехристианские писатели должны были объективнее относиться к своей теме. Посмотрим, какие указания на христианство I в. мы встречаем у античных писателей. Упоминание о христианах и о Христе мы имеем у Светония в биографии Клавдия, у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» и у Тацита в «Анналах».

Но все эти места являются либо интерполяциями, т. е. более поздними вставками, сделанными при переписке, либо настолько неясны, что ничего не дают. Например, явной интерполяцией является известное место Иосифа Флавия, которое всегда цитируется апологетами христианства. Иосиф Флавий, еврейский историк I в., рассказывая о правлении Ирода и римского наместника Пилата, говорит, что в это время жил в Палестине Христос, «которого не знаю, как назвать, богом или человеком, ибо он творил чудеса»... и т. д. Уже очень рано, еще в XVI в., этот текст был заподозрен — он слишком выпадал из контекста Флавия, и по внутренним соображениям было совершенно невероятно, чтобы еврейский писатель-националист мог говорить в таких выражениях о Христе. Это место объясняется тем, что какой-нибудь наивный христианский переписчик, переписывая Флавия, был поражен, что у него ничего не говорится о Христе. Поэтому он решил «исправить» иудейского историка и написал эту фразу на полях, а при последующей переписке, как это часто бывает, она вошла в текст.

Место Светония, где он говорит о том, что при Клавдии волновались иудеи под руководством какого-то Хреста, ничего не дает, потому что речь в нем идет об иудеях и о Хресте, а не о Христе.

Фраза Тацита в «Анналах», где говорится о том, что Нерон пытался оправдаться в обвинении в поджоге Рима и свалил это обвинение на христиан, повидимому, также является интерполяцией, только более искусной, чем место у Иосифа Флавия.

Что касается христианских источников (евангелия, «послания» и «деяния» апостолов), то здесь, конечно, надо быть сугубо осторожным. Прежде всего, необходимо иметь в виду, что все они сложились не раньше второй половины I в., а некоторые во II в., таким образом, значительно позже тех событий, о которых в них идет речь. Авторы их неизвестны, и, повидимому, в своем первоначальном виде они представляют запись устных преданий, циркулировавших в формировавшихся христианских общинах. Эта первичная запись впоследствии подвергалась неоднократным дополнениям и обработкам. Таким образом, евангелия и другие христианские произведения I — II вв. являются не чем иным как обработкой народного устного творчества, т. е. эпосом. Значение эпоса вообще, как исторического источника, нам достаточно хорошо известно. Что же касается религиозного эпоса, то его ценность в этом отношении еще ниже, так как он складывается в своеобразной экзальтированной среде, где «чудеса» и мифы играют огромную роль, и всякое историческое событие приобретает чудовищно-искаженную фантастическую форму. Совершенно ясно, поэтому, что такого рода религиозная литература ни в коем случае не может служить источником для установления историчности каких-нибудь событий, лиц и конкретных ситуаций. Самое большее, ею можно пользоваться (да и то с величайшей осторожностью) для характеристики самых общих экономических, социальных и культурных отношений эпохи.

Действительно, если обратиться, например, к четырем каноническим евангелиям (Матфея, Марка, Луки и Иоанна), то поражает огромное количество противоречий, которые существуют между ними в трактовке одних и тех же событий. Можно смело сказать, что нет ни одного события, которое было бы одинаково изложено хотя бы в двух евангелиях. Личность самого основателя христианства, Иисуса из Назарета, совершенно легендарная. Вся биография Иисуса, во-первых, полна противоречий, а во-вторых, содержит ряд фантастических моментов — непорочное зачатие, насыщение 7000 человек 7-ю хлебами, воскресение Лазаря и т. д. — вплоть до воскресения и вознесения на небо самого Иисуса.

При этом в каждом отдельном случае можно совершенно точно указать, откуда, из какого круга античных представлений или восточных культов заимствован тот или иной мифический мотив.

Таким образом, ни одно событие и почти ни одно лицо, упоминаемое в евангелиях и других христианских произведениях I—II вв. не могут быть признаны историческими. Поэтому процесс формирования христианских общин может быть представлен только гипотетически и в самых общих чертах.

Мы уже указывали выше, что, повидимому, к половине I в. н. э. сформировались в общей форме основные идеи христианства. Это формирование происходило в низах городского населения

(деревня была захвачена христианством очень поздно) крупнейших центров империи: Антиохии, Александрии, Рима и др. Одновременно с этим происходило и образование христианских общин. Они, повидимому, постепенно отделялись от различных восточных — иудейских, сирийских, египетских — сект. На первых порах они мало чем отличались от этих последних, и, повидимому, преследования при Нероне имели в виду не христиан в собственном смысле слова, а вообще приверженцев восточных, часто тайных, сект и культов.

Христианские общины, повидимому, с самого начала являлись своеобразными союзами взаимопомощи, охватывающими городскую бедноту. В каждой такой общине существовала общая касса, откуда происходила раздача пособий, устраивались общие собрания и трапезы. На это есть прямые указания наших источников. В соответствии с социальным составом общин преобладающей идеологией их была идеология «сивиллинных пророчеств». Отзвуки ее можно найти даже в канонических евангелиях, несмотря на то, что впоследствии из них старались вытравить всякий «революционный» дух. Нападки на богатство и прославление бедности, иногда встречающиеся в них (притча о Лазаре и отдельные изречения Иисуса), выдают первоначальную социальную среду христианства. Но наряду с нападками на богатых в евангелиях проповедуется необходимость рабства и послушания рабов.

Христианство II в. мы знаем значительно лучше, так как для конца II и начала III вв. обладаем таким хорошим источником, как произведения Тертуллиана, одного из крупнейших теоретиков раннего христианства. Анализируя его произведения, мы приходим к выводу, что в составе христианских общин II в. уже явно преобладают имущие элементы: ремесленники, купцы, ростовщики, средние землевладельцы и т. п. Повидимому, углубляющийся кризис, больно ударяя по средним слоям городского населения, толкал их в сторону новой религии. Огромное значение имел здесь характер христианских общин как союзов взаимопомощи. Для ремесленников и особенно купцов этот момент играл очень важную роль. Общины христиан, разбросанные по важнейшим городским центрам империи, служили, вместе с тем, и организационными центрами торговли, что было особенно существенно в условиях кризиса. Купцы и ремесленники христиане рассчитывали на братскую помощь со стороны христианских общин в других городах. Этого обстоятельства нельзя забывать при объяснении причин быстрого распространения христианства во II и III вв. Оно победило своих соперников (гностицизм, митраизм и др.) не только потому, что удачнее и полнее амальгамировало различные религиозно-философские течения своей эпохи, но и потому, что оно нашло для себя чрезвычайно удачную организационную форму.

Говоря об изменении социального состава христианских общин в сторону усиления в них имущих элементов, не следует представлять дела так, что низы окончательно и бесповоротно были отнесены на задний план.

Низовая, плебейская прослойка христианских общин еще дает себя знать в целом ряде выпадов против имущих; их довольно много в литературных памятниках христианства II в. Однако, именно в эту эпоху начинают преобладать этические заповеди такого, например, характера: «Вы же, рабы, повинуйтесь своим господам, как образу бога». В них сказывается усиливающееся влияние имущей верхушки, которой важно было сохранить рабство под покровом новой религии.

Но во всяком случае в общинах II в. широко развивается практика благотворительности. Она вызывалась большим количеством люмпен-пролетарских элементов среди христиан и была явлением такого же порядка, как раздачи и кормления античного государства.

В ранних христианских общинах идейное руководство принадлежало тем лицам, которых обычно называют «пророками», «апостолами», «учителями». Это были странствующие проповедники, переходившие из одного города в другой и разносившие новое учение. Но так как общины являлись и хозяйственными организациями, то для заведывания текущей деловой жизнью появляются выборные должностные лица: пресвитеры (старейшины), диаконы, епископы. Они выбирались из членов данной общины и, естественно, в своем большинстве принадлежали к ее имущей части. По мере того, как имущие элементы берут верх над плебейской частью, усиливается борьба с «пророчеством». Бродячие учителя, не имевшие собственности, жившие подаяннием, часто слишком экзальтированные проповедники немедленного пришествия Христа и приближения страшного суда, призывавшие к покаянию и разделу имущества, были очень неприятны правящей верхушке христианских общин. Поэтому с ними начинается борьба. Она идет как по организационной линии, так и по идеологической. Именно в это время происходит выработка канона, «священных» книг, узаконенных церковью четырех евангелий, «посланий апостолов» и др. В канонической литературе все неприятные выпады против богатых были изъяты или, по крайней мере, сглажены. Пророческая литература «сивиллиных книг» попадает в разряд так называемых апокрифических, запрещенных произведений.

Постепенно организуется клир, как единый аппарат управления христианских общин, объединяющий в себе и административное и идейное руководство. По мере роста общин и их более тесной организационной связи, создавалась общая церковная организация для всей империи. Складывается церковная иерархия: пресвитеры — главы приходов, епископы, возглавлявшие церковные

организации городов, митрополиты, руководившие окружными организациями, и, наконец, патриархи, стоявшие во главе областных церквей.

Церковная иерархия строится по монархическому принципу. Церковь продлевает ту же эволюцию, которую переживало римское государство в смысле усиления централистических моментов, ибо церковь так же боролась с революцией, как и рабовладельческое государство.

В III в. оформляется организационная структура христианской церкви и вместе с тем она окончательно становится организацией господствующих классов империи. Решающую роль здесь сыграла революция. С одной стороны, она отвлекла от христианства значительную часть революционно-демократических элементов, а с другой — усилила тягу к новой религии имущих классов. В эпоху революции III в. именно верхи римского общества были охвачены чувством глубокого отчаяния, пессимизма, сознанием полной безнадежности положения. Кроме этого, в III в. церковь стала настолько сильной экономически, что принадлежность к ней была выгодна не только мелким и средним, но и крупным собственникам. На высших церковных должностях мы видим в III в. богатых землевладельцев, крупных торговцев и ростовщиков. К числу христиан принадлежит ряд представителей высшей имперской бюрократии, членов императорских семей. Отец Константина, Констанций Хлор, и его мать Елена были христианами. Усиление аграрных элементов в экономике империи отражается и на церкви, где также растет удельный вес земельно-аристократических слоев.

Третьим же веком нужно датировать и начало «гонений» христиан.

Размеры их сильно преувеличены христианской литературой. Гонений было гораздо меньше, чем пишут христианские писатели, и они были менее жестоки, чем обычно изображается.

Вполне понятно, почему церковь старалась впоследствии раздуть гонения: христианам было выгодно изобразить себя мучениками, неустрашимыми борцами против «языческого» государства; это повышало политический и моральный авторитет церкви.

Но все же гонения были. Начались они, повидимому, не раньше III в. Все так называемые гонения I и II вв. либо недостоверны, либо страшно преувеличены, являясь спорадическими и местными административными преследованиями. Наоборот, переписка Плиния Младшего с Траяном свидетельствует о большом либерализме, проявляемом правительством по отношению к христианам.

В III в. положение меняется. Это вызвано было, прежде всего, ростом классовой борьбы. Хотя христианская церковь отнюдь не была революционной организацией, но в борьбе с революцией правительство преследовало всякие тайные секты и общества и не всегда разбиралось, какие из них действительно являлись

революционными. Поэтому христианские общины часто зачислялись в разряд всяких неразрешенных, тайных, опасных организаций.

Кроме того, провинциальные церковные организации, насчитывавшие в своем составе крупных представителей торгового капитала и местной рабовладельческой промышленности, принимали немалое участие в сепаратистском движении, столь характерном для революции III в. Борясь с этим движением, центральное правительство тем самым боролось и против провинциальных церквей.

Некоторые императоры III в., желая укрепить распадающееся общество, пытаются оживить старые языческие культы, и христианство, отрицающее языческую религию, естественно попадает в число врагов правительства.

Наконец, в III в. многие христианские общины были богатыми организациями, а отдельные христиане владели большим состоянием; поэтому практика конфискаций, столь типичная для III в., не могла миновать церкви. В этом случае «гонения» были вызваны соображениями не политического или идеологического порядка, а чисто экономическими.

Гонения происходили при императоре Деции (249—250 гг.), при Валериане (50-ые гг.), но уже в 260 г., при императоре Галлиене, была снова восстановлена свобода церковных служб. Это показывает, насколько политика гонений была невыдержанной.

Последние, наиболее суровые гонения имели место при Диоклетиане и Галерии в восточной половине империи (303—304 гг.), но уже через десять лет после этого миланским эдиктом церковь была легализована.

Что заставило Константина признать христианскую церковь? К IV веку она превратилась в очень сильную организацию, охватывавшую почти всю империю. Признать христианство—значило заручиться поддержкой крупнейшей социальной силы, что было особенно важно тогда, когда рабовладельцы делали последнюю попытку спасти свое государство. Новая монархия «милостию божией», доминат, нуждалась в идеологическом обосновании. Это обоснование давала ей новая религия.

К эпохе Константина церковь окончательно аристократизировалась. Последние следы демократической идеологии были вытравлены из официальной христианской догматики и она окончательно стала на почву признания и освящения существующего строя. Признавая церковь, римское правительство приобрело в ее лице сильнейшее орудие идеологического воздействия на массы, орудие борьбы с революцией.

Но если государству нужна была церковь, то церкви нужно было государство, потому что с помощью его меча она намеревалась бороться с ересями, с теми оппозиционными течениями, которые начинают распространяться в христианстве.

По мере усиления имущей верхушки, по мере аристократизации церкви, плебейские элементы ее все яснее видят противоположность между должным и сущим, между тем, что говорилось с амвона, и тем, что делалось на практике. Получался рекий контраст между нищей и революционно настроенной массой верующих христианских низов и сытой, довольной правящей верхушкой тех же христиан. На этой почве в церкви создается ряд идеологических течений, оппозиционных по отношению к господствующей официальной догматике. Ереси часто приобретали очень опасный для церкви характер, охватывали широкие массы и грозили не только единству церкви, но и самому ее существованию. Ереси не могут быть названы революционными движениями, поскольку они оставались на почве религии. Но под флагом ересей часто выступали революционно-демократические элементы населения империи.

В конце II в. появляется монтанизм, одна из наиболее ранних ересей, получившая название от имени своего основателя, фригийца Монтана. Монтан говорил о близости второго пришествия Иисуса и страшного суда, учил жить так, чтобы в любой момент встретить суд божий; поэтому общины монтанистов все время ожидали «трубного гласа», который возвестит о пришествии Христа, и пребывали в состоянии экстаза. Монтанисты отрицали земные блага, второй брак, вели аскетический образ жизни. Они резко отмежевывались от язычества и боролись с оппортунистическими стремлениями правящей церковной верхушки.

Монтанистское движение особенно усиливалось в периоды гонений, когда множество верующих, особенно из числа богатых, отрекалось от христианства. Все рассказы христианской литературы о большом количестве мучеников — выдумки. Мучеников было очень мало; казнили особенно упорных, а в большинстве случаев дело ограничивалось тем, что христианин для вида приносил жертвы богам, и его отпускали. В худшем случае дело кончалось конфискацией имущества.

Во времена гонений Деция и, особенно, Диоклетиана, в северной Африке усилился монтанизм, получивший специальное название донатизма — по имени епископа Доната, резко нападавшего на малодушное поведение церковной верхушки во время гонений. Дело дошло до того, что в северной Африке образовались две церкви: ортодоксальная, во главе которой стоял епископ Цецилиан, и донатистская. Обе они вели друг с другом ожесточенную борьбу.

Донатисты первоначально пытались использовать в своих интересах революционное движение североафриканских рабов и колонов, известное под названием ереси циркумцеллионов (слово «циркумцеллионы» происходит от латинского выражения «*circum cellas vagantes*» — бродящие вокруг домов).

Однако, движение циркумцеллионов было слишком опасным даже для донатистов. Поэтому они скоро покинули своих союзников. Несмотря на это, циркумцеллионы держались в Африке вплоть до V в. Но такие ереси, как монотанизм или движение циркумцеллионов, благодаря своему открыто-демократическому и даже в некоторых случаях революционному характеру, были менее страшны церкви. Гораздо опаснее для ее единства были ереси более умеренные, которые увлекали за собой широкие слои средних городских классов.

Из таких ересей необходимо особенно отметить арианство; оно являлось наиболее опасным для господствующей католической (т. е. вселенской) церкви.

Арианство возникло в начале IV в. Его основателем был Арий, священник из Александрии. Когда мы изучаем теперь арианство, нам крайне трудно понять, почему оно имело такой огромный успех в империи, почему оно в течение многих лет потрясало церковь и чуть не привело ее к полному расколу, — до такой степени учение Ария кажется несущественным. Арий учил, что сын божий не извечен богу-отцу, а сотворен им и потому ниже его. Господствующее учение утверждало, что все три лица троицы единосущны и потому равны, они только разные проявления одной и той же божественной сущности. Поэтому бог-сын не сотворен богом-отцом, а извечен и равен ему.

И вот из-за такого, на наш взгляд, несущественного различия кипела ожесточенная борьба партий, созывались церковные соборы, люди подвергались ссылке и т. д.

Арианство еще не изучено по-настоящему, с точки зрения его социально-политических предпосылок. Но, повидимому, дело в следующем. В арианстве побежденное язычество пыталось дать бой христианству на его же почве. В учении о том, что сын сотворен отцом и ниже отца, воскресло в замаскированной форме филоновско-гностическое представление о Логосе, как посреднике между абсолютным божеством и несовершенным миром (аналогичное представление существовало и в неоплатонизме, о котором будет сказано ниже). Вот почему вокруг учения Ария объединились очень широкие городские слои, среди которых были как раз сильные традиции гностицизма. Но этого мало. Далеко не всегда мы можем подвести под арианство одну и ту же социальную базу. Так, например, в Александрии Ария поддерживали демократические слои, а его главного противника, епископа Афанасия, — аристократия. В Византии же дело обстояло наоборот: высшие слои придерживались арианства, а городские низы — католического течения. Повидимому, такое странное явление можно объяснить только тем, что борьба между арианами и «католиками» для правящих групп Александрии и Византии являлась формой борьбы за первое место в империи, т. е. за то, какой из двух городов будет столицей.

Таким образом, арианство являлось очень гибкой и широкой формой, в которую часто выливались различные по своей социальной природе оппозиционные течения. Вот почему оно было таким опасным врагом церковного единства, и Никейский собор 325 г. был созван специально для осуждения ереси Ария. Константин, председатель Никейского собора, выступил сторонником господствующего течения, и на соборе удалось добиться осуждения учения Ария и признания правоты его противника, епископа Афанасия. Было признано, что сын единосущен отцу; Арий был осужден на изгнание.

Но в конце правления Константина стало брать верх арианство. Очевидно, сам император начал склоняться к нему в конце жизни.

XXI. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

С Константином кончился последний короткий период стабилизации, и римская империя быстрыми шагами пошла на встречу неизбежной гибели.

После смерти Константина началась долгая борьба за власть между его сыновьями, племянниками и полководцами. В 353 г. верх взял один из сыновей Константина, Констанций, царствовавший до 361 г.

При Констанции восторжествовало арианство. Изгнанный Арий был возвращен из ссылки, а в ссылку отправили сторонников Афанасия. Однако, несмотря на преследование католической церкви, политика Констанция в целом была направлена в пользу христианства. При нем происходит насильственная христианизация населения: конфискуются имущества языческих храмов, запрещаются языческие жертвоприношения.

У Констанция был двоюродный брат Юлиан, правитель Галлии. Благодаря своим личным качествам и удачным действиям против варварских племен, он пользовался широкой популярностью в войсках, которые его провозгласили императором. Констанций двинулся против него с войсками, но во время похода умер.

Таким образом, Юлиан, прозванный христианской церковью «Отступником», сделался императором (361—363 гг.).

Он пытался защищать дело безнадежное, осужденное историей на гибель. Юлиан попытался восстановить язычество. Он был воспитан в духе античной философии, прекрасно знал неоплатонизм и являлся его горячим поклонником. Это был человек рафинированной, тонкой культуры. Хотя Юлиан был крещен, но с юности ненавидел христианство, которое он считал грубым суевением низов. Едва ли за Юлианом стояла какая-нибудь крупная социальная прослойка. Он опирался только на маленькую кучку жрецов языческих храмов, да на таких же утонченных представителей старой культуры, каким был он сам: риторов, философов и т. д. Естественно, что его попытка была обречена на неудачу.

Юлиан формально не запрещал христианства, но своей политикой он стремился создать для него невозможные условия существования. Так он возвратил из ссылки всех крупных ере-

тиков, желая тем самым ослабить церковь. Эта последняя должна была возвратить все конфискованное в предшествующий период у еретиков и языческих храмов имущество.. Христианские епископы были лишены права юрисдикции, христиане не могли преподавать гуманитарные науки — риторику, философию и т. д. Наконец, христианам было запрещено публичное отправление религиозных служб.

Но Юлиан прекрасно понимал, что восстановить язычество в его старой форме невозможно. Поэтому он хотел его реформировать в духе неоплатонизма. Это было модное тогда религиозно-философское учение, созданное философом Плотинем (III в.) на основе платонизма. Неоплатоники представляли себе мир как эманацию (истечение) божественной силы, исходящей из непознаваемого абсолюта. Первой формой эманации является мир духовный, мир платоновских идей; второй формой — мир душевный, психический; наконец, третьей и последней формой — мир материальный. Так как с каждой формой, с каждой ступенью божественная сила теряет в своей эффективности, то на долю материального мира ее остается очень немного.

Ступени эманации и промежутики между ними неоплатоники, как и гностики, наполняли всеми богами и демонами греко-римских и восточных религий. Получалась сложная система, пользовавшаяся благодаря своей мистической форме и морали аскетизма, проповедуемой неоплатониками, довольно большой популярностью, — правда, в очень ограниченных кругах языческой интеллигенции. Этой системой Юлиан и хотел заменить христианство.

Как умный человек, он понимал, что главная сила христианства в организации, и пытался реорганизовать жречество по типу христианского клира и церковной иерархии, заимствовав у христианских общин также их систему благотворительности. Это лишний раз доказывает мощь христианской организации в IV в.: ведя борьбу с христианством, Юлиан вынужден был подражать ему в самых существенных моментах.

Но вся эта реформа была обречена заранее. За Юлианом пошла только маленькая группа сторонников. Масса населения империи оставалась или равнодушной, или враждебной ему. В 363 г. его смертельно ранили во время персидского похода. Повидимому, рана была нанесена Юлиану кем-то из своих.

После его гибели императором был избран полководец Иовиан, вынужденный отдать персам все завоевания Юлиана. Он царствовал меньше года и в 364 г. умер.

После него вступил на престол Валентиниан, выдвинутый группой полководцев и сенаторов. Валентиниан, понимая, что ему одному не справиться с государственным управлением, назначил соправителем и августом на Востоке своего брата Валента.

В правление этих императоров произошли события, известные под названием «великого переселения народов». Традиционное изложение этих событий таково. В 70-х годах IV в. кочевое монгольское племя гуннов, пришедшее из Центральной Азии, напало на германское племя остготов (или остроготов). Эти последние занимали причерноморские степи к востоку от р. Днестра. Остготы были подчинены гуннами, включены в их состав и увлечены в движении на запад. Отступая от натиска гуннских орд, племя вестготов (или визиготов), занимавшее территорию к западу от Днестра, подошло к Дунаю и обратилось к императору Валенту с просьбой разрешить им перейти Дунай и поселиться на территории империи. Валент, намереваясь использовать вестготов как военных колонистов, дал просимое разрешение, и огромное племя перешло реку и поселилось в Мезии (теперешней Болгарии). Этот переход вестготов на территорию империи и послужил толчком к дальнейшим вторжениям варваров.

Таково традиционное начало «великого переселения народов». Однако, эта схема нуждается в серьезных поправках. Во-первых, совершенно неисторично приурочивать грандиозный процесс распада империи к определенному событию в виде нападения гуннов на остготов. Уж если говорить о «великом переселении народов», то оно началось с конца II в. и тянулось почти непрерывно на протяжении трех столетий. Если в конце IV в. вторжения варваров делаются особенно грозными, то причина этого кроется не в каком-нибудь внешнем толчке, будь это нападение гуннов или какого-нибудь другого племени, а во внутренних процессах, происходивших как в самой империи, так и среди варварских племен. К концу IV в. экономический кризис и революция окончательно подорвали силы империи и сделали ее неспособной к сопротивлению. Тот контакт между римскими рабами, колоннами и варварами, о котором мы говорили выше, именно к этому времени делается особенно тесным и в огромной степени облегчает варварам их задачу. С другой стороны, разложение общинно-родовых отношений среди варварских этнических группировок делает огромный шаг вперед, приводит к образованию более четких племенных образований и к выделению в них правящей верхушки, весьма склонной к грабегам и завоеваниям. В долгой борьбе с римлянами складываются обширные и мощные федерации племен, против натиска которых трудно устоять слабеющей империи.

Во-вторых, большие сомнения внушают «гунны» исторической традиции. Римские историки, отражавшие точку зрения напуганных рабовладельцев, изображают гуннов в образе жестоких диких кочевников, все истреблявших на своем пути. Монгольское происхождение гуннов доказывают тем, что в китайских источниках упоминается какое-то кочевое племя IV в., называемое хун-ну. Но все это очень шатко. Мало вероятно миграция определенного племени из степей Монголии в Европу; совершенно

не доказано тождество «хун-ну» китайских летописей с «гуннами» римских авторов. Попытки установить археологически существование гуннов до сих пор оказались безрезультатными. Быстрота, с которой в V в. бесследно исчезают гунны, говорит против возможности приурочить к этому термину какое-нибудь четкое этническое образование.

Повидимому, «гунны», «готы» и ряд других терминов этой и предшествующей эпох являются не чем иным, как обозначением широких племенных союзов, в которые входили различные этнические группировки.

Только с такими поправками можно принять традиционную схему «великого переселения народов».

Вестготы, поселившись в 377 г. на Балканском полуострове, сразу же попали в лапы продажных римских чиновников. Они не получали обещанного им продовольствия и стали голодать. Дело дошло до того, что многие из них продавали себя в рабство. Тогда в 378 г. вестготы восстали. Под Адрианополем войска Валента потерпели жестокое поражение, а сам он был убит. Варвары рассеялись по Балканскому полуострову. Аммиан Марцеллин рисует яркую картину их движения:

«Готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день к ним присоединялось множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или же жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники».

Здесь отчетливо выступает единый фронт варваров-готов, римских рабов и крепостных рабочих. Этот единый фронт и придал огромную силу движению.

Император Грациан, сменивший на Западе Валентиниана, послал на Восток для усмирения вестготов своего лучшего полководца Феодосия, дав ему титул августа Востока. Феодосий, очень способный дипломат и полководец, с большим трудом оставил вестготов и поселил их на Дунае в качестве союзников империи. Христианская церковь назвала Феодосия «Великим», потому что при нем произошло окончательное уничтожение язычества, и христианство было признано государственной религией.

Феодосий издал ряд эдиктов о запрещении публичных жертвоприношений, о прекращении субсидирования языческих храмов,

о конфискации храмовых земель. Последним законом, положившим конец язычеству, был закон 392 г., запрещавший домашний культ.

При Феодосии христиане, торжествуя свою победу, обрушились на «язычество». Начались страшные языческие погромы. В результате их было разрушено много античных храмов и зданий, и погибла масса культурных ценностей. Так, например, в 391 г. в Александрии был сожжен Серапеум, где погибли остатки александрийской библиотеки. К 395 г. относится смерть знаменитой Ипатии, женщины-философа. Ее лекции пользовались большой популярностью в Александрии. Она была растерзана толпой христиан-фанатиков.

В IV в. вообще происходит падение античной культуры, огрубение языка, снижение художественного стиля. Это явление было совершенно неизбежным следствием революции. Упадок античной культуры буржуазными исследователями понимается как абсолютный и непоправимый. Причину его часто ищут в том, что старая античная культура, бывшая уделом «избранных», теперь стала распространяться среди масс и поэтому, якобы, снизилась. Забывают о том, что это был неизбежный результат перехода одной формации в другую, неизбежные издержки революции. Конечно, с точки зрения общечеловеческого культурного наследства гибель александрийской библиотеки непоправима. Но, с другой стороны, не надо забывать, что в огне революции, в ужасах языческих погромов рождалось новое общество — феодальное, формация более высокая, чем предшествовавшая рабовладельческая.

Феодосию удалось установить относительное спокойствие на Востоке главным образом потому, что он старался жить в мире с варварами, в частности, с готами. Много их было на императорской службе. Фактически Феодосий правил и на Западе, потому что за несколько лет там сменилось четыре императора, а под конец жизни он и формально объединил Запад с Востоком. Это было последнее объединение империи.

В 395 г. Феодосий умер. Перед смертью он разделил империю между двумя сыновьями: Запад отдал Гонорию, Восток — Аркадию. 395-й год считается годом окончательного разделения империи на две половины. В начале VI в. была сделана попытка объединения империи византийским императором Юстинианом, но ему удалось отвоевать только маленький кусок северной Африки и часть Италии, и вскоре эти завоевания снова были потеряны.

При Аркадии на Востоке взяла верх партия, враждебная варварам, и произошло новое восстание вестготов, во главе с Аларихом. Вестготы снова подвергли опустошению Балканский полуостров, и Константинополь удалось спасти только благодаря огромному выкупу. Император Гонорий послал против вестготов полководца Стилихона, варвара по происхождению. Ему удалось

разбить Алариха. Но Аркадий, опасаясь большой популярности Стилихона, заключил союз с Аларихом. Чтобы удалить вестготов от Византия, он поселил их в Иллирии. Тогда Аларих предпринял ряд походов в Италию. Стилихону, с большим напряжением сил, в течение некоторого времени удавалось отражать натиск готов на Италию. Правда, для этого пришлось собрать войска со всех концов империи. Границы были открыты, и варвары хлынули в западную империю: бургунды и франки перешли Рейн и проникли в Галлию, вандалы заняли Испанию. Стилихон, понимая, что отразить Алариха не удастся, вступил с ним в переговоры и думал поселить вестготов на границе. Повидимому, Аларих пошел на это, но и при дворе Гонория взяла верх антиварварская партия. Стилихон был обвинен в измене и казнен (408 г.).

Тогда Аларих двинулся на Рим и с помощью римских рабов взял его и разграбил (410 г.). Это — факт всемирно-исторического значения: «вечный» город, в течение многих столетий являвшийся столицей мира, пал под ударами рабов и их союзников — варваров!

Правда, вскоре после этого Аларих умер, и правительству западной империи удалось договориться с вестготами. Им были отведены для поселения земли в Галлии, куда они и перешли.

В первой половине V в. варвары все в большем количестве проникают в западную половину империи. В 429 г. вандалы из южной Испании двинулись в северную Африку и в течение десяти лет, с помощью местных рабов и колонов (там еще держалось движение циркумцеллионов), завоевали ее. В 455 г. вандалский король Гензерих опустошил Италию и снова разгромил Рим.

Около этого же времени, а именно в 449 г., в Британию с материка стали переселяться племена англов и саксов.

В первой половине V в. на Дунае образовался огромный союз племен во главе с гуннами. Византийское правительство вынуждено было уступить им часть земель на Балканском полуострове и выплачивать дань. В 451 г. гуннский союз, руководимый знаменитым Атилой, перешел Рейн и вторгся в Галлию. Для борьбы с ним варварские племена запада — франки, бургунды, вестготы и др. — объединились. В 451 г. произошла битва на Каталаунских полях (в Шампани).

Каталаунская битва была чрезвычайно упорной и кровопролитной. Исход ее оказался неопределенным. Но гунны, повидимому, встретили такое сильное сопротивление, что были вынуждены уйти за Рейн.

В следующем 452 г. Атила вторгся в северную Италию, опустошил ее, но на Рим не пошел. Очевидно, его испугали страшный голод и эпидемия в Италии.

Вскоре после этого Атила умер, его эфемерное «государство» распалось, а гунны бесследно исчезли.

Не трудно понять, почему варварам удалось так быстро занять различные части римской империи. Легкость завоевания объясняется тем, что местное население встречало варваров как избавителей; нигде оно не только не оказывало варварам сопротивления, но, наоборот, всеми силами поддерживало их. Ведь приход варваров означал для низших классов римского общества освобождение от страшного гнета разлагавшегося рабовладельческого государства.

Императорская власть на Западе была в то время игрушкой в руках начальников различных варварских дружин, находившихся на службе у империи. За 21 год (455—476) в Италии переменялось 9 императоров, причем все они были свергнуты. В 476 г. последний римский император, малолетний Ромул Августул («Августенок») был свергнут предводителем одной из таких дружин Одоакром. Этот последний решил больше не назначать императора для Запада и по соглашению с Византией провозгласил себя самого наместником восточного императора.

476-й год формально считается концом Западной римской империи. Эта дата, конечно, условная, потому что уже задолго до 476 г. Западная империя фактически не существовала.

Восточная половина империи продержалась на тысячу лет дольше и окончательно пала только в 1453 г., когда Константинополь был завоеван турками. Но из этого факта ни в коем случае нельзя сделать вывода о том, что после гибели рабовладельческого общества на Западе в V в. рабовладельческая формация существовала на Востоке еще 1000 лет.

В восточной половине империи, благодаря ее большей экономической крепости, дольше сохранилась внешняя форма старого государства: императорская власть, военно-бюрократический аппарат, сама столица. Но это была только внешняя форма; содержание общества стало другим, и оно по существу ничем не отличалось от западного общества.

Запад был завоеван варварами, на территории Западной империи создались варварские племенные государства, в которых стали складываться феодальные отношения. Восточная империя сохранилась, но она также была наводнена варварами. В VI—VII вв. часть ее владений была захвачена персами, а в VII в. арабами. В VII ст. восточная империя потеряла все свои азиатские владения и сохранила только Балканский полуостров. Да и этот последний был наводнен славянами.

Таким образом, и в западной и в восточной половинах империи мы видим одинаковые процессы варварского завоевания. Только на Востоке этот процесс шел не так бурно и растянулся на больший промежуток времени. Мало этого. Как в захваченных варварами, так и в уцелевших частях Византийской империи развились те же самые феодальные отношения, что и на Западе. Единственная разница сводилась к тому, что на Востоке феодаль-

ные отношения возникли несколько позднее и сохранили больше пережитков античного рабства.

Итак, судьбы Запада и Востока были одинаковыми. Своеобразие падения античного общества на Востоке объясняется, как мы указывали, тем, что оно оказалось более стойким экономически, главным образом, благодаря меньшему развитию там рабства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили историю античного общества на довольно большом фактическом материале. Теперь, мы должны попытаться вскрыть общий закон движения, внутреннюю закономерность развития античного рабовладельческого общества.

Установить закон развития общественной формации — это значит, прежде всего, вскрыть ту конкретную форму, в какой выступает в этой формации основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Основным законом развития общества является закон развития в противоречиях. Общество развивается путем борьбы противоположностей. Во всяком обществе, на всякой стадии его развития, существует группа противоречий, типичных для данной стадии развития данного общества, но вся совокупность таких типичных для данного общества противоречий вытекает из его основного противоречия. Система мира едина, и его единство мы прослеживаем в каждом явлении. Подобное положение не отрицает многообразия, но во всяком многообразии существует единство, и таким единством многообразия противоречий, движущих каждое общество, является его основное противоречие.

Основным противоречием для всякого общества является противоречие между его формой и содержанием, противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Но эта общая форма основного противоречия ничего не дает для понимания своеобразия каждого данного общества. Для этого нужно выяснить конкретную форму основного противоречия. Следовательно, нашей первой задачей является установить конкретную форму основного противоречия в античном обществе.

Вторая задача — вывести из этой конкретной формы все те производные противоречия или, по крайней мере, важнейшие из них, которые и определяли специфику исторического развития античности.

Третья задача — показать, каким образом все эти противоречия обусловили исторический путь античного общества: его возникновение, развитие и гибель.

Таковы три задачи, которые стоят перед нами. Начнем с первой: как найти конкретную форму основного противоречия античности?

Для этого мы должны отправляться от основного факта, определяющего всю структуру классового общества, — от формы эксплуатации, господствовавшей в античном обществе. Форма эксплуатации, т. е. та форма, в которой неоплаченный прибавочный продукт присваивается собственниками средств производства, и составляет, по выражению Маркса, «сокровенную основу» всякой классовой формации.

Господствующей формой эксплуатации в античном обществе было рабство. Что такое рабство?

Сущность его заключается в том, что рабовладелец, собственник средств производства, методами внеэкономического принуждения присваивает прибавочный труд непосредственных производителей, рабов, лишенных средств производства и являющихся собственностью рабовладельца. Рабство исторически является самой первой формой эксплуатации. Оно возникает на таком низком уровне развития производительных сил, при котором невозможна никакая другая форма эксплуатации. Для того, чтобы заставить рабочего путем экономического принуждения идти и продавать свою рабочую силу на рынок или для того, чтобы принудить крестьянина или ремесленника, наделенного средствами производства, работать на феодала, — для этого нужен относительно очень высокий уровень производительных сил. Общество, едва только выбравшееся из своего доклассового состояния, нуждается в максимально грубых способах эксплуатации, чтобы выколотить этими способами прибавочный продукт. Именно примитивный уровень развития производительных сил при самом зародыше экономического неравенства заставляет тех, кто уже владеет некоторым количеством прибавочного продукта, идти по самой простой линии эксплуатации, по линии апроприации личности.

Экспроприировать средства производства у масс труднее, чем апроприировать их личность. Для первого нужен высокий уровень развития экономики, а заставить путем грубого физического принуждения работать на себя военнопленного, — гораздо проще. Для этого не требуется ничего, кроме военного превосходства одной общины над другой и известного количества прибавочного продукта.

Что представляет собой рабское производство? Возьмем ли мы наиболее примитивную форму его — постройку пирамид, дамб и каналов в ирригационном хозяйстве Востока, возьмем ли мы рабские мастерские типа афинских эргастериев или, наконец, римские латифундии — всюду совершенно ясно рабское производство выступает как простая кооперация. И это не случайно. Для возникновения сложной кооперации, т. е. технического разде-

ления труда, необходим гораздо более высокий уровень техники и трудовых навыков производителя, что является результатом продолжительного исторического развития. Не случайно техническое разделение труда появляется только в эпоху разложения феодализма, потому что только тогда технические и социальные предпосылки достигают такого уровня, что непосредственный производитель может уже занимать место в сложном организме разделенного труда. Когда же техника стоит еще на низком уровне, никакие сложные формы кооперации не могут иметь места. Они возникают спорадически, но как система техническое разделение труда появляется не раньше мануфактурного периода.

При рабстве, как правило, раб работает в хозяйстве рабовладельца и его орудиями в качестве индивидуального производителя, ремесленника, органически не связанного в самом процессе производства с другими такими же индивидуальными производителями. Конечно, нельзя отрицать, что в эргастерии или латифундии существуют некоторые элементы технического разделения труда. Изображения на греческих вазах показывают, что, например, в пекарне один раб следит за огнем, другой месит тесто и т. д. В римских агрономических сочинениях, например, у Катона, мы встречаем множество «специальностей» среди рабов: надсмотрщики, скотники, пастухи, чернорабочие и т. д. Однако, все эти примеры еще не говорят о настоящем техническом разделении труда хотя бы типа мануфактуры, когда определенная категория рабочих специализируется на данной технической операции, когда весь производственный процесс разбит на ряд операций, и каждой операцией занимается только одна определенная группа рабочих, причем каждая группа находится в определенной численной пропорции по отношению к другой, и пропорции эти определяются характером и размерами производства.

Ничего похожего на это ни в латифундиях, ни в эргастериях найти нельзя; почти всякий раб легко может быть переброшен с одного производства на другое; не перебрасываются только высококвалифицированные рабы, которых не так уже много (литейщики, рисовальщики и т. п.). Таким образом, при довольно широко развитом в античности общественном разделении труда техническое разделение труда, т. е. сложная кооперация, является спорадическим и внешним. В античном обществе нет подлинного технического разделения труда, имманентно присущего данному производству.

Таким образом, всякое рабовладельческое хозяйство есть определенное хозяйственное целое, представляющее объединение индивидуальных производителей, почти не связанных внутренним процессом производства. Труд рабов есть труд ремесленников, но, в отличие от свободных ремесленников, работающих в соб-

ственном индивидуальном хозяйстве, рабы, будучи индивидуальными производителями, лишены средств производства и работают в чужом хозяйстве. Такое хозяйство может быть крупным или мелким, в нем может быть сто рабов или двое, существо дела от этого не меняется.

Индивидуальный характер производства является специфической особенностью рабства, в отличие от капиталистического способа производства, которое имеет коллективный характер.

Простая кооперация как специфическая форма античного производства служит адекватным выражением уровня развития производительных сил рабовладельческого общества, точно так же как сложная кооперация является наиболее полным выражением производительных сил капиталистического общества. Если форма разделения труда служит адекватным выражением уровня развития производительных сил, то адекватным выражением производственных отношений является характер собственности. Например, в понятии «буржуазная собственность» заключена вся специфика производственных отношений капиталистического общества. Поэтому, чтобы найти адекватное выражение системы производственных отношений античности, мы должны определить характер античной собственности.

Это сделано Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». Античная собственность — это «общинная и государственная собственность», «это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12).

Эта гениальная формулировка вскрывает перед нами и социальные корни античной собственности.

В наследство от родового общества античность получает общину, которая в новых условиях классового общества приобретает измененную форму и превращается в общину-государство. Создается своеобразный коллектив рабовладельцев, внутри себя сохраняющий подобие общинных отношений, а во-вне, по отношению к рабам, действующий как аппарат угнетения. Экономической базой такого коллектива может быть только коллективная собственность, ибо индивидуальная собственность его разлагает.

Конечно, всякий эксплуататорский класс и всякое государство, вплоть до капитализма, представляют некоторый коллектив, служащий целям эксплуатации. Но степень коллективности и форма ее различны в зависимости от характера общественного строя. Например, феодальное государство и феодальная собственность также имеют коллективную форму, но отличную от античного государства и античной собственности. В «Немецкой идеологии» мы читаем: «Третья форма (собственности. — С. К.), это — феодальная или сословная собственность... Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе,

которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне... Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ним (т. е. с феодализмом. — С. К.) система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, направленной против поработленного, производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо наличие были различные производственные условия» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14).

Рабовладельческая система соответствует такому низкому уровню производительных сил и столь примитивному характеру всех общественных отношений, что при ней для успешности эксплуатации требуется максимальная сплоченность эксплуататоров, максимальная коллективность отношений собственности, политических, бытовых и т. п. Капиталисты, например, владеют таким совершенным аппаратом государства и такими мощными средствами военной техники, что им для воздействия на пролетариат почти не нужны непосредственно-коллективные формы этого воздействия. Рабовладельцы же, чтобы держать своих рабов в повиновении, вынуждены были жить как единая дружная семья и сами выступать плечо к плечу против восставших.

Как было указано выше, классическим примером рабовладельческого коллектива являлась Спарта, существовавшая как раз в условиях резкой противоположности между маленькой кучкой рабовладельцев и массой рабов, сконцентрированных в плодородных долинах Эвроты и Мессении. Вот почему спартанцы вынуждены были поддерживать своеобразную общинную организацию, в которой все подчинено было одной цели — держать в повиновении рабов. Вот почему спартанское правительство старалось задержать разложение общинных отношений, поддерживало экономическое равенство, мешало развитию торговли, боролось против роскоши, тренировало рабовладельцев в определенном направлении.

В других полисах, где, как например, в Афинах, эта противоположность между кучкой эксплуататоров и массой эксплуатируемых выступала не так резко, где масса рабов не была так сконцентрирована, где, наконец, торговый и денежный капитал уже успел разложить общинные отношения, там мы не найдем спартанских форм общинно-государственной собственности. Однако, отсюда вовсе не следует, что в рабовладельческих полисах типа Афин или Рима собственность была феодальной или буржуазной. Она, конечно, могла быть только рабовладельческой, т. е. общинно-государственной, но в несколько модифицированной по сравнению со Спартой форме. И в этих полисах сохранились элементы старой общинной собственности. Таковы, напри-

мер, *ager publicus* в Риме, Лаврийские рудники в Афинах, доходы с которых шли в пользу всех граждан и т. п. Но эти элементы были только пережитками. Общинно-государственный характер собственности здесь выступал в другом.

Мы уже указывали, что система раздач и кормлений, являясь, с одной стороны, результатом демагогической политики имущей верхушки полиса, в основном была выражением основного принципа античной собственности: каждый гражданин имеет равную долю в коллективной собственности полиса и равное право на участие в доходах полиса. Конечно, полное экономическое равенство граждан античного полиса есть только идеал. Повидимому, оно отсутствовало уже в древнейшей Спарте. Но как принцип, оно несомненно является наиболее точным выражением античной общинно-государственной собственности. Литургии, раздачи и кормления, *ager publicus*, дележ военной добычи, вознаграждение за отправление общественных должностей, вывод колоний в завоеванные области и т. п. — все эти явления суть не что иное, как выражение античной собственности в ее более простой (спартанской) или модифицированной (афинской) форме. Сама античная демократия есть только политическое выражение коллективной общинно-государственной собственности.

Таким образом, в античном обществе существует противоречие между индивидуальным производством рабов и коллективным присвоением рабовладельцев. Раб, основной производитель античного общества, работает как индивидуальный производитель, как ремесленник. Но продукт его труда не является его собственностью, а поступает в собственность коллектива рабовладельцев, между которыми и распределяется. Это противоречие основное, потому что оно является противоречием между производительными силами (форма производства) и производственными отношениями (форма собственности). Вместе с тем это противоречие конкретное, потому что оно свойственно только рабовладельческому обществу. Итак, конкретной формой основного противоречия античного общества является противоречие между коллективной общинно-государственной собственностью рабовладельцев и индивидуальным производством рабов.

Теперь посмотрим, какие производные противоречия существуют в античном обществе.

Из них мы разберем три важнейших — этого будет достаточно для понимания закона движения античного общества.

Первое — это комплекс противоречий, связанных с воспроизводством рабовладельческой системы. Сущность этой группы противоречий выражается в том, что рабовладельческая система для своего воспроизводства разрушает ту базу, на которой она стоит, и среду, которой она питается. Получается порочный круг, из которого нет выхода, кроме одного: гибели рабовладельческого общества в тот момент, когда оно окончательно подорвет свою основу.

*

Эта группа противоречий выступает особенно ясно в воспроизводстве рабов. Мы знаем, что общее воспроизводство рабов осуществляется путем войны, пиратства, долговой кабалы и т. д. Такой характер воспроизводства рабочей силы обусловлен своеобразием рабовладельческой эксплуатации, при которой невозможно нормальное воспроизводство рабов, происходящее в силу самого механизма рабовладельческого производства.

При капитализме, например, воспроизводство рабочей силы осуществляется в процессе внутреннего развития самого капиталистического производства. Благодаря пролетаризации мелких собственников образуется резервная армия труда, и из нее капиталист черпает рабочую силу.

Но в рабовладельческом обществе воспроизводство рабов в процессе самого производства, как правило, неосуществимо. При развитой системе рабства граждане полиса обычно не становятся рабами; рабами могут быть только иностранцы.

Отсюда огромная роль внеэкономического принуждения при воспроизводстве рабов, — в частности, роль войны. Во всяком классовом обществе война, как один из методов воспроизводства общественной системы, имеет большое значение. Но нигде она не занимает такого большого места, как в античности. Это потому, что, помимо захвата аграрных территорий, новых рынков и т. п., античные войны вызывались еще стремлением к захвату рабов. Рабовладельческое общество может существовать только при условии непрерывной внешней экспансии. Возьмем ли мы историю Афин или Рима, их процветание было построено на внешнем расширении. Прекращение этого расширения означало их гибель. Здесь был порочный круг: для того, чтобы существовать и развиваться, рабовладельческое общество опустошает целые области, разрушает города, уводит в рабство их население и таким путем делает невозможным свое дальнейшее существование, ибо источники воспроизводства рабовладельческой системы иссякают.

Другим важным производным противоречием является противоречие между индивидуальной и общинно-государственной собственностью. При этом необходимо отметить, что мелкая индивидуальная собственность не противоречит общинно-государственной. Здесь речь идет о крупной собственности. Мелкая собственность прекрасно уживается с общинно-государственной, являясь не чем иным, как ее видоизменением. Вспомним Спарту, афинских клерухов, римских колонистов и т. п. Общинно-государственную собственность разрушает не мелкая, а крупная индивидуальная собственность. Именно эту последнюю имели в виду Маркс и Энгельс, когда они писали в «Немецкой идеологии» о разложении античной собственности, а вместе с ней — и античного общества:

«Поэтому все основывающееся на этом фундаменте строение общества, а вместе с ним и власть народа, приходят в упадок

в той же мере, в какой развивается преимущественно недвижимая частная собственность... С развитием частной собственности здесь впервые устанавливаются те отношения, которые мы встретим — только в более крупном масштабе — при современной частной собственности. С одной стороны, — концентрация частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство — земельный закон Лициния) и очень быстро развивалась со времени гражданских войн и в особенности в императорскую эпоху; с другой стороны, в связи с этим, — превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, вследствие своего промежуточного положения между имущими гражданами и рабами, не получил самостоятельного развития» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12—14).

Третьим производным противоречием является противоречие между крупной и мелкой собственностью. Крупная рабовладельческая собственность убивает мелкую тем, что подрывает общинную собственность и тем самым лишает мелкую ее базы; когда крупный римский землевладелец расхищал общинную землю, он наносил ущерб мелкому собственнику, так как последний лишался возможности использовать общинные земли. Крупная рабовладельческая собственность уничтожает мелкую и непосредственно, в результате конкурентной борьбы между крупным рабовладельческим хозяйством и мелким. Пролетаризация афинских и римских крестьян есть иллюстрация того положения, что аграрная история античности заполнена, главным образом, борьбой крупной собственности с мелкой.

Все экономические противоречия античного общества выражались в определенных социально-классовых противоречиях. Основное противоречие между общинно-государственной собственностью рабовладельцев и индивидуальным производством рабов выражалось в антагонизме между свободными гражданами — представителями коллективной собственности и рабами — носителями индивидуального производства. Это — основное классовое противоречие, развитие которого служит центральным стержнем истории античного общества.

В каких социально-классовых формах выражаются производные противоречия? Противоречие между крупной и мелкой собственностью находит свое выражение в наполняющей всю историю античности борьбе крупных рабовладельцев с мелкими. Оно играет большую роль в истории рабовладельческого общества.

«Внутреннюю историю (римской республики. — С.К.), — писал Маркс, — можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства» (письмо к Энгельсу от 8 марта 1855 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 89).

Социальная форма противоречия между крупной индивидуальной и общинно-государственной собственностью выступает особенно резко тогда, когда крупная собственность подрывает общинную, когда масса мелких производителей превращается в люмпен-пролетариат, для которого особенно важно сохранение общинной собственности, являющейся для него главным источником существования. Достаточно вспомнить роль кормлений, раздач и государственного жалования, активную внешнюю политику, поддерживаемую афинским люмпен-пролетариатом, чтобы понять, что люмпен-пролетариат и тесно к нему примыкающие пауперские элементы античного общества являются защитниками общинно-государственной собственности. Они выступают против богатей, разрушающих коллективную собственность полиса.

Противоречия воспроизводства выражаются в сложном пучке социально-классовых и внешне-политических противоречий. Пелопоннесская война, распад афинского союза, восточный поход Александра, борьба диадохов, Пунические войны, восстание италийцев, движение Митридата и т. д. — все эти факты античной истории в конечном счете восходят к процессу воспроизводства рабовладельческой системы.

Проследим теперь основные ступени развития античного общества.

На заре античной истории формирующаяся рабовладельческая собственность выступает как привилегированная собственность узкого коллектива, сохраняющего черты общинно-родовых отношений. Такова, например, патрицианская община в Риме, противостоящая массе мелких производителей — плебеев.

Первоначально этот привилегированный коллектив пытается решить проблему воспроизводства рабов путем обращения в рабство посредством долговой кабалы свободных мелких собственников, крестьян и ремесленников. Но этим последним в результате долгой революционной борьбы удалось дать отпор притязаниям богатой и знатной верхушке. В передовых античных полисах дело кончается победой мелких собственников, которые добиваются своего включения в рабовладельческий коллектив. Аристократический полис превращается в демократический и состоит теперь из всех свободных граждан государства.

В различных полисах, в зависимости от реального соотношения сил, и результаты революции были различны. В одних удалось добиться полной демократизации общественного строя, в других уцелели довольно сильные элементы земельной или торгово-промышленной олигархии. Но, во всяком случае, наиболее типичной для греко-римского общества государственной формой был демократический полис, в котором все граждане в той или другой степени являются участниками коллективной государственной собственности и пользуются одинаковыми политическими правами.

После завершения революции, положившей конец пережиткам родового строя и создавшей рабовладельческое государство, античное общество вступает в период своего расцвета. Именно в это время, после того, как мелкий собственник добился уравнивания в правах с аристократией, начинает развиваться античная форма рабства, т. е. рабство иноплеменников. Правда, долговая кабала и долговое рабство еще сохраняются в отсталых частях греко-римского мира, но в наиболее развитых рабовладельческих полисах проблема воспроизводства рабочей силы теперь решается путем захвата иноплеменников. Рабство растет, но этот рост выражается, главным образом, в количественном росте, в увеличении числа рабов, в расширении отдельных предприятий, в развитии торговли, основанной на рабском производстве и т. д. Но качественных изменений, в частности, в технике производства в период расцвета мы почти не наблюдаем. Техника останавливается на одном уровне, потому что характер эксплуатации почти не дает возможности ей развиваться.

Завершение процесса революционного образования полиса означало и завершение процесса формирования античной собственности. Поэтому эпоха расцвета полиса есть вместе с тем и эпоха расцвета общинно-государственной собственности. Но одновременно с этим начинает развиваться и индивидуальная крупная собственность. Крупное рабовладельческое хозяйство разрушает общинную собственность и поглощает индивидуальную собственность мелких рабовладельцев. Начинается пролетаризация мелких производителей, порождающая острые формы классовой борьбы.

В то же самое время, благодаря количественному расширению рабства и усилению эксплуатации, наибольшей остроты достигает противоречие между свободными и рабами. Начинается ожесточенная классовая борьба, где восстания рабов переплетаются с движениями бедняцких и люмпен-пролетарских масс свободного населения. Начинается революция рабов.

Ее первый взрыв наносит жестокий удар рабовладельческому обществу и углубляет общий кризис античного общества; вместе с тем, революция рабов является главной причиной перехода к новой форме власти, к военной диктатуре рабовладельцев.

Разложение античного общества в Греции начинается еще в IV в. Но там кризис принял затяжной характер, во-первых, благодаря завоеванию Греции Македонией, во-вторых, благодаря колонизации Востока, в-третьих, наконец, в результате римского завоевания. И только в Риме, объединившем все Средиземноморье и создавшем единое рабовладельческое общество и государство, общий кризис рабовладельческого общества дошел до своего исторического конца, т. е. до гибели античного общества.

Что явилось непосредственной причиной падения Рима? Противоречия воспроизводства рабовладельческой системы как раз

е истории Рима выступают во всей их разрушительной силе. Вся история республики была историей истощения Италии и ограбления провинций, и это является важнейшей причиной того, что в Риме, начиная с эпохи империи, происходит общее падение производительных сил. Несколько столетий рабства в его наиболее хищнической римской форме нанесли окончательный удар экономике Средиземного моря. Общий кризис рабовладельческой системы выступал в целом ряде конкретных моментов: в аграрном кризисе, в понижении товарности хозяйства, сужении рынка, в падении покупательной способности масс, в финансовом кризисе. Античная общинно-государственная собственность, благодаря развитию крупной индивидуальной собственности, разрушается. Мелкие производители, которые были главной военной опорой полиса, превращаются в люмпен-пролетариев. Гибель античной коллективной собственности и исчезновение мелких свободных производителей приводит к гибели полиса как формы государства. Полис, как коллектив рабовладельцев, терпит крушение уже к концу республики. Правда, полисная система в виде римской муниципальной системы продолжает существовать как пережиток, но на ее место приходит другая форма государства. Рабовладельцы Средиземноморья пытаются создать территориальное государство, не полис, не коллектив, где они сами непосредственно правят, а огромный механизм империи, в котором они пытаются править через своего представителя — императора, опирающегося на военно-бюрократический аппарат. Военная диктатура, появившись как орудие подавления революции, в дальнейшем стала органом, выражающим волю всего класса рабовладельцев. Однако, гибель полиса и появление новой формы государства означали гибель античного рабства. Полис являлся единственной государственной формой, в которой наиболее совершенным образом могло выражаться господство коллектива рабовладельцев.

В условиях общего кризиса происходит изменение старой формы эксплуатации. Классическое рабство постепенно исчезает. Непроизводительность рабского труда особенно ясно выступила в обстановке кризиса, что заставило рабовладельцев искать способов повышения производительности труда. С другой стороны, благодаря сокращению торговли, старая форма крупного латифундиального хозяйства перестает уже быть рентабельной. Наконец, падение военной силы Рима крайне затрудняет воспроизводство рабов. Оно могло протекать беспрепятственно только при условии непрерывной внешней экспансии. Но история империи показывает, что дальнейшее расширение владычества Рима было невозможно. Завоевания, сделанные при Августе, Клавдии и Траяне, были последними.

Все эти причины привели к появлению колоната как смягченной формы рабства, в которой содержались уже зародыши феодального способа эксплуатации. Вместе с тем в колонате нужно

видеть то соединение крупной индивидуальной собственности и мелкого индивидуального хозяйства, которое станет господствующей формой в средние века и которое было подготовлено всем предшествующим развитием античного общества.

Дальнейший распад рабовладельческой системы ускоряется политикой государства, которое в борьбе с кризисом увеличивает налоги, закрепощает колонов и ремесленников и таким путем в огромной степени обостряет эксплуатацию и увеличивает нищету масс. В этой обстановке разражается вторая революция рабов, которая в союзе с варварским завоеванием кладет конец рабовладельческому обществу.

Завоевание Рима варварами, как мы указывали выше, не было случайным явлением. Рабовладельческое общество может развиваться только при условии непрерывного взаимодействия с внешней средой. Это взаимодействие первоначально состоит в том, что внешняя среда служит главным объектом экспансии и главным резервуаром рабочей силы для рабовладельческого общества. Но затем соотношение резко меняется, потому что в тот момент, когда рабовладельческое общество слабеет изнутри, внешняя среда переходит в наступление и своими волнами захлестывает его. Таков конец рабовладельческого общества.

ХРОНОЛОГИЯ ПО ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА И РИМА

ЭЛЛИНИЗМ

*Годы до
новой эры*

- 328—322 — Ламийская война.
- 322 — Смерть Демосфена.
- 322—283 — Птолемей I Сотер.
- 321 — Гибель Пердикки.
- 312—281 — Селевк I Никатор.
- 304 — Осада Родоса Димитрием Полторкетом.
- 301 — Битва при Иссе.
- 283—246 — Птолемей II Филадельф.
- 281 — Гибель Лизимаха.
- 281—261 — Антиох I Сотер.
- 271—218 — Арат Сикионский.
- 261—246 — Антиох II «Бог».
- 246—221 — Птолемей III Эвергет.
- 245—241 — Агис IV.
- 241—197 — Аттал I Пергамский.
- 235—221 — Клеомен III.
- 228—187 — Антиох III Великий.
- 221 — Битва при Селласии.
- 221—204 — Птолемей IV Филонатор.
- 217 — Битва при Рафии.
- 207—192 — Тирания Набиса.
- 204—181 — Птолемей V Эпифан.
- 197—159 — Эвмен II.
- 146 — Разрушение Коринфа.

РИМ

*Годы до
новой эры*

- 753 — Традиционная дата основания Рима.
- 510 — Традиционная дата падения «царской власти».
- 495/494 — Традиционная дата первого удаления плебеев на Священную гору.
- 486 — Традиционная дата первого аграрного закона (Спурий Кассий).
- 451—450 — Децемвиры и законы XII таблиц.
- 449 — Законы Валерия и Горация.
- 445 — Закон Канулея о браках.
- 444 — Учреждение военных трибунов с консульской властью.
- 443 — Учреждение цензуры.

- 438—426 — Вторая война с Вейями.
 406—396 — Третья война с Вейями.
 ок. 390 — Битва при Аллии и разрушение Рима галлами.
 376—366 — Борьба за рогадии Лициния и Секстия.
 356 — Первый диктатор из плебеев.
 351 — Первый цензор из плебеев.
 348—341 — Так называемая Первая самнитская война.
 340—338 — Восстание латинян.
 337 — Первый претор из плебеев.
 328—304 — Вторая самнитская война.
 326 — Закон Петелия о долгах.
 321 — Капитуляция римской армии в Кавдинском ущелье.
 312 — Реформы Анния Клавдия.
 ок. 300 — Допущение плебеев к понтификату.
 298—290 — Третья самнитская война.
 287 — Закон Гортензия.
 280—275 — Войны с Пирром.
 280 — Битва при Геракле.
 279 — Битва при Аузуле.
 275 — Битва при Беневенте.
 264—241 — Первая пуническая война.
 260 — Битва при Липарских островах.
 256—255 — Африканский поход Регула.
 242 — Битва при Эгатских островах.
 228 — Смерть Гамилькара.
 222 — Подчинение римлянами долины реки По.
 221 — Смерть Гасдрубала.
 219 — Взятие Сагунта Ганнибалом.
 218—201 — Вторая пуническая война.
 217 — Битва при Тразменском озере.
 216 — Битва при Каннах.
 214—205 — Первая македонская война.
 213—212 — Осада Сиракуз.
 212—211 — Осада Капуи.
 207 — Битва при Метавре.
 205 — Сципион — консул.
 203 — Ганнибал покидает Италию.
 202 — Битва при Заме.
 200—197 — Вторая македонская война.
 197 — Битва при Кynosсепалах.
 196 — Фламиний объявляет Грецию «свободной».
 192—189 — Война с Антиохом III.
 190 — Битва при Магнезии.
 183 — Смерть Ганнибала и Сципиона.
 171—168 — Третья македонская война.
 168 — Битва при Пидне.
 149—146 — Третья пуническая война.
 147 — Восстание в Греции.
 146 — Разрушение Коринфа.
 136—132 — Первое восстание рабов в Сицилии.
 134 — Избрание Тиберия Гракха народным трибуном.
 133—130 — Восстание рабов в Малой Азии (Аристоник).
 133 — Гибель Тиберия Гракха.
 124 — Избрание Гая Гракха народным трибуном.
 121 — Гибель Гая Гракха.
 111—105 — Югуртинская война.
 105 — Битва при Араузионе.
 ок. 104—100 — Второе восстание рабов в Сицилии.
 102 — Битва при Аквах Секстийских.

- 101 — Битва при Верцеллах.
- 100 — Движение Апулея Сатурнина.
- 91 — Убийство Ливия Друза.
- 90— 88 — Союзническая война.
- 88 — Нападение Митридата на провинцию Азию.
- 88 87 — Взятие Рима Суллой.
- 87 — Марианский переворот в Риме.
- 88 — Высадка Суллы в Италии.
- 82— 79 — Сулла — диктатор.
- 78 — Смерть Суллы.
- 73— 71 — Спартакосское восстание.
- 71 — Гибель Сертория.
- 70 — Консульство Помпея и Красса.
- 67 — Закон Габиния.
- 66— 63 — Помпей на Востоке.
- 63— 62 — Движение Каттилы.
- 60 — Первый триумвират.
- 59 — Цезарь — консул.
- 58— 49 — Цезарь в Галлии.
- 53 — Гибель Красса на Востоке.
- 49 — Переход Цезаря через Рубикон.
- 48 — Битва при Фарсале.
- 48— 47 — Александрийская война.
- 46 — Битва при Тапсе.
- 45 — Битва при Мунде.
- 44 — Убийство Цезаря.
- 43 — Второй триумвират.
- 42 — Битва при Филиппах.
- 36 — Поражение Секста Помпея.
- 31 — Битва при Акциуме.
- 30 — Смерть Антония и Клеопатры. Присоединение Египта.

*Годы
новой эры*

- 9 — Поражение Вара в Тевтобургском лесу.
- 14 — Смерть Августа.
- 14— 37 — Тиберий.
- 37— 41 — Калигула.
- 41— 54 — Клавдий.
- 54— 68 — Нерон.
- 64 — Пожар Рима.
- 65 — Заговор Гая Пизона.
- 66— 70 — Восстание в Иудее.
- 68— 69 — Гражданская война.
- 69— 79 — Веснасиан.
- 79— 81 — Тит.
- 79 — Извержение Везувия.
- 81— 96 — Домициан.
- 96— 98 — Нерва.
- 98—117 — Траян.
- 117—138 — Адриан.
- 132—135 — Восстание в Иудее (Бар-Кохба).
- 138—161 — Антонин Пий.
- 161—180 — Марк Аврелий.
- 180—192 — Коммод.
- 193—211 — Септимий Север.
- 212—217 — Каракалла.
- 212 — Constitutio Antoniniana.

- 217—218 — Макрин.
218—222 — Элагабал.
222—235 — Александр Север.
235—238 — Максимин.
244—249 — Филипп Араб.
ок. 260—270 — «Тридцать тиранов».
270—275 — Аврелиан.
276—282 — Проб.
282—283 — Кар.
285—305 — Диоклетиан.
301 — Эдикт о ценах.
313 — Миланский эдикт.
323—337 — Константин.
325 — Никейский собор.
330 — Перенесение столицы в Византию.
353—361 — Констанций.
361—363 — Юлиан.
378 — Восстание вестготов.
379 — Битва при Адрианополе и гибель Валента.
379—395 — Феодосий I.
392 — Запрещение языческих культов.
408 — Казнь Стилихона.
410 — Взятие Рима Аларихом.
451 — Каталаунская битва.
455 — Взятие Рима вандалами.
476 — Свержение Ромула Августула.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эллинизм

I. Распадение монархии Александра	3
II. Птолемеевский Египет	19
III. Монархия Селевкидов. Пергамское царство. Родос	28
IV. Греция в эпоху эллинизма	34
V. Эллинистическая культура	42

Рим

I. Страна и население Италии	57
II. Ранний период римской истории	65
III. Завоевание Италии	88
IV. Ранняя римская культура	105
V. Первая пуническая война	110
VI. Вторая пуническая война	123
VII. Завоевание Македонии и Греции. Третья пуническая война	140
VIII. Экономика Италии II — I вв.	150
IX. Образование римской мировой державы, революция рабов и падение республики	164
X. «Принципат» Августа	226
XI. Эпоха террористического режима	232
XII. Начало «стабилизации»	239
XIII. «Стабилизация» (Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий)	243
XIV. Падение Антонинов	248
XV. Военно-бюрократическая монархия Северов	251
XVI. Предпосылки революции III в.	257
XVII. Революция III века	263
XVIII. Диоклетиано-константиновская «стабилизация»	269
XIX. Экономика и социальные отношения IV в.	275
XX. Христианство	279
XXI. Падение Западной римской империи	294
Заключение	302
Хронология по истории эллинизма и Рима	314